

VERBUM: **язык, текст, словарь**

Посвящается юбилею
Людмилы Григорьевны Бабенко

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2006

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук, доц. *Т. М. Воронина*,
д-р филол. наук, проф. *Н. А. Дьячкова*,
д-р филол. наук, проф. *Ю. В. Казарин* (отв. редактор),
д-р филол. наук, проф. *М. Л. Кусова*,
канд. филол. наук, доц. *Ю. М. Мухин*,
канд. филол. наук, доц. *А. М. Плотникова*,
канд. филол. наук *М. В. Дудорова* (отв. секретарь).

VERBUM: язык, текст, словарь: Сб. науч. тр.: Посвящается юбилею Л. Г. Бабенко. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. — 446 с.

ISBN 5-7525-1576-9

Сборник посвящается юбилею видного лингвиста, лексикографа, основателя уральской семантической школы, почетного работника высшего профессионального образования РФ, доктора филологических наук, профессора Людмилы Григорьевны Бабенко. Издание включает статьи учеников, последователей и коллег Л. Г. Бабенко, охватывающие широкий круг проблем когнитивной лингвистики, лексикологии, синтаксиса, лексикографии и лингвистики текста.

Адресован широкому кругу филологов.

ББК Ш100

*Редакционная коллегия выражает признательность
ректору УрГУ профессору В. Е. Третьякову
и декану филологического факультета В. А. Гудову
за финансовую поддержку этого издания*

ISBN 5-7525-1576-9

© Коллектив авторов, 2006
© Издательство Уральского
университета, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Лексическая и синтаксическая семантика	
<i>Химик В. В.</i> Жаргонное слово, жаргоны и жаргонология как наука	11
<i>Норман Б. Ю.</i> Громкий и шумный	20
<i>Козырев В. А., Черняк В. Д.</i> Современная лексикография как инструмент формирования лингвистически компетентной личности	30
<i>Шамне Н. Л.</i> Некоторые особенности субъектно-объектных отношений в семантике немецких и русских глаголов движения	41
<i>Базылев В. Н.</i> Феноменология риторического слова	48
<i>Гришаева Л. И.</i> Глаголы поведения как семантический класс глаголов антропосферы	56
<i>Матханова И. П.</i> Несобственно-прямая речь в системе функционально-семантического поля эвиденциальности (периферийные явления и установление дополнительных параметров)	71
<i>Стексова Т. И.</i> Интерпретационный потенциал синтаксических фразем типа <i>ну приехал и приехал</i>	81
<i>Кусова М. Л.</i> Представление социума и социальных проблем в лексической картине мира	89
<i>Белякова С. М.</i> О классификации хронимов	96
<i>Омельченко С. Р.</i> Функциональная соотнесенность семантики ментальных глаголов и предложений	103
<i>Воронина Т. М.</i> Семантические и прагматические сходства и различия компонентов синонимического ряда <i>уязвлять</i>	114
<i>Милованова М. В.</i> Сопоставительная характеристика ядерных глагольных средств выражения посессивности в неблизкородственных языках	119
<i>Шарафутдинов Д. Р.</i> Социолингвистическое направление в научно-педагогической работе кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького	129
<i>Слаутина М. В.</i> Национально-культурная специфика семантической сферы «Религия»	136
Когнитивные аспекты лингвистических исследований	
<i>Чудинов А. П.</i> Политическая лингвистика: становление научного направления	143
<i>Манаенко Г. Н.</i> Информационно-дискурсивный подход к анализу сложных конструкций в публицистических текстах: итоги и перспективы применения	154
<i>Дьячкова Н. А.</i> Концепт <i>радость</i> в православно-христианском дискурсе	165
<i>Плотникова А. М.</i> Лексическое значение глагола в аспекте прототипической семантики	179

<i>Шустрова Е. В.</i> Концептуальная метафора в оппозициях З. Н. Херстон	187
<i>Мухина И. К.</i> Русское гостеприимство в когнитивном аспекте: структура концептосферы	198
<i>Аболин Б. И.</i> Компоненты языковой модели толерантного отношения (на материале лексики поля «Толерантность» в русском языке)	216
<i>Головатина В. М.</i> Опыт описания концептосферы «вдохновение» (на материале произведений русских писателей XIX–XX вв.)	220
Проблемы лингвистического анализа текста	
<i>Бацевич Ф. С.</i> Семантика обманутого ожидания: слово <i>даже</i> у Ф. М. Достоевского	239
<i>Ваулина С. С., Гапонова Ю. В.</i> Модальность <i>странного</i> в рекламном тексте	248
<i>Володина М. Н.</i> СМИ как форма «общественного диалога»	257
<i>Гридина Т. А.</i> Культурно-эстетические коды языковой игры в художественном тексте	266
<i>Казарин Ю. В.</i> Последнее стихотворение как лингвопоэтический знак бессмертия	278
<i>Кузьмина Н. А.</i> Гендер и генристика: гендерный аспект характеристики речевого жанра	288
<i>Лазарева Э. А.</i> Телевизионный дискурс: общая характеристика объекта	300
<i>Петрухина Е. В.</i> Философско-филологические заметки о функциях грамматических форм в тексте	313
<i>Трипольская Т. А.</i> Выбор и интерпретация слова автором и читателем художественного текста	325
<i>Коновалова Н. И.</i> Сакральный текст и его сущностные характеристики	335
<i>Артемова О. Е.</i> К вопросу об использовании лингвистического анализа текста в рамках лингвокогнитивного исследования текстов прецедентного жанра <i>лимерик</i>	348
<i>Валова Л. В.</i> Аспектуальная ситуация как текстовая единица	359
<i>Ларионова А. Ю.</i> «Территория праздника» в студенческом дискурсе	363
<i>Мухин М. Ю.</i> Процессуальная картина мира в художественном тексте: частотный и семантический анализ	375
<i>Немирова Н. В.</i> Прецедентные феномены как сигналы демифологизации	384
<i>Гуляева Г. Е.</i> Эмоциональный компонент интерпретационного поля концепта «Солнце» (на материале текстов К. Кинчева)	390
<i>Дудорова М. В.</i> Система пространственных образов в поэзии И. Анненского	400
Список научных трудов доктора филологических наук, профессора Л. Г. Бабенко	407
Диссертации, написанные под руководством профессора Л. Г. Бабенко	421
Отзывы ведущих ученых о работах Л. Г. Бабенко и уральской семантической школы	424
Сведения об авторах	441

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена юбилею доктора филологических наук, профессора, почетного работника высшего профессионального образования Людмилы Григорьевны Бабенко — крупного ученого-лингвиста, виднейшего представителя современной отечественной лексикографии.

Л. Г. Бабенко — ученый, теоретик и практик, организатор коллективного лексикографического труда, в своей многолетней, эффективной и продуктивной деятельности она сумела соединить традиции классической лексикологии и лексикографии с новыми направлениями лингвистических исследований (лингвистика текста, когнитология, идеография и др.), основанных на собственных идеях, характеризующихся высочайшей степенью актуальности, научной новизны, теоретической и практической значимости. Людмила Григорьевна Бабенко — автор более 150 научных работ, которые являются неотъемлемой и активной частью современной науки о языке и среди которых такие крупные и значительные исследования, как монография «Лексические средства обозначения эмоций в русском языке» (1989), а также многоаспектное капитальное исследование глагольной лексики: «Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм» (первый том — 1997) и «Русская глагольная лексика: денотативное пространство» (второй том — 1999). Эта двухтомная монография — результат развития идей проф. Э. В. Кузнецовой, учителя Л. Г. Бабенко, и реализации новых авторских идей Л. Г. Бабенко как лидера современной уральской семантической школы. Л. Г. Бабенко принадлежит авторство ряда учебников и учебных комплексов, имеющих всероссийскую известность: Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000; Лингвистический анализ художественного текста: Учебник. М., 2003, 2004, 2005; Лингвистический анализ художественного текста: Практикум. М., 2003 (в соавт. с Ю. В. Казариным); Фило-

логический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учебник для вузов. М., 2004; Филологический анализ текста: Практикум. М., 2003 (в соавт. с Ю. В. Казариным), один из них выдержал три издания, а остальные отмечены различными премиями и наградами.

Особо следует выделить лексикографические издания, осуществленные на основе внедрения оригинальных идей и концепций Л. Г. Бабенко как теоретика и замечательного практика современной лексикографии. В 1983 г. Л. Г. Бабенко в составе коллектива становится автором-составителем одного из первых в российской лексикографии семантического словаря «Лексико-семантические группы русских глаголов: Учебный словарь-справочник» (1988), вышедшего в свет под научным руководством проф. Э. В. Кузнецовой. После безвременной кончины руководителя в 1988 г. сорокадвухлетний ученый практически возглавляет целое научное направление на Урале и в 1999 г. издает первый в серии работ уральской семантической школы и межвузовской проблемной группы «Русский глагол» словарь — «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы» (М., 1999). В 2005 г. появляется «Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы» (М., 2005), и в настоящее время ведется работа над третьим томом — «Толковым идеографическим словарем русских прилагательных». В 2002 г. выходит в свет уникальный и революционный по степени научной и исследовательской новизны словарь «Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь» (М., 2002). Сегодня коллектив ученых под руководством Л. Г. Бабенко готовит к изданию не менее интересный в научном отношении «Словарь русских синонимов: Идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы».

Основные качества, которые отличают Л. Г. Бабенко-ученого, — это постоянное генерирование новых идей как в теории, так и в практике лингвистических и лексикографических исследований и трудов; неутомимое стремление к эксперименту, к открытию новых горизонтов научных знаний; невероятное трудолюбие и стремление к достижению намеченных целей, к решению конкретных, порой очень трудоемких и сложных задач;

широчайший научный кругозор, наличие энциклопедических знаний в любой области современного языкознания; высокая оперативность и одновременно глубина научного и исследовательского мышления; разнообразие научных интересов, от теории лингвистики до филологического анализа текста; уникальные организаторские способности, умение актуализировать коллективное научное мышление, что крайне важно в практике лексикографии; самоотверженность и настойчивость в получении объективного и достоверного научного результата.

С 1992 г. Л. Г. Бабенко возглавляет кафедру современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького. В течение небольшого времени кафедра стала реальным центром уральской семантической школы, а коллектив кафедры — основой межвузовской проблемной группы «Русский глагол». Главные направления научных исследований коллектива под руководством Л. Г. Бабенко — это:

- семантика слова, предложения и текста в пространственном измерении: денотативное, лексико-семантическое и концептуальное пространства;

- русская лексика в антропологическом аспекте, особенности репрезентации национальной картины мира, ее фрагментов: процессуально-событийного мира (русская глагольная лексика), предметного и опредмеченного мира (субстантивная лексика), атрибутивно-признакового мира (русские прилагательные);

- особенности репрезентации отношений тождества и противопоставления в языке (русские синонимы и антонимы) и их репрезентация в лексикографических параметрах;

- семантика русского глагола в когнитивном освещении: когнитивное моделирование семантики многозначного глагола; когнитивное моделирование концептуального пространства русского глагола;

- эмотивная семантика и категоризация эмоций в словаре и художественном тексте;

- семантическая организация предложения: лексико-семантические группы глаголов и семантические модели предложений; полипропозитивные и образные модели в системе простых предложений;

- новые типы словарей и их роль в сохранении национального языка и национальной культуры.

Вокруг Л. Г. Бабенко сформировался крепкий, трудолюбивый и активный в научно-исследовательском отношении коллектив. Под ее руководством защищено 6 докторских и 20 кандидатских диссертаций. Ежегодно кафедра современного русского языка проводит лингвистические конференции — «Кузнецовские чтения» (в рамках которых состоялось несколько международных конференций), а летом 2000 г. кафедра по инициативе и под руководством Л. Г. Бабенко организовала и провела Международную летнюю лексикографическую школу, ставшую ярким событием в региональной и российской лексикографии. С уральской семантической школы, возглавляемой Л. Г. Бабенко, постоянно сотрудничают такие замечательные лингвисты, как Н. Н. Болдырев, Н. С. Болотнова, С. С. Ваулина, В. А. Виноградов, В. В. Дубичинский, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, Н. А. Кузьмина, С. П. Лопушанская, А. Мустайоки, В. Ф. Новодранова, Б. Ю. Норман, Е. В. Петрухина, Х. Томмала, В. В. Химик, А. Л. Шарандин и др. С 1994 г. коллектив кафедры и межвузовская проблемная группа «Русский глагол» освоили и осваивают средства 16 различных грантов.

Л. Г. Бабенко — член президиума Российской ассоциации лингвистов-когнитологов. Кроме того, Л. Г. Бабенко ведет огромную научно-организационную и экспертную работу: она член спецсовета по защите докторских диссертаций по специальности 10.02.01 — «русский язык» и 10.02.20 — «сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание» при Уральском государственном педагогическом университете; член редколлегии журнала «Русистика» (Киев); инициатор создания и координатор Уральского лингвистического общества; член редколлегии бюллетеня «Лингвистика», выпускаемого Уральским лингвистическим обществом; член экспертных советов грантовых фондов РФФИ и РГНФ.

Л. Г. Бабенко ведет большую учебно-методическую работу: ее лекции проходят всегда в полных аудиториях, а спецкурсы «Лексика и синтаксис эмоций», «Лингвистическая теория художественного текста», «Категоризация эмоций в межкультурном пространстве» пользуются популярностью не только в Екатеринбурге. Людмилу Григорьевну часто приглашают для чтения спецкурсов в вузы Челябинска, Харькова, Тюмени, Киселева, Магнитогорска и других городов.

Л. Г. Бабенко — открытый, добрый и прямой человек, она пользуется заслуженным уважением среди коллег, учеников и студентов. Людмила Григорьевна смело преодолевает любые трудности, характерные для нашего времени, и сложности, связанные с провинциальным укладом в сфере современной большой науки, существующей за пределами Москвы и Санкт-Петербурга, в российских городах-«миллиониках».

Людмила Григорьевна Бабенко очень общительный, остроумный и веселый человек. У этой энергичной и красивой женщины есть все, что дается Богом хорошему человеку: у нее прекрасная семья, гостеприимный и хлебосольный дом, у нее много друзей, коллег и единомышленников. Она страстно любит русскую литературу, музыку и театр. Не яркая, но глубокая артистичность — одно из самых примечательных качеств ее натуры. Л. Г. Бабенко — человек, близкий к природе, ко всему живому, вообще к красоте, но не поверхностной, а настоящей, глубокой, плодородной. Она беззаветно любит цветы, деревья и все, что способно расти, цвести, мужать и плодоносить: из каждой поездки по России, а порой и из-за ее пределов, Людмила Григорьевна обязательно привозит росток или саженец какого-либо совсем неуральского растения (цветы, дубок, каштан, платан и др.) — и все у нее приживается, принимается, растет на дачном участке, расположенном в одном из самых красивых мест Евразии. Так и в научной деятельности: все, что замыслит Л. Г. Бабенко, — все, слава богу, реализуется, внедряется, издается.

Научная деятельность Л. Г. Бабенко, ее книги и словари получили высокую оценку коллег, постоянно отмечаются наградами: 1999 г. — премия ученого совета университета за лучшую научную работу («Толковый словарь русских глаголов»); 2004 г. — премия ученого совета университета за лучшую методическую работу (учебный комплекс «Филологический анализ художественного текста»); 2005 г. — почетная грамота оргкомитета XVIII международной книжной выставки-ярмарки и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации в рамках ежегодного национального конкурса «Книга года» («Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы»); 2005 г. — почетная грамота конкурса «Книга года» в номинации «Учебник» (учебный комп-

лекс Л. Г. Бабенко и Ю. В. Казарина «Филологический анализ текста»).

В основе всей разносторонней и эффективной деятельности Л. Г. Бабенко всегда лежит любовь. Любовь к человеку, любовь к языку, любовь к кропотливой и глубокой исследовательской работе. Людмила Григорьевна постоянно переживает за любимое дело, которому она отдала свою жизнь, но также беззаветно она поддерживает своих коллег, учеников и друзей. Все, что ни делает Л. Г. Бабенко, — все пронизано любовью, и все дает свои замечательные результаты. Лингвоцентричность такой деятельности — а это знает всякий, кто серьезно изучает язык, — несомненно, работает прежде всего на развитие духовности отечественной науки и культуры.

Редакционная коллегия

ЛЕКСИЧЕСКАЯ И СИНТАКСИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА

© В. В. Химик

г. Санкт-Петербург

ЖАРГОННОЕ СЛОВО, ЖАРГОНЫ И ЖАРГОНОЛОГИЯ КАК НАУКА

Слово *жаргон* употребляют в разных значениях: в расширенном — как обобщенное обозначение любой социальной разновидности речи (*говорить на жаргоне, перейти на жаргон*), в собственном смысле слова — как обозначение конкретной лексико-фразеологической подсистемы, характеризующей речь определенной социальной группировки говорящих (*жаргон молодежи, жаргон политиков, воровской жаргон*), а также в узком смысле, то же, что **жаргонизм** — слово, устойчивая единица или иное проявление устной речи, которое является принадлежностью какого-либо социального подъязыка и находится за пределами системы языкового стандарта (*Что ни слово, то жаргон; Говорите без жаргона! Это жаргон, не употребляй это выражение*). В нестрогом бытовом понимании распространено употребление слова *жаргон* в значении «всякая неправильная, искаженная, вульгарная речь».

Жаргон как речевое явление, жаргоны как разновидности национального языка и жаргонизмы как отдельные проявления (как правило, лексические или фразеологические) этих разновидностей обычно относят к сфере социалингвистики. Разумеется, изучение жаргонов входит составной частью в социалингвистику, но это лишь одна часть глобального научного направления, включающего в свой состав и такие науки, как этнолингвистика (изучение языка в его отношении к этнографическим факторам), онтолингвистика (лингвистика детской речи), гендерная лингвистика (учение о языковой дифференциации в зависимости от пола говорящих), и другие социально ориентированные разделы или подразделы современного языкознания.

Жаргоны составляют отдельный и специальный объект лингвистического знания: это социальные варианты национального языка, противопоставленные главной его разновидности — литературному языку, а жаргонизмы, соответственно, оказываются особым предметом самостоятельной области лингвистики — **жаргонологии**, которая, в свою очередь, входит составной частью в более широкую научную сферу социалингвистики [1].

Жаргонология как частная лингвистическая наука и как раздел социалингвистики имеет некоторые параллели с диалектологией. Обе лингвистические науки рассматривают в качестве своих объектов ненормированные, ограниченные по составу говорящих разновидности национального языка, и эти разновидности, или формы существования языка, в каждом случае представляют собой языковые субстандарты, противопоставленные стандарту — литературному языку.

Так, диалектология, описательная или историческая, рассматривает, как известно, варианты регионального варьирования языка, в частности русского языка отдельных населенных пунктов, местностей или целых регионов, имеющих какие-либо системные языковые особенности, например, использование щелевого звука [ɣ] в южнорусских диалектах (в отличие от взрывного [ɣ] в других диалектах и в литературном языке), употребление формы род. падежа *у матери, у сестре* и распространение формы глаголов наст. времени 3-го лица *идёт, поёт, моет* в говорах Рязанской области или специфически местные значения общеупотребительных слов — *худой* ('плохой'), *беседа* ('изба, где проходят посиделки'), *губы* ('грибы'), либо собственно диалектные слова, такие, например, как архангельское *лони* ('в прошлом году'), исковское *векша* ('белка'), томское *лапотина* ('одежда'), воронежское *писклята* ('цыплята') и т. п. [2, 3].

Территориальным диалектам в известном смысле могут быть противопоставлены диалекты социальные, под которыми подразумевают подязыки различных общественных, чаще профессиональных групп лиц, говорящих по-русски: горняков, охотников, торговцев, разного рода ремесленников. Термины «диалект» и «диалектология» закрепились преимущественно за территориальными понятиями, однако их используют и применительно к социальным разновидностям языка [4]. В качестве компромисса социальные диалекты иногда называют **социолектами**, хотя

такой вариант обозначения социальных разновидностей национального языка не является распространенным. Гораздо чаще в этом смысле применяются термины **жаргон**, **арго** и **сленг** [5], под которыми обычно понимают языковые субстандарты, или разновидности национального языка, используемые преимущественно в устном общении различными социальными (профессиональными, возрастными, субкультурными) группировками говорящих с теми или иными целями, например: студенческие — *абитень, автомат, препод, универ*; воровские — *базлать, оборзеть, мастырка, сыграть в жмурика*; военные — *салабон, дембель, зеленка, калаш, парадка*; музыкальные — *лабать, сбачать, запил, сольник*; подростково-молодежные — *запростяк, стремный, тащиться, улетный* и т. п.

Каждый из двух основных типов русского языкового субстандарта — территориальные диалекты и социолекты (жаргоны) — ориентирован прежде всего на обиходно-бытовую речь, в подавляющем большинстве случаев диалогическую: носители диалектов и особенно жаргонов редко прибегают к реальным моделям. Оба языковых субстандарта в силу своей ненормативности (относительно литературного языка) являются в принципе бесписьменными, обладающими только устной формой (хотя диалектизмы и жаргонизмы активно используются для создания художественных образов или в качестве экспрессивных средств и в письменных текстах). При этом обе формы существования национального русского языка отличаются известной пропизицаемостью: территориальные диалекты не чужды социальной окрашенности и даже некоторой социальной и стилистической вариативности [3, 12], а социальные диалекты — региональной спецификой [1, 618; 6, 68].

Как территориальные диалекты, так и социальные — жаргоны, непосредственно связаны с фольклором, народным творчеством в его словесных формах. Самый характерный пример — частушки, один из жанров традиционного словесного творчества, сохранявшийся в устном песенном репертуаре не только деревни, но и города вплоть до середины XX в.:

Солнце за лес, солнце за лес,
За лес закатился.
Моя милка с поля поздно,
Поздно воротилася.

Брошу косу вдоль покосу,
Я не буду страдовать.
Брошу милого, забуду
И не буду тосковать [7].

Реальное продолжение этот специфический жанр народного словесного и песенного творчества находит в актуальной тематике и современного городского фольклора, ср.:

Вновь предвыборные склоки:	Мы пошли в театр глядеть
Компромат, альянсы, блоки.	Современную комедь –
Заходи ко мне, милоч,	Три часа с антрактом
Я вступлю с тобою в блок!	Полового акту [8].

Традиционная диалектная лексика и фразеология на всем протяжении истории развития национального русского языка была важнейшим источником пополнения и расширения общерусского словаря. Таковы, например, полудиалектные и теперь уже широко известные слова: *барабашка*, *блажить*, *взбелениться*, *гундосый*, *забубенный*, *изгаляться*, *колобродить*, *назюзиться* и т. п. Аналогичную роль выполняли и продолжают выполнять жаргоны. Среди разговорно-литературных слов и выражений немало бывших жаргонизмов, природу происхождения которых в ряде случаев может установить только специальный диахронический анализ, например, слова: *беспредел*, *блат*, *жулик*, *загибать*, *заначка*, *пацан*, *наверняка*, *промазать*, *темнить*, *халтурить*, *шпана* и др., большинство из которых имеют криминальное прошлое. Следовательно, как и диалектология, жаргонология может разграничиваться на общую описательную (теория и практика описания жаргонов конкретного языка), местную (характеристика региональных жаргонизмов) и историческую (становление и историческое развитие отдельных жаргонов).

Впрочем, перечисленными признаками сходство двух рассматриваемых подсистем или форм существования русского языка и, соответственно, двух отраслей изучения языкового субстандарта в основном и ограничивается. Диалектология и жаргонология имеют принципиальные различия: общенаучные, исторические, системно-языковые, социокультурные.

Общенаучные различия. Диалектология, рассматривающая традиционную территориальную дифференциацию национального языка, тяготеет к лингвогеографии, ареальной лингвистике, которая изучает географическое распространение языковых явлений в их глобальном аспекте. А жаргонология, как уже отмечалось, является частью социолингвистики, объединяющей широкий комплекс проблем, связанных с жизнью общества в це-

лом, с социальной природой языка. Принципиальное различие территориальной и социальной дифференциации национального языка отразилось в известном положении И. А. Бодуэна де Куртене о двунаправленном членении языка: «Всякое племенное языковое целое раздробится в различных направлениях. Прибегая к образному, неточному выражению, можно было бы сказать, что здесь имеет место распадение по вертикальным и горизонтальным наслоениям. С одной стороны, с чисто племенной, территориально-этнографической точки зрения, получается деление на говоры в строгом смысле этого слова, на говоры, отличающиеся между собой прежде всего произношением, т. е. фонетическими особенностями. С другой стороны, в языковом разнообразии отражаются различия специальностей, сословий, уровней образования и т. п.: подобного рода разнообразие сказывается и в употреблении слов с своеобразным значением и в своеобразном языковом мировоззрении» [9, 161]. Следует иметь в виду при этом, что территориальная диалектология совсем не исключает социальных аспектов лингвистики, и это обусловлено реальным положением дел: так, носителями территориальных диалектов нового времени обычно является деревенское население преимущественно старшего поколения и притом чаще женщины, чем мужчины [10, 48]. Тем самым территориальный диалект в современном его представлении оказывается в некоторой мере и социальным диалектом, характеризующим речь определенного и уже ограниченного круга его носителей: по образу жизни, возрасту и полу [2, 20–22]. Аналогично социальная диалектология и, в частности, жаргонология не могут не учитывать региональных аспектов порождения и функционирования субстандартных явлений речи, регионализмов: в научной литературе объективно существуют и фиксируются региональные варианты социолектов: московские, уральские, сибирские, кубанские и многие другие жаргонизмы [11].

Исторические различия. Территориально-диалектные явления имеют, разумеется, гораздо более глубокие исторические корни, чем явления социальных и профессиональных жаргонов, определенные данные о формировании которых относятся только к концу XVII — началу XVIII в. — времени становления русской государственности, а с ней и национального русского языка [12]. Но диалектизмы в составе деревенских говоров прак-

тически перестали воспроизводиться, традиционные территориальные подъязыки в основном, увы, стали уходящими, исчезающими, в то время как жаргонизмы, напротив, отличаются высокой воспроизводимостью и динамичностью: постоянно порождаются новые жаргонные единицы и так же быстро исчезает множество старых.

Системно-языковые различия. Жаргоны как одна из разновидностей национального русского языка не отличаются такой системностью и структурированностью, которая характеризует территориальные говоры. Большинство традиционных местных диалектов обладает не только особенностями лексического и фразеологического состава, но и элементами собственного звукового и грамматического строя, который отличает их как от литературной разновидности языка, так и от других территориальных диалектов. Этому признака практически лишены жаргоны, не имеющие собственных фонетических и грамматических системных признаков. Поэтому территориальные диалекты могут с полным правом именоваться подъязыками национального русского языка (иногда их даже рассматривают как самостоятельные языковые системы), в то время как понятие «социальный подъязык» можно применить лишь условно, поскольку жаргоны в основном используют те системные языковые признаки, в рамках которых они существуют: общезыковое или местное произношение и грамматика, а также базовый общерусский словарь, на который накладывается некоторое количество собственных поминативных единиц, отдельных значений слов, характерных словообразовательных моделей и идиом. Отсюда, вероятно, и гораздо большая разветвленность структуры территориально-диалектной системы, чем социально-жаргонной. Такова, например, система, рассматриваемая в классической русской диалектологии: **отдельный диалект (говор) — диалектная группа (группа говоров) — диалектная зона — наречие** [3, 6; 13]. Именно это системное обстоятельство дало основание З. Кёстер-Тома для отнесения территориальных диалектов к языковому субстандарту, а социолектов — к так пазываемому «нонстандарту» [14, 17]. Разумеется, жаргонная систематизация национального русского языка строится на иных основаниях и имеет другой вид, чем территориально-диалектная. Иерархия социальных городских подъязыков в русской речевой действительности может быть

представлена, с известной долей условности, следующим рядом: **арго а жаргон а сленг** («полужаргон», или «интержаргон», или «общий жаргон») [5, 17].

Социокультурные различия. Состав носителей каждой из разновидностей национального языка, территориальных диалектов и социальных жаргонов, решительно различается. Носители территориальных диалектов — это по преимуществу сельские жители и в настоящее время в большей мере представители старшего поколения, чем молодого, при этом чаще женщины, чем мужчины. В жаргонах, во всяком случае современных, все наоборот: их носители почти исключительно горожане, притом гораздо чаще молодежь, чем взрослые или пожилые люди, и производители жаргонизмов гораздо чаще являются мужчины, чем женщины. Отсюда и важнейшие фольклорные различия двух подъязыков. Территориальные диалекты — одна из составляющих традиционного деревенского фольклора — народного искусства, прежде всего живого словесного, сохраняемого, кстати, в настоящее время почти исключительно женщинами. В то же время жаргоны могут рассматриваться как типичный, хотя и не обязательный, элемент другого фольклора — современного городского [15], в словесных формах которого часто используются жаргонные единицы, и инициаторами их порождения и речевого применения являются гораздо чаще мужчины, чем женщины.

Другое серьезное различие — функциональное. Система территориальных диалектов обнаруживает определенное соответствие (корреляцию) языковых признаков и ареалов, в которых они представлены и активно функционируют. По некоторым таким признакам легко можно установить место происхождения или территорию постоянного обитания носителя естественной нелитературной речи: так, коренного архангелогородца можно отличить по его речи от типичного ярославца и совершенно невозможно перепутать с рязанцем, коренного уральца нетрудно узнать по особенностям типичной интонации и по некоторым местным словам. Специалисты-диалектологи обычно легко дифференцируют и более частные региональные особенности речи говорящих внутри конкретных местных диалектов. И напротив, указания на определенный регион русского языка обычно бывает достаточно для того, чтобы отметить, как говорит в нем традиционное местное население: «окает» или «акает», «цокает»

или «чокает», произносит взрывной звук [г] или фриктивный [г'] и т. д.

Совершенно иная картина наблюдается в сфере социальной дифференциации языка. Здесь нет обязательного и полного соответствия социально-классовой принадлежности носителей языка и их речевых характеристик. Разумеется, молодежь разговаривает несколько иначе, чем старшее поколение, студенты не так, как рабочие-строители, военные по-другому, нежели школьные учителя или артисты. И тем не менее прямолинейно связывать дифференциацию языка и социальное расслоение общества не следует. Л. П. Крысин справедливо предостерегает от такой крайности, распространенной в прошлом, поскольку на современном этапе изучения живой русской речи «природа и характер отношений между структурой общества и социальной структурой языка весьма сложны» [10, 15]. Применительно к жаргонам это принципиальное замечание можно пояснить следующим образом: жаргонизмы, с одной стороны, обычно являются принадлежностью и речевой характеристикой определенных социально-профессиональных групп, но с другой стороны, легко преодолевают социальные границы и функционируют как «междialeктные». Элементы молодежных жаргонов часто встречаются в среде говорящих и старшего возраста, типичные жаргонизмы воровского мира нередко употребляются в обществе законопослушных носителей национального русского языка, а характерные студенческие словечки могут встретиться и в речи почтенных вузовских преподавателей.

Таким образом, жаргоны — сложный и многоаспектный объект лингвистического знания, имеющий собственную историю, типологию, особенности функционирования, свои системные характеристики, социальные и культурные связи. В силу всех этих обстоятельств жаргоны могут рассматриваться и как объект отдельного и самостоятельного научного знания — жаргонологии. **Жаргонология** — это раздел языкознания и составная часть социолингвистики, изучающая жаргоны (социолекты) как особые формы существования национального языка, его социальные разновидности, лексико-фразеологические подсистемы, которые характеризуются собственными лингвокультурными особенностями, принципами формирования, развития и функционирования.

Примечания

1. Герд А. С. Жаргонология: предмет, объект и типы единиц // Грани слова: Сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. М., 2005. С. 614–621.
2. См., например: Русская диалектология / Под ред. Р. И. Аванесова и В. Г. Орловой. М., 1964.
3. Русская диалектология / Под ред. проф. Н. А. Мещерского. М., 1972.
4. См., например, работы: *Жирмунский В. М.* Национальный язык и социальные диалекты. М.; Л., 1936; *Стойков Ст.* Социальные диалекты // *Вопр. языкознания*. 1957. № 1. С. 78–84; *Береговская Э. М.* Социальные диалекты и язык современной французской прозы: Учеб. пособие для слушателей спецкурса. Смоленск, 1975.
5. О соотношении этих терминов см. подробно: *Химик В. В.* Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000. С. 11–17.
6. *Бондалетов В. Д.* Социальная лингвистика. М., 1987.
7. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып 3: Юность и любовь. Девичество / Сост. Л. Астафьева и В. Бахтина. М., 1994. С. 376–377.
8. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://fs1.ru/chastushka/new/>
9. *Бодуэн де Куртэнз И. А.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963. Т. 2.
10. См. об этом: Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.
11. См., например: *Елистратов В. С.* Словарь московского арга: Материалы 1980–1994 гг. М., 1994; *Живая речь уральского города: Тексты.* Екатеринбург, 1995; *Вахитов С.* Словарь уфимского сленга. Уфа, 2001; *Рюмин Р. В.* Лексико-семантическая организация молодежного жаргона (на материале речи молодежи г. Вологды): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2004; и др.
12. Вопреки мнению М. А. Грачева, который в качестве условной точки отсчета для зарождения русского арга называет временной рубеж: «XI век, 1000 г.» (*Грачев М. А.* Словарь тысячелетнего русского арга. М., 2003. С. 6), о социальных диалектах как о разновидностях национального русского языка можно говорить только исходя из факта сформированности такой социально-исторической категории, как национальный язык, понимаемый как «общий язык» нации.
13. *Захарова К. Ф., Орлова В. Г.* Диалектное членение русского языка: Учеб. пособие. М., 1970. С. 19–26.
14. *Кёстер-Тома З.* Стандарт, субстандарт, нестандарт // *Русистика* (Берлин). 1993. № 2.
15. См.: Современный городской фольклор / Отв. ред. С. Ю. Неклюдов. М., 2003.

ГРОМКИЙ И ШУМНЫЙ

В традициях русской семасиологии занимают свое место «микросемасиологические» штудии, направленные на скрупулезное выявление и представление особенностей семантики отдельных слов. Вместе с тем такие исследования идут на пользу и «макросемасиологии», углубляя наше представление о структуре лексической системы в целом.

К примеру, чем различаются значения русских слов *громкий* и *шумный*? Представляют интерес ответы, которые давали на этот вопрос студенты-первокурсники на практическом занятии по введению в языкознание. Например: «Громкий — это отчетливый, а шумный — перазборчивый», «Громкий — это сильный звук, а шумный может и не быть громким», «В слове шумный есть какой-то отрицательный оттенок, а громкий — необязательно плохой» и т. п. Однако четкого семного анализа и противопоставления при этом не получалось.

Для того чтобы выявить, эксплицировать наши интуитивные знания, можно обратиться за помощью к словарям. Понятно ведь, что *громкий* и *шумный* — слова, близкие по своему значению, и в то же время называть их синонимами нельзя. Во всяком случае, «Словарь синонимов русского языка» З. Е. Александровой на слово *громкий* дает около десятка синонимов, но среди них нет *шумный*. Точно так же среди синонимов слова *шумный* (*шумливый, грохочущий, гремучий...*) слова *громкий* нет [1]. Зато «Словарь антонимов» М. Р. Львова находит у *громкий* и *шумный* один и тот же антоним: *тихий* (что подтверждает наши представления о семантической близости данных прилагательных). Для антонимической пары *громкий* — *тихий* здесь приводятся контексты *голос, смех, разговор*, а для пары *тихий* — *шумный* — контексты *улица, разговор, ребенок* [2]. Но полной ясности и это не дает.

Тогда, может быть, стоит обратиться к специальным словарям сочетаемости, имея в виду, что через «партнеров» по сочетаемости слово реализует свое лексическое значение? Более того, можно было бы предположить, что синонимы должны характеризоваться одинаковой или очень сходной сочетаемостью.

Возьмем «Словарь сочетаемости слов русского языка» под редакцией П. Н. Денисова и В. В. Морковкина. К слову *громкий* здесь даются такие определяемые существительные: *звук, голос, пение, музыка, разговор, крик, возглас, смех, хохот, плач, вздох, шепот, храп, лай, вой, ржанье, эхо, стук, шум, раскаты чего-л., аплодисменты...* Кроме того, есть еще фразеологизованные сочетания *громкие слова (фразы), громкая слава, громкий успех, громкое имя* [3].

К слову *шумный* определяемые существительные таковы: *водопад, поток, речка, ручей, разговор, беседа, спор, человек, гость, женщина, соседи, дети, общество, компания, группа, толпа, ватага, гурьба, встреча, одобрение, похвалы, радость, восторг, удивление...* (все — к слову *шумный* в первом значении: «такой, который происходит с шумом или производит шум»); *город, район, квартал, улица, площадь, перекресток, двор, квартира, комната, зал, место, бал, праздник, представление...* (это все ко второму значению: «такой, где много шума, слишком оживленный, беспокойный...»). Кроме того, в словарной статье представлены еще фразеологизованные *шумный успех* и *шумная известность...*

Эти сведения уже дают определенную пищу для размышлений.

Во-первых, обратим внимание на то, что данные две группы существительных — определяемых к словам *громкий* и *шумный* — практически не пересекаются (разве что партнеры *разговор* и *успех* встречаются в обеих группах). Значит, действительно, синопсами их считать нельзя.

Во-вторых, заметим, что возможно словосочетание *громкий шум*, а «шумный гром» не отмечается.

В-третьих, представляется важным, что в значении всех слов-партнеров к лексеме *громкий* присутствует сема ‘звук’: это, прежде всего, само слово *звук*, а также *голос, пение, музыка, разговор* и т. д. Для партнеров же слова *шумный* это нехарактерно: сема ‘звук’ тут если и присутствует, то в «утопленном», периферийном виде (ср.: *речка, разговор, спор, гурьба, похвалы, бал...*). Вместе с тем многие определяемые существительные здесь называют «никак не звучащие» предметы: *встреча, удивление, комната, место...*

По-видимому, аналогичные результаты могли бы быть получены и путем ассоциативного эксперимента. На стимул *громкий* самые естественные реакции носителей языка — это *звук, голос,*

разговор, крик, на стимул *шумный* — *город, улица, спор, человек*... Однако заметим, что многие ассоциации к слову *шумный* носят однонаправленный, асимметричный характер. Это значит, что на стимул *человек* или *место* испытуемые очень редко ответят реакцией *шумный*...

А как разъясняются эти две лексемы в толковом словаре?

Словарь русского языка С. И. Ожегова дает при *громкий* три значения, из которых первое является прямым, а второе и третье — переносными: 1. Сильно звучащий, хорошо слышный... 2. Получивший широкую известность, огласку... 3. Напыщенный, фальшиво торжественный... [4, 119].

Что же касается прилагательного *шумный*, то словарь находит у него четыре значения: 1. Производящий шум, громкий... 2. Такой, где много шума, слишком оживленный... 3. Производящий шум, сенсацию... 4. Являющийся шумом, образующийся при помощи шума... [4, 736].

Вот теперь можно попробовать систематизировать различия в значениях этих двух лексем.

Прежде всего, *громкий* — это характеристика звука, а точнее, его силы. *Шумный* же выступает как характеристика самых разнообразных предметов, в том числе человека и его атрибутов.

Очень важным, хотя, возможно, и не осознаваемым прямо носителем языка, различием между семантикой двух прилагательных является то, что *громкий* для современного русского языка — немотивированное слово (связь его с *гром* уже утрачена), а *шумный* отсылает носителя языка к слову *шум*. И речь здесь идет не о деривационной связи (хотя *шумный* несомненно образовано от *шум*), а о том, что, произнося или встречая в тексте слово *шумный*, человек неизбежно актуализирует в своем языковом сознании семему «шум». (На других примерах можно было бы без труда показать, что словообразовательная и собственно семантическая связь — не одно и то же. Так, существительное *громоотвод* образовано с участием основы *гром-*, но среди сем, образующих его значение, нет семы 'гром', а есть сема 'молния'; существительное *бумажник* образовано от слова *бумага*, но семантически это — 'кошелек для денег и документов' и т. п. Добавим к этому известный пример: наречие *по-дачному* формально образовано от прилагательного *дачный*, а семантически производно от существительного *дача*: *по-дачному* — это 'как на даче'.)

Противопоставление «самостоятельности» или же «предметности» атрибутивного признака служит, как известно, фундаментом для деления прилагательных на основные лексико-грамматические разряды. Но тогда получается, что значительная часть содержательных различий между *громкий* и *шумный* в современном языке сводится к тому, что **первое из них — качественное прилагательное, а второе — относительное!** Имеем ли мы право разводить эти две лексемы по разным классам прилагательных и достаточно ли для этого данных? Ведь *громкий* и *шумный* вроде бы стоят в одном ряду эпитетов, отражающих звуковую характеристику действительности? Да и формальные их признаки свидетельствуют о наличии у обоих (или приобретении обоими) качественной семантики. Во всяком случае, словарь-справочник «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» и у того, и у другого слова фиксирует краткие формы: *громок, громка, громки...*; *шумен, шумна, шумны...*[5]. Для прилагательного *громкий* совершенно естественна также сравнительная степень: *громче*; для *шумный* такая форма (*шумнее*) выглядит менее естественно, но зато вполне допустима аналитическая форма *более шумный*. Напомним, что вообще, по словам А. М. Пешковского, в значении всех относительных прилагательных «потенциально хранится оттенок качественности» [6, 83].

И все же основной критерий, разграничивающий качественные и относительные прилагательные, — это наличие или отсутствие связи с предметом, выступающим в роли признака. Не случайно толковый словарь все значения слова *шумный* толкует через опорное слово (идентификатор) *шум*. Повторим: важно не то, что *шумный* произведено от *шум* (в конце концов, и *громкий* когда-то было произведено от *гром*), а то, что значение этого прилагательного содержит в себе сему ‘шум’, опирается на сему ‘шум’. Таким образом, интуитивно ощущаемое различие в характере семантики *громкий* и *шумный* сводится не к тому, что первое прилагательное относится к качественным, а второе — к относительным (данное различие носит метаязыковой, терминологический характер), а к тому, что второе находится в семантической связи с обозначением предмета, а для первого это не наблюдается, оно выражает «самодостаточный» признак. Формальные же признаки (наличие краткой формы или форм степеней сравнения), недостаточные сами

по себе для квалификации относительного прилагательного и не вполне, как известно, последовательные, указывают в данном случае лишь на то, что оба прилагательных затронуты процессом окачества. Но если *громкий* уже далеко продвинулось в этом отношении (неслучаен его отрыв от *гром*), то *шумный* находится только в начале пути. Это особенно заметно на переносных значениях данных слов.

Обратимся теперь к семантике производящей основы *шум*. В основном своем значении *шум* — это «1. Звуки, слившиеся в громкое и нестройное звучание». Кроме того, в том же словаре у лексемы *шум* выделяются переносные значения: «2. Оживленное обсуждение, вызванное повышенным интересом к чему-л.», «3. Звук с неясно выраженной тональностью» и «4. Громкая ссора» [4, 736]. Таким образом, если рассматривать *шум* как семему, то архисемой для него является ‘звук’, а дифференциальными семами — ‘множественный’ (*слившиеся звуки!*), ‘разнородный’ (*нестройный, неясно выраженный*) и ‘сильный’ (обратим внимание на то, что в двух из четырех словарных значений упоминается громкость).

Получается, что значение слова *шумный* — более сложное, чем слова *громкий*. И дело не в том, сколько лексико-семантических вариантов выделяется у каждого из слов и сколько дескрипторов используется при их толковании (хотя и это симптоматично). Дело в самой внутренней структуре значений данных лексем. Попробуем систематизировать их, опираясь на традиционно выделяемые типы сем (ср. [7, 34–35; 8; 9; 10]).

Семантика прилагательного *громкий*, кроме категориально-грамматической семы ‘признак’ и лексико-грамматической семы ‘качество’, включает в себя архисему ‘звук’ и дифференциальную сему ‘сильный’. Семантика же *шумный*, кроме категориально-грамматической семы ‘признак’ и лексико-грамматической семы ‘отношение’ (постепенно нейтрализующей свое противопоставление с семой ‘качество’), включает в себя архисему ‘звук’, дифференциальные семы ‘множественный’, ‘разнородный’ и ‘сильный’. Причем комбинация архисемы ‘звук’ с дифференциальными семами ‘множественный’, ‘разнородный’, ‘сильный’ дает семему ‘шум’ — что и объясняет закономерность «экономного» толкования *шумный* через *шум*.

Однако самое главное — то, что значение интересующих нас

лексем и потенциал их использования в тексте не исчерпываются перечисленными семами. Дело в том, что семы — не просто абстрактные элементарные «атомы» значения, выделяемые лингвистами для удобства метаязыкового описания. В сознании носителя языка семы активно «работают», различая и объединяя слова. А уже то, что они соотносятся с соответствующими семемами (например, сема 'звук' — с семемой «звук», сема 'сильный' — с семемой «сильный» и т. д.), предполагает (или даже гарантирует) возможность их дальнейшей структуризации. Именно на выявление этих глубинных связей и направлена процедура так называемой ступенчатой идентификации, и количество этапов здесь, собственно говоря, ничем не ограничено: «процедура ступенчатой идентификации продолжается до тех пор, пока в сопоставляемых толкованиях не возникнет ситуация “взаимной идентификации”...» [7, 38]. В частности, если говорить о значении слова *громкий*, то внутри семы 'сильный' обнаруживаются «субсемы» (потенциальные семы) 'ясный, отчетливый' и 'уверенный', а внутри последней, в свою очередь, субсемы второго порядка 'победный', 'насиловственный' и т. п. Точно так же, если рассматривать «под лингвистическим микроскопом» семантику прилагательного *шумный*, то внутри семы 'разнородный', в качестве подчиненных ей, могут быть обнаружены семы 'беспорядочный' и 'естественный' (казалось бы, противоречащие друг другу!), а внутри тех, в свою очередь, семы 'плохой', 'веселый', 'праздничный', 'нетрезвый' и т. д. Только учет подобных «дочерних» и «впучатых» сем способен создать полную картину семантической жизни слова и объяснить многообразные речевые ситуации с его участием.

Весьма показательны в этом плане синтагматические связи, в которые вступают в тексте интересующие нас прилагательные, реализуя те или иные оттенки своего значения. В частности, стоит обратить внимание на партнеров слов *громкий* и *шумный* по сочинительной или соподчинительной связи в следующих цитатах: *Она, слегка наклонив голову, прошла, а вслед за ней послышался **громкий** голос Степана Аркадьича, звавшего его войти, и **негромкий, мягкий и спокойный** голос отказывавшегося Вронского* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина). — *Это что такое? — послышался **громкий сердитый** голос, и в комнату вошел незнакомец в халате и с сигарой в зубах...* (А. П. Чехов. Каштанка).

...он показался ей как будто другим, постаревшим, чужим и даже неприятным — усы у него стали как будто больше, голос грубей, его смех и разговор, пока он раздевался в прихожей, были **не в меру громки и неестественны**... (И. А. Бунин. Таня). Это вы будете повторять непрерывно, слышите ли, непрерывно **громким и убедительным** голосом (А. Н. Толстой. Гиперболоид инженера Гарина). Оказывается, они до сих пор говорят «чувак», «кочумай», а себя эти ребята называют «лабухами». Голоса были **громкие, уверенные, очень московские** (В. Аксенов. Вне сезона). Недавние слезы облегчили и прояснили ей душу, и она была рада, что эта **шумная, беспокойная и в сущности нечистая** ночь неожиданно кончилась так чисто и кротко (А. П. Чехов. Володя большой и Володя маленький). Я вижу праздник **веселый, шумный**, / В густых дубравах ликует эхо... (Н. Гумилев. На мотивы Грига). А за окном под метельные всхлипы, / **В диком и шумном метельном чаду**, / Кажется мне — осыпаются липы... (С. Есенин. Снежная замать дробится и колется...). Словом, он был очень непригляден и скорее всего походил на городского нищего, каких много толчется на террасах храма или на базарах **шумного и грязного** нижнего города (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

Мы видим, что представленные в тексте синтагматические связи помогают выявить и уточнить внутреннюю (семантическую) структуру лексемы и характер ее парадигматических отношений с другими словами. В частности, прилагательное *громкий* в приведенной цитате из «Анны Карениной», благодаря противопоставлению эпитетам *негромкий*, *мягкий* и *спокойный*, реализуется в значении 'властный, жесткий'.

В результате такого углубленного анализа мы получаем сложную сеть внутрисловных отношений семантических элементов, представляющих собой фрагмент общей семантической картины языка. Конечно, подобный «сетевой» подход наиболее продуктивен при анализе целого текста, а еще лучше — корпуса текстов (ср. [11]), но и в применении к словарному материалу он дает — в виде тезаурусных толкований — неплохие результаты. Причем если в публикациях (очевидно, по техническим причинам) эти ветвящиеся связи изображаются на плоскости (см., например, [12]), то фактически они образуют многомерное пространство.

Сложный характер семантической структуры слова непосредственно соотносится с возможностями развития у лексемы вторичных, переносных значений. Иными словами, можно утверждать, что не только интуитивные ассоциации посетителя языка, но и потенциал речевых употреблений слова имеют под собой объективную основу в виде устройства семантической структуры лексемы и закономерностей ее развития. Немецкий философ языка В. Лютер, обсуждая на конкретных примерах вроде немецкого Schloß 'за́мок' и 'замóк' проблему омонимии и многозначности, приходит к следующему заключению: «Синхронно-диахроническое исследование приводит к выводу, что Schloß — это все одно-единственное слово (ein einziges und identisches Wort), возможности употребления которого в ходе языковой истории расширены путем аналогии на базе воспринимаемых сходств. Еще сегодня говорящие ощущают, что Schloß имеет нечто общее с schließen 'закрывать, заключать' и Schlüssel 'ключ', но это ощущение проявляется не столько в процессе речевого акта, который обычно протекает в обход языкового сознания, сколько затем, позже, когда они размышляют над соответствующими оборотами или формулировками» [13, 71]. Сказанное вполне применимо и к развитию вторичных значений у интересующих нас прилагательных, продолжающих семантические тенденции, заложенные в производящих основах. Нет также ничего удивительного в том, что оттенки значения одного и того же слова могут развиваться в различных направлениях, иногда вплоть до противоположных (как это происходит, в частности, с прилагательным *шумный* в приведенных выше цитатах из А. П. Чехова и Н. Гумилева).

Но остается еще одна и, надо признать, давняя проблема общего характера. Значение слова *шумный* в толковых словарях описывается с помощью таких дескрипторов, как *производящий, происходящий, являющийся, образующийся, выражаемый, наполненный* и т. п. Вопрос заключается в следующем: стоит ли в составе относительного прилагательного выделять (различать) такие «видовые» лексико-грамматические семы? Может быть, все они покрываются «родовой» семой 'имеющий отношение к...' (или 'связанный с ...')? По-видимому, второй вариант толкования более соответствовал бы общей словообразовательной семантике относительного прилагательного. Во всяком случае, та-

кая точка зрения широко представлена в научной литературе. Вот как пишет, например, Е. А. Земская: «...В разных конкретных ситуациях отсубстантивные прилагательные могут выражать самые разные виды отношений к тому, что названо производящей основой... Прилагательные сами по себе, вне контекста, обозначают лишь общую идею атрибутивно выраженного отношения к предмету» [14, 188]. А по словам В. М. Павлова, обобщенный характер предметного значения основы позволяет отнесительному прилагательному «лишь “намекать” на смысл связи между предметами — и мало ли в каком направлении может конкретизироваться этот смысл в зависимости от условий контекста, речевой ситуации, обеспечивающих предпосылки для формирования и понимания смыслов весьма неожиданных, нетривиальных» [15, 72].

Это значит, что, положим, слово *газовый* достаточно определять как ‘имеющий отношение к газу’, а понимание конкретных словосочетаний вроде *газовое месторождение*, *газовая сварка*, *газовый состав (атмосферы)*, *газовая плита*, *газовая камера*, *газовая гангрена* и т. п. отводится на долю потребителя текста: **это он** должен решить, что именно имеется в виду — в соответствии с конситуацией. Но не на слишком ли большую интеллектуальную работу носителя языка мы рассчитываем, предполагая подобный семантический «полуфабрикат»? На практике ведь в каждом относительном прилагательном сема ‘отношение’ реализуется в виде некоторого — ограниченного — набора сем (а в конкретных случаях это количество может быть равно единице). Так, слово *газовый* может означать ‘производящий газ’, ‘состоящий из газа’, ‘использующий газ’, но маловероятно, чтобы оно значило ‘выражаемый газом’ или ‘являющийся газом’ и т. п. Более того, на относительное прилагательное ложится определенный семантический «отсвет» его партнера-существительного — ведь *газовый* в словосочетаниях *газовое месторождение* и *газовая камера* — это совсем не одно и то же! Так, может быть, стоит пойти по пути «разукрупнения» обобщенной лексико-грамматической семы ‘отношение’? Собственно, словари это зачастую и делают, идя навстречу интересам носителя языка (см. указанный выше перечень дескрипторов).

В то же время необходимо отдавать себе отчет в том, что если идти по пути дробления лексико-грамматической семы, то

предела тут не будет. Иными словами, предусмотреть (и заложить в словаре) все потенциальные варианты толкования относительного прилагательного невозможно. И дело даже не в том, что постоянно появляются новые словосочетания, а в том, что эти речевые единицы имеют под собой чрезвычайно разнообразные и индивидуальные (окаzionaliальные, трудно предсказуемые) синтаксические построения, ср. какое-нибудь *газовая проблема* 'проблема оплаты за газ, поставляемый Россией в другие страны' [16]. Кроме того, как уже отмечалось, относительное прилагательное легко развивает в себе оттенок качества (что, собственно, мы и наблюдали в случае с *шумный*) — и это не позволяет говорить о полном лексическом тождестве производящей и производной основ...

Думается, что мы имеем здесь дело с извечным противоречием языка и речи, с одной из глобальных и неразрешимых антиномий лингвистики. Язык стремится к такой степени семантического обобщения, которая гарантировала бы его пригодность в любой, в том числе не встречавшейся ранее, ситуации. В этом его миссия, его экономика, его правда. У носителя языка — другая, «сиюминутная» задача: он должен передать и получить конкретный, точный смысл сообщения, и в этом заключается другая правда — правда текста. А лингвист, соотносящий первое со вторым (или, наоборот, второе с первым), вынужден искать определенный компромисс между ними. То или иное конкретное решение, принимаемое лексикографом, будет зависеть от различных условий: от предполагаемого объема и характера издания, от образа потенциального читателя, от опыта и традиций лексикографической работы и т. д.

Примечания

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. 2-е изд. М., 1969. С. 112, 595.
2. Львов М. Р. Словарь антонимов русского языка. 2-е изд. М., 1984. С. 91, 285.
3. Словарь сочетаемости слов русского языка / Под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 2-е изд. М., 1983. С. 115.
4. Ожегов С. И. Словарь русского языка. 20-е изд. М., 1988.
5. Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка: Слов.-справ. / Ред. К. С. Горбачевич. Л., 1973. С. 99, 502.
6. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.

7. Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1982.
8. Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985. С. 56–64.
9. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика. М., 1990. С. 92–107.
10. Радич-Дугонич М. Семантическое ядро и его место в комплексной структуре лексического значения слова // Ристић С., Радић-Дугонич М. Реч. Сми-сао. Сазнање (студија из лексичке семантике). Београд, 1999. С. 56–58.
11. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000. С. 326–328.
12. Leeuwen-Turnoutova J., van. Das kulturelle und das sprachliche Gedächtnis. Modellierung und Rekonstruktion kultursemantischer Traditionen im europäischen Areal // Eurolinguistik. Ein Schritt in die Zukunft. Beiträge zum Symposium vom 24. bis 27. März 1997 im Jagdschloß Glienicke (bei Berlin). Herausgegeben von N. Reiter. Wiesbaden, 1999. S. 136–137.
13. Luther W. Sprachphilosophie als Grundwissenschaft. Ihre Bedeutung für die wissenschaftliche Grundlagenbildung und die sozialpolitische Erziehung. Heidelberg, 1970.
14. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
15. Павлов В. М. Понятие лексемы и проблема отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.
16. Норман Б. Ю. Между лексикой и синтаксисом (к семантике относительных прилагательных) // Сб. от научни трудове, посветен на седемдесетгодишнината на професор Мирослав Янакиев. София, 1993. С. 98–106.

© В. А. Козырев, В. Д. Черняк
г. Санкт-Петербург

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИ КОМПЕТЕНТНОЙ ЛИЧНОСТИ

За последние 15 лет отечественная лексикография сделала огромный шаг вперед: сформировались новые типы словарей, обогатился и усовершенствовался метаязык словарных описаний, разработаны новые принципы диалога «словарь — читатель» с учетом многообразных целевых установок адресатов словарной продукции. Профессор Л. Г. Бабенко и руководимый ею творческий коллектив единомышленников внесли весомый вклад в лексикографию конца XX в. Этот вклад связан, прежде всего, с развитием системоцентризма в лексикографии, с представлением лексического богатства русского языка как стройно организованной системы, с удачным воплощением в словарной форме достижений лингвистической науки в области лексикологии и синтак-

сиса. Однако очень существенными в комплексе словарей, созданных под руководством Л. Г. Бабенко, являются лексикографические приемы, направленные на удовлетворение разнообразных потребностей адресатов — студентов, преподавателей, переводчиков, специалистов по русскому языку как иностранному. Именно этот параметр словарной продукции, связанный с учетом фактора адресата, будет предметом нашего внимания.

Просветительская, социальная функция словарей особенно важна сегодня, в условиях меняющегося социокультурного пространства. Сложность современного мира, многообразие социальных ролей личности выдвигают в качестве первоочередной задачу ее гуманитарного развития. Только гармоничная личность сможет ответить на вызовы нового тысячелетия и соответствовать требованиям, необходимым для адаптации к меняющимся условиям, для адекватного реагирования на заказы общества. Совокупность лексикографических изданий последнего времени отражает языковой облик эпохи, представляет наиболее существенные изменения в лексиконе современной языковой личности; именно словарям принадлежит исключительное место в сохранении культурной памяти народа, в формировании лингвистически компетентного члена языкового коллектива, человека, способного осознанно строить свое речевое поведение и оценивать речь других.

Лингвистическая наука конца XX — начала XXI в. стремится воплотить в словарной форме — наиболее удобной для фиксации знаний о языке и речи — все аспекты накопленной и переработанной научной информации. В. Березин, редактор книжного обозрения «Ex libris НГ», рассуждая о роли словарей и энциклопедий в структурировании мира, в создании «карты культуры», в своеобразном формировании «дайджеста мира», отмечает: «Словарь <... > создает идеальный способ чтения — постоянное (и бесконечное) перечитывание во время всей жизни — жизни и человека, и книги. Это книга-спутник, равномерно читаемая книга, идеальная книга, если угодно» [1]. Современные представления о взаимодействии языковых и энциклопедических знаний в психологической структуре значения слова воплощаются в характерной для многих современных лексикографических изданий весьма существенной энциклопедической составляющей, что значимо и в аспекте гуманитарного образования.

Диалог «человек — словарь» является важной формой коммуникативной и познавательной деятельности человека. Р. М. Фрумкина соотносит типологию словарей с моделью языкового сознания, отмечая, что «словари общего типа должны быть своего рода моделью действительно наивного языкового сознания, т. е. языкового сознания нерелективирующего индивида, а словари научные — быть адекватными и наивному слою языкового сознания профессионала, и более глубинной части этого сознания, т. е. особому профессиональному чутью» [2, 45].

Последнее десятилетие отмечено выходом в свет целого ряда принципиально новых лексикографических изданий, воплощающих идеи антропоцентрической лексикографии: обращение к словарям позволяет получить объективное представление об организации лексикона человека, о совокупности знаний, хранящихся в его памяти, интерпретировать лексическую систему, преломив ее через призму восприятия человека, соотносить теоретические разыскания в области изучения словарного состава с конкретными коммуникативными запросами пользователей словарной продукции.

В. Г. Гак, размышляя о закономерностях становления лексикографии, пишет: «Всякий словарь — прежде всего дидактическое, т. е. предназначенное для обучения, произведение. <...> Лексикограф... выступает как посредник между обществом — коллективным посетителем речи — и индивидуумом, который, обращаясь за справкой к словарю, как бы задает вопрос лексикографу. Ответы лексикографа (посетителя коллективного знания) воспринимаются как более или менее обязательные предписания для читателя словаря, поскольку словарь предназначен для того, чтобы устранить расхождение между индивидуальным знанием и знанием всего коллектива» [3, 12]. Именно это «расхождение» между индивидуальным знанием и знанием коллектива (обобщенным, а следовательно, в известной степени идеальным) является причиной многих коммуникативных неудач — в индивидуальном общении, в педагогической коммуникации и в коммуникации социальной (при речевом взаимодействии отдельной личности и социальных институтов).

Слово находится в постоянном движении, его сегодняшние характеристики, сегодняшнее его восприятие говорящим могут не совпадать с теми, которые наблюдались не только в прошлые

века, но и в предшествующие одно-два десятилетия. Поэтому, стремясь отразить все особенности функционирования слова, лексикограф должен обладать способностью видеть будущего читателя словаря, должен разглядеть существенные характеристики за теми, которые характерны для сугубо синхронного восприятия слова. Характеристика слова в различных словарях с учетом времени их создания, прагматической установки на адресата неразрывно связана с идеологией словаря, проявляющейся и в составе словника, и в характере дефиниций, и в оценочных пометах, и в иллюстративном материале. Этот фактор сегодня также является чрезвычайно значимым и должен учитываться в системе гуманитарного образования, поскольку в условиях глобальных социальных перемен утрата актуальных ранее идеологических компонентов значений является препятствием для адекватного восприятия текстов культуры XX в.

Интенсивная работа по описанию новой лексики как в собственно неологических словарях, так и в словарях иностранных слов и толковых словарях в последнее десятилетие отражает бурные социально-политические и экономические изменения в российской жизни рубежа веков. Перелистывая страницы словарей, читатель получает представление о том, какие сферы науки, техники, культуры развивались особенно активно, стимулируя соответствующий «лексический отклик». В. В. Морковкин, оценивая язык как социальное явление, пишет, что отдельными своими частями он «постоянно “процеживается” через всех говорящих на нем людей, что, собственно говоря, и позволяет ему развиваться. Те же фрагменты совокупного языка, которые остаются невостребованными и, следовательно, перестают пропускаться через сознание носителей, постепенно уходят в небытие» [4, 132].

Словари последних лет, непредвзято регистрирующие приобретения и потери языка, позволяют увидеть реальную динамику лексикона, выявить те его зоны, которые отражают реальный прогресс общества и языка, а также те фрагменты, которые, представляя черты нашего недавнего прошлого, остаются невостребованными в настоящем [5].

Современная практическая лексикография, оснащенная мощными компьютерными технологиями, подходит к решению важной задачи соединения в лексикографическом описании инфор-

мации из различных областей гуманитарного знания. Особенно актуальной сегодня становится выдвинутая еще Л. В. Щербой задача создания *словаря активного типа*, максимально полно удовлетворяющего коммуникативные запросы пользователя, эффективно выполняющего роль инструмента, который помогает человеку понимать и порождать текст. Чрезвычайно актуальной следует считать и задачу создания нового нормативно-стилистического синхронного словаря, ориентированного на максимально широкий охват лексического материала и на отражение современного состояния русского языка (русского языка конца XX — начала XXI в.) во всем его функциональном разнообразии (принципы создания такого словаря описаны в работах Г. Н. Складневской).

В условиях либерализации русской речи, резкого снижения планки речевой культуры, активного продвижения жаргона во все сферы устной и письменной речи актуальным становится изучение и описание русского субстандарта. Его неоднородность, различные этимологические корни, различная выраженность коннотативных компонентов, а следовательно, различный «заряд агрессивности», заложенный в значение слова, полно представлены в «Большом словаре русского жаргона» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной [6] — первом в отечественной лексикографии сводном словаре русских жаргонных слов и выражений. В предисловии авторы отмечают: «Каким бы ни казалось разнородным это словесное многоцветье, в комплексе оно составляет единую мозаичную систему. Систему, обнаруживающую формальную и смысловую преемственность русского жаргона во времени и пространстве. <...> Внимательно взглядываясь во многие словарные статьи, легко заметить, как переплетены судьбы, формы и смыслы одних и тех же слов и выражений, употребляемых разными посетителями жаргона — от офеней до компьютерщиков или от волжских бурлаков до дельтапланеристов». Иная установка у словаря общего жаргона О. П. Ермаковой, Е. А. Земской, Р. И. Розиной, симптоматично названного «Слова, с которыми мы все встречались» [7] и включающего тот слой современного субстандарта, который сегодня, как бы к этому не относиться, активно эксплуатируется в средствах массовой информации. Словари субстандартной лексики, не являясь руководством к действию, безусловно, дают информацию к размышле-

нию, стимулируют языковую рефлексию и в этом своем качестве оказываются необходимыми и политику, и журналисту, и студенту, и школьнику.

Одной из определяющих черт языковой ситуации рубежа веков является чрезвычайная активизация процесса заимствования. Для осмысления этого процесса, степени его воздействия на языковую систему, а также для практической ориентации в разных типах текстов необходимо обращение к словарям иностранных слов, которые сегодня стали, пожалуй, одним из самых востребованных изданий. Словари иностранных слов быстрее других лексикографических изданий реагируют на изменения, происходящие в лексике, существенно дополняют материалы неологических словарей, оперативно представляя лексические инновации, отражающие развитие науки, техники, культуры своего времени, связи с другими странами и народами. В широком спектре словарей иностранных слов необходимо выделить «Толковый словарь иноязычных слов русского языка» Л. П. Крысина [8], который наиболее полно, лингвистически адекватно, с учетом культурно-речевых параметров представляет заимствованные слова.

В коммуникативно оправданном речевом поведении современной личности ключевой становится проблема лексического выбора. В связи с этим в высшей степени актуальной является задача создания словаря синонимов, до сих пор не решенная с учетом коммуникативных запросов рядового пользователя. Материалы существующих словарей синонимов в значительной степени расходятся с повседневной речевой практикой, что объясняется ориентацией составителей на классические тексты и установкой скорее на восприятие, чем на порождение текстов.

Создание современного полного словаря синонимов русского литературного языка сопряжено с серьезными теоретическими и практическими трудностями. Органичное включение проблемы синонимии в разные парадигмы лингвистического знания и связанная с этим разноаспектность изучения синонимов определяются тем, что в синонимии своеобразно преломляются основные функции языка — коммуникативная, когнитивная и метаязыковая. Все узловые проблемы системного изучения лексики так или иначе сопрягаются с проблемой синонимии (это прекрасно продемонстрировано в словарях, созданных под руководством Л. Г. Бабенко).

Событием в отечественной лексикографии стало издание «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка», созданного коллективом авторов под руководством Ю. Д. Апресяна [9]. Этот словарь является принципиально новым лексикографическим изданием — словарем активного типа, согласованным с определенным грамматическим описанием русского языка. В словаре реализована идея *интегрального лингвистического описания*, предусматривающего максимальную согласованность грамматических и лексических характеристик. Принципиально важно, что словарь ориентирован на отражение «наивной» картины мира. Новизна словаря и его соответствие речевой практике современной языковой личности определяется опорой на богатейший (свыше 5 млн. словоупотреблений) корпус текстов разных функциональных стилей и жанров, в том числе на многие произведения XX в., ранее не использовавшиеся в качестве источников иллюстративного материала. Хотя это фундаментальное издание, где каждая словарная статья является самостоятельным научным исследованием, не может быть использовано рядовым посетителем языка в повседневной практике, его значение для создания учебных словарей синонимов трудно переоценить.

Универсальной задачей комплекса лексикографических изданий является воплощение в словарной форме языковой картины мира. Подводя итоги работы над «Русским семантическим словарем», Н. Ю. Шведова отмечает: «Языковая картина мира — это выработанное многовековым опытом народа и осуществляемое средствами языковых поминаний изображение всего существующего как целостного и многочастного мира, в своем строении и в осмысляемых языком связях своих частей представляющего, во-первых, человека, его материальную и духовную жизнедеятельность и, во-вторых, все то, что его окружает: пространство и время, живую и неживую природу, область созданных человеком мифов и социум. Такая картина мира предстает как развернутое полотно с изображенной на нем вершиной и с обращенными к ней участками, компоненты которых располагаются по принципу ступенчатого сужения. В вершине этого изображения стоит человек» [10, 15].

В отечественной лексикографии идеографические словари — один из самых молодых видов лексикографических изданий, в них нашли отражение как общие достижения лингвистов в об-

ласти когнитивистики, так и конкретные результаты работы по систематизации лексики на логико-понятийной основе. Именно в этом русле уже более двух десятилетий плодотворно работает группа уральских лексикографов. В 1988 г. был издан словарь-справочник «Лексико-семантические группы русских глаголов», созданный в Уральском государственном университете под руководством Э. В. Кузнецовой [11]. Этот словарь, давно ставший библиографической редкостью, сыграл большую роль в формировании представлений о семантической классификации русских глаголов, распространении лексикосистемных принципов в практике школьного и вузовского преподавания. Созданный коллективом уральских лексикографов под руководством профессора Л. Г. Бабенко «Толковый словарь русских глаголов» [12] великолепно развивает лексикологические и лексикографические идеи Э. В. Кузнецовой. Словарь воплощает результаты многолетнего труда проблемной группы «Русский глагол», реализуя плодотворную идею соединения толкового и идеографического словарей. Авторы, учитывая широкий круг адресатов, создали многофункциональное издание, востребованное и лингвистами разных специальностей, и методистами, и переводчиками. Концептуальная целостность, проявляющаяся в представлении даже внешне незначительных лексикографических параметров, чрезвычайно важна при описании такого сложного объекта, каким является глагольная лексика. «Толковый словарь русских глаголов», воплотивший достижения лексикологии последней четверти XX в., стал заметным явлением в отечественной идеографической лексикографии.

Среди словарных изданий, играющих особую роль в формировании целостной картины мира, нельзя не отметить «Русский семантический словарь», созданный под руководством Н. Ю. Шведовой [13]. Каждый функциональный класс слов (в основе семантического членения, представленного в разных томах словаря, лежат части речи — носители самой обобщенной лексической семантики) является разветвленным лексическим деревом. Лексические подмножества выполняют важную конструктивную и информативную роль, представляя, по словам Н. Ю. Шведовой, языковые «картинки жизни». Составителям удалось осуществить в пределах одного лексикографического издания сочетание важнейших качеств толкового и семантического словаря:

естественно соединенными на основе семантической связи оказываются ядерные и периферийные лексические единицы, историзмы, архаизмы и новые лексические приобретения.

На фоне резкого падения уровня речевой культуры сегодня особое значение имеют ортологические словари, словари оперативной помощи говорящему или пишущему. Это, в первую очередь, орфографические, орфоэпические словари, а также словари трудностей. Необходимость формирования лексикографической культуры, способности и потребности искать ответы на возникающие вопросы в словарях определяет особую значимость этого рода изданий. Среди огромного количества появившихся в последнее время словарей разной степени авторитетности отметим серию карманных словариков «Давайте говорить правильно» (орфоэпический словарь, орфографический словарь, словарь трудностей управления, словарь сокращений, словарь наиболее употребительных заимствований, словарь актуальной политической лексики, словарь употребительных фразеологизмов), созданных как ответ на социальный заказ общества петербургскими лингвистами по инициативе ректора Санкт-Петербургского университета Л. А. Вербицкой. Словари малого формата, адресованные широкому читателю, выполняют важную социокультурную роль, отвечая на насущные запросы языкового коллектива, обеспокоенного состоянием речевой культуры.

Особое место принадлежит словарям устаревшей лексики, содержащим те элементы пассивного словаря, которые представляют большие трудности для современного носителя языка. Как отмечал Л. В. Щерба, пассивный словарный запас связан с нечитатностью среднего носителя языка, с тем кругом произведений, которые обязательно читаются в данном обществе [14]. Многие слова, которые встречаются в текстах русской классической литературы, для современного, в основной своей массе мало читающего носителя языка непонятны или понятны лишь частично. Именно поэтому словари, позволяющие в полной мере донести до молодого современника богатство русской классической литературы, сегодня чрезвычайно актуальны. Заметное различие между словарным составом современного русского литературного языка и словарным запасом личности заставило В. В. Морковкина и А. В. Морковкину выделить и обосновать особую лексическую категорию — агнонимы (слова, неизвест-

ные или лишь частично известные конкретной личности), а также разработать принципы их лексикографического описания с позиций антропоцентрического лексикографирования. В книге «Русские агнонимы» [15] представлен корпус агнонимичных слов, извлеченных из МАС. Зонами высокой агнонимичности являются религиозные чувства, различные науки, неорганические и органические вещества, пища, продукты, номенклатура одежды, единицы измерения, музыкальные инструменты и др. Однако часто агнонимичными оказываются слова, используемые в СМИ. Приведем попытки семантизации некоторых слов студентами-первокурсниками: *Через день будет проведена инфраструктура. Антитеза — это конфликт невоенный. Гуманизация повсеместно охватила Чили. Авторитарное государство — это независимое государство, которое все уважают. Толерантность — это беспринципность. Россия и Япония заключили мораторий о мире. Он не пользуется правом электората.*

Нам представляется, что категория агнонимии имеет большой лингвопрагматический и образовательный потенциал. Само понятие агнонимов очень хорошо воспринимается студентами и служит им стимулом для лингвистической интроспекции и для обогащения своего лексикона. Наши наблюдения над уровнем освоения современными студентами пассивного словаря убеждают в том, что работа со словарями различных типов должна сопровождать изучение всех дисциплин, особенно гуманитарных [16]. Без этого продуктивный диалог в сфере образования оказывается неполноценным.

Трудно не согласиться с высказыванием М. Эпштейна: «Не орфографические реформы должны заботить российское общество, а перспективы творческой эволюции русского языка, его лексическое богатство и грамматическая гибкость, способность вбирать и множить тончайшие оттенки мысли, чтобы в просвещении и умственной плодовитости стать наравне с новым веком» [17].

Тревожное снижение общего уровня речевой культуры заставляет особенно остро осознать роль словаря как важного и незаменимого пособия, формирующего навыки сознательного отношения к своей речи. «Словарь — это и средство познания мира — предметного или идеального, рожденного человеческим сознанием. Словарь — это долговременная память народа об этом

мире, об этапах развития культуры и о ее ликах на определенном историческом этапе. Любой словарь в этом смысле — культурно-историческое и просветительское произведение» [18]. Очевидно, что лексикографическую культуру как необходимый этап в развитии общей культуры отдельного человека и как определенный показатель культуры общества необходимо воспитывать на всех этапах школьного и вузовского образования. Лишь тогда просветительская функция создаваемых сегодня словарей будет реализована.

Примечания

1. Искусство энциклопедии: Какими должны быть универсальные издания в России // Книж. обзор. «Ex libris НГ». 2001. 8 февр.
2. Фрумкина Р. М. Лингвист как познающая личность // Язык и когнитивная деятельность. М., 1989.
3. Гак В. Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977.
4. Морковкин В. В. Антропоцентрический versus лингвоцентрический подход к лексикографированию // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре. М., 1988.
5. Козырев В. А., Черняк В. Д. Лексические приметы эпохи в неологических словарях // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. ст. в честь профессора С. Г. Ильенко. СПб., 1998.
6. Мокшанцев В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
7. Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
8. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
9. Апресян Ю. Д., Богуславская О. Ю., Крылова Т. В. и др. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М., 1997–2003. Вып. 1–3.
10. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1998. Т. 1.
11. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. слов.-справ. Свердловск, 1988.
12. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 1999.
13. Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М., 1998–2003. Т. 1–3.
14. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
15. Морковкин В. В., Морковкина А. В. Русские агнонимы (слова, которые мы не знаем). М., 1997.
16. Черняк В. Д. Агнонимы в лексиконе языковой личности как источник коммуникативных неудач // Русский язык сегодня. М., 2003. Вып. 2. С. 295–304.

17. Эпштейн М. Русский язык в свете творческой филологии разыскания // Знамя. 2006. № 1.

18. Денисова М. А. Словарь как связь слов с жизнью // Рус. яз. в школе. 2000. № 1.

© Н. Л. Шамне

г. Волгоград

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТНО-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СЕМАНТИКЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ ГЛАГОЛОВ ДВИЖЕНИЯ

Категория пространства является важнейшей категорией в жизни человека, поэтому неудивительно, что все языки мира демонстрируют большое количество возможностей для обозначения восприятия пространственных отношений.

Среди глаголов действия, участвующих в выражении категории пространства, центральное положение занимают глаголы движения, рассмотрение которых в сопоставительном аспекте позволяет выявить сходства и различия в структурировании окружающего мира носителями разных языков и культур. В центре нашего внимания — глаголы движения в немецком и русском языках, материалом послужили тексты русской и немецкой художественной литературы и их переводы.

Особый интерес представляет экспликация в семантике глаголов движения культурных и национальных особенностей восприятия окружающего мира, в частности универсальной категории пространства. При анализе восприятия категории пространства в немецком и русском языках в данной статье мы остановимся на характере субъектно-объектных отношений, так как процесс перемещения в пространстве напрямую связан и с субъектом, и с объектом.

В центре нашего внимания находится такой важный признак, как *активность:пассивность*. Активный субъект характеризуется как «динамичное, деятельное существо» [1]. Глаголы движения выражают физические действия человека и субъект перемещения, соответственно, предстает здесь как активный и в немецком, и в русском языке: *Аксинья, вихляя всем своим крупным, полным телом, пошла навстречу* (Шолохов) — *Axinja ging, ihren großen, schweren Körper wiegend, ihm entgegen* [2].

Однако в ситуации перемещения может участвовать и объект, который применительно к глаголам *tragen* (нести::носить), *führen* (вести::водить) и *transportieren, fahren* (везти::возить) и другим может характеризоваться как пассивный. В данном случае в немецком и русском языках наблюдаются сходства и различия в выраженности степени пассивности прямого одушевленного объекта, перемещаемого совместно с субъектом. Так, и в немецком, и в русском языках имеются отдельные глаголы для выражения абсолютной степени пассивности прямого объекта — *tragen*; *нести::носить*, например: *Die Sanitäter trugen den Verletzten auf einer Trage zum Krankenwagen* (Loest); *Frühmorgens lief sie schon in die Kirche, dabei trug sie ihre Tochter auf dem Arm* (Turek); ... он осторожно спустился в яр, неся на руках Аксинью (Шолохов); Два дни колдун героя носит, на третий он пощады просит (Пушкин). В приведенных примерах объект не перемещается самостоятельно, он абсолютно пассивен. Однако при других глаголах совместного перемещения наблюдаются различия в немецком и русском языках в выраженности степени пассивности прямого объекта. Так, в немецком языке для обозначения степени пассивности прямого одушевленного объекта могут использоваться разные глаголы (с учетом самого объекта, способного либо не способного к самостоятельному перемещению) в сочетании с контекстуальными уточнителями, например:

Он знал, что в это время конвой уже ведет к боковым ступеням троих со связанными руками, чтобы выводить их на дорогу... (Булгаков). — *Pilatus war gewiß, daß die Eskorte schon die drei Verbrecher mit gebundenen Händen zur Seitentreppe führte, um sie auf die Straße nach Westen... zu bringen*; Она посидела два часа — ее взяли из приемной и отвели в камеру (Солженицын). — *Sie wartete zwei Stunden — dann führte man sie aus dem Empfangsraum in eine Zelle...*; И вот — вас ведут (Солженицын). — *So werden Sie dann abgeführt*; Тогда в потоке складывается непомерной красоты женщина и выводит к Ивану за руку пугливо озирающегося обросшего бородой человека (Булгаков). — *Aus dem Strom formt sich eine Frau von überirdischer Schönheit, sie führt am Arm einen stoppelbärtigen Mann, der sich furchtsam umsieht, auf Iwan zu*.

В данных примерах перед нами пассивный объект. Однако в немецком языке отражена различная степень пассивности. В случае с глаголом *führen* одушевленный объект является полностью

пассивным с точки зрения ориентации в пространстве и зависит от ведущего его субъекта; либо объект арестован и полностью подчиняется воле главного субъекта, причем глагол *führen* с префиксом *ab-* еще больше подчеркивает это, так как *abführen* означает «арестован вести»; либо одушевленный объект самостоятелен (в русском тексте это подчеркивает контекстуальный уточнитель «за руку»). В приведенных примерах в качестве эквивалентов немецких глаголов в русском языке отмечены глаголы *вести::водить* (как бесприставочные, так и приставочные). В других примерах может быть употреблен глагол *bringen*, эквивалентом которому в русском языке также могут выступать глаголы *вести::водить*. В данных случаях в контексте выражена уже меньшая степень пассивности, поскольку объект не зависит полностью от воли субъекта, субъект, как правило, сопровождает объект. Например: *Он каждое утро ведет дочь в школу. — Er bringt jeden Morgen seine Tochter in die Schule; Арчибальд Арчибальдович, совершенно поражая Софью Павловну, обольстительно улыбаясь, подвёл гостей к лучшему столу. — Zu Sofja Pawlownas größter Verwunderung lächelte Artschbald Artschibaldowitsch beflissen und brachte die Gäste zum besten Tisch.*

Что касается выражения в контексте совместного перемещения с помощью транспортных средств, то здесь также в немецком языке отмечено несколько глаголов, эквивалентами которым в русском языке выступают *вести::возить*. В случае если прямой объект совершенно пассивен, не может самостоятельно двигаться в силу физических причин и либо перевозка осуществляется помимо его воли, употребляется глагол *transportieren*. В русском языке на это указывает не глагол, а весь контекст, например:

Die Verunglückte wurde sofort in die Universitätsklinik transportiert (WDG). — Пострадавшую тотчас же отвезли в университетскую клинику; Bienkopp... wurde mit anderen Männern in Viewagen an die Fronten transportiert (Strittmatter). — Бинкoppа вместе с другими мужчинами везли на фронт в вагонах для скота.

В случае если объект самостоятелен и лишь участвует в движении, которое осуществляет на транспортном средстве субъект, он характеризуется меньшей степенью пассивности, что выражает в немецком языке глагол *fahren*, например: *Привезли в больницу НКВД, прооперировали (Рыбаков). — Man fuhr ihn ins*

Krankenhaus des NKWD, wo er sofort operiert wurde. В данном примере объект, хотя и болен, может двигаться сам (это известно из макроконтекста).

Помимо этого для обозначения совместного перемещения с помощью транспортных средств может употребляться глагол *bringen*, который, как и *fahren*, характеризуется меньшей степенью пассивности, однако он не уточняет, каким образом осуществляется движение — на автомобиле, на поезде и т. д., сообщая лишь, что объект доставлен, например: *Специально поданный автобус привез их в подмосковный закрытый пансионат для научных работников* (Рыбаков). — *Ein Sonderbus brachte sie in ein für Wissenschaftler reserviertes Sanatorium bei Moskau; В десять к школе подъезжали сани, увозили ее в Кемшу и уже поздно вечером привозили обратно* (Рыбаков). — *Um zehn kam ein Schlitten vorgefahren, der sie nach Kemscha fuhr und am späten Abend wieder zurückbrachte.* В русском языке значение «доставки» фиксирует префикс *при-*.

В ряде случаев употребляется глагол *abholen*, также подчеркивающий пассивность объекта, который сам не осуществляет действия, данный глагол выражает значение «забирания» куда-либо объекта с целью осуществления каких-либо дальнейших действий: *Машина заехала за Желдыбиным и... отвезла его на квартиру* (Булгаков). — *Der Wagen hatte Sheldybin abgeholt und ihn... zur Wohnung gebracht; Его увезли сегодня ночью* (Рыбаков). — *Er ist heute nacht abgeholt worden.* В русском языке данное значение подчеркивают префиксы *от-*, *у-*.

В случае если движение осуществляется помимо воли объекта, используется глагол *einliefern* — букв.: «доставить в определенное место и там передать соответствующим лицам для осуществления особых действий» (DUW), при этом объект может быть как активным, т. е. сопротивляться, так и пассивным. Главное при этом то, что перемещение осуществляется против воли объекта, например: *Пришлось называть вещи своими именами и признаться в том, что администраторша варьете... исчезла... конференсье после вчерашнего сеанса был отвезен в психиатрическую клинику* (Булгаков). — *Er mußte die Dinge beim Namen nennen und eingestehen, dass die Leitung des Varietes verschwunden sei und der Conferancier nach der gestrigen Vorstellung in die psychiatrische Klinik eingeliefert worden sei.*

В русском языке различная степень пассивности прямого объекта не эксплицирована специальными префиксами и различными глаголами; приставки выражают различные оттенки направленности перемещения: *вы-* (движение изнутри наружу); *от-* (движение к определенной цели); *по-* (начало перемещения); *при-* (достижение конечного пункта); *у-* (удаление откуда-либо); при этом может быть подчеркнута многократность, повторяемость движения (*увозили*); в некоторых случаях используются пассивные конструкции (*был отвезен*).

Таким образом, в немецком и русском языках отмечается различная выраженность глаголами движения степени пассивности объекта. В немецком языке, в отличие от русского, наблюдается большая обусловленность употребления того или иного глагола от степени пассивности прямого одушевленного объекта, участвующего в ситуации перемещения. И это вполне объяснимо особенностями мировосприятия носителей немецкого языка. Согласно данному мировосприятию, все, что касается сферы субъекта, должно быть структурировано. В русском языке конкретизация степени пассивности объекта выражена, как правило, не самим глаголом движения, а отражена в контексте.

Важными параметрами при характеристике субъектно-объектных отношений являются «индивидуализм» и «коллективизм», представленность которых в немецком и русском языках связана с описанными выше признаками. Изучая культурные ценности, в частности отношение к работе, в более чем 40 странах, Г. Хофштеде установил четыре типа «культурных измерений» [3, 19]. Измерение — это аспект культуры, который можно выделить при сопоставлении с другими культурами. Этими четырьмя измерениями являются дистанция власти (от минимальной до максимальной), коллективизм vs. индивидуализм, феминность vs. маскулинность и избегание опасных ситуаций (от сильной до слабой). Измерение объединяет ряд феноменов в обществе, которые выступают в комбинациях, даже если на первый взгляд эта комбинация кажется нелогичной — логика общества не есть сумма логик составляющих общество индивидуумов.

Измерение *индивидуализм–коллективизм* определяется Г. Хофштеде следующим образом: *Индивидуализм* присущ обществам, где связи между индивидуумами ослаблены: от каждого ожидают, что он сам позаботится о себе и о своей семье; *коллективизм*,

напротив, присущ обществам, в которых человек от рождения интегрирован в сильную, закрытую группу с ярко выраженным Мы vs. Я. Эта группа на протяжении всей жизни защищает его, но требует за это безоговорочной лояльности [3, 67; 4, 361].

Можно сделать предположение, что в немецком языке при вербализации восприятия категории пространства выражена в большей степени индивидуальная активность субъекта действия, а в русском языке — коллективная. Так, в немецком языке каждый новый вид и способ движения, специфика перемещения в пространстве получают индивидуальное обозначение, в отличие от русского, где главным является среда, способ, средства, интенсивность перемещения в пространстве, спецификация же этого перемещения содержится непосредственно в контексте, речь идет прежде всего о таких глаголах, как *stiefeln* — *идти, широко ставляя ноги, твердо ступая*; *stozieren* — *идти гордо*; *schlurfen* — *идти, шаркая ногами*; *poltern* — *идти, громыхая*; *stampfen* — *идти, тяжело ступая*; *zotteln* — *идти медленно, невнимательно, погрузившись в мысли и т. д.*, например: *...der neue Bürgermeister, der in blanken Langstiefeln um die Pfützen auf der Dorfstraße stolzierte* (Strittmatter). — *...новый бургомистр, который в сверкающих высоких сапогах обходил, гордо шагая, лужи на деревенской улице...*; *Vor ihm schlurfte eine alte Frau, die etwas Schweres in ihre Tasche daherschleppt* (Schallück, *Wenn man aufhören könnte* (WDG)). — *Перед ним шла, шаркая ногами, пожилая женщина, которая несла что-то тяжелое в своей сумке*; *Reinhold... stiefelte spazierend durchs Zimmer* (Aritz). — *Рёнхольд не спеша прошел тяжелым, широким шагом через всю комнату*.

Помимо этого важным показателем преобладания признака индивидуализма при структурировании пространства в немецком языке является наличие коррелятивных компонентов *hin::her*, которые вводят перспективу восприятия говорящим перемещающегося субъекта, выделяя тем самым его особую, индивидуальную позицию; в русском языке, напротив, такая особенность не зафиксирована, что подчеркивает преобладание «собираательно-го» взгляда на процесс перемещения в пространстве, например:

За нищету даже и не палкой выгоняют, а метлой выметают из компании человека. (Достоевский). — *Wenn man bettelarm ist, so wird man nicht einmal mit einem Stock hinausgejagt, sondern mit einem Besen aus der menschlichen Gesellschaft hinausgefegt*; *Они пролета-*

ли над дымом — всем, что осталось от Грибоедова (Булгаков). — *Sie flogen hinweg über den Rauch, das einzige, was von Gribojedow übriggeblieben war; Те, кто едут Архипелагом управлять, едут туда через училища МВД (Солженицын).* — *Wer hinfährt, um den Archipel zu regieren, der nimmt den Weg durch die Lehranstalt des MWD; Надо было ехать во второй раз (Шолохов).* — *Nun mußte man das zweitemal hinfahren; Ученые и врачи специально приезжают осматривать нашу клинику (Булгаков).* — *Ärzte und Wissenschaftler kommen eigens her, um unsere Klinik zu besichtigen; За этой дверью послышалось передвижение, и, наконец, все с тем же бледным видом... выбежала Анна Михайловна (Толстой).* — *Hinter der Tür hörte man, wie dort hin und her gegangen wurde, und schließlich kam die Anna Michailowna mit demselben bleaen Gesicht... eilig herausgelaufen; На шум прибежала мать (Шолохов).* — *Die Mutter kam, durch den Lärm erschreckt, hereingelaufen; — Настасья, тащи узел! (Достоевский).* — *«Nastassja, schlepp das Bündel her» — rief Rasumichin hinunter.*

В приведенных примерах в немецком языке четко отражена прежде всего позиция говорящего, в русском языке префиксы указывают на различные ограничения перемещения в пространстве; приставочные образования от глаголов типа *ходить* обозначают многократность, повторяемость движения.

Как подчеркивает Г. Д. Гачев, «люди, говорящие на разных языках, по-разному видят и оценивают космос». И далее, говоря о категории пространства, автор приводит в качестве важного понятия распространенный во всех культурах образ мирового дерева. «В немецком языке — это *Stammbaum* — “родословное дерево”. В России же не одиночное дерево, Лес будет моделирующим» [5, 11].

Таким образом, в семантике глаголов движения отразилось различное восприятие пространства носителями немецкого и русского языков с точки зрения характера субъектно-объектных отношений.

Примечания

1. Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // *Вопр. языкознания*. 1995. № 1. С. 39.

2. Здесь и далее примеры даются из: Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Романы. М., 1988; Достоевский Ф. М. Преступление и наказа-

нис. М., 1983; *Пушкин А. С.* Сочинения: В 3 т. М., 1985; *Рыбаков А. Н.* Тридцать пятый и другие годы. М., 1988; *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ // Малое собр. соч. М., 1991; *Шолохов М. А.* Тихий Дон: Роман в 4 кн. // Собр. соч.: В 8 т. М., 1985; *Apitz B.* Nackt unter Wölfen. Halle (Saale), 1958; Deutsches Universal Wörterbuch. Dudenverlag, 1989; *Loest E.* Sportgeschichten. Halle (Saale), 1953; *Strittmatter E.* Ole Bienkopp: Roman. Berlin, 1963; *Turek L.* Ein Prolet erzählt // Rote Dietz-Rehe (Berlin). 1963. № 36; *Klappenbach R., Steinitz W.* (Hrsg). Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1980–1982. 6 Bde.

3. *Hofstede G.* Interkulturelle Zusammenarbeit. Kultuten — Organisationen — Management. Wiesbaden, 1993.

4. *Ting-Toomey S.* Managing Intercultural Conflicts Effectively // L. A. Samovar, R. E. Porter (Eds.) / Intercultural Communication. A reader. 7 Ed. Belmont, 1994.

5. *Гачев Г. Д.* Национальные образы мира: Космо — Психо — Логос. М., 1995.

© В. Н. Базылев

г. Москва

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РИТОРИЧЕСКОГО СЛОВА

Включение слова в мыследеятельностный континуум обусловлено его нераздельностью и неразрывностью с понятием «мышление», что находит отражение в понятии «мыслекоммуникация». Но если риторика непосредственно связана со всей совокупностью функций сознания, то риторическое слово отражает состояния сознания и человеческого интеллекта в целом. В этой связи риторическое слово может рассматриваться в диалектике рефлексивного/перерефлексивного. Риторическое слово — обобщающее понятие для синонимического ряда: слово — высказывание — текст. Риторическое слово и риторический дискурс можно определить также через их способность отражать состояния сознания. Тогда риторическое слово — это энергийная сущность, несущая в себе определенный рефлексивный заряд и способная воздействовать на рефлексию других людей. Рефлексия есть функция риторического слова в процессе восприятия речи. Риторическое слово есть функция рефлексии в процессе порождения речи. Таким образом, риторическое слово рефлексивно. Функциональные особенности риторического слова обусловлены тем, что, с одной стороны, язык есть факт социальный, но с другой стороны, в сущности, в языке все психично, включая его и материальные и меха-

ические проявления. Человек говорит на языке мысли, отражающем все многообразие субъективных его состояний по законам ментальной организации. В этом смысле риторика и риторическое слово событийны: они порождаются не абстрактной вневещной структурой, а гибким человеческим интеллектом, с учетом личностного духовного и эмпирического опыта человека, который неповторим. Риторическое слово — это преломленное в мировоззрении и мироощущении ратора слово. При обращении к риторическому слову можно судить о событийных состояниях сознания, и наоборот, состояния сознания находят свое отражение в выборе и организации риторического слова.

Языковая личность — категория учащая (от участия), и она становится активной в координатной системе риторического слова и координатной системе рефлексивного аппарата человека. Смысловой потенциал слова заключается в его рефлексивности. Риторическое слово рефлексивно. Иными словами, слово имеет выход на рефлексии и рефлексивную реальность языковой личности. Задевая рефлексии, слово убеждает, будоражит, доказывает, изобличает, дразнит, издевается, радует или огорчает, втягивает в спор, заставляет реагировать, протестовать, любить или ненавидеть, вспоминать, переосмысливать, переживать, сочувствовать и так далее. Разные слова обладают разной мерой рефлексивности, т. е. разной способностью пробудить «внутреннего человека». Если определить рефлексии как мыслительную энергию сознания, а языковую личность — как рефлексивно-организованную целеустремленную систему, можно предположить, что все манипуляции со словом связаны с включением/переключением/выключением механизмов рефлексии, их настраиванием на определенную коммуникативную цель и приведением в разнообразные целеустремленные состояния.

Слово — носитель определенного рефлексивного потенциала, величина которого может варьироваться от максимально сниженного до максимально насыщенного значения. Если принять максимально сниженное значение рефлексивного потенциала слова, которое присуще слову как единице словаря, за «простое слово» или «прямое слово» (по Бахтину — как отказ от своего собственного), то рефлексивно-маркированный или рефлексивно-насыщенный вариант слова, характерный для коммуникации, относится к сфере риторики и называется «риторическим сло-

вом». За оппозицией «простое слово : : риторическое слово» стоят разные планы и ракурсы видения и понимания фрагментов реальной действительности и реальной коммуникации, преломленные в рефлектирующем сознании языковой личности. Таким образом, между простым словом и риторическим словом стоят оппозиционные отношения редукции и экспансии, характеризующиеся удельным весом рефлексивной составляющей слова в разных коммуникативных позициях языковой личности.

Инвариантной составляющей простого и риторического слова является рефлексия в широком диапазоне ее участной меры. Отсюда необычайное разнообразие типов и разновидностей слова, отсюда же поразительное разнообразие интонаций в рамках одного словесного целого, отражающих различные рефлексивно-смысловые инстанции языковой личности. Всякое усиление или ослабление интонаций в слове представляет собой форму преломления слова в рефлектирующем сознании человека и выражает то или иное целеустремленное состояние сознания — обыденное, устойчивое, измененное или преломленное, хаотическое и пр., и все они являются моментами соорганизации языковой личности с коммуникативной действительностью. Конкретное слово может принадлежать одновременно к различным разновидностям и даже типам; взаимоотношение голосов в слове может резко меняться, однонаправленное слово может переходить в разнонаправленное, внутренняя диалогизация может усиливаться или ослабляться, пассивный тип может активизироваться и т. п. Подтверждением данного положения служит следующая парадигма:

Жизнь хороша. — Жизнь хороша! — Жизнь хороша!! — Жизнь хороша!!! — Жизнь хороша... — Жизнь... хороша. — Жизнь... хороша... — Жизнь хороша? — Жизнь хороша!? — Жизнь хороша?! — Жизнь хороша!?! — Жизнь хо-ро-ша. — Жизнь хо-ро-ша! — Жизнь хо-ро-ша... — Жизнь хо-ро-ша!!! — Жизнь ХОРОША! — ЖИЗНЬ ХОРОША!!! — Жизнь хорошааа... — Жизнь хорошааааа... — Жизнь хо-ро-шааа...

В данной парадигме заключена феноменология слова: слова как события, слова как носителя и генератора рефлексивной энергетики и слова как носителя ценностного интенционального и интенционального потенциала. Нельзя считать слово всегда себе тождественным: слово живет в рефлексивном контексте

пользующихся им людей, и на его предметное направление накладывается множество планов рефлексивного существования языковой личности. В силу своей рефлексивности риторическое слово требует совершенно иного подхода, выходящего за рамки обычного стилистического и лингвистического рассмотрения. Множественность ракурсов и глубинная связь с состояниями сознания языковой личности являются основной особенностью риторического слова. Одно и то же слово в риторическом регистре не тождественно самому себе в регистре простого слова. Сущность различий между простым и риторическим словом может быть выражена атрибутивными рядами, характерными для каждого регистра. Так, простое слово может быть определено следующим атрибутивным рядом: *пассивное — объективированное — абстрагированное — неучастное (безучастное) — обедненное — безоценочное — одноплановое — замкнутое — безличное — монологизированное — обыденное — ненапряженное — завершенное — привычное — необращенное — одноголосое — ненамеренное — сдержанное — заформализованное — безакцентное — окончательное — нейтральное — готовое — нивелированное — отстраненное — прямое — твердое — мертвое — окончательное — обезличенное — закрытое — социализированное — одноакцентное — универсализированное — непреломленное — типичное — отрешенное — бесстрастное — нерасколотое — вещное (предметное) — успокоенное — исчерпывающее — дистантное — монолитное — ничье — безответное — замкнутое — заочное — безличное — слово без лазейки — слово без оглядки — слово без внутренней полемики и т. д.*

Простое слово, или риторически немаркированное слово, или слово со сниженной рефлексивностью, выражает готовые мысли и живет в замкнутом контексте, не предполагающем активное становление смыслов и воздействие на эмоционально-волевой модус языковой личности. Движение рефлексии в смыслах ограничено заданными рамками, которые не оставляют свободы для рефлексивных подвижек и сдвигов и остаются практически неизменными для всех. В таких условиях реципиент слова сам устанавливает и расставляет рефлексивные акценты, произвольно фиксирует рефлексию, поскольку рефлексивные установки либо не явлены, либо неотчетливы и скрыты.

Собственно простое слово — внеконтекстно и более или ме-

нее тождественно предмету изображения. Оно представляет застывшее событие без ценностных акцентов. Включаясь в разные контексты, простое слово неизбежно меняет форму своего бытия: оно заряжается энергией контекста и обретает ценностные акценты. Это слово с относительно устойчивыми позициями в мире человека, строящееся по законам объективации и воспринимающее в границах монологически утверждаемых мыслей, идей и чувств. Можно утверждать, что в данной плоскости рассмотрения слова предполагается определенное единообразие слов и приведение их к одному общему знаменателю. Такое, непреломленное в сознании конкретной личности, слово воспринимается как «ненаселенное», чужое, отрешенное, монологически замкнутое, не ждущее ответа. Оно несобытийно и является лишь иллюстрацией какого-то события. Человек не раскрывается в слове, оно как бы безголосое и за ним нет кругозорного избытка и перспективы. Это раз и навсегда определяющее слово с твердыми акцентами. Для данного ослабленного по показателю рефлексивности словесного регистра применим целый ряд других определений: *слово без оглядки — слово без лазейки — слово без внутренней полемики — слово сухое осведомительное — слово протокольное — слово твердое — слово нерасколотое — неизображающее слово — очное слово — уже сказавшее свое слово и т. д.* [1]. Зачастую при максимально сниженной рефлексивности оно ощущается как тусклое и неподвижное в своей цельности — слово среди слов, внеположенное сознанию, сообщающее о мире вещей и людей бесстрастно и безинтересованно. Оно строится в твердом монологическом контексте. Будучи самодовлеющим, оно выражает готовую определенность и воспринимается как таковая. Подведение слова под совершенно определенные понятия и схемы превращает его в монологический реализм. Простое слово представляет готовые смыслы, оно не отражает процесс их рефлексивного становления и не провоцирует рефлексивные подвижки в сознании языковой личности. Это — слово среди слов, с присущей ему сниженной рефлексивностью или приглушенностью рефлексивных акцентов, непосредственно направленное на свой предмет, т. е. слово как выражение последней смысловой инстанции говорящего. Собственно простое слово хотя и выполняет называющую, сообщающую и изображающую функцию, тем не менее является в определенной мере ущербным с

точки зрения коммуникативной ценности способом представления событийности жизни, поскольку отражает мир в одномерном пространстве. В своей крайней, предельной или «упертой» степени такое слово может восприниматься как безжизненное и мертвое. Семантика собственно риторического слова совершенно иного плана: *живое — открытое — активное — характерологическое — контактное — причастное — участное — двуликое (многоликое) — проникновенное — осязаемое — преломленное — образное — неожиданное — намеренное — неокончательное — нарочитое — напряженное — своеобразное — двусмысленное (многозначное) — подчеркнутое — экспрессивное — выразительное — насыщенное — индивидуализированное — открытое — убеждающее — незавершенное — событийное — акцентированное — полифоническое — диалогизированное — обращенное — неокончательное — неисчерпывающее — ценностное — явленное — целеустремленное — внутренне расколотое — провоцирующее — многоплановое — проникновенное — стилизованное — полемичное — действенное — неравновесное — манящее — дразнящее — изображающее — заинтересованное — испытывающее — диалогизирующее — мировоззренческое и т. п.*

Собственно риторическое слово событийно. Событийность как характерологическая черта риторического слова предполагает радикально иную позицию языковой личности по отношению к нему. Глубинный смысл событийности риторического слова заключается в определенном внутреннем потенциале, который провоцирует действительно исполненные акты рефлектирующего сознания. Иными словами, событие слова реализуется в том случае, если «я» ощущает себя рефлектирующим над словом, и тогда возможными становятся многие другие события, порождаемые словом: *событие памяти о сказанном слове — событие внимания к слову — событие интереса к слову — событие чувств или сочувствования как реакция на слово — событие воображения — событие воли по отношению к слову — событие мысли, если «я» ощущает себя мыслящим над словом.* Риторическое слово предполагает утверждение человека в слове.

Если рассматривать рефлексию как сканирующий луч сознания и механизм поиска и утверждения адекватной каждой данной ситуации рефлексивной позиции человека, то риторическое слово может рассматриваться как одно из активных средств за-

пуска этого механизма. Для риторического слова существенно не то, чем является изображаемый объект в окружающем человеке мире, а то, чем является изображаемый объект для человека, когда слово поворачивается своей субъектной стороной. В риторическом слове звучат авторские интонации, поскольку оно явлено преломленным в его мировоззрении и мироощущении. Действительным своеобразием риторического слова представляется его «населенность» авторским голосом с оценивающими, убеждающими и прочими интонациями, различными тонами и акцентами, создающими аффект многомерности слова. Всякому риторическому слову присущ момент обращения. Риторическое слово предполагает соучастную связь с заявленными смысловыми позициями со стороны реципиента слова, т. е. определенную рефлексивную реакцию. Именно обращенность риторического слова обеспечивает диалогическое общение и выводит текст общения в разряд мысли-коммуникации. Слово служит средою преломления рефлексии автора слова и в конечном счете коммуникативной ситуации, где оно является результатом встречи рефлексий участвующих сторон.

За риторическим словом стоит множественность состояний сознания, характеризующихся активностью и определенной свободой в коммуникативной системе координат. Необычайное разнообразие типов и разновидностей слова обусловлено многообразием форм преломления рефлектирующего сознания человека в слове. Риторическое слово как бы обнажает чужое сознание, его состояния и значащие смысловые позиции для воспринимающей его стороны. Все это позволяет говорить об особой семантике риторического слова, заключающей в себе широчайший спектр смысловых и метасмысловых граней. Через слово человек проявляет себя вовне, и по слову можно судить о глубинных состояниях сознания [2]. Поэтому риторическое слово в определенной мере является мерой усилий и напряженности работы сознания. Внутренняя архитектура риторического слова, осложненная метасмысловыми отношениями разной силы и глубины, и определяет «самость слова» (по М. М. Бахтину). Оно представлено своей субъективной стороной, в то время как простое слово отражает мир объектов, застывшие и завершенные объектные образы. Как полифоническое, риторическое слово звучит аккордно и действует в широком диапазоне убедительности.

Иными словами, риторическое слово — это обращенное слово, слово в действии, слово-поступок, слово-событие, слово-энергия, слово, предполагающее участную рефлексии и участное мышление. Энергийность как имманентное свойство риторического слова отмечалась еще А. Ф. Лосевым, считавшим, что художественная форма есть становящаяся, т. е. энергийно-подвижная инаковость смыслов предметности, при которой одна и та же предметность может быть выражена тысячами способами [3]. Риторическое слово способно сообщать свою энергию, оказывая воздействие на состояния сознания риторанта в широком диапазоне функций: активизация, управление, соорганизация, манипулирование, блокирование, дезорганизация и пр. Риторическое слово не стремится к завершенности, и поэтому, задавая степени свободы рефлексии, оно подталкивает к раскрытию в мысли дополнительных смыслов и метасмыслов. Введение рефлексивной компоненты и рефлексивного контекста в парадигму риторического слова позволяет объяснить и многие другие стороны, функции и глубины слова. Остановимся на некоторых из них. Риторическое слово занимает особую интенционально-ценностную позицию в коммуникации и его назначение — «потрясение» устойчивых состояний сознания реципиента слова. Оно — неравновесно, трансцендентно, феноменологично и интенционально. Это — слово в действии. За ним стоит ритор, внесловесная ситуация высказывания и наличный внесловесный контекст личности ратора — кругозор, знания, оценки. Все это входит в смысловой состав знака, но слово не просто отражает их, оно преломляет и расставляет рефлексивные акценты. Ощущение внутренней незавершенности, создаваемое таким словом, позволяет говорить об оговорках, о словесных выпадах, о словах-намеках и, наконец, о рефлексивных сдвигах. Размыкая круг привычности, завершенности и законченности, такое слово обнаруживает значительный внутренний потенциал, оно живет и действует. Опытный ритор определяет, какой риторический регистр применить в каждой конкретной коммуникативной ситуации, чтобы вызвать желаемый рефлексивный отклик. Цель риторического слова — пробудить «внутреннего человека» и заставить его раскрыться.

Скорее всего, в этом направлении, с нашей точки зрения, можно развивать теорию риторического слова, так как сущность

произведения не в том, что понимает под ним автор, а в том, как оно действует, иными словами — в ответственности говорящей личности.

Примечания

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 505–506.
2. Спивак Д. Л. Измененные состояния сознания. СПб., 2000.
3. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы. М., 1927.

© Л. И. Гришаева
г. Воронеж

ГЛАГОЛЫ ПОВЕДЕНИЯ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ КЛАСС ГЛАГОЛОВ АНТРОПОСФЕРЫ

В силу различных причин к концу XX в. одной из наиболее значимых задач, стоящих перед лингвистикой, стало теоретическое обоснование и тщательное описание принципов использования человеком языка. Естественно, эта задача решается различными приемами и базируется на разных постулатах, что позволяет высветить в изучаемом феномене многие новые грани и переосмыслить уже выявленные закономерности. Специальное внимание к тому, как интерактанты используют язык для реализации своих целей, с неизбежностью обострило исследовательский интерес к функциональному потенциалу единиц, первичное предназначение которых — выполнять коммуникативные функции, т. е. прежде всего к предложению (высказыванию), точнее, к его семантике, структуре, функциональной сфере, принципам его варьирования, к закономерностям его порождения, выявлению сущностных особенностей и др.

При решении соответствующих задач по вполне понятным причинам в фокус интереса помещается глагол как единица, «приспособленная» строем языка к транслированию смыслов, обязательных для коммуникации и неизлиминируемых при содержательном и формальном варьировании предложения (высказывания) (ср. грамматическую семантику и функциональный потенциал категорий времени, склонения, залога, вида, лица, числа).

В дополнение к этому выявляется также минимальный контекст для актуализации семантики глагола — коммуникативная единица «предложение» (высказывание), которое, собственно, и возникает в силу реализации глаголом своих номинативных, референциальных, лексико-семантических, морфосинтаксических свойств.

Осмысление реализации потенций глагола как воплощение его способности к конституированию предложения дает толчок к появлению многочисленных версий структурных и семантических моделей предложения, полученных разными приемами в опоре на различные теоретические положения. Благодаря этому раскрываются феноменологические особенности отдельных глагольных классов и их элементов. Важно подчеркнуть стремление лингвистов изучать не столько особенности одной конкретной глагольной единицы, сколько отдельные классы глаголов или же всю глагольную систему в целом; показательным в этом отношении является один такой опыт — «Русские глагольные предложения: экспериментальный синтаксический словарь» (под общей редакцией Л. Г. Бабенко).

Л. Г. Бабенко, формулируя в предисловии к этому словарю основные теоретические положения и принципы описания соответствующего пласта лексики, совершенно справедливо считает системное изучение лексики и семантического синтаксиса одной из наиболее серьезных задач, осознанных лингвистикой XX в. [1, 9]. Следует подчеркнуть, что само название упомянутого словаря свидетельствует об особенностях воплощаемой в нем концепции: глагольные лексемы предлагается описывать как синтаксические сущности, в которых закономерно сочленяются в неразрывном единстве лексика и грамматика, форма и семантика, содержание и способы его вербализации, вывода на поверхностный уровень. Подобный подход, вне всякого сомнения, продуктивен и перспективен при описании любого фрагмента лексикона, однако для системного анализа именно глагольной лексики сделанный уже в самом начале акцент принципиален: он открывает возможность отразить связь структуры ситуации и семантики предиката через семантическое моделирование предложений, конституируемых глаголами, что дает авторам основание и право причислить свой словарь к словарям активного типа [Там же, 14, 24].

Результатом исследовательских усилий авторского коллектива под руководством Л. Г. Бабенко становится «совокупность предложений определенной типовой семантики, а также исходных семантических моделей русских глагольных предложений» [Там же, 25], получающая многоаспектное комплексное описание. Семантическая модель трактуется как «горизонтально развернутая структура типового содержания предложения, состоящая из компонентов, связанных типовыми отношениями. Эти компоненты также иерархически организованы: вершина — предикат, чаще всего глагол-предикат, а уточняют его актанты» [Там же, 13]. На основании тождества предиката, категориально-лексической семантики лексико-семантической группы слов, типовой семантики и базовой семантической модели авторы интерпретируют лексические репрезентанты модели как «парадигматическую группировку тождественных высказываний» [Там же, 20], в которую входят базовая семантическая модель и ее лексические варианты. Последние выделяются «в результате анализа семной структуры глаголов и согласующихся с ними имен в актантных позициях» [Там же].

Знакомство с принципами организации изучаемой системы убеждает в том, что это иерархическая структура и что подавляющее большинство глаголов, описанных в словаре, — средства обозначения деятельности человека; ср. три семантических поля, 20 семантических групп и 128 семантических подгрупп с их дальнейшей более тонкой дифференциацией: действие и деятельность (движение субъекта, перемещение субъекта, помещение, физическое воздействие на субъект, повреждение объекта, отрицательное воздействие на объект, созидательная деятельность, интеллектуальная деятельность, речевая деятельность, социальная деятельность, воспроизведение, физиологическое действие, звучание), бытие, состояние, качество (бытие, существование, прекращение бытия, качественное состояние, проявление признака, эмоциональное состояние, функциональное состояние), отношение (взаимоотношение, владение, межличностные отношения, социальные отношения), — выделенных по идеографическому принципу.

Таким образом, авторский коллектив под руководством Л. Г. Бабенко предложил тщательно выверенную концепцию, отражающую организацию одного из значительных фрагментов

лексикона, снабдив пользователей инструментарием, владение которым позволяет ему модифицировать инвариантное содержание (=базовую семантическую модель) применительно к коммуникативным потребностям. Представленная модель описания эмпирического материала позволяет также «выявить и описать когнитивно-пропозиционную структуру предложений, передающих одну и ту же типовую ситуацию» [Там же, 31].

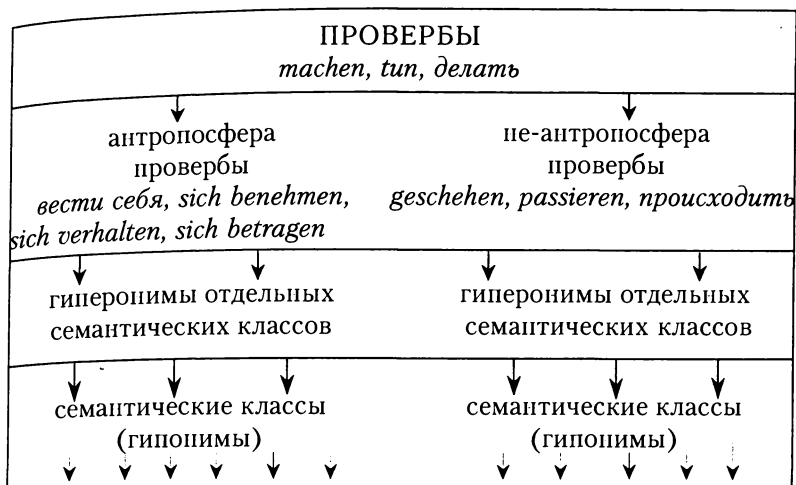
Сказанное приобретает особый вес, если принять во внимание, что в силу антропоцентричности и антропоморфности языка как феномена очевидно, что подавляющее большинство глаголов — это глаголы антропосферы; так, по данным Б. А. Абрамова, на их долю в глагольной системе приходится свыше 90 % [2, 19]. Особый интерес среди глагольных предложений заслуживают предложения с глаголами поведения, поскольку они, во-первых, обладают мощным прагматическим потенциалом и, во-вторых, являются чрезвычайно дискуссионной частью лингвистического описания. Последнее обстоятельство объясняется, по всей видимости, прежде всего сложностью и высокой степенью абстрактности понятия «поведение», которое обобщает сведения обо **всех** видах/типах/родах/аспектах деятельности человека [3] (см. подробный специальный анализ концепта «поведение» и механизмов вербализации сведений, хранящихся в его когнитивной структуре в [5], см. особо результат моделирования когнитивной структуры концепта «Поведение человека» на с. 27).

Предложения с глаголами *вести себя*, *поступать* в упомянутом выше словаре также представлены, однако модели на основе этих глаголов интерпретируются иначе, чем изложено выше — как семантическая подгруппа «Воспроизведение» в группе «Социальная деятельность» семантического поля «Действие и деятельность»: см. раздел «1.8.9. Предложения, отображающие ситуацию поступка и поведения субъекта» с типовой семантикой «Человек ведет себя каким-л. образом, поступает как-л., совершает какие-л. поступки» и базовой моделью «СУБЪЕКТ — ПРЕДИКАТ ПОСТУПКА И ПОВЕДЕНИЯ» [1, 235–239]. В данном разделе описаны 12 лексических вариантов модели [Там же, 235–237] и 16 образных [Там же, 237–239]. Лексические варианты базовой семантической модели различаются в количественном и качественном отношении, поскольку между глубиной

ными и поверхностными структурами нет одно-однозначных отношений.

В целом решение авторов объединить некоторые предикаты в одну рубрику, например, предикаты *геройствовать*, *осмелиться на что*, *рисковать чем* во втором лексическом варианте базовой модели «СУБЪЕКТ — ПРЕДИКАТ ПОСТУПКА И ПОВЕДЕНИЯ» или предикаты *выдавать кого*, *дезертировать* в восьмом варианте той же базовой модели, не вызывает вопросов. Можно только согласиться с мнением авторов словаря относительно выбора глаголов *вести себя*, *поступать* в качестве метапредиката (ср. трактовку данных глаголов как широкозначных, дейктичных, как провербов в [5]). Однако анализ синтаксических, лексико-семантических потенций глаголов-предикатов в данном разделе словаря говорит о дискуссионности упомянутой интерпретации. К аналогичному заключению можно прийти, обнаружив, что такие единицы, как *благоволить кому*, *к кому* [1, 349] и *обходиться с кем* [Там же, 235], представлены не только в разных лексических вариантах одной базовой модели, но и как относящиеся к реализации разных базовых семантических моделей.

Думается, что возможна иная трактовка соотношений между различными семантическими классами глаголов антропосферы, изученных системно как способы вербализации концептов «Поведение человека» и «Деятельность человека» (см. схему ниже). Разграничение семантических классов глаголов антропосферы базируется на следующих критериях, принимающих во внимание собственно языковые особенности изучаемых единиц, а также внеязыковые факторы, влияющие на их функционирование и использование в различных дискурсивных условиях: 1) когнитивные (структура концепта; степень абстрактности/конкретности сведений в концепте [6]); 2) семантико-структурные особенности глагольных единиц: принадлежность к валентному классу, семантическая структура лексемы носителя валентности, семантико-депотативные, семантико-реляционные, морфологические характеристики и синтаксические функции глагольных актантов; 3) текстоорганизующие потенции предложений, конституируемых соответствующим глаголом; 4) функции при организации интеракции в дискурсе [5]:

Лингвистический смысл выделения отдельных семантических классов заключается не столько в удобстве описания языкового материала, сколько в возможности максимально полно и непротиворечиво отразить в лингвистическом описании зависимость реализации грамматически релевантных свойств некоторой единицы от ее лексико-семантических особенностей. Единицы одного семантического класса имеют сходство при актуализации потенций: наличие полной или дефектной парадигмы, актуализация определенного набора противочленов соответствующих грамматических категорий, полное/неполное использование функционального потенциала, узкая/широкая специализация на тип дискурса и т. д., что не исключает возможности описывать тонкие различия в лексической семантике и грамматическом поведении, например, как единство лексики и грамматики, семантики и синтаксиса, способов кодирования сведений в ментальном лексиконе и механизмов их вербализации, процессов декодирования в зависимости от потребностей субъектов познания и коммуникации и т. п.

Следуя такой трактовке, можно непротиворечиво объяснить, почему оба коммуниканта в определенных условиях устойчиво и регулярно признают широкозначные единицы *вести себя, поступать* эквивалентными единицам конкретной семантики типа *обезьянничать, выпендриваться, баловаться*, а также *думать, сидеть, решать, пользоваться (столовыми приборами)* и т. д.

Правомерность и продуктивность изучения взаимодействия семантики и синтаксиса на примере анализа потенций глагола основывается на том, что конституируемые им предложения представляют собой имена типизированных элементарных фрагментов внеязыковой действительности, на которые членит наше сознание пространственно-временной континуум, «кадров» или элементарных ситуаций [8, 134], а первичным средством их именования являются финитные конструкции, т. е. образования, возникающие при замещении приглагольных позиций единицами с определенной семантикой в определенной морфологической форме и с определенными семантическими и синтаксическими функциями (о чем существует значительная по объему литература). Тесную связь «кадров» внеязыковой действительности как результатов познания человеком окружающего мира и средств их обозначения Б. А. Абрамов, специально изучивший глагольную систему немецкого языка и представивший свою систему моделей немецких глагольных предложений, основывающуюся на описании количественных и качественных аспектов валентных свойств глаголов, на анализе потенции и способов ее реализации, парадигматики и синтагматики валентных свойств [9], объясняет следующим образом: «Поскольку ЭС (элементарная ситуация. — Л. Г.) и обозначающая ее ФК (финитная конструкция. — Л. Г.) тесно связаны друг с другом, анализ ЭС можно реинтерпретировать как анализ ФК и ее конституентов и в этом смысле говорить о семантической интерпретации ФК» [8, 135].

Дать «кадру» внеязыковой действительности семантическую интерпретацию с помощью лингвистических процедур означает описать единицы, вербализующие соответствующие сведения, хранящиеся в той или иной когнитивной структуре; и семантический класс глаголов поведения весьма подходит для этого. Они предназначены для именования крайне значимого в любом социуме феномена — поведения человека. Эти единицы располагаются на границе двух типов предикации: делать и быть (Tut-Prädikation vs. Ist-Prädikation), на пересечении стратегий к именованиям и характеристике (внеязыковой) действительности человека. Эти глаголы относятся, с одной стороны, к самому мощному валентному классу — к двухвалентным глаголам, а с другой — к одному из наименее мощных, т. е. к глаголам, предeterminирующим модальное обстоятельство. Соответствующая син-

таксическая модель (СУБЪЕКТ + ПРЕДИКАТ + ОБСТОЯТЕЛЬСТВО ОБРАЗА ДЕЙСТВИЙ) относится к основным и частотным в языковой практике.

Отмеченные общие для всех единиц описываемого класса свойства можно проиллюстрировать на примере разных языков, однако акцентируем немецкий материал, поскольку специальный анализ показал, что в отличие от других семантических классов и других языков немецкий класс глаголов поведения, во-первых, весьма мощный и, во-вторых, имеет три прототипических глагола с одинаковыми лексико-семантическими, формально-структурными характеристиками, текстоорганизующими потенциями — *sich benehmen*, *sich betragen*, *sich verhalten*.

Анализ немецких глаголов *sich anstellen*, *sich aufführen*, *auftreten*, *sich audspielen*, *sich benehmen*, *sich betragen*, *sich führen*, *sich gebären*, *sich gebärden*, *sich geben*, *sich gehabt*, *sich haben*, *sich gerieren*, *sich halten*, *handeln*, *sich stellen*, *tun*, *sich verhalten*, *sich zeigen*, английских — типа *to behave himself*, французских — типа *se conduire*, *se comporter* и русских — *вести себя*, *поступать*, *действовать* как единиц [10], обозначающих ситуацию «поведение субъекта», как самостоятельного семантического класса в антропосфере на фоне всех способов именования деятельности человека [5], позволяет предложить, во-первых, систему критериев для отграничения класса и, во-вторых, интерпретацию отношений между отдельными семантическими классами глаголов антропосферы, учитывающую их логические, семантико-денотативные, семантико-реляционные, морфологические, синтаксические, когнитивные особенности, а также поминативно-коммуникативные и текстоорганизующие функции конституируемых ими предложений и использование этих предложений в дискурсах различного типа.

Выявление и описание названных особенностей позволило обосновать выделение семантического класса глаголов поведения, имеющего среди глаголов антропосферы свое особое положение, поскольку единицы, объединенные в соответствующий класс, характеризуются следующими свойствами:

- именуют произвольную в количественном и качественном отношении совокупность действий одного и того же субъекта;
- имеют в качестве логико-семантической основы пропозицию типа R (x, y), при вербализации которой глагол поведения оязыковляет функтор, устанавливающий отношение между по-

сителем некоторой совокупности действий (в широком смысле) и социальными эталонами выполнения этих действий;

— обладают лингвистически релевантными особенностями:

а) лексическо-семантический анализ выявляет семантическую структуру, в которой присутствует сема «совокупность действий», являющаяся иерархически более высокой по отношению к другим компонентам семантической структуры лексемы, и отсутствует оценочная сема;

б) глагол как носитель валентности преддетерминирует субъектное и обстоятельственное — модальное — окружение. При замещении субъектной позиции именуется носитель совокупности действий, при замещении обстоятельственной — дается социально значимая оценка всей совокупности действий. Другими словами, глаголы поведения относятся к классу двухвалентных единиц, и модальное обстоятельство интерпретируется как входящее в структурный минимум соответствующего предложения, ср. иную трактовку синтаксической структуры (МСС в описываемом словаре) базовой семантической модели с глаголами *вести себя, поступать* в [1, 234–239];

в) референтом предложения, конституируемого глаголом поведения, является либо одна ситуация, либо комплекс ситуаций, произвольный в качественном и количественном отношении, которые адресант может мыслить либо как расчлененные, либо как нерасчлененные [11, 77–78].

Поэтому среди глаголов антропосферы можно выделить следующие группы, которые будут гомогенными с точки зрения их семантико-структурных и функциональных особенностей, референциальных свойств и особенностей реализации номинативно-коммуникативной функции конституируемых ими предложений, а также их текстоорганизующих потенций:

1) глаголы, **именующие** деятельность человека:

а) глаголы, именующие определенный **вид/аспект/тип/род** деятельности:

- операции по выполнению действия,
- действие в структуре деятельности,
- деятельность;

б) глаголы, именующие некоторую **совокупность** действий:

- **константную** по какому-либо признаку,
- **произвольную** в количественном и качественном отношении;

2) глаголы, **характеризующие** деятельность человека:

а) глаголы, характеризующие определенный **вид/род/тип/аспект** деятельности:

— способ выполнения определенной операции по совершению действия,

— способ выполнения действия в структуре деятельности,

— способ выполнения деятельности;

б) глаголы, характеризующие некоторую **совокупность** действий:

— константную по какому-либо признаку,

— произвольную в качественном и количественном отношении.

Поэтому названные выше единицы, локализация которых в системе семантических классов представляется, судя по лингвистической литературе, дискуссионной, целесообразно развести по различным семантическим классам:

— глаголы поведения, которые называют совокупность действий, **произвольную** и качественном и количественном отношении (*sich verhalten, sich benehmen, sich betragen* etc.), не имеющие оценочной семы в семантической структуре глагольной лексемы, ср.: *вести себя капризно/подло/возмутительно/безобразно/примерно/дисциплинированно/ как попугай* и т. д. — *капризничать, подличать, попугайничать, безобразничать, хулиганить, благодушествовать, прекраснотушничать* и т. д.;

— глаголы, у которых оценка совокупности действий субъекта входит в семантическую структуру лексемы. В силу этого соответствующие глаголы обозначают совокупность действий, **константную** по отдельному параметру, например, по эмоциональному состоянию субъекта (*toben, sich austoben* etc.), по неправильному с точки зрения социума поведению (*sich daneben-benehmen, sich fehlverhalten, albern* etc.);

— глаголы, выражающие поведение одного человека по отношению к другому:

• *tollen: Er tollt — Jemand benimmt sich wie toll;*

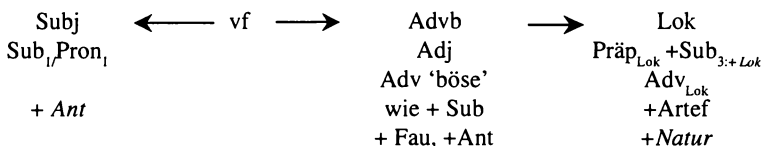
• *vernachlässigen: Ich verhaschlässige ihn. — Ich verhalte mich ihm gegenüber nachlässig;*

• *bevormunden: Er bevormundet mich. — Er benimmt sich mir gegenüber wie ein Vormund.*

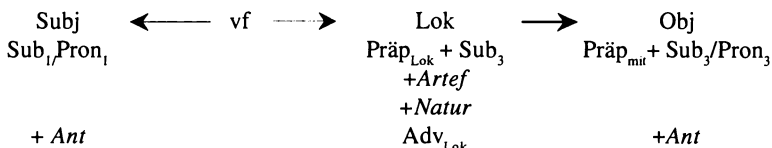
В один класс такие единицы объединять некорректно, по-

сколько они обладают различными семантико-структурными свойствами [5; 11, 80, 418–423, 424–426], ср. валентные свойства глаголов нескольких семантических классов, которые описаны согласно теории валентности Б. А. Абрамова [9], рекомендуемой при качественном аспекте принимать во внимание синтаксические функции единиц, замещающих приглагольные позиции, их морфологическую форму, а также семантико-деготативные и семантико-функциональные свойства глагольных актантов и семантическую избирательность носителя валентности:

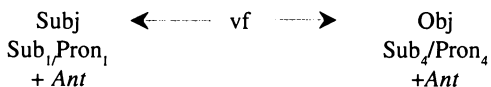
tollen (=beim Spiel wild umherjagen)

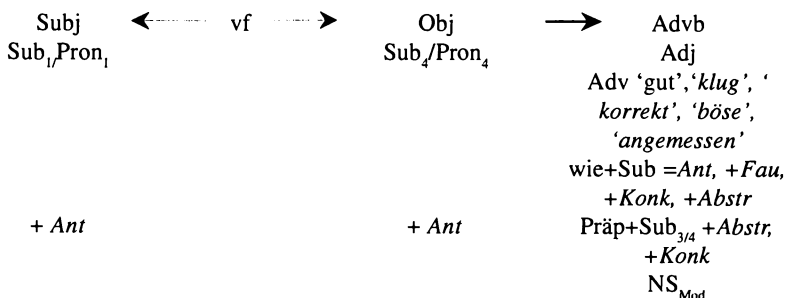
albern (=sich albern benehmen, Unfug treiben)

bevormunden (=jemandem vorschreiben, was er tun soll)

behandeln (=mit jemandem in einer bestimmten Weise verfahren, umgehen)

формы, аксиологического потенциала, синтаксических особенностей и пр., представляет собой оценку не каждого действия в отдельности, а **всей совокупности** в целом как соответствие/несоответствие социальным эталонам осуществления интеракции в актуальных коммуникативных условиях; ср.: *Он ведет себя хорошо/дисциплинированно/вне всякой критики/как будто он закончил пажеский корпус/... — Он рисует/поет/решает задачки хорошо/выше всяких похвал/...*

В-третьих, для актуализации семантики глаголов поведения не достаточно насыщения валентностей — в результате актуализируется только лексико-семантический вариант «поведение человека». Для активизации сведений, адекватных для интерпретации содержания предложения с глаголом поведения, необходимо погружение соответствующего предложения в дискурсивный континуум; ср.: для глаголов других групп последнее условие несущественно, а для актуализации семантики других носителей валентности вообще достаточен уровень группы слов (*левое крыло птицы — левое крыло здания, свежая рыба — свежая газета, хороший арбуз — хороший мальчик*). Выражаясь иначе, для подлинной актуализации семантики глаголов поведения необходим уровень текста (либо микро-, либо макротекста), причем в различных коммуникативных условиях предложение с одним и тем же лексическим составом и одинаковыми грамматическими характеристиками получает различную содержательную интерпретацию (см. подробнее в [5, 11]).

Правомочность сделанных выводов можно подтвердить в том числе сопоставлением способа перевода немецких глаголов поведения на английский и французский языки [12]. Обращает на себя внимание тот факт, что и учебные словари приводят соответствующие единицы. Существенным является то, что семантика немецких глаголов поведения, как правило, трактуется через аналогичные единицы: характерно, что немецкие глаголы поведения переводятся на английский и на французский языки преимущественно одинаково; в английском и французском учебных словарях представлены не все единицы, относящиеся к классу глаголов поведения.

Немецкий язык	Английский язык	Французский язык
sich anstellen	act as of..., pretend to inf	s'y prendre bêtement
sich aufführen	behave (badly)	se comporter, se conduire
auftreten	act, conduct	se montrer
sich aufspielen	throw one's weight around, act the big shot	faire l'important, poser (devant qn) crâner (devant qn)
sich benehmen	behave	se comporter, se conduire
sich betragen	behave (o. s.)	se conduire, se comporter
sich führen	conduct o. s.	se conduire
sich gebaren	s. sich gebärden (= behave, act)	—
sich gebärden	behave, act	se conduire, se comporter
sich geben	act, behave	se montrer
sich haben	Hab' dich nicht so = don't make such a fuss	faire des façon
handeln	behave	agir
sich stellen	feign illness	sich dumm stellen — faire l'idiot
tun	pretend to inf	feindre, faire semblant de+inf
sich verhalten	behave, act, be	se conduire, se comporter

Таким образом, предлагая отнести широкозначным, дейктичным глаголам поведения особое место в системе глаголов антропосферы как иерархически более высоким по отношению к остальным семантическим классам, нельзя не солидаризироваться с мнением Л. Г. Бабенко: «Обобщение всей совокупности лексико-семантических вариантов модели предложений, передающих одну типовую ситуацию и содержащих глаголы-предикаты одной семантической группы, а также анализ закономерностей словесного замещения основных актантных позиций позволит сделать выводы о денотативном, функционально-семантическом и концептуальном пространстве базовых концептов процессуально-событийного мира» [1, 31].

Примечания

1. Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002.
2. Абрамов Б. А. О понятии семантической избирательности: Инвариантные синтаксические значения и структура предложения / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1969. С. 5–15.
3. Сделанное умозаключение согласуется с выводами когнитивных психологов, полученными при решении иных задач, ср. мнение Фр. Кликса, высказанное еще в 80-е гг. прошлого века: «Поскольку абстрактные понятия формируются из более низких, наглядных понятий, которые входят в новую категорию в качестве признаков, последние привносят в новый концепт также и свои старые связи. Так, в особенности у весьма абстрактных понятийных образований могут наличествовать чрезвычайно гетерогенные межпонятийные связи» [4, 68]. Когнитивные психологи сериями экспериментов, нацеленных на выявление механизмов памяти, кодирования информации и связей между понятиями, определили, что у многоместных глаголов имеется латентная со-активация отношений иных аргументов с соответствующими между ними отношениями [Там же, 14]. Другими словами, отношение *SIEGEN (KÄMPFEN, BESIEGEN, GEGNER)* интерпретируется когнитивными психологами как трехместное $xR_{1,2,3}(yzu)$ [Там же]. (Когнитивная интерпретация валентности понятия не тождественна лингвистической интерпретации валентных свойств соответствующего признакового слова=глагола.) Чрезвычайно важным в контексте данных рассуждений является также вывод о том, что понятия в памяти кодируются через их признаки, что кодирование фиксирует не понятия, а **определенный тип отношений между понятиями** [Там же, 15]. Анализ в указанном направлении позволяет говорить о том, что в памяти присутствуют понятийные конфигурации, сводимые затем к образованиям более высокой уровня абстракции [Там же, 69]. Следовательно, при использовании того или иного слова имеет место одномоментная активизация всего набора признаков, которыми обладает соответствующее понятие в памяти (ср. [4, 69 и далее]).
4. Klix Fr. *Gedächtnis. Wissen. Wissensnutzung*. Berlin, 1984.
5. Гришаева Л. И. Номинативно-коммуникативная функция предложений с глаголами поведения. Воронеж, 1998.
6. Это связано с тем, что «при формировании моделей внешнего мира действует принцип этажной переработки, т. е. когда верхний уровень иерархии является сверткой нижнего уровня» [7, 111]. Ср. сходную интерпретацию отношений между когнитивными структурами, в которых хранятся знания о мире, на примере концептов «Деятельность» и «Поведение человека», соотношение которых представлено в схемах [11, 331, 355].
7. Сухих С. А. Личность в коммуникативном процессе. Краснодар, 2004.
8. Абрамов Б. А. Некоторые проблемы интерпретации элементарных ситуаций // Номинация. Предикация. Коммуникация / Отв. ред. А. В. Кравченко. Иркутск, 2002. С. 134–145.
9. Абрамов Б. А. Типология элементарного предложения в современном немецком языке. М., 1972; *Он же*. Синтаксические потенции глагола: (Опыт синтаксического описания глаголов современного немецкого языка как системы): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
10. У полисемантов при анализе принимается во внимание только лексико-семантический вариант «поведение человека».

11. *Гришаева Л. И.* Глаголы поведения как семантический класс глаголов антропосферы: когнитивный, семантико-структурный, функциональный аспекты описания: Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999.

12. *Langenscheidts Großes Schulwörterbuch. Deutsch — Französisch / Hrsg. B. Epple, H. Horn, B. Klausmann-Molter.* Berlin; München; Zürich; Wien; New York, 1997; *Langenscheidts Großes Schulwörterbuch. Deutsch — Englisch / Hrsg. Sonja Brough.* Berlin; München; Zürich; Wien; New York, 1997.

© **И. П. Матханова**

г. Новосибирск

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ (ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ И УСТАНОВЛЕНИЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ПАРАМЕТРОВ)

Современная лингвистика свое основное внимание сосредоточила на семантике, изучение которой ведется, как отмечает Л. Г. Бабенко, на основе «интегрального описания языка, предполагающего единство грамматики и лексики» [1], учета эксплицитных и имплицитных способов ее выражения, выявления механизмов преобразования категориального значения языковых единиц в актуальный речевой смысл. Эта интегральность базируется на достижениях предыдущего «раздельного изучения лексических и грамматических значений в семантике языкового знака» [Там же], учитывающего их специфику и вместе с тем предполагающего новый подход к языковой системности. Один из таких подходов реализует разрабатываемая под руководством А. В. Бондарко функциональная грамматика, базирующаяся на понятиях функционально-семантического поля и категориальной ситуации [2]. Принцип полевого устройства языка является одним из самых востребованных в современной лингвистике, он включает в себя многопризнаковую классификацию не только классов слов и грамматических категорий, но различного рода синтаксических конструкций, объединенных общностью семантической функции. Многие грамматические явления, включаясь в новые типы парадигм, позволяют увидеть их под иным углом зрения. К таким конструкциям относится и несобственно-прямая речь, необходимость исследования которой как явления многоаспектного и многопри-

накового уже отмечалась исследователями (см., в частности, работы А. А. Чувакина [3]).

На протяжении многих лет несобственно-прямая речь (несобственно-авторская речь, свободный косвенный дискурс) изучается как особая повествовательная форма в нарратологии (см. подробный обзор в работах Е. В. Падучевой [4]), в системе средств представления чужой речи (начиная с М. М. Бахтина), где она традиционно сопоставляется с прямой и косвенной речью, выявляются содержательные и конструктивные параметры их разграничения, преимущественно лексико-стилистические (Л. Н. Соколова, Н. А. Кожевникова), грамматические характеристики (Н. С. Поспелов, Г. Г. Инфантова, Г. М. Чумаков, В. В. Кожин и др.), практически во всех исследованиях особое внимание уделяется функциям несобственно-прямой речи (далее — НПР). Иными словами, НПР достаточно полно изучена и как особый языковой феномен, и как элемент в системе способов представления чужой речи. Однако чужая речь, в свою очередь, включается в функционально-семантическое поле (далее — ФСП) эвиденциальности, пути исследования которого представлены в работах Н. А. Козинцевой [5], и под этим углом зрения НПР еще не изучалась, так как относится к периферии поля. Вместе с тем сопоставление периферийных элементов с центральными позволяет не только охарактеризовать их специфику, отметить появление несвойственных центру признаков, но и уточнить некоторые параметры, важные для всего поля, способствующие определению его структуры, закономерностей перехода от центра к периферии.

Необходимость описания эвиденциальности, или засвидетельствованности, отмечал Р. О. Якобсон [6, 101], понимая под ней категорию, «учитывающую три факта (сообщаемый факт, факт сообщения и, кроме того, передаваемый факт сообщения... т. е. указываемый источник сведений о сообщаемом факте)». Наибольшая востребованность в описании эвиденциальности получила в типологических исследованиях, опирающихся на те языки, в которых засвидетельствованность имеет морфологическую закрепленность, например, пересказывательное наклонение в болгарском языке [5, 7]. Сопоставление способов выражения семантики засвидетельствованности в различных языках, в том числе в тех, которые не имеют специальных грамматических

категорий, специализирующихся на ее выражении, делает постановку вопроса о ФСП эвиденциальности актуальной и для русистики (об этом говорил А. В. Бондарко в своем юбилейном докладе 15 ноября 2005 г.). Помимо описания разноразмерных средств (см. об этом [8]), включаемых в это поле, для выявления его структуры необходимо уточнить те параметры, по которым следует его характеризовать.

В русском языке уже сложилась определенная традиция изучения источника сведений о сообщаемом факте как о модусной категории авторизации (Г. А. Золотова [9], Т. В. Шмелева [10], Г. Г. Лилова [11] и др.), указывающая на принадлежность сообщения самому говорящему или кому-либо иному, что выступает как центральное противопоставление. Эта категория включает самые разные языковые средства, среди которых и специальные конструкции с чужой речью, прямой и косвенной, а также цитаты, к ним примыкают вводные конструкции, указывающие на источник информации (по Виноградову, модальные слова и частицы, «обозначающих чужой стиль выражения, субъективную передачу чужой речи, мысли, а также и ее оценку со стороны говорящего» [12]) и др. Помимо указания на автора сообщения, в качестве дополнительного параметра учитывается и способ получения информации (при помощи органов чувств или по чьему-либо сообщению). Категория авторизации тесно связана с модусными показателями персуазивности.

Н. А. Козишцева, выделяя в ФСП засвидетельствованности две противопоставленные семантические сферы — прямого и косвенного свидетельства, — также учитывает эти два параметра, однако их роль в структуре поля, по ее мнению, иная. В качестве основного параметра выступает способ получения информации: непосредственное наблюдение автора высказывания — основной критерий выделения прямого свидетельства, другие типы восприятия (слух, обоняние, общие ощущения), логический вывод по паличным признакам самого говорящего, а также сообщения других лиц являются показателями свидетельства косвенного. Инвариантным признаком выступает степень дистанцированности говорящего от информации, которую он сообщает [8]. Выявленный признак дистанцированности позволяет учитывать полноту, адекватность и достоверность передаваемой информации.

Итак, можно говорить, с одной стороны, об общности параметров характеристики этого явления, в первую очередь «хозяйина» информации и способа ее получения, а с другой — о различной значимости этих критериев у разных исследователей. Не останавливаясь подробно на том, чья позиция предпочтительней, попытаемся посмотреть на феномен НПР с этой точки зрения, что позволит по-иному оценить и сами критерии.

В конструкциях с чужой речью с точки зрения представленности в них «хозяйина» информации можно не только выделить противопоставление «своей» и «чужой» точки зрения (реализующиеся прежде всего в персональных планах), но и оговорить особое деление: речь автора и речь персонажа, несколько отличающиеся от такого соотношения, поскольку в них авторский план «растворяет» персонажный, господствует особое «говорящее» третье лицо, которое ведет себя как первое [4], или, как отмечено в работах Н. С. Поспелова и Г. Г. Инфантовой, реализуется схема *ОН = и он и я*, благодаря чему в качестве говорящих осознаются и автор и персонаж [13, 14]. Ср.: *Ему показалось, что в противоположном углу вагона, возле дверей, сидит знакомый. Да, это лицо он где-то встречал...* (С. Лем). Если в первом предложении местоимение третьего лица выступает в своем обычном значении, то во втором местоимение *он* совмещает значение объекта повествования и субъекта восприятия (персонаж вспоминает своего знакомого), — в рамках третьеличности персональность не служит маркером разных «хозяев» информации и показателем здесь является различие в способах получения информации, которая и позволяет интерпретировать местоимение *он* особым образом. Однако и в НПР персональность может служить показателем двуплановости речи, принадлежности информации разным лицам, но без четкого противопоставления, как это бывает в конструкциях с прямой речью. Для этого в НПР часто употребляются безличные, обобщенно-личные и иные конструкции с нечетким, размытым персональным планом. Использование в НПР безличных конструкций со значением внутреннего состояния создает необходимую персональную двуплановость, указывая на несовпадение автора повествования и чувствующего субъекта: *Он подкидывает в печь дрова. Знобит. Но дров все же жалко, и он кидает в печку черновики, ненужные книги* (Вс. Иванов). Это несовпадение (конструкции с

третьим лицом и безличной) не представлено контрастно, оно «смазано» именно за счет отсутствия четкого персонального плана безличной конструкции, которая содержит указание на внутреннее восприятие. Похожее явление наблюдается и при употреблении обобщенно-личной конструкции: *Но с течением времени дело заметно прискучило ему своим однообразием и очевидной бесполезностью. Сегодня **примешь** тридцать больных, а завтра, глядишь, привалило еще тридцать пять, послезавтра сорок...* (А. Чехов). Таким образом, задается дистанция между речью автора, использующего местоимение третьего лица, и внутренней речью персонажа, воплощенной в форме второго лица. Особо отметим, что в данном случае указывается на принадлежность действия именно персонажу, поскольку в НПР встречаются только те обобщенно-личные конструкции, которые опираются на личный опыт говорящего, т. е. создают тот же персональный эффект, что и в предыдущем случае: различие, но не контраст. Итак, учет специфики НПР, включаемой в поле эвиденциальности, позволяет говорить о смягченном контрасте между «своей» и «чужой» информацией, о возможности ее неполного присвоения, о существовании определенной дистанции, в создании которой участвуют и персональные планы, указывающие на «хозяйина» информации, и о важности различия в способе ее получения.

Такой же смягченный контраст реализуется и в употреблении еще одной дейктической категории — категории времени, который отличает НПР от других способов введения чужой речи. Для каждого типа чужой речи характерен свой преимущественный тип временной ориентации. Так, прямой речи свойственны две самостоятельные точки отсчета — для авторского плана и плана собственно прямой речи: — *Я буду о вас думать... вспоминать, — говорила она* (А. Чехов), даже если формы времени совпадают, ср.: — *Иван Иванович и отец Христофор приехали! — сказал ему Моисей Моисеич таким тоном, как будто боялся, что ему не поверят* (А. Чехов). Обе формы времени (*приехали, сказал*) характеризуются индикативным (абсолютным) употреблением. Косвенная речь является типичным примером доминирования авторской точки отсчета, что проявляется в относительном употреблении форм времени в части, передающей содержание чужой речи: *Она жаловалась, что дурно спит и что у нее*

тревожно бьется сердце... (А. Чехов). Для вводящей части (*жаловалась*) точкой отсчета, как известно, является момент речи, а для придаточной части, передающей содержание сообщения персонажа (*спит, бьется*), — время действия глагола речи, по отношению к которому фиксируется одновременность излагаемых событий. И наконец, для редуцированных показателей авторизации (*по словам Тани, по ее мнению, с точки зрения ученого* и т. д.) точка отсчета никак не представлена, она имплицитруется (характеризуется несинхронностью: существование чьей-либо позиции, по всей видимости, предшествует сообщению о ее содержании). Что касается НПР, то одни исследователи настаивают на исключительно относительном характере временных значений (например, Г. Г. Инфантова), другие — только на прямом, индикативном употреблении (Н. С. Поспелов). Представляется, что для характеристики эвиденциальности важно отметить существование в НПР двух точек отсчета, двух центров временной ориентации: авторского повествования, типичного для нарратива вторичного временного дейксиса, и речи персонажа, с ситуативной точкой отсчета, близкой к первичному дейксису: *Он хотел ей что-то ответить. В конце концов его угонят на фронт, он будет воевать, а чумакая баба будет по-прежнему пачкаться на станции* (К. Федин). В приведенном высказывании такая двойная временная ориентация выражена достаточно отчетливо: в авторской речи используется прошедшее эпическое, а в персонажной — прямое будущее, ориентированное на ситуацию (внутренней) речи (я — здесь — сейчас). Ср. такую же четко выраженную двойную ориентацию временных планов: *Он не спал всю ночь напролет, ожидал ареста, он громко храпел и вздыхал, как сонный, чтобы хозяйке казалось, что он спит; ведь если не спит, то, значит, его мучают угрызения совести* (А. Чехов). Однако такое четкое противопоставление реализуется не всегда, возможно выражение разных точек отсчета и в общем плане прошедшего времени за счет «игры» видовременными значениями. Так, частотно соотношение перфектного значения прошедшего совершенного в авторской речи и процессного значения несовершенного, ср., например: *Марта... открыла глаза. Ей показалось, что ее разбудил близкий шум. Действительно, на соседней постели особенно развязно храпел муж* (В. Набоков); возможны и другие типы соотношений, например, повторяемости

конкретного действия в пределах ограниченного временного отрезка и перфектного с оттенком наличия: *Служащие **кушали, говорили и посматривали** с недоумением на Анну Акимовну: как она **выросла, как похорошела!*** (А. Чехов). Различие в точках отсчета неявно, авторский временной план преобладает, расхождение временных планов выступает здесь в едином комплексе с различными персональными планами (*служащие* — она), с неоднотипностью способа получения информации. Эти же параметры актуализируют различный временной дейксис и в конструкциях с нефинитными глаголами: *Кадет **окоченел, и так окоченевшим его Николка и оставил в подъезде. Некогда с ним разговаривать, когда он такой непонятливый*** (М. Булгаков); *Оставшись один, Андрей Ефимыч **предался чувству отдыха. Как приятно лежать неподвижно на диване и сознавать, что ты один в комнате!*** (А. Чехов). План персонажа здесь ориентирован на ситуативную точку отсчета, что поддерживается персонально-перцептивным критерием. Таким образом, дистанцированность, свойственная эвиденциальности, проявляется и в НПР, причем в отличие от других типов чужой речи в ней не наблюдается четкого противопоставления дейктических показателей, контраст между ними снят, а два аспекта, характеризующие источник информации — ее «хозяина» и способ (канал) получения информации, часто выступают как единое целое, дополняя друг друга.

Однако необходимо отметить и специфику способа, или канала, получения информации. НПР не вписывается ни в один из выделяемых способов: трудно говорить о непосредственном восприятии при помощи органов чувств, или о получении какого-либо устного или письменного сообщения (между автором и персонажем не происходит внешнего общения), или инференции, т. е. выводного знания, умозаключения. В НПР авторское сознание слито с сознанием персонажа, проникает в него, распоряжается им. Поэтому в НПР редуцируется, элиминируется вводная часть, отсутствуют какие-либо указания на канал поступления информации автору от персонажа, а если такие показатели встречаются, то речь идет уже о получении информации персонажем, но не автором, ср.: *Она **повернулась круто, хлопнула дверь. Он не пошел за ней. Он стоял неподвижно. За дверью было тихо. Так прошло, должно быть, четверть часа*** (Б. Пиль-

няк). В тексте представлено слуховое восприятие персонажа, которое включено в авторское повествование. Автор может наблюдать за персонажем, в поле зрения которого что-то попадает, например: *Аннушка отбежала от окна, спустилась вниз к своей двери... и в оставленной ею щелке замерцал ее исступленный от любопытства глаз. Какой-то не то больной, не то не больной, а странный, бледный, обросший бородой, в черной шапочке и в каком-то халате спустился вниз нетвердыми шагами* (М. Булгаков). Особенности восприятия персонажа не поддаются внешнему наблюдению, они могут быть известны только всеведущему автору, который и воспроизводит их. В этом смысле НПР характеризуется даже меньшей определенностью, чем модальные слова и частицы (*по свидетельству, по мнению, по словам, по выражению такого-то* — все они содержат указание на способ получения информации; *мол, де, дескать* генетически связаны с сообщением; ближе других модальные частицы *будто, будто бы, как бы*, вводящие чужую информацию), т. е. способ получения информации в этом случае не акцентируется, представлен как несущественный. Все это важно именно для художественного текста, в рамках которого и существует НПР.

Опираясь на особенности НПР, для характеристики эвиденциальности возможно ввести еще несколько параметров описания. Важным в ситуации передачи информации может быть и то, что именно воспроизводится — внеязыковая ситуация, свободные устные высказывания или фиксированные (письменные) тексты. Ср.: *Я своими глазами видела, как он тебя поцеловал* (А. Островский); *Утром разнесся слух, что сгорела соседняя экономя. Говорили, что ее подожгли батраки* (В. Катаев); А. А. Уфимцева в качестве обязательного компонента глагольного наименования называет «*ракурс логико-семантических связей обозначающих признаков и предметов как они складываются в предметном или идеализируемом (отображенном в языке) мирах*» (1986:142) (Л. Г. Бабенко). Характер передаваемой информации в значительной степени связан с выбираемым каналом ее передачи и предопределяет выбираемые способы выражения эвиденциальности (предложения с предикатами восприятия, косвенную речь, цитату, вводно-модальные конструкции и т. д.). Для НПР характерен особый тип информации — воспроизведение сознания персонажа, открытого автору, что обусловлено особой сферой

функционирования — художественным текстом, в котором существует особый «рассказываемый мир» (по Г. Вайнриху).

Еще одним параметром, характеризующим передаваемую информацию, можно считать степень ее адекватности первичной по точности/неточности, полноте/неполноте и достоверности, что выражается модусными элементами со значением персуазивности, некоторыми метатекстовыми показателями и другими средствами. Часто эти три разных аспекта отождествляются, так как говорящий редко маркирует информацию, которая, по его мнению, является полной, точной и достоверной. Тем не менее различные конструкции имеют различные тенденции к проявлению этих свойств: общепринятым считается то, что прямая речь специализирована на точной передаче сообщения, а косвенная — на неточной и неполной, но достоверность является отдельной характеристикой. Здесь, как отмечает Т. В. Шмелева, по-разному оценивается «своя» и «чужая» информация, однако не всегда «своя» информация оценивается как точная и полная, это во многом зависит от установки говорящего на трансляцию или интерпретацию (этот параметр вводит М. Я. Гловицкая, характеризуя литературные тексты-пересказы [15], и отмечает существование специальных грамматических средств, маркирующих установку на интерпретацию). НПР в этом аспекте представляет точную (лишенную возможности искажений), по возможно неполную информацию, акцентирует внимание на наиболее важных для автора фрагментах сознания, внутренней речи, представлениях персонажа (на этом основании выделяются различные по объему фрагменты НПР: от словосочетания до сложного синтаксического целого). Целью НПР является представление информации, скрытой от прямого восприятия, — с этим связана типовая модусная характеристика НПР, в которой, как правило, отсутствуют показатели сомнения в достоверности, удивления, поскольку автор знает «истину», которую сам моделирует. Маркеры персуазивности присутствуют во внутренней речи персонажа, но не автора, и поэтому являются показателями перехода от авторского повествования к несобственно-авторскому: *Она чувствовала нежность, с которой относились к ней, будущей матери. Может быть, маленький тоже чувствует эту нежность, и сердце его будет чистым и добрым* (В. Гроссман); *Профессор садится в кресло. Мебель, портьеры, ковры — на всем*

свежие номерки. *Действительно, музей. В соседней комнате, видимо, канцелярия.* (В. Иванов). В авторской части текста возможны только показатели иронического отношения к «партии» персонажа, служащие дополнительным средством «острашения» его голоса, которое достигается главным образом при помощи лексико-стилистических средств, ср.: *Ноздрев повел их в свой кабинет... Потом были показаны турецкие кинжалы, на одном из которых по ошибке было вырезано: Мастер Савелий Сибиряков* (Н. Гоголь); *Аннушка... спустилась вниз к своей двери, быстро открыла ее... Какой-то не то больной, не то не больной, а странный, бледный, обросший бородой, в черной шапочке и в каком-то халате, спустился вниз нетвердыми шагами...* (М. Булгаков). Иронический взгляд автора на обывательские представления своих персонажей выражается выбором слов и конструкций, которые моделируют особый мир персонажа.

Таким образом, включение НПР в поле эвиденциальности позволяет увидеть не только существующие в языке способы разграничения своей и чужой информации, различные средства установления дистанции между говорящим и сообщаемым, но и механизмы, работающие на сокращение этой дистанции, снятие противопоставления. Причем в этом случае используются те же категории и семантические элементы, но изменяется принцип их сочетаемости, включаются дополнительные параметры: характеристика сферы действия конструкции — художественный текст, а также установка говорящего, играющая важную роль в любом проявлении категории эвиденциальности (помимо трансляции и интерпретации, необходимо ввести установку на моделирование чужого сознания). Итак, характеристика периферийного компонента поля позволила уточнить некоторые его параметры и ввести новые.

Примечания

1. *Бабенко Л. Г.* Взаимодействие лексики и грамматики под парадигматическим углом зрения // Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой. Екатеринбург, 1997.
2. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики: на материале русского языка. М., 2002.
3. *Чувакин А. А.* О парадигматическом подходе к исследованию конструкции с чужой речью // Типы языковых парадигм. Свердловск, 1990.
4. *Падучева Е. В.* Несобственная прямая речь и свободный косвенный дис-

- курс // Падучева Е. В. Семантические исследования: (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М., 1996.
5. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопр. языкознания. 1994. № 3.
 6. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
 7. Маслов Ю. С. Грамматика болгарского языка. М., 1981; Молошина Т. Н. Категория пересказывания болгарского языка // Советское славяноведение. 1989. № 2.
 8. Козинцева Н. А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000.
 9. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.
 10. Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск, 1997.
 11. Лилова Г. Г. Авторизация и ее выражение посредством глагольных предикатов в предложениях русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989.
 12. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1972.
 13. Поспелов Н. С. Несобственно-прямая речь и формы ее выражения в художественной прозе И. А. Гончарова // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М., 1957.
 14. Инфантова Г. Г. Грамматические признаки несобственно-прямой речи в современном русском языке. М., 1972
 15. Гловинская М. Я. Семантика, прагматика и стилистика видовременных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект: Суперсегментная фонетика. Морфологическая семантика. М., 1989.

© Т. И. Стексова
г. Новосибирск

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СИНТАКСИЧЕСКИХ ФРАЗЕМ ТИПА *НУ ПРИЕХАЛ И ПРИЕХАЛ*

Синтаксические фраземы типа *ну X и X* относятся к корпусу тавтологических единиц, где две одинаковые лексемы в одной и той же форме соединены межсоставным элементом. Существует точка зрения, что тавтологические единицы являются ненормативными, так как не несут новой информации, неинформативны (нарушают постулат количества по Грайсу). Тем не менее подобные сочетания воспринимаются посетителями языка как нормальное явление, что подтверждается продуктивностью их использования. Поэтому следует согласиться с М. Х Газизовой,

которая предлагает различать механическую и интенциональную тавтологии. Под последней она понимает тавтологию, вызванную особым коммуникативным намерением говорящего, осознанное употребление тавтологической конструкции [1]. Это особое коммуникативное намерение «не прочитывается» только носителем чужой языковой культуры, но вполне очевидно для носителя «своей» культуры. В современных лингвистических работах Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, Ю. Д. Апресяна, Н. А. Николиной, Г. Н. Эйхбаума, Л. П. Старосельцева, Н. Д. Арутюновой, Т. А. Тулиной и других отмечались некоторые особенности тавтологических конструкций, но полного системного описания до сих пор нет. Описаны отдельные типы синтаксических фразем, в частности **Х есть Х** [2], **Х так Х** [3].

Целью данной статьи является анализ синтаксической фраземы **ну Х и Х**, а именно выявление ограничений на лексические переменные, прагматической насыщенности межсоставного элемента и контекстуальной зависимости/независимости. Материалом для анализа послужили контексты, извлеченные из базы данных Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), а также примеры из разговорной речи.

При рассмотрении тавтологических конструкций прежде всего обращается внимание на их аномальность. Необходимо помнить, что семантическая аномальность бывает двух типов. В первом случае высказывания получают семантически стандартную интерпретацию в результате переосмысления, во втором случае они не могут быть сведены к стандартной семантике. Тавтологические высказывания относятся к высказываниям, буквальное осмысление которых аномально, но которые могут получить семантически стандартную интерпретацию. Возможность переосмысления семантических аномалий, сведение их к семантическому стандарту обусловлены существованием особых правил переосмысления, которые говорящий может эксплуатировать. Тем самым семантически аномальное высказывание перестает быть аномальным, точнее, оно аномально относительно базовых правил, но вполне закономерно относительно правил переосмысления.

Широкая употребительность исследуемых тавтологических высказываний свидетельствует о том, что этот алогизм не случаен, он возводится языком в определенную систему. При функ-

кционировании в речи тавтологические высказывания характеризуются дополнительными речевыми смыслами, тем самым перестают быть аномальными. Как замечает Ю. С. Степанов, «в реальном употреблении такие предложения обрастают дополнительными смыслами и в действительности не являются уже тавтологиями» (цит. по: [4]). Основой критерия правильности смысловой структуры таких высказываний является их функциональная оправданность. Актуальным становится скрытый смысл, который адресат речи должен декодировать. Под скрытым, или имплицитным, смыслом понимается «содержание, которое прямо не воплощено в узуальных лексических значениях и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но извлекается из последнего при его восприятии» [5]. Прагматическое значение тавтологических высказываний становится очевидным в составе текста в результате «смыслового взаимодействия» его с окружающим контекстом. Анализ тавтологических высказываний предполагает два уровня: когнитивный и прагматический. Для понимания тавтологий необходимо совпадение когнитивных пространств говорящего и адресата. По справедливому замечанию М. Х. Газизовой, закон отсутствия повторения реализован в когнитивной базе коммуникантов таким образом, что возвращение к исходным элементам не означает для адресата круга в познании, но лишь спиральное его развитие [1]. Отсюда следует, что адресат, воспринимая тавтологическое высказывание, понимает, что говорящий вкладывает в него нечто большее, чем то, что вытекает из значения используемых лексем. Модель построения и восприятия тавтологических высказываний является ассоциативной. В случае несоответствия модели говорящего и модели адресата адресат свое непонимание может эксплицировать фразами типа «Что вы имеете в виду?», «Что вы хотите этим сказать?». Каждая тавтологическая конструкция может выражать несколько прагматических смыслов, однозначное же понимание ее достигается только в контексте или в определенной речевой ситуации.

Рассмотрим тавтологические высказывания, построенные по модели ну X и X.

Наполнение позиции X. Позицию X в высказываниях, построенных по анализируемой модели, могут занимать лексемы различной частеречной принадлежности.

1. Имена существительные. В позиции X могут быть существительные нарицательные и собственные, конкретные и абстрактные, причем они могут быть в различных падежных формах. Ср.: *Тетя Катя сообщила об увиденном костре маме. В следующие ночи костер видели другие жены офицеров. Ну, костер и костер* (Э. Лимонов. У нас была Великая Эпоха). — *Ловчее всех, так должно, что Степку Лябихова ты слышала. Он первый песельник по всей Гостомле считается. Ну, Степана и Степана*, больше о нем и разговоров не было (Н. С. Лесков. Житие одной бабы).

2. Имена прилагательные. В позиции X могут употребляться и качественные, и относительные, и притяжательные прилагательные. — *Какая же ты все-таки красивая! — Ну красивая и красивая, что из того! (РР); Не трогай телефон, это мамин. — Ну мамин и мамин, что теперь и позвонить нельзя? (РР).*

3. Имена числительные. В позиции X могут быть как количественные, так и порядковые числительные в разных падежных формах. *Мне сказали, что два задания. Ну, два и два, я этому значения не придала. А они, оказывается, огромные, так что за десять минут не успеешь сделать (РР). Мой сын — первый ученик в классе! — Ну, первый и первый, чего хвастаться-то (РР).* В силу информативной недостаточности числительных и семантика, и прагматика тавтологического высказывания становятся понятными только в контексте.

4. Местоимения. Использование местоимений в позиции X возможно, но не очень частотно, встречается чаще в разговорной речи: — *Не вмешивайся не в свое дело! Это моя семья! — Ну, твоя и твоя, о чем тут спорить? (РР).*

5. Наречия. Использование наречий в позиции X, так же как местоимений и числительных, требует контекстной поддержки. Нужно отметить, что и числительные, и наречия в данной тавтологической конструкции не очень частотны, причем встречаются в основном в разговорной речи. — *Ты много куришь. — Ну, много и много, подумаешь (РР).*

6. Слова категории состояния. Слова категории состояния также могут заполнять позицию X: — *Мне грустно. — Ну грустно и грустно, что ж теперь весь день дома сидеть и ничего не делать! (РР).*

7. Глаголы. Наиболее частотным является наполнение X гла-

гольной формой. Глаголы могут быть в форме настоящего времени: **Ну, стоит и стоит**, его дело такое (В. Шукшин. На кладбище); прошедшего времени: *За деньги ему выговор дадут, а сальца — ну, взял и взял гостинец ребятишкам* (В. Шукшин. Суд); будущего времени: *От нее не убудет. — Обязательно убудет, — сказал Специалист. — Она перестанет быть собой. — Ну, перестанет и перестанет. В конце концов, она тебе не жена и не любовница* (Б. Левин. Иностранное тело). Примечательн тот факт, что глагол может быть использован в данной конструкции не только в одной и той же форме, но и в разных своих формах. В этом случае наиболее частотным является использование глагола в форме настоящего времени изъявительного наклонения и в форме повелительного наклонения: **Ну, спишь и спи** (РР).

Значение межсоставного элемента. Межсоставной элемент в рассматриваемой конструкции выражен двумя элементами. По данным словарей, частица **ну** в сочетании с частицей **и** обычно выражает безразличие, неодобрение, отрицательное отношение и служит для выделения и усиления выражаемой оценки или эмоции.

Особенностью функционирования исследуемой тавтологической конструкции, в отличие от тавтологических высказываний, построенных, например, по модели **Х есть Х**, является ее реактивный характер. Тавтологическое высказывание, построенное по модели **ну Х и Х**, всегда является реакцией на предтекст, предыдущее высказывание, следовательно, можно говорить о том, что подобные высказывания при всем различии вкладываемых смыслов объединены тем, что они выражают **отношение говорящего к предшествующему** высказыванию или факту реальной действительности и выполняют текстообразующую функцию. Конкретная смысловая нагрузка прочитывается исходя из контекстуального окружения.

Можно выделить несколько смысловых разновидностей данной конструкции:

1. Безразличие, равнодушие, ничего интересного, информация неактуальная: *Успешный бесится, кричит мне в телефон, что на спецпроекты у него денег нет. Ну, нет и нет* (Григорьева Н., Курицын В. Вячеслав Николаевич // Звезда. 2001. № 6).

Причем подобное отношение может быть как реальным, так и демонстрируемым с целью либо успокоить собеседника, либо скрыть истинные чувства, например, заинтересованность или неприязнь. Ср.: *В институте к моему появлению отнеслись совершенно спокойно — ну вернулся и вернулся, не утонул и слава богу. Зато в газетах ко мне проявили необыкновенный интерес — начались интервью, просьбы написать статьи, поделиться впечатлениями, просили выдержки из дневников* (Ю. Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь). *Михаил Ходорковский сделал элементарное, в сущности, дело: с того, о чем давно все знают, но стесняются вслух говорить, снял гриф «совершенно секретно». Ну снял и снял, давно пора. А ощущение — будто свершилась революция* (Выжutowич В. Совершенно не секретно // Московские новости. 2002. 7 апр.). — *Она старалась разогнать набегающие тревожные предчувствия будущего упрямой и злой бравадой. «Ну сошлась и сошлась! — сжимая брови и с каким-то болезненным наслаждением произнося это грубое слово, думала она. — Все это пустяки!.. Захотела и отдалась!.. А все-таки была счастлива, было так... — Лида вздрогнула и, вытянув вперед сжатые руки, потянулась. — И было бы глупо, если бы не отдалась!.. Не надо думать об этом... все равно не вернешь!»* (М. П. Арцыбашев. Санин).

Если в первых двух примерах отношение к событию реальное, то в последнем случае оно явно демонстрируемое, что подчеркивается в контексте (*упрямая и злая бравада*). Но во всех случаях привлекает внимание тот факт, что дальнейший контекст как бы нейтрализует или «возмещает» равнодушное отношение к событию: в институте отнеслись спокойно, зато в газетах проявили интерес; снял гриф секретности, давно пора — а ощущение, что свершилась революция; сошлась, это пустяки — а все-таки была счастлива.

Это значение реализуется и в конструкции, где позицию X занимает имя существительное: *Ну, дурка и дурка, зато любящая* (Оленцова Н. Дар божий // Октябрь. 2001. № 12). Если же в позиции X находятся прилагательные, числительные, наречия или слова категории состояния, то значение равнодушного восприятия события остается, но в дальнейшем контексте нет значения возмещения. Ср.: — *Говори потише, там же все слышно. — Ну слышно и слышно, пусть слышат* (РР). «Глуп, — говорит, —

ты». **Ну, глуп и глуп**, — не впервой мне это от него слышать, а я все-таки вижу, что он всем этим недоволен... (Н. С. Лесков. Божedomы).

2. **Резко отрицательное отношение, раздражение, вызванное повторяемостью, длительностью действия:** *Ну говорит и говорит, не остановишь* (РР). *Ну пристал и пристал* (РР). Это значение возникает в том случае, если в позиции X находится глагол. Другие части речи не реализуют данного значения. Эти тавтологические высказывания также являются реактивными, но представляют собой реакцию не на предшествующее высказывание, предтекст, а на предшествующий факт реальной действительности. Этим определяется то обстоятельство, что тавтологическая конструкция, реализующая данное значение, может быть понята в определенной речевой ситуации и вне контекста.

3. **Оценочное отношение, признание того, что «так оно и есть».** Это значение сближает данную конструкцию с тавтологической конструкцией, построенной по модели **X есть X**. Не случайно, что оно возникает только в тех случаях, когда позицию X занимают существительные. Здесь также значение тождества второстепенно, на первое место выходит значение характеристики, дается комплекс признаков и их оценка. Значение характеристики возникает при метафорическом использовании существительных, причем ассоциативное восприятие подтверждается контекстом, который мотивирует, оправдывает употребление метафоры: *Полежал, смиренно вытянувшись, Адам — не прогоняют. Тогда он придвинулся к Еве потеснее и услышал: «Ну, энти мужики! Ну звери и звери! Со стужи, с ветру... и холодными лапами сразу к живой теле!..»* (В. Астафьев. Печальный детектив). *Накануне волосы на бигуди накрутила, расчесала — ну кукла и кукла. Даже губы нарасила, а он нейдет. Может, у него работа срочная? Все бывает* (И. Грекова. Перелом).

4. **Выражение согласия с элементом оценки.** В ряде случаев данная тавтологическая конструкция служит для выражения согласия, при этом наблюдается некоторая трансформация конструкции: либо второй компонент X меняет свою форму, либо его позицию занимает оценочное слово, либо однокоренное слово: **Ну нет и не надо** (В. Шукшин. Мечты). **Ну дошли и хорошо** (А. Рубашкин. «Прощально ожил перед глазами...»). **Мне смешно тебя слушать. — Ну смешно и смейся** (РР). Согласие может

быть вызвано равнодушным отношением говорящего. Это значение актуализируется в том случае, когда в позиции X находится глагол в разных формах склонения: — *Пил, пью и буду пить!* — *Ну пьешь и пей, тебе же хуже будет* (РР).

Итак, как показал анализ языкового материала, интерпретация тавтологической конструкции, построенной по модели **ну X и X**, зависит, в частности, от частеречного наполнения позиции X. Представим эту зависимость схематично.

Прагматическое значение тавтологической конструкции	Частеречное наполнение позиции X
1. Безразличие, равнодушие, информация неактуальная	Любая часть речи
2. Резко отрицательное отношение, раздражение	Глагол
3. Оценочное отношение	Существительное
4. Выражение согласия с элементом оценки	Разные части речи с трансформацией второго компонента

Как видим, универсальным является первое значение (равнодушное отношение к информации), которое выражается при помощи любой части речи в позиции X, остальные значения имеют четкую частеречную закрепленность или формальный показатель, как в четвертом значении, где обязательной является трансформация второго компонента модели.

Примечания

1. Газизова М. Х. Когнитивная функция тавтологии // Исследования по семантике: теоретические и прикладные аспекты. Уфа, 1999.
2. Старосельцев Л. П. Предложения тождества в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971.
3. Kopotev M. 'Гулять так гулять': between Grammar and Dictionary // East West Encounter: Second International Conference on Meaning-Text Theory. M., 2005. P. 225–236.
4. Эйхбаум Г. Н. Экспонентная и содержательная тавтология в коммуникативно-речевом акте // Языковое общение и его единицы. Калинин, 1996. С. 301.
5. Долинин К. А. Имплицитное содержание высказывания // Вопр. языкознания. 1983..№ 6. С. 38.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СОЦИУМА И СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Известно, что в номинации явлений действительности ведущая роль принадлежит человеческому фактору, который проявляется в критериях и аспектах оценки, в выделенных закономерностях номинации. Закономерности, связанные с членением фрагментов реальной действительности и номинацией этих фрагментов, нашли отражение в «Большом толковом словаре русских имен существительных» [1], концепция которого принадлежит Л. Г. Бабенко (2005). В данном словаре отражены денотативные сферы и классы слов, характеризующие ту или сферу. Мы полагаем, что предложенная Л. Г. Бабенко модель выделения классов лексических единиц, представленная на материале имен существительных, может быть реализована по отношению к более широкому кругу лексических единиц, в том числе и по отношению к отрицательным лексическим единицам, т. е. к единицам, в семантике которых содержится отрицание. Заметим, что отрицание в семантике отрицательных единиц может быть эксплицитным: *безгрешный — не совершивший греха*; и имплицитным: *циничный — непристойный, бесстыдный*; имплицитное отрицание обнаруживается в процессе компонентного анализа лексического значения слова.

Выделяя отрицательные лексические единицы в лексике русского языка, мы видим, что почти половина их связана с обозначением социальных явлений. Это социально значимые правила и нормы, социальный статус человека, признаки, характеризующие человека в социальном плане и его поведение в обществе. Поскольку слово «содержит “пачатки знаний” и формирует образное понятие о мире» [2], представляется возможным определить, какие знания о мире заключены в отрицательных лексических единицах, с какими денотативными сферами связаны эти единицы.

Отрицательные лексические единицы с эксплицитным и имплицитным отрицанием связаны прежде всего с денотативной сферой «Социальные отношения» и денотативной сферой «Пра-

во», используются для обозначения незаконности, недозволенности: *беззаконный, беззаконность, беззаконие, незаконный, незаконность, незаконно*. Отсутствие законности настолько важно, что манифестируется отрицательными префиксами, имплицитно отрицательных единиц в данном ряду гораздо меньше: *преступный, запрещенный, запретный*.

Отрицательные единицы определяют также социальные отношения в экономическом плане, акцентируя внимание на состоятельности-несостоятельности: *нищий, нужда*; причем имущественная несостоятельность (отсутствие работы, денег, средств к существованию, достатка, благополучия, кредитоспособности) обозначается более дифференцированно, чем собственно экономическое благополучие. Ср.: *безземельный, безземелье, малоземельный, безработный, банкротство, бедный, бедность, безденежный, безденежье, небогатый, небогато, малосостоятельный, некредитоспособность, некредитоспособный, несостоятельный, несостоятельность, необеспеченность, необеспеченный, неустроено, неустроенный, расстройство, нужда, неплатежеспособный, неплатежеспособность, необеспеченный, неустроенный, неустроенность, неустроено, расстройство, нужда, нищий, неимущий; с другой стороны: обеспеченный, обеспеченность*. Полагаем, что здесь можно усматривать выделенную специфику оценочных значений: «...оценочные значения всегда релятивизированы к нормам бытия и создают ценностную картину мира, всегда в чем-то специфическую для данного языкового коллектива» [3].

Перечисленные нами отрицательные лексические единицы могли бы значительно дополнить класс лексем, обозначающих состояние экономики при условии выхода за пределы класса имен существительных. Заметим, что при проведении компонентного анализа лексических единиц, отраженных в словаре, мы сможем обнаружить эксплицитное или скрытое отрицание в семной структуре большинства из них: *безработица, развал, разруха, упадок, крах, нужда*.

Безусловно, в этом соотношении лексических единиц последовательно проявляется мировосприятие, отличающее большинство носителей русского языка, то, что обычно называют менталитетом. О хорошем много говорить не принято, тогда как неприятности могут обсуждаться долго и подробно; даже в ситуации благополучия русский человек склонен искать плохое, не

случайно новое мировосприятие, уверенность в жизни получили меткое название «новые русские».

Анализируя отрицательные лексические единицы, отмечаем, что круг отрицаемых семантических компонентов тождественен «наивным» представлениям о критериях благосостояния. Отражение в данных лексических единицах наивности мировосприятия определяется характером семантики языкового знака, передающей наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии [4]. При обозначении экономических отношений значимы такие частные явления, как отношение к хозяйству, хозяйствованию: *бесхозный, бесхозяйственный*; к статусу в социально-экономической системе: *штатский — невоенный*. Социальный статус определяется через отрицание принадлежности к какой-либо партии, классу, наличию паспорта (последнее, очевидно, указывает на значимость паспортного режима в нашей стране — *беспаспортный*). Отрицательные единицы с противоположным значением отсутствуют.

Независимость в социальных отношениях значима не только для индивида, но и для государства. Отрицательные единицы называют противоположные состояния отсутствия независимости — отсутствия зависимости: *воля — неволя, зависимость — независимость, самостоятельный — несамостоятельный*. Очевидно, что в русской картине мира негативны оба явления: как негативное воспринимается отсутствие свободы, ее ограничение (борьба за свободу была лозунгом для различных движений в течение не одного столетия), но и наличие свободы позитивно не оценивается (мечта о сильной верховной власти не оставляет русского человека).

В то же время обращение к ряду отрицательных лексических единиц позволяет заключить, что подобные единицы связаны с обозначением не только ситуации, когда свобода ограничивается правовыми органами, но и других ситуаций, когда свобода ограничивается обстоятельствами, самим человеком.

Поскольку в русском языковом сознании свобода и власть связаны между собой (свобода практически не соотносится с обществом, не случайно соответствующий класс имен существительных получил название «Существительные, обозначающие человека, свобода которого ограничивается правовыми органами»), остановимся на отрицательных лексических единицах, свя-

занных с властью, и отметим, что здесь последовательно отрицание связано с отсутствием власти: *безвластный, безвластие, безначалие*. Следовательно, некая верховная власть есть норма русского бытия, ее отсутствие воспринимается лишь негативно.

Отрицательные лексические единицы называют отношения человека не только с властью, но и с обществом. Прежде всего, это обозначение области семейных отношений. Область семейных отношений определяется отрицательными лексическими единицами очень дифференцированно, указывается на отсутствие родства, родных, семьи, мужа, жены, детей, приюта, крова, надзора: *бессемейный, безродный, безмужняя, холостой, безнадзорность, неуют*. Перечисленные лексические единицы являются отрицательными и семантически, и формально: отрицание в них маркировано, что исключает их двуплановость, актуализирует значение отсутствия. Таким образом, родственные отношения остаются значимыми в нашем обществе, и хотя сегодня мы наблюдаем их меньшую дифференциацию (термины родства стремительно переходят в разряд пассивной лексики), наличие близких людей по-прежнему оценивается как значимое. Наши наблюдения подтверждаются и материалами «Большого толкового словаря русских имен существительных», где данная денотативная сфера представлена также очень дифференцированно, хотя отрицательные лексические единицы в ней не отражены в силу их категориально-грамматической принадлежности.

Отношения человека и общества могут быть характеризованы в двух планах. С одной стороны, восприятие человеком этого общества: *свое — не свое, родное — неродное*; с другой стороны, восприятие обществом этого человека. Знаменательно, что для общества при восприятии человека, насколько об этом можно судить с опорой на отрицательные лексические единицы, значимы личностные характеристики человека и характер его общения с другими людьми.

При характеристике межличностного общения отрицательными лексическими единицами выделяются такие стороны, как отсутствие или недостаток общения: *необщительный*; наличие — отсутствие объективности, принужденности, тактичности: *пристрастный, принужденный, натянуто*. Общение определяется через призму межличностных отношений: *непримиримый, несогласный, непонимание, разлад, недружелюбие*. Заметим, что со-

стояние нейтралитета в межличностных отношениях также обозначается эксплицитно и имплицитно отрицательными лексическими единицами: *непричастный, нейтральный*; через призму взаимодействия. Наряду с качественными характеристиками общения выделяются также количественные, связанные с семантическим компонентом «мало»: *малообщительный, малоразговорчивый, малоречивый*.

Способность к общению с помощью различных знаковых систем является особым признаком, отличающим человека от других живых существ. Среди отрицательных лексических единиц, связанных с обозначением процесса общения, кроме названных выше, выделяются также единицы, определяющие в общем виде способность человека к общению: *необщительный, молчаливость*; владение инструментом общения: *безъязыкий, косноязычие*; меру и характер общения: *безответный, лаконичный*.

Наличие дублетов, например: *немногословный, неразговорчивый, малоговорящий, несловоохотливый, лаконичный* — подчеркивает осознание значимости полноценного процесса общения для носителей языка. Номинации явлений противоположных, нормативных, отсутствуют, что отвечает общей языковой тенденции к номинации в первую очередь негативного, не соответствующего норме. Классы существительных, соотносительные с перечисленными отрицательными лексическими единицами, в словаре не выделены, что закономерно, так как различия в представлении действительности могут наблюдаться и на уровне категориально-грамматических классов слов, а большинство перечисленных нами единиц не принадлежат к именам существительным.

При восприятии человека обществом значимыми оказываются и характеристики, связанные с его мыслительной деятельностью. Воспринимается как негативное качество и обозначается отрицательными лексическими единицами утрата способности к мыслительной деятельности: *одурелый* — утративший способность ясно воспринимать; *несознательный, несмышленный* — и недостаточная реализация этой способности: *узколобый, туполобый, слабоголовый, пустоголовый, непонятливый, лопухий, глупый, тупой*. Обратим внимание, что отрицательных единиц, указывающих на противоположное явление — наличие мыслительной деятельности, достаточный уровень ее реализации, нет.

К названным единицам близки отрицательные единицы, предлагающие оценку человека по степени осведомленности, уровню образованности, квалификации: *швах* — песведущ, очень слаб в каком-либо отношении; *некомпетентный, неопытный, неграмотный, невежество*. При этом особо значимы для носителей языка именно *неграмотность, невежество*. Для обозначения перечисленных признаков в языковой системе имеется много единиц, близких по смыслу, входящих в состав различных категориально-грамматических классов: *безграмотный, безграмотность, безграмотно; неведение; необразованный, необразованность, малообразованный*.

Говоря об оценке человека по его общекультурному уровню, следует отметить исторически сложившуюся точку отсчета, существующую в нашем языковом сознании, — интеллигентность: *неинтеллигентный* — не отличающийся интеллигентностью, необразованный, некультурный. Семантический сдвиг в значении слова «интеллигентность» интересен тем, что признак воспринимается не как присущий определенному социальному классу, а как желательный с точки зрения социальной нормы у всех членов социума, а мера его проявления определяется по названному классу.

Среди единиц, связанных с человеком как членом социума, выделяется семантическая группа «поведение человека». В названной семантической группе дифференцируются следующие семантические ряды: стиль поведения (*недисциплинированность, разнузданный*), паличие тактичности, воспитанности, чувства меры (*неблаговоспитанный, невежливый, неделикатный*), внешнее соблюдение приличий (*раскованный, фамильярный*), отсутствие почтительности (*непочтительный, неуважительный*), самостоятельности (*самостоятельный* — не находящийся в подчинении, независимый). Существительные, обозначающие поведение человека, дифференцируют его в меньшей степени.

При характеристике человека значимыми оказываются внешние признаки, причем в данном случае отрицательные лексические единицы последовательно соотносятся именно с обозначением негативного, ненормативного: *неряшливый, неопрятный, нечесаный, взлохмаченный, нечистоплотный*. Выделяется ряд единиц, объединенных семантическим признаком «неуклюжий»: *неуклюжий, неуклюжесть, дубоватый, копотливый, мешкотный,*

мешкотно, мешковатый, нерасторопный, нерасторопно, нерасторопность, неповоротливый, неповоротливость, медвежесватый. Подчеркнем, что отрицательные лексические единицы, характеризующие человека в социуме, в большинстве своем называют признаки, которых не должно быть у человека.

При описании единиц, свидетельствующих об особенностях восприятия человеком окружающей действительности, выделяется семантическая группа «беспорядок», наличие которой можно объяснить лишь тем, как человек видит мир, что в окружающем мире ему представляется значимым: *неустройство, смутный, беспорядок, самотеком.* Названная семантическая группа представлена словами различных категориально-грамматических классов, содержит достаточно большое количество единиц, что свидетельствует лишь о том, насколько последовательно беспорядок замечается человеком и насколько дифференцированно предстает в различных его проявлениях. Проиллюстрируем это на примере одного синонимического ряда, представленного отрицательными лексическими единицами: *беспорядочный, хаотический, хаотичный, смутный, сбивчивый, расстроенный, разбросанный, разболтанный, неупорядоченный, неслаженный, бессистемный.*

Данная семантическая группа логично связана с семантической группой «неудача», можно сказать, с концептом «неудача», поскольку выделение концепта опосредуется в том числе и культурными факторами. Неудача может быть связана с неблагоприятием, несчастьем, неприятностями, т. е. с отсутствием удачи: *невезучий, зло.* Как и в ранее рассмотренной семантической группе, здесь выделяются синонимические ряды, включающие достаточно большое количество единиц: *неудача, фиаско, срыв, промах, проигрыш, нелады, неблагоприятие, накладка, неустойка, незадача, неуспех.* Отрицательные единицы обозначают отрицательно воспринимаемое, последовательно дифференцируемое сознанием человека.

Таким образом, анализ отрицательных лексических единиц, связанных с обозначением социально значимого, позволил сделать вывод о том, что значимо для русского человека при восприятии социума и социальных отношений. Для него значимы государственная власть, определенный порядок бытия, соответствие других людей и себя самого тем признакам, которые счи-

таются нормативными. Противоположные явления однозначно воспринимаются как не-норма, и подобное восприятие подтверждается тем, что описанные отрицательные лексические единицы последовательно связаны с обозначением отрицательно воспринимаемых признаков. Дополнительная аргументация значимости данных явлений для русского человека получена нами в процессе сопоставления материалов «Большого толкового словаря русских имен существительных» и отрицательных лексических единиц.

Очевидно, социум в русской языковой культуре мира таков: сильное государство и сильная власть, обеспечивающие порядок, проживающий в этом социуме человек, характеристики которого соответствуют некоторой принятой социумом норме, который строит свои отношения с социумом также с учетом нормы.

Примечания

1. Большой толковый словарь имен существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005.
2. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 26.
3. Телия В. Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурный аспекты. М., 1996. С. 109.
4. Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. М., 1995. Т. 1. С. 56.

© С. М. Белякова

г. Тюмень

О КЛАССИФИКАЦИИ ХРОНОНИМОВ

Задача воссоздания образа времени в диалектной картине мира требует решения вопроса классификации хропонимов (темпоральной лексики и фразеологии). Выбор типа классификации, осуществление распределения корпуса материала на определенные классы, интерпретация полученных объединений слов в плане соотношения с универсальной мыслительной категорией — это важные этапы лингвистического анализа, направленного на выявление особенностей языковой категоризации действительности.

Описание языковых фактов обычно начинается с их классификации. Это необходимый этап научного познания, инструмент, позволяющий непротиворечиво представить материал. Но это этап далеко не конечный. Как известно, точная классификация приобретает эвристическое значение, если она подвергается дальнейшей интерпретации. Нами применена разновидность идеографической классификации — выделение «лексико-семантических классов условной эквивалентности, соотносимых с определенными рубриками понятийной классификации» [1, 24]. Представляется, что именно такой тип классификации наиболее адекватен столь специфической концептуальной области, как «время», в основе которой лежит ряд оппозиций, отражающих, в свою очередь, парадоксальность самого феномена. Принцип бинарных оппозиций был применен М. В. Всеволодовой [2], а позже Ф. И. Папковым [3] при описании грамматических способов временных отношений.

В отечественной лингвистике имеется ряд идеографических словарей и теоретических разработок этой проблемы. (См. работы Ю. Н. Караулова, Э. В. Кузнецовой, Л. Г. Бабенко, О. С. Баранова, В. В. Морковкина, Н. Ю. Шведовой, Т. Г. Никитиной, Г. А. Ракова, О. В. Вострикова, О. Н. Мораховской, Н. А. Потаенко, В. В. Липиной, а также серию словарей, подготовленную на кафедре современного русского языка Уральского государственного университета под руководством проф. Л. Г. Бабенко.) Материалом исследователям служили данные как литературного языка, так и различных диалектов. В отдельных работах и словарях представлены идеографические классификации русской лексики в целом (или отдельных частей речи), в других — только слов, обозначающих время. Идеографический принцип (принцип тезауруса), по мнению Ю. Н. Караулова, «создает базу для подлинно системного изучения лексики» [4, 173]. Такого рода классификацию называют также «комбинативная», или «фасетная», так как в ней разделение на классы осуществляется сразу по нескольким признакам (фасетам). При сопоставлении имеющихся классификаций обнаруживается их значительное сходство, т. е. даже при несколько различающихся подходах и классификационных схемах в классе «Время» выделяются примерно одни и те же рубрики. Это позволяет сделать заключение об их объективности. Различия, как правило, оказываются весьма ча-

стными и объясняются характером материала (литературная и диалектная лексика; лексика и фразеология), степенью детализации, а также принятой терминологией. Определенная сложность заключается в том, что идеографическая классификация ориентирована на ономаσιологический аспект — «позицию говорящего», а она при работе с диалектным материалом значительно отличается от позиции исследователя — «слушающего». Однако диалектологу дан лишь материал — совокупность текстов, и это единственное, из чего он может исходить. Любые априорные схемы — только гипотезы, которые подтверждаются или отрицаются в ходе анализа языковых фактов. Тем не менее сочетание дедуктивного и индуктивного методов исследования позволяет прийти к значимым результатам.

Определенная сложность связана также с тем, что в нашем исследовании на равных основаниях привлечены факты как лексики, так и фразеологии. Это объясняется принципиальным сходством этих словесных единиц. Тем не менее различия между ними также вполне очевидны. Это приводит некоторых лингвистов, в частности В. М. Мокиенко, к мысли о невозможности идеографической классификации фразеологизмов и афоризмов [5]. «Антропоморфичность» фразеологических единиц, сосредоточенность их в тематической группе «Человек» не позволяет, по мнению исследователя, применить данный тип классификации. Однако на практике мы видим ряд подобных описаний и классификаций, разработанных, например, А. С. Аксамитовым, Ю. П. Солодубом, Т. В. Козловой; наиболее удачная из них, по нашему мнению, представлена в работе Т. Г. Никитиной [6].

Группируемые языковые единицы (ЛСВ) могут объединяться в семантические поля, лексико-семантические группы (ЛСГ) или классы слов. При этом выбор типа группировки не является произвольным, он зависит как от характера материала, так и от применяемого метода. Как нам представляется, описанию темпоральной лексики не вполне адекватен популярный полевой подход, отражающий недискретный характер исследуемого объекта. (Укажем, что ряд авторов — Д. Г. Ищук, Ф. И. Папков — тем не менее используют его при изучении временных обозначений русского языка.) Понятие ЛСГ предполагает объединение слов на основе общих сем, его использование уместно при семасио-

логическом подходе. Сочетание ономаσιологического и семасиологического подходов, индуктивного и дедуктивного методов, применяющееся в данной работе, опора на понятийное содержание структурируемой области заставили нас использовать в качестве наиболее предпочтительного термин «класс слов».

Выделение понятийных (или лексико-семантических) классов слов имеет в лингвистике прочную традицию: от П. Роже, Х. Касареса, Р. Халлига и В. фон Вартбурга до М. В. Всеволодовой, Э. В. Кузнецовой, Л. Г. Бабенко и В. В. Морковкина. Понятийные классы напрямую связаны с концептуальной и языковой картинами мира. Как пишет Ю. Н. Караулов, «структура идеографического словаря составляет, особенно в своей инвариантной части, один из компонентов «картины мира», а именно статический ее элемент, который включает принципы членения лексического состава данного языка» [7, 259]. Выделяемые нами классы отражают ключевые, доминантные смыслы диалектной КМ.

Термин «смысл» в соответствии с представленными в научной литературе логико-философскими (Р. И. Павилёнис, Д. П. Горский) и лингвистическими (И. А. Мельчук) концепциями — это часть *«концептуальной системы носителя языка как системы его мнений и знаний о мире, отражающих его познавательный опыт на доязыковом и языковом этапах и уровнях»* [8, 12]. Смысл отличается от понятия своей культурной обусловленностью. Кроме того, в понятии обобщены лишь существенные признаки объекта. Термин «значение» понимается нами как лексическое значение, т. е. содержательная часть слова (языкового знака). Исходя из такого понимания, определенный смысл реализуется в значениях целого ряда лексем.

Некоторые авторы (Ф. И. Панков, Г. В. Звездова) отрицают возможность рассмотрения наречной и именной темпоральности в совокупности. Однако мы считаем это не только допустимым, но и необходимым (осознавая, разумеется, существенные различия, обусловленные категориальной принадлежностью лексем). Общим для них остается воплощение понятия времени, хотя и разных его сторон. Доказательством близости именной и наречной темпоральности служит общеизвестный факт адвербиализации имен.

Для выделения лексико-семантических классов применяется

методика, основанная на использовании разнонаправленных методов: а) опомасиологического (от понятия), соотносимого с общенаучным методом дедукции (от имеющихся схем, классификаций); б) семасиологического (от значения конкретного слова), соотносимого с индукцией. Семасиологический метод включает в себя элементы компонентного анализа значений и контекстный анализ.

Нами предлагается классификация, основанная на разграничении субъективной и объективной семантики (точнее — их преобладания в семантической структуре слова). Традиции подобного разграничения имеются в философской литературе, в частности у Г. Рейхенбаха, а также в лингвистической, см., например, работы М. В. Всеволодовой, Л. Н. Михеевой. Субъективность понимается здесь как относительность, рациональная оценка с позиции субъекта. Важным критерием является то, что в данном случае характеризуется не само время (или его отрезки), а события, совершающиеся во времени. Отсюда преобладание адвербиального выражения. Выделение классов субъективной направленности основано на принципе соответствия семантики лексем представлениям об основных свойствах времени (способность упорядочивать, непрерывность/дискретность, повторяемость событий во времени, длительность). Так, подкласс «Следование (временной порядок)» соответствует свойству времени «способность упорядочивать», основные смыслы, связанные с ним — «сначала — потом» (лексемы *сначала, перво, сперва, вперед — потом, опосля, напоследе*). Подкласс «Прерывистость, частота» соотносится со свойством времени «непрерывность / дискретность», основными смыслами являются «постоянно — непостоянно» (слова и сочетания *запостоянно, завсё, бесперечь, без продыху, день и ночь, всю бытность — порой, иногда, временем*). Подкласс «Цикличность, повторяемость» соответствует свойству времени фиксировать повторяющиеся события (*опять, снова, не по один раз, ежедённо*). Подкласс «Неопределенная длительность» связан со свойством времени «длительность, бесконечность», в нем реализуются смыслы «долго — недолго» и «временная безграничность».

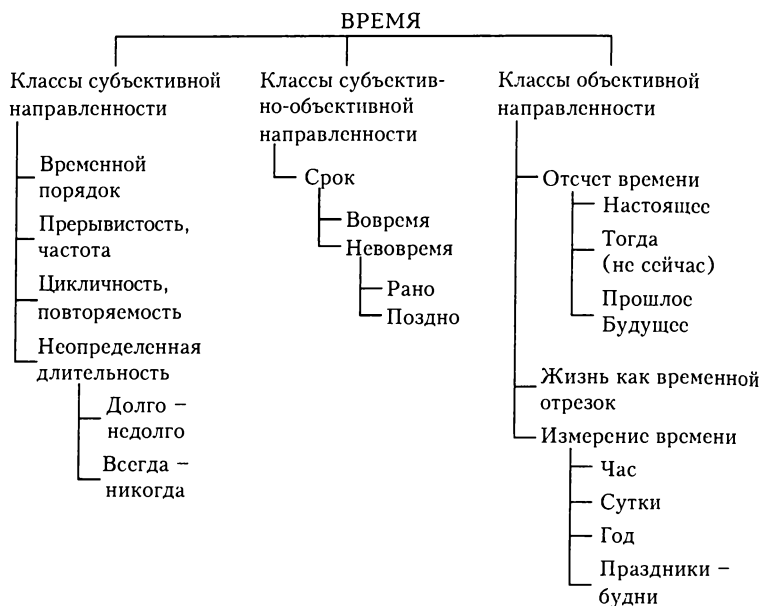
Классы объективной направленности выделены с опорой на такие характеристики времени, которые связаны с его отсчетом и измерением, базирующимися на общепринятых в европейской

и русской культуре представлениях. Это линейное движение времени, при котором время делится на отрезки, выделяемые в соответствии с астрономическими показателями. При отсчете определяется точка (период), относительно нее устанавливаются три модуса времени: прошлое, настоящее, будущее. Диалектный лексический материал позволяет выделить здесь еще один подкласс, соответствующий смыслу «тогда (не сейчас)» (лексемы *тогда, тожно, давеча, втупор*). Измерение времени основано на астрономических явлениях, в соответствии с чем выделяются основные подклассы, отражающие актуальную для диалектоносителей семантику: «Час», «Сутки», «Год и его сезоны». К ним примыкает подкласс «Праздники — будни», где отражены смыслы, конкретизирующиеся в той или иной культуре и в этом плане также могущие считаться объективными. К классам объективной направленности относится класс «Жизнь как временной отрезок», так как жизнь индивидуальной или типизированной личности представляет собой интервал, который может служить единицей измерения времени, вследствие чего жизнь подобна суткам или году, что отражено в диалектном материале.

Наряду с названными классами выделен также класс субъективно-объективной направленности. Это класс «Срок» с его подклассами. Срок — это момент совпадения или наступления чего-либо. Оценка совпадения/несовпадения действия с определенным временем (своевременность/несвоевременность) имеет не только субъективную природу, но и объективную, как в плане соотношения с природными или трудовыми циклами, так и в плане связи со стереотипными представлениями, свойственными данному социуму. Сюда относятся лексемы и сочетания *вовремя, впору, не в срок, рано, vorano, раньше время, безо время, поздно, вопоздо, после время*.

При выделении классов данные, полученные при помощи дедуктивного подхода (опомасиологического метода), корректировались данными, полученными в результате семасиологического анализа конкретного языкового (диалектного) материала. Далее каждый класс последовательно разбивался на подклассы (рубрики) в соответствии с основными дифференциальными семантиками, имеющимися в структуре значения соответствующих лексем. На последней стадии распределения материал представлен рядом синонимов или квазисинонимов.

Соотношение исследованных классов можно показать на следующей схеме:

Примечания

1. Морковкин В. В. Опыт идеографического описания лексики (анализ слов со значением времени в русском языке). М., 1977.
2. Всеволодова М. В. Способы выражения временных отношений в современном русском языке. М., 1975.
3. Панков Ф. И. Наречная темпоральность и ее речевые реализации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1996.
4. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
5. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М., 1989.
6. Никитина Т. Г. К вопросу о классификационной схеме фразеологического идеографического словаря // Вopr. языкознания. 1995. № 2. С. 68–82.
7. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. М., 1976.
8. Павилёнис Р. И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. М., 1983.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СООТНЕСЕННОСТЬ СЕМАНТИКИ МЕНТАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ И ПРЕДЛОЖЕНИЙ*

Анализ лексической семантики ментальных глаголов, употребляющихся в речи нижеволжских казаков, свидетельствует о функциональной соотнесенности имманентной предикатной структуры таких глаголов и семантических моделей предложений, отображающих разные параметры денотативной ситуации, связанной с ментальной деятельностью. Обращение к текстам различной стилевой и жанровой отнесенности позволило определить сферу функционирования ментальных глаголов, так как именно в ней формируются значения языковых единиц [1].

В семантической структуре ментальных глаголов главной в иерархии семантических компонентов выступает категориальная сема 'осуществление ментальной деятельности', манифестирующая логико-семантические отношения между субъектом и объектом мысли и участвующая в формировании имманентных предикатных структур, эксплицируемых на синтаксическом уровне. Комплекс разноуровневых признаков может быть передан в виде общей семантической модели **субъект мыслящий — процесс мысли — объект мысли**, которая отображает идею типовой ситуации и обнаруживает эквивалентность определенной синтаксической конструкции.

Методика реконструирования семантической структуры ментальных глагольных лексем дала возможность установить их смысловую структуру, проследить происходящие в процессе их функционирования семантические изменения модуляционного или деривационного характера. Вслед за С. П. Лопушанской мы разграничиваем семантическую модуляцию и семантическую деривацию. Термин «семантическая модуляция» обозначает перенос значения, результаты которого обнаруживаются при сопоставлении компонентов семантической структуры слова, сложив-

* Работа проводится в русле проекта, поддержанного РФФИ, № 04-06-96511 «Матричная реконструкция семантической структуры русских глаголов XVIII—XX вв., отражающая взаимодействие литературного языка и нижеволжских диалектов».

шейся в системе языка, со смысловой структурой словоформы, функционирующей в тексте. В процессе модуляции в семантической структуре слова происходит перегруппировка разноразрядных признаков при сохранении категориальной лексической семы, реализуются синонимические отношения данного слова, которые были в исходной лексико-семантической группе (ЛСГ). Термин «семантическая деривация» используется по отношению к развитию переносного значения, приводящего к разрушению категориально-лексической семы и установлению новых системных связей, характерных для другой лексико-семантической группы [2].

В зависимости от модуляционных или деривационных семантических изменений, которые происходят в смысловой структуре глагольных словоформ, функционирующих в речи нижеволжских казаков, нами выделены три типа ментальных глаголов. К первому типу относятся собственно ментальные глаголы литературного языка и диалектной речи, у которых ментальная семантика содержится в зафиксированном толковыми словарями прямом значении и сохраняется в процессе функционирования глагольной словоформы в речевом высказывании (*блзнить-ся, взгадать/взгадывать, вспоминать, домекнуть, казаться, мараковать, мыслить, осознать, постичь, спознать/спознавать* и т. п.). Во второй тип объединены функционально-ментальные глаголы, приобретающие ментальную семантику в переносных значениях в результате семантических изменений деривационного характера (*блукбть, видеть/увидеть, восстановить/восстанавливать, испытать/выпытывать, гуриться, жданковбть, пройти/проходить* и т. п.). Отмеченность подобных значений в словарях литературного языка и диалектной речи свидетельствует об узуальных процессах перегруппировки разноразрядных признаков в смысловой структуре слова, что может рассматриваться как системно-языковой факт. Третий тип включает этноментальные глаголы, у которых ментальная семантика развивается в переносных значениях как результат семантических изменений модуляционного характера (*бирчть, дотюмкать, подумкивать, помнть-ся, примараковать, расчислять/расчислить* и т. п.). Такие изменения, не зафиксированные в названных словарях, служат подтверждением того, что процессы перегруппировки семантических признаков в смысловой структуре менталь-

ных глаголов являются окказиональными и могут рассматриваться как особенность речи казаков.

Парадигматические отношения, которые формируются на основе сходства компонентного состава значений ментальных глаголов, составляют основу выделенных нами лексико-семантических групп глаголов познания, памяти, мышления, воображения, понимания. В качестве базовых слов в таких ЛСГ выступают собственно ментальные глаголы-идентификаторы *познавать*, *помнить*, *думать*, *воображать*, *понимать*. Синтагматически релевантная лексическая семантика ментальных глаголов обуславливает их предикатную позицию в предложении, отображающем определенную денотативную ситуацию ментальной деятельности. Выявленное нами функциональное соответствие между семной структурой ментальных глаголов и лексико-семантическими компонентами предложений, соотносимых с высказываниями, свидетельствует о внутреннем единстве денотативной ситуации, репрезентируемой соответствующей моделью.

При определении семантических моделей мы опирались на труды представителей семантического синтаксиса, теоретически обосновавших функциональный анализ семантических моделей предложений [3]. Семантические модели предложений с ментальными глаголами-предикатами представлены нами на основе выделенных ЛСГ, поскольку их члены обладают одинаковыми моделиобразующими интенциями. При их классификации мы отталкивались от экспериментального синтаксического словаря, в котором систематизированы семантические модели русских глагольных предложений, отражающих типовые ситуации процессуально-событийного мира [4].

Характер соответствия категориально-лексической семантики базовых глаголов-идентификаторов *познавать*, *помнить*, *воображать*, *думать*, *понимать* их предикатной позиции в предложении, соотносимом с высказыванием, обуславливает изосемию базовым семантическим моделям предложений. В нашем материале было выделено пять подобных моделей, соответствующих типовому контексту предложений, отображающих денотативную ситуацию, связанную с проявлением ментальной деятельности казаков:

1) **субъект — предикат познания — объект** с типовой семантикой «человек познает смысл, значение чего-л. в процессе изу-

чения и в результате приобретает знания, получает представление о ком-, чем-л.». Например: «Ведь совершенно неграмотные старики у вас на Дону говорят так, что иному потребуется три университета окончить, чтобы *познать* глубинность их мысли» (Кулькин 2000: 243) [5];

2) **субъект — предикат памяти — объект** с типовой семантикой «человек сохраняет и воспроизводит в памяти что-л.». Например: «Давыда *помнили*. Гадючий был казачина, здоровый. Мешки-пятерики одной рукой поднимал. Водки мог выпить целое ведро» (Кулькин 1996: 55);

3) **субъект — предикат мышления — объект мысли** с типовой семантикой «человек думает, размышляет, рассуждает о ком, чем-л., обдумывает что-л.». Например: «Гришка смотрел на Ивана Агеича и *думал*, что вот он бы не убоился никаких супостатов. Со спокойной уверенностью и на пож бы пошел, и на что похуже. Основательный он, глыбистый. Такого не любым плечом с места столкнешь» (Кулькин 1996: 44);

4) **субъект — предикат воображения — объект** с типовой семантикой «человек мысленно представляет что-л., воспринимает в мыслях, мечтах, фантазии, воображая что-л.». Например: «— Ежели бы ко мне такие красавицы припожаловали, — лукаво произнес штабс-капитан, — я бы немедля барыню сплясал. — А вы *вообразите*, что это случилось именно так, — подал голос еще один обитатель палаты» (Кулькин 2000: 74);

5) **субъект — предикат понимания — объект** с типовой семантикой «человек понимает что-л. (какие-л. явления, процессы, события), пропихивая в суть явлений на основе наблюдений, размышлений, специальных логических выводов». Например: «А в Завиду будто бес вселился... Пошла она на кладбище. И *поняла*. Вот оно в чем дело. На могиле у Натальи выросла березка, а у Андриана — дубок. Ветви их переплелись. Ветру нету. Листья шелестят, будто шепчутся о чем-то, разговаривают» (Когитин 1996: 98).

Эти и подобные примеры свидетельствуют о том, что в предложениях с предикатом, выраженным базовым глаголом-идентификатором, роль контекстных факторов в большинстве случаев незначительна. Это можно объяснить семантической самодостаточностью таких глаголов, поскольку набор дифференциальных признаков лексического значения идентификатора в ко-

личественном и качественном отношениях оказывается оптимальным.

Основные лексические варианты базовых семантических моделей предложений были выявлены с учетом актуализации дифференциальной семантики собственно ментальных глаголов и характера ее соответствия предикатной позиции.

Так, актуализация дифференциальной семантики у собственно ментальных глаголов, входящих в ЛСГ глаголов познания, задают основные варианты базовой семантической модели **субъект — предикат познания — объект**, которая присуща предложениям, отображающим различные параметры ситуации познания.

Одним из таких вариантов выступает модель, имеющая типовую семантику «человек познает что-л., приобретая какие-л. навыки». Конституирующими компонентами модели являются собственно ментальные глаголы-предикаты *наловчиться* (разг.), *натореть* (прост.), *научиться/учиться*, *поднатореть* (прост.), *обучиться/обучаться*, которые употребляются в предложениях, отображающих ситуацию эмпирического познания. В условиях контекста у этих глаголов происходит актуализация дифференциальных сем 'опыт', 'умение', 'споровка', которые помогают передать ситуацию познания, связанную с приобретением практического опыта.

Например: «Придвинувшись поближе к окну, вел скороговорку на счетах Трофим Ермилов. Здорово у него это получалось. Считать он *наторел* у Бореля на мельнице. Сперва мальчиком работал, кормил сторожевых собак, потом помощником мельника, а потом сам хозяин предложил научить его счетному делу. Пристроил к старику-немцу, и вот гляди, как он костяшками выбивает!» (Кулькин 1996: 452).

В этом примере употреблен просторечный глагол-предикат *натореть*, констатирующий результат приобретения навыка считать на счетах. Глагол *считать* обозначает знание субъектом арифметических действий. Между глаголом *натореть* и *считать* существует лексическая корреляция по семам 'знание' и 'умение', которые обеспечивают одно из условий их сочетаемости в составе сложного глагольного сказуемого. Кроме того, в конструкции высказывания имеются предложно-падежная форма существительного «счеты» («вел скороговорку на счетах»), глагольная лексема *научить* и словосочетание «счетное дело», ко-

которые «поддерживают» передаваемый смысл, связанный с ментальным действием, помогая конкретизировать его как результат овладения знаниями. Субъект настолько «натерел считать», что «на счетах» «вел скороговорку» и это у него «здорово» «получалось», «вот гляди, как он костяшками выбивает!».

Подобное наблюдается и у других собственно ментальных глагольных лексем, входящих в ЛСГ глаголов познания, а также у глаголов памяти, мышления, воображения, понимания. Актуализация дифференциальных сем в смысловой структуре словоформ, функционирующих в речевом контексте, увеличивает количество лексических репрезентаций их обязательных аргументов. В результате образуются изоморфные семантической структуре этих глаголов регулярные основные лексические варианты базовых семантических моделей предложений. Эти варианты расширяют семантику базовых моделей, добавляя к ним новые смыслы, связанные со спецификой проявления ментальной деятельности казаков.

Семантическая деривация у функционально-ментальных глаголов предопределяет их способность формировать изоморфные совмещенные и образные семантические варианты базовых моделей предложений.

Совмещенные варианты базовых моделей предложений, в которых употребляются функционально-ментальные глаголы первой разновидности, имеющие переносные значения на основе установления метонимической близости явлений, отображают соотношенность ментального мира с другими интеллектуальными системами, манифестируя сложные денотативные ситуации, характеризующиеся синкретизмом значений: 1) ментальных и перцептивных, 2) ментальных и эмоциональных, 3) ментальных и эмоционально-оценочных, 4) ментальной и речевой деятельности.

Так, семантическая деривация у функционально-ментальных глаголов, входящих в ЛСГ глаголов познания, обуславливает несколько совмещенных вариантов базовой семантической модели **субъект — предикат познания — объект**. В качестве одного из таких совмещенных вариантов предстает модель **субъект — предикат познания и восприятия — объект**, имеющая типовую семантику «человек познает что-то путем зрительного, слухового или другого наблюдения». Конституирующими компонента-

ми модели выступают функционально-ментальные глаголы-предикаты *видать/повидать*, *видеть/увидеть*, *доглядать/доглядеть* (диал.), *слыхать*, *слышать/услышать*, *услыхать* и др. Они употребляются в предложениях, отображающих ситуацию познания, связанную с приобретением эмпирических знаний. В семантической структуре этих лексем актуализированы дифференциальные семы 'получение' и 'сведения'. В речевом употреблении происходит уточнение способов приобретения таких знаний, которые касаются органов зрения или слуха.

Например: «Она *слышала* про коллективизацию, много читала про колхозы» (Кулькин 1996: 295).

В этом предложении глагол *слышать* употребляется в значении «иметь какие-л. сведения, знать по разговорам, слухам и т. п.». Об актуализации ментальной семантики свидетельствует объект, позиция которого замещена абстрактным существительным *коллективизация*. Глагол *читать* дополнительно указывает на то, что речь идет о знании субъектом факта коллективизации из печатных изданий. В предложении внимание акцентируется на семантике знания, происходит совмещение ментального смысла и смысла, связанного со слуховым и зрительным восприятием.

Подобные совмещенные варианты базовых семантических моделей предложений, отображающих синкретизм ментальных, перцептивных, эмоциональных, эмоционально-оценочных значений, а также значений речевой деятельности, формируют функционально-ментальные глаголы и других ЛСГ (глаголов памяти, мышления, воображения и понимания). В целом выделенные совмещенные варианты базовых моделей предложений обнаруживают метонимические связи денотативных ситуаций ментального мира с другими сторонами сознания (оценкой, волей, чувствами, речевой деятельностью и т. д.).

Образные варианты базовых семантических моделей предложений формируют функционально-ментальные глаголы второй разновидности, у которых переносные значения базируются на сходных ассоциациях, указывая на образную соотносительность денотативных ситуаций ментального мира с явлениями действительного мира.

Так, семантическая деривация у функционально-ментальных глаголов, входящих в ЛСГ глаголов мышления, обуславливает

несколько образных семантических вариантов базовой модели **субъект — предикат мышления — объект**, которая присуща предложениям, отображающим различные проявления ситуации мышления.

Одним из таких вариантов является модель, имеющая типовую семантику «человек напряженно и глубоко думает о чем-л., словно погрузившись в глубину сознания». В качестве конституирующего компонента модели выступают функционально-ментальные глаголы-предикаты *впадать*, *кулюкать* (диал.), *погружаться/погрузиться*, *углубляться/углубиться*. В предложениях они сочетаются с предложно-падежными формами существительных, обозначающих ментальные сущности: *думы*, *задумчивость*, *мысли*, *раздумье*, *размышления*.

Например: «Он стал *впадать* в какое-то раздумье, *погрузится* на некоторое время, как будто уйдет куда-то, а ему: — *Не углубляйся, не углубляйся*. — Боялась, что он вертухнется» (Хрестина Е. М., с. Краишево).

В этом предложении функционально-ментальные глаголы *впадать*, *погружаться*, *углубляться* употреблены в переносном значении, они обозначают глубокие раздумья человека. Субъект размышляет, полностью уходя в свой внутренний мир. Однако такое «погружение» вызывает опасение окружающих («*не углубляйся*»), поскольку это может привести к потере рассудка, когда можно, как говорят казаки, *вертухнуться*. По этому поводу у казаков имеется пословица «Думкой богаты, а языку кашки давай», которую они объясняют следующим образом: «Думкой богаты — это полезно, но пельзя все время держать мысли в себе, надолго и часто задумываться; нужно мыслям выход давать».

Подобные образные варианты базовых семантических моделей предложений формируют и другие функционально-ментальные глаголы, входящие в ЛСГ глаголов познания, памяти, воображения и понимания. Выделенные образные варианты базовых моделей предложений, отображающих метафорические связи депотативных ситуаций ментального и действительного мира, свидетельствуют о креативной составляющей умственной деятельности казаков.

В целом анализ предложений, в составе которых употребляются функционально-ментальные глаголы первой и второй разновидностей, показывает, что деривационные процессы в смыс-

ловой структуре словоформ, функционирующих в речевом контексте, обуславливают репрезентацию депотативной ситуации нестандартным образом, поскольку определяются употреблением лексического наполнителя базового компонента в переносном метонимическом или метафорическом значении.

Семантическая модуляция у этноментальных глаголов предопределяет их способность конституировать изоморфные специфические и этноспецифические семантические варианты базовых моделей предложений. Данный тип лексико-семантического варьирования обусловлен особым характером лексической семантики таких глаголов, которая присуща им как этноментальным единицам. Кроме того, своеобразным маркером подобных моделей является составная номинация «так казаки говорят», которая в предложении может быть эксплицитной или имплицитной, но всегда присутствует в беседе с информантами.

Специфические варианты образуют этноментальные глаголы первой разновидности, у которых прямое значение может быть зафиксировано в толковых словарях литературного языка и диалектной речи, тогда как переносные значения, появившиеся в результате семантической модуляции и отмеченные нами в речи нижеволжских казаков, отсутствуют в названных словарях. Актуализация дифференциальных и фоновых сем в смысловой структуре таких этноментальных глаголов помогает передавать дополнительные специфические смыслы в предложении.

Так, один из специфических вариантов базовой семантической модели **субъект — предикат понимания — объект** имеет типовую семантику «казак (казачка) сообразил, понял что-л., догадался о чем-л.». В качестве конституирующего компонента модели выступают глаголы-предикаты *загбдываться/загадбться* («догадываться/догадаться»), *сообразовбться* («сообразить, понять»). Актуализация в смысловой структуре этих глаголов дифференциальных сем ‘догадка’, ‘интуиция’, а также фоновых компонентов ‘локализация’, ‘соотнесенность’, указывающих на то, что субъект как бы прислушивается к себе, соотносит свой прежний опыт с новым, способствует манифестации дополнительных ментальных смыслов в семантике предложений, указывающих на понимание сути объекта на основе способности субъекта быстро схватывать основное, существенное в чем-либо, благодаря сообразительности и находчивости.

Например: «Ероха под его разговорку и приснул. Вскинулся отец. Дал сыну тукмапки. Обиделся тот. — Я, — говорит, — сначала слово на слух беру. *Сообразуюсь*, а потом думаю» (Когитиш 1996: 221).

В этом примере глагол *сообразоваться* употреблен в значении «сообразить, понять» и вместе с глаголом *думать* передает последовательность ментальных действий субъекта: Ероха сначала *сообразуется*, а потом уже *думает*. Процесс понимания в данном случае выступает как догадка субъекта, основанная на осмыслении воспринятого при помощи органов чувств («сначала слово на слух беру»). Это то, что связано с построением мыслительного образа, представления. В данном случае информанты, по-видимому, интуитивно чувствуют этимологическую связь глагола *сообразоваться* с общеславянским корнем **-образити* — «изобразить, нарисовать» [6, 300]. Глагол *думать* указывает на дальнейшее размышление, когда субъект догадался, мысленно «нарисовал» образ услышанного и начал о нем думать.

Подобные специфические варианты базовых семантических моделей предложений формируют и другие этноментальные глаголы первой разновидности, входящие в ЛСГ глаголов понимания, а также глаголов памяти, мышления и воображения. В исследуемом материале не представлены специфические варианты базовых семантических моделей, соответствующие типовой семантике ЛСГ глаголов познания, поскольку такие этноментальные глаголы нами не были зафиксированы.

Этноспецифические варианты образуют этноментальные глаголы второй разновидности, которые ни в одном значении не зафиксированы в толковых словарях литературного языка и диалектной речи и сохраняют черты самобытности ментальной деятельности казаков. Этому способствует актуализация фоновых сем в смысловой структуре этноментальных глаголов в речевом контексте, помогающих таким глаголам передавать дополнительные этноспецифические смыслы в предложении.

Так, один из этноспецифических вариантов базовой семантической модели **субъект — предикат воображения — объект** имеет типовую семантику «казаку (казачке) показалось что-то, пришло в воображение». В качестве конституирующего компонента модели выступает глагол-предикат *помниться*, имеющий значение «показаться, померещиться». Этот глагол употребля-

ется в предложениях, отображающих ситуацию воображения чего-либо, что не соответствует реально существующему предмету.

Например: «Вдруг видит, всадник вдали объявился. Никак турок! Или *помнилось*? Точно, всадник» (Когитин 1996: 180).

В данном примере в смысловой структуре глагола *помниться* актуализированы фоновые семы 'создание образа', 'домысел', 'плод фантазии', указывающие на несоответствие мыслительного образа действительности. Видоизменение смыслового фона связано с мысленным представлением, воображением действия, которое является плодом домысла или фантазии.

Подобные этноспецифические варианты базовых семантических моделей предложений формируют этноментальные глаголы второй разновидности, входящие в другие ЛСГ (глаголов познания, памяти, мышления и понимания).

В целом анализ предложений с этноментальными глаголами первой и второй разновидности показывает, что модуляционные процессы в смысловой структуре словоформ обуславливают расширение семантики базовых моделей, добавляя к ним новые, окказиональные смыслы, проявляющиеся в речи казаков.

Функциональная соотнесенность семной структуры ментальных глаголов и семантических моделей предложений, репрезентируя внутреннее единство всех компонентов денотативной ситуации, свидетельствует об их общем денотативном пространстве, связанном с определенными параметрами ментальной деятельности нижеволжских казаков.

Примечания

1. Екимов Б. П. Сочинения: В 3 т. Волгоград, 2000; Земцов С. Н. Живой родник: Загадки, пословицы и поговорки. Волгоград, 1985; Когитин В. В. Сказки-пересказки. Волгоград, 1996; Кулькин Е. А. Смертный грех: Роман в 3 ч. 2-е изд. Волгоград, 1996; Кулькин Е. А. Прощеный вск: Трилогия. Волгоград, 2000; магнитофонные записи устной речи казаков, проживающих в различных районах Волгоградской области: Жирновском (село Александровка), Новоаннинском (станция Староаннинская), Еланском (село Краишево), Даниловском (ст. Островская), Нехаевском (станция Луковская), Калачевском (хутор Камыши и станция Голубинская), Урюпинском (хутор Серковский) и др.

2. Лопушанская С. П. Семантическая модуляция как речемыслительный процесс // Русский глагол: история и современное состояние. (Научные школы Волгоградского государственного университета). Волгоград, 2000. С. 20–29.

3. См.: Бабенко Л. Г. Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности (на материале художественной речи А. Платонова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1980; Золото-

ва Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982; Ломтев Т. П. Природа синтаксических явлений // Филол. науки. 1961. № 3. С. 26–37; Он же. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979; и др.

4. Русские глагольные предложения: экспериментальный синтаксический словарь / Под ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002.

5. Здесь и далее в круглых скобках даются ссылки на источник; см. примеч. № 2.

6. См. этимологию слова *образ*: Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1975.

© Т. М. Воронина
г. Екатеринбург

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ КОМПОНЕНТОВ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА *УЯЗВЛЯТЬ**

Одним из направлений, разрабатываемых в настоящее время межвузовской проблемной группой «Русский глагол» под руководством проф. Л. Г. Бабенко, является описание русских синонимов в когнитивном освещении. Практическим воплощением этой работы стал «Словарь русских синонимов: Идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы» (в печати). Этот словарь продолжает серию идеографических словарей, изданных под редакцией Л. Г. Бабенко, является словарем нового типа; он «дает представление о системной организации русских синонимов» и «открывает возможности широкого использования словаря и в сфере фундаментальных исследований русской синонимии, и в сфере практического функционирования русского языка» [1].

Нельзя не согласиться с тем, что «сам факт существования в словарном составе языка множества номинаций одного и того же объекта — это показатель существенности, выделенности, выдвижения данной категории для той или иной нации, показатель релевантности стоящих за ней концептов» [2]. Одним из отмеченных синонимическими отношениями фрагментов картины мира является сфера речевой деятельности, и в частности

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, № 05-06-80193.

ситуация отрицательного речевого воздействия. В вышеназванном словаре приведено 36 синонимических рядов со значением речевого воздействия, из них 20 рядов моделируют ситуацию отрицательного речевого воздействия.

Подобные единицы привлекают внимание исследователей: ср., например, словарные статьи *придираться* (автор Т. В. Крылова) и *упрекать* (авторы Ю. Д. Апресян и М. Я. Гловинская) в «Новом объяснительном словаре синонимов» под редакцией Ю. Д. Апресяна; описание семантики и функционирования глаголов *обвинять*, *осуждать*, *винить*, *упрекать*, *попрекать* Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелевым [3] и др.

В качестве материала для рассмотрения нами был избран синонимический ряд с доминантой *уязвлять*, включающий глаголы *уязвлять*, *задевать*, *колоть*, *жалить*, *поддевать*, *подкалывать*, *подковыривать*, *подкусывать*, *подцеплять*, *уест*, объединенные семантикой 'причинить обиду насмешливым замечанием'. Отметим сразу, что глаголы *уязвлять*, *задевать*, *колоть* могут обозначать не только речевое воздействие, но и в широком смысле приведение в эмоциональное состояние; здесь мы, безусловно, наблюдаем пересекаемость сфер речи и эмоций. Ср.: *Надежда Осиповна с самого начала почуяла недоброе; ее удивило и уязвило, что как будто все без нее прекрасно обходилось* (Тынянов). *Неблагодарность девушек глубоко его задела* (Солженицын). *Однако что-то в выражении лица Загряцкого кольнуло Николая Петровича* (Алданов). Но все-таки значительное преобладание контекстов с этими глаголами именно в «речевом» значении, думается, позволяет их рассматривать в рамках данного синонимического ряда, а глагол *уязвлять* — в качестве его доминанты (все остальные единицы ряда являются номинациями метафорическими и/или стилистически маркированными).

Рассмотрим семантические и прагматические сходства и различия членов ряда.

Во-первых, сходны сами высказывания, которые причиняют обиду. Это всегда именно замечание, короткая фраза: *Лев Леонидович со смехом сказал: «Раскололся-таки!» — и еще больше задел Олега* (Солженицын). *«Еще не было», — сказал старик, подчеркнув слово «еще» не без желания уколоть отступающих солдат* (Казакевич). *«А какая я была девчонкой — ух ты, держись! Все на ниточку привязывали к буфету, чтобы не балова-*

ла». — «А теперь разве не на ниточке?» — подковырнул Андрей Иванович (Замятин); ср. невозможность или сомнительность фразы *Долгий разговор на эту тему уязвил (задел, уколол, ... X-а), а в контекстах типа Создается впечатление, что человек, который пишет эту самую рецензию, желает подковырнуть автора и его труд (газ.), скорее всего, имеется в виду не целый текст как способ подковыривания, а фраза из этого текста. Во-вторых, обидное замечание либо адресуется самому собеседнику, либо касается того, что ему дорого, что для него важно (т. е. входит в его «личную сферу»): «Жил бы честно, никого бы и не боялся». — Это она больно уела (Шукшин). Можешь подцепить ее разговором на тему, как ей с мужиками не везет (РР). Он был очень самолюбив, и его сильно задевали насмешки товарищей над отсутствием развязности и неловкостью евреев (Короленко). В-третьих, все глаголы данного ряда являются перлокутивами, т. е. «обозначают речевой акт с реальным, достигнутым результатом, притом запланированным заранее» [4]. В их семантике имеется указание и на само речевое действие — говорящий произносит насмешливое, меткое, злое замечание, короткую фразу в адрес собеседника или по поводу того, что для него важно, дорого, с целью вызвать досаду, раздражение, причинить обиду; и на результат этого действия — собеседник обижен, раздражен, раздосадован. Например: Но она, конечно, говорила это только для того, чтобы досадить ему, уязвить, — есть такие особы, которые под видом дружеской откровенности любят говорить неприятные вещи (Трифонов) — «неприятные вещи», безусловно, с точки зрения адресата речи; А кто-то из художников, Коля Соколик, все-таки его поддел: сказал вскользь (вскользь, но все мы отлично поняли, засмеялись) — а сказал Коля ему вот что: ты, Чубик, не опоздаешь ли сегодня на работу?... Чубик погрозил пальцем: «Но-но. Опять эти кретинские шутки!» (Маканин) — ответная реплика адресата вполне ясно выражает его эмоции, вызванные поддеванием; аналогично в примере: Эти поддразнивания уязвляли Иудушку до бесконечности; но он возражал слабо и больше сердился, а когда Аннинька, в своем озорливом науськиванье, заходила слишком далеко, то кричал криком и проклинал (Салтыков-Щедрин). Ср. также контексты, репрезентирующие ситуацию, когда результат речевого действия субъекта будто бы не достигнут, но на самом деле отсутствует только внешнее про-

явление реакции адресата: *Мама иронически улыбалась, говоря, что нисколько этим юмором не задета, пожалуйста, продолжайте в том же духе. Но она никогда бы не призналась, если б была задета* (Трифонов). Мишка сказал с целью уязвить Григория, но тот и виду не подал, что замечание его задело (Шолохов). Отметим, что и формы несовершенного вида рассматриваемых глаголов (употребляемые, кстати, значительно реже, чем формы совершенного вида) также указывают на достигнутый результат, они имеют значение не длительности, а повторяемости действия: *Остальные барышни, с которыми она воспитывалась, большей частью из хороших фамилий, не любили ее, язвили ее и кололи, как только могли; Ася им на волос не уступала* (Тургенев); при невозможности фразы **Они кололи ее, но не могли уколоть*.

Различия между единицами рассматриваемого ряда касаются прежде всего степени воздействия на адресата, которая может варьироваться от оскорбления, причинения глубокой обиды, душевной боли до легкой иронии, подшучивания. В этом отношении противопоставлены друг другу глаголы *уязвлять, жалить*, с одной стороны, и *поддевать, подкалывать, подковыривать, подкусывать, подцеплять* — с другой: Слово было жестоко; оно глубоко уязвило Обломова: *внутри оно будто обожгло его, снаружи повеяло на него холодом* (Гончаров). *«У меня русские убили сына, а у тебя его забрали наци. ... Если его казнят, то русские тебя за это помилуют. Зачтут тебе. Но зачем тогда тебе спасение, профессор?»* Горбун жалил его, язвил (Графин). VS *«Это все констатация»*, — весело поддел его однажды Дмитрий Алексеевич (Дудинцев). Помню, как в старших классах подкалывали отпетых двоечников: *«Куда поступать-то будешь, в заборостроительный?» Специализация мифического вуза неизменно вызвала дружный смех* (газ.). Невозможны или сомнительны сочетания **ласково уязвить, *весело жалить* или **злобно подковырнуть, подцепить, подкусить* [5]. Глагол *колоть* тяготеет к первому типу, лишь однократное *кольнуть* способно обозначать ситуацию как незлого подшучивания, так и причинения обиды: Впрочем, обе дамы нельзя сказать чтобы имели в своей натуре потребность наносить неприятность, и вообще в характерах их ничего не было злого, а так, нечувствительно, в разговоре рождалось само собою маленькое желание кольнуть друг друга; просто одна другой из небольшого наслаждения при случае всунет иное

живое слово: вот, мол, тебе! (Гоголь). *Пьяная болтовня музыканта, по-видимому, кольнула Брыковича в самое больное место* (Чехов). Глагол *уест* также не предполагает четкой спецификации производимого воздействия: *«Ну, уел, уел он тебя, Степка! — засмеялись фронтовики. — Ничего не скажешь!»* (Носов). *«Жил бы честно, никого бы и не боялся».* — *Это она больно уела* (Шукшин); для этого глагола, как кажется, более важно указание на то, что говорящий старается показать свое превосходство, поставив адресата речи в затруднительное или смешное положение. Наиболее широкий спектр воздействия обозначается глаголом *задевать*: вызвать досаду, раздражение, причинить обиду адресату, показать, что у него мало поводов для гордости, высокой самооценки (возможно, несправедливо), показать свое превосходство, спровоцировать конфликт и т. п.; речевое воздействие может поддерживаться самим тоном речи, характером общения. Например: *В Петербурге при прощанье она не попросила его писать (просто забыла), и это его задело* (Алданов). *Любовь почувствовала в простоте речи Смолина снисходительное отношение к ее отцу, это ее задело* (Горький). *Его неприятно задели последние слова Сергея, этот моментальный вывод, который он сделал из сообщенного Вадимом известия о болезни матери* (Трифонов). *Указать ему эту дурную сторону... задеть самолюбие, опять-таки его детское самолюбие, его слабую сторону, суметь добиться этого — вот задача правильного воспитания* (Гарин-Михайловский). *Мерула, очевидно желая задеть противника за живое и вызвать на спор, начал говорить о совершенстве древних, о том, что следует им подражать* (Мережковский).

Учет рассмотренных выше сходств и различий описываемых единиц позволяет уточнить приводимые в словарях толкования и следующим образом сформулировать семантическую идею и прототип [6] для данного синонимического ряда.

Семантическая идея: произносить (произнести) насмешливое замечание в чей-либо адрес с целью обидеть.

Прототип: произносить насмешливое, меткое, злое замечание, короткую фразу в адрес собеседника или по поводу того, что для него важно, дорого и т. п., возможно, воспользовавшись обмолвкой, ошибкой собеседника или его пеловким положением; с целью вызвать досаду, раздражение, причинить обиду, показать, что у него мало поводов для гордости, высокой само-

оценки (возможно, несправедливо), продемонстрировать свое превосходство, спровоцировать конфликт и т. п. Речевое воздействие может поддерживаться самим тоном речи, характером общения; степень воздействия может варьироваться от легкой иронии до оскорбления.

Примечания

1. *Бабенко Л. Г.* Предисловие // Словарь русских синонимов: Идеографическое описание. Антонимы. Фразеологизмы (в печати).

2. *Бабенко Л. Г.* Русские синонимы в когнитивном освещении: новый идеографический словарь синонимов // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всеросс. науч. конф., 14 – 16 апр. 2005, Екатеринбург, Россия / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2005. С. 12–17.

3. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Оценочные речевые акты извне и изнутри // Логический анализ языка: Язык речевых действий. М., 1994.

4. *Гловинская М. Я.* Русские речевые акты и вид глагола // Логический анализ языка: Модели действия. М., 1992.

5. Глаголы *поддевать*, *подкалывать*, *подковыривать*, *подкусывать*, *подцеплять* имеют значение 'произносить (произнести) насмешливое, ироничное или шутовское замечание, короткую фразу, тем самым задевая собеседника или просто подшучивая, незло подсмеиваясь над ним'. Это метафорические наименования, и, как представляется, при формировании метафорического значения, в процессе которого отрицательное речевое воздействие уподобляется легкому отрицательному воздействию, «накладываются друг на друга» два различных значения приставки *под-*: 'указывает на распространение действия на низ чего-л.' и 'указывает на совершение действия или проявление состояния в ослабленной степени'. Поэтому можно сформулировать значение этих глаголов так: 'произносить (произнести) насмешливое, ироничное или шутовское замечание, короткую фразу, тем самым задевая собеседника или просто подшучивая, незло подсмеиваясь над ним, будто вызывать (вызвать) легкое болезненное ощущение, подцепляя снизу чем-л. острым'.

6. См. обоснование данных понятий [1, 2].

© М. В. Милованова

г. Волгоград

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯДЕРНЫХ ГЛАГОЛЬНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПОСЕССИВНОСТИ В НЕБЛИЗКОРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКАХ

Категория посессивности, наряду с категорией пространства и времени, является одной из универсальных понятийных категорий. Само понятие посессивности весьма неоднозначно. В ра-

ботах зарубежных лингвистов распространено широкое понимание посессивности с позиций ономаσιологического подхода. В частности, Х. Сейлер отмечает, что «семаптически посессивность можно отнести к *биокультурным* концептам. Это отношения между человеком и его родственниками, частями тела, материальной собственностью, культурными и интеллектуальными продуктами его деятельности. В более широком смысле – это отношения между организмом в целом и его частями» [1, 4]. В отечественной лингвистике большинство ученых считают, что центральным для категории посессивности является значение собственно обладания [2].

В самом общем виде отношения посессивности представляют собой отношения между посессором (субъектом) и объектом посессивности, которые находятся в определенном пространственно-временном континууме. В данном случае мы можем говорить о бинарной оппозиции, поскольку без посессора не существует объекта посессивности, и наоборот. Многие исследователи говорят о тесной связи посессивности и бытийности. В частности, О. Н. Селиверстова рассматривает посессивность как локализованное бытие и считает, что конструкции типа «Х имеет Y» и «у Х есть Y» можно отнести к классу экзистенциальных, так как в них сообщается о нахождении объекта в некотором пространстве [3]. Г. А. Золотова также включает посессивные предложения в состав бытийных предложений, сообщающих о существовании предмета [4]. Другие ученые характеризуют экзистенциальные и посессивные конструкции отдельно, однако называют их «родственными» [5].

Структура посессивности как явления категориального уровня весьма неоднородна. Так, Л. Н. Головачева объясняет это, во-первых, разнообразием средств выражения данной категории (как категориальных, так и некатегориальных), которые дифференцируются в зависимости от субъекта обладания и объекта обладания. Вторая причина заключается в обратимости самого отношения посессивности, которое в зависимости от точки отсчета может рассматриваться как отношение «вхождения» либо как отношение «включения». Третья причина состоит в том, что в зависимости от ситуации отношения посессивности могут трактоваться как неподвижные, статичные, и как движущиеся, динамичные [6].

В различных языках существует свой определенный набор языковых средств, выражающих значение посессивности, в частности, можно говорить о предикативных и атрибутивных конструкциях. Центр предикативной посессивности составляют конструкции, в которых эксплицитно представлены все три элемента посессивной ситуации: субъект-посессор, объект, а также предикат со значением посессивности. В зарубежной лингвистике при характеристике предикативной посессивности выделяются ее различные типы [7]. Прототипические случаи репрезентации отношений посессивности представляют собой набор следующих свойств: посессор-человек, конкретный объект посессивности и так называемое пространственное приближение между посессором и объектом. Как отмечает Х. Сейлер, «лингвистический посессор является репрезентацией отношений между двумя субстанциями. Субстанция А, называемая посессором, прототипически одушевленная, конкретнее — является человеком, а если еще более сузить определение, обладает индивидуальностью или близка говорящему» [1, 38].

В центре нашего внимания находятся предикативные конструкции, среди которых ядерными будут конструкции с глаголом *иметь* в русском языке, *haben* в немецком языке и *have* в английском языке. Близкими с точки зрения семантики являются конструкции с глаголом *принадлежать* в русском языке, *gehören* в немецком языке и *belong* в английском языке. С точки зрения грамматической структуры в конструкциях с глаголом *иметь* во всех обозначенных языках подлежащим является посессор, а в конструкциях с глаголом *принадлежать* — объект посессивности. Как утверждает Х. Сейлер, между двумя типами конструкций существует качественная асимметрия: так, в английском языке конструкции с *have* имеют тенденцию к многозначности (хотя во всех значениях присутствует компонент владения), а конструкции с *belong* однозначны, ограничены только владением [1, 61]. Однако другие исследователи утверждают, что *belong* является многозначным глаголом и не ограничен только выражением владения, по крайней мере, в таких европейских языках, как английский, французский, испанский, немецкий, датский, эквиваленты глагола *belong* обладают как локативным, так и посессивным значениями [7].

Для нас интерес представляет семантическая структура при-

вешенных глаголов в сопоставительном аспекте, которую мы, вслед за Э. В. Кузнецовой, рассматриваем с точки зрения иерархии категориальной, интегральных и дифференциальных сем [8].

В современном русском языке глагол *иметь* (наряду с глаголами *владеть*, *обладать*, *располагать*) включается в состав глаголов владения, в рамках которых выделяются глаголы обладания, среди которых он является базовым. В материалах «Толкового словаря русских глаголов» под редакцией проф. Л. Бабенко в качестве эквивалентов глагола *иметь* в английском языке приводятся глаголы *have*, *possess* [9]. В немецком языке эквивалентом глагола *иметь* является прежде всего глагол *haben* (синонимичные глаголы *besitzen*, *verfögen* в статье мы не рассматриваем). Остановимся на семантических особенностях глагола *иметь* и его эквивалентов в немецком и английском языках.

Категориально-лексической семой глагола *иметь* (и его эквивалентов) является сема «наличие объекта в сфере субъекта». Данная категориальная сема может быть реализована в таких интегральных признаках, как «характер обладания субъекта объектом», «степень обладания субъекта объектом», «цель обладания субъекта объектом». Эти семантические признаки, в свою очередь, могут реализовываться в более конкретных дифференциальных семах. При этом в качестве релевантной интегральной семы в семантической структуре рассматриваемых глаголов выступает сема «характер обладания».

Субъект при всех рассматриваемых нами глаголах в прямом значении характеризуется как активный, конкретный, одушевленный. Рассмотрим реализацию релевантной интегральной семы «характер обладания субъекта объектом». В семантической структуре глагола *иметь* данная сема может быть выражена по-разному, поскольку приведенный глагол представляет посессивные отношения в наиболее общем виде. В случае если объект имеет неодушевленный конкретный характер, указанная интегральная сема выражена как «принадлежность объекта сфере субъекта»: *Сторожевые псы то стадо стерегли, И ружья пастухи имели* (ССРЛЯ) [10]; *...имел псалтирь и чотки, Клобук, стихарь да штоф зеленой водки* (СЯП). Если же объект носит одушевленный конкретный характер, т. е. имеется тот, кто обладает, и тот, кем обладают, между субъектом и объектом устанавливается определенная связь — реляция. В такой ситуации можно говорить

о равнореляционных отношениях между субъектом и объектом и неравнореляционных отношениях. В случае равнореляционных отношений интегральная сема «характер обладания» представлена как «наличие объекта в сфере субъекта в определенном качестве»: *Почти все иностранные генералы имели с собою своих жен и детей, по той причине, что в случае разлуки срок свидания неизвестен* (СЯП). Неравнореляционные отношения обуславливают иной характер обладания — как «подчинение объекта сфере субъекта» (зависимость объекта от субъекта, воздействие субъекта на объект): *Езерский сам же твердо ведал, что дед его, великий муж, Имел двенадцать тысяч душ* (СЯП). Следует особо сказать о том, что в древнерусском языке глагол *иметь* прежде всего употреблялся в контекстах с неодушевленным абстрактным объектом (*честь, обычаи* и т. д.), что получило дальнейшее развитие в современном русском языке.

Помимо глагола *иметь*, собственно посессивное значение в русском языке могут также выражать глаголы *владеть* и *обладать*, которые обнаруживают свою специфику при реализации релевантной интегральной семы. Как и у глагола *иметь*, релевантная интегральная сема в семантической структуре глагола *владеть* может быть выражена как «принадлежность объекта сфере субъекта», объект при этом имеет неодушевленный характер. Однако по сравнению с глаголом *иметь* объект при глаголе *владеть* является значимым и носит расширительный характер: *Владеть землей имеем право; СССР владеет рядом островов в Арктике* (ССРЛЯ). Объект при глаголе *владеть* может иметь и одушевленный характер. В таких случаях в семантике глагола отражаются неравнореляционные отношения, поскольку объект находится в полной зависимости от субъекта, в его власти: *Клянусь, ты будешь владеть конем, только за него ты должен отдать мне сестру; Крепостными душами и землями они, кажется, никогда не владели* (ССРЛЯ). В современном русском языке распространены также конструкции «глагол *владеть* + неодушевленный абстрактный объект в переносном значении»: *владеть красотой, прелестью, умами* и др. (СЯП; ССРЛЯ).

Объект при глаголе *обладать* в большинстве случаев выражен неодушевленным именем существительным. В таких случаях релевантная интегральная сема выражена в семантической структуре глагола как «принадлежность объекта сфере субъек-

та», объект при этом также носит расширительный характер, причем, в отличие от глагола *владеть*, это еще более значимый объект: *Не хочу обладать миром, хочу твоего взора* (ССРЛЯ). Аналогичные контексты были отмечены еще в древнерусском языке, однако объект при анализируемом глаголе мог носить одушевленный характер, например, в случае, когда речь шла о завоевании одного народа другим. Релевантная интегральная сема выражена в таких случаях как «полное подчинение объекта сфере субъекта». В современном русском языке, в отличие от приведенных примеров, одушевленный объект при глаголе *обладать* сохранился лишь в устойчивом сочетании *обладать женщиной*; широко представлены контексты с абстрактным неодушевленным объектом: *обладать способностями, даром, навыками* и др. — это, как правило, какое-либо отличительное (значимое) качество человека. В немецком и английском языках нами рассматриваются только эквиваленты глагола *иметь* — глаголы *haben* и *have*.

Поскольку немецкий и английский языки относятся к так называемым Habeo-языкам (в отличие от русского Esse-языка), немецкий глагол *haben* и английский глагол *have* обнаруживают широкий спектр значений, не все из которых явно выражают посессивность. Прежде всего, можно говорить о трех различных значениях. Собственно посессивное значение ярко представлено в конструкциях, где выражено статическое отношение между двумя сущностями (субъектом и объектом), например: *Sie hat eine Katze; She has a cat* (*У нее есть кошка*). Это так называемая прототипическая посессивность. Второй случай употребления глагола *иметь* в английском языке отражает ситуацию, когда субъект находится в определенном состоянии, типа *She has a cold* (*Она простужена*), в данном случае это так называемая абстрактная посессивность. Поскольку здесь объект носит абстрактный характер, употребление глагола можно охарактеризовать как переносное и не рассматривать в рамках собственно посессивности, объект в такого рода конструкциях сливается с глаголом и образует вербально-номинативный комплекс. В немецком языке не всегда приведенная ситуация передается глаголом *иметь* (*haben*), это может быть и глагол *sein*. Так, *Она простужена* в немецком языке будет *Sie ist erkältet*. Однако другие состояния субъекта могут быть переданы и с помощью гла-

гола *haben*: *Sie hat Fieber* (У нее жар); *Sie hat Schmerzen* (У нее боли).

В третьем случае немецкий глагол *haben* и английский глагол *have* употребляются в качестве вспомогательного глагола. Однако в такого рода конструкциях глагол выступает как грамматическое средство и не выражает значение посессивности. В случае если в предложениях с использованием указанных глаголов и выражено какое-то посессивное значение, это обусловлено основным глаголом, например: *Sie hat eine Katze gekauft*; *She has bought* (Она купила кошку). Субъектно-объектные отношения здесь выражены не посредством глагола *иметь*, а с помощью лексического значения основного глагола *купить*, который указывает на начальную стадию посессивных отношений — приобретение объекта субъектом. Рассмотрим отдельно немецкий глагол *haben* и английский глагол *have*.

В немецком языке основной глагольной посессивной конструкцией является предикативное словосочетание с глаголом *haben*, имя посессора выступает в роли подлежащего, имя объекта обладания — в роли прямого дополнения (употребляется в форме винительного падежа), отношение посессивности выражается самим глаголом *haben*. Аналогичная картина наблюдается и в английском языке.

В качестве субъекта при глаголе *haben* в прямом значении отмечены одушевленные имена существительные, обозначающие лицо (или совокупность лиц). Объект при глаголе *haben* может иметь различный характер. Так, в роли объекта могут выступать неодушевленные имена существительные, обозначающие разнообразные материальные предметы: *Er hat zwei Brote unter dem Arm* (Remarque) — У него подмышкой две буханки хлеба; *Hast du in der linken Hand eine Zigarre oder einen Priem?* (Remarque) — У тебя в левой руке сигара или жевательный табак? Причем такого рода конструкции гораздо шире распространены в немецком языке, нежели в русском, поскольку в русском языке в аналогичного рода контекстах, как правило, представлены бытийные конструкции.

В качестве объекта при глаголе *haben* могут также выступать одушевленные имена существительные, в таких случаях объект включается в сферу субъекта в определенном качестве (в русском языке в данных примерах также могут быть представлены

бытийные конструкции): *Wir haben Verwandte in Hamburg* (Mann) — *У нас родственники в Гамбурге* (*Мы имеем родственников в Гамбурге*); *Er hatte kleine Freunde* (Mann) — *У него были маленькие друзья* (*Он имел маленьких друзей*). Объект может иметь и неодушевленный абстрактный характер, однако такого рода конструкции включаются нами в переносное употребление глагола *haben*.

В английском языке глагол *have* является весьма распространенным и выражает прежде всего полное обладание субъекта объектом: *They have three houses* (PED) — *У них три дома* (*Они имеют три дома*), как и в немецком языке, это прежде всего материальные предметы: *He has two cars* (CED) — *У него две машины*. Неодушевленный объект может быть частью сферы субъекта, выражать определенное качество субъекта: *She has red hair* (PED) — *У нее рыжие волосы*. В случае если объект носит одушевленный характер, он входит в сферу субъекта в определенном качестве: *They have many friends* (PED) — *У них много друзей*. Объект при глаголе *have* может также иметь неодушевленный абстрактный характер: *to have an idea*, *to have a shock* и т. д., мы относим данные случаи к переносному значению глагола *have*.

Рассмотрим близкий глагол *принадлежать* и его эквиваленты в немецком и английском языках. С точки зрения грамматики глаголы *иметь* и *принадлежать* являются конверсивами и различие между ними во всех анализируемых языках состоит прежде всего в залоге. В транзитивных конструкциях с *иметь* подлежащим выступает посессор, как и Агенса в активном залоге, в то время как в конструкциях с непереходным глаголом *принадлежать* подлежащим является объект посессивности, как и Пациенса в пассивном залоге. Поэтому конструкции с глаголом *принадлежать* имеют более узкое значение, чем конструкции с глаголом *иметь*. Глагол *принадлежать* в русском языке так же, как и глагол *иметь*, выражает значение полного обладания субъекта объектом, но, в отличие от глагола *иметь*, подчеркивает правовой аспект посессивных отношений — «быть чьей-либо собственностью», поэтому, как правило, речь идет о неодушевленном объекте, например: *Дача давно продана, теперь она принадлежит какому-то чиновнику* (ССРЛЯ). В качестве объектов распространены различные наименования недвижимости — *дача, дом, имение* и т. п. В случае если же объект одушевленный,

он находится в подчиненном отношении к субъекту-посессору: *По решению уездного суда отныне принадлежите вы Кириллу Петровичу Троекурову* (СЯП). Однако в большинстве случаев в современном русском языке глагол *принадлежать* распространен в конструкциях с неодушевленным абстрактным объектом: *мысли, слава, чувства* и т. д.

В немецком языке так же, как и в русском языке, в семантике глагола *gehören* подчеркивается правовой аспект посессивных отношений: *Das Buch gehört mir* (DUW) — *Книга принадлежит мне*. В конструкциях с одушевленным объектом выражено значение полного вхождения объекта в сферу субъекта-посессора: *Er gehört schon ganz zu unserer Familie* (DUW) — *Он полностью принадлежит семье*, в данном случае объект является частью целого. Специфика семантики глагола *gehören* обусловила его употребление в конструкциях, выражающих какой-либо установленный порядок, определенное правило: *Das Fahrrad gehört nicht in die Wohnung* (DUW) — букв.: *Велосипед не принадлежит к комнате*; в региолектах: *Ihm gehört eine Ohrfeige* (DUW) — букв.: *Ему принадлежит оплеуха*.

В английском языке глагол *belong* также выступает прежде всего в значении «быть чьей-либо собственностью»: *That coat belongs to Jim* (PED) — *Тот пиджак принадлежит Джиму*. Широко в английском языке представлены конструкции с глаголом *belong*, в которых объект является частью целого (субъекта-посессора): *Nuts and bolts belong to a car* (PED) — букв.: *Гайки и болты принадлежат к машине*; *Whales belong among the mammals* (PED) — *Киты принадлежат (относятся) к млекопитающим*. Как и в немецком языке, очень часто это постоянная связь, установленное правило: *That plate belongs in the cupboard* (CED) — букв.: *Эта тарелка принадлежит буфету*. Причем, как правило, объект имеет постоянное место в сфере субъекта-посессора. Сопоставляя глаголы *иметь* и *принадлежать* в английском языке, А. В. Исаченко утверждает, что, хотя оба глагола имеют общее ядро значения, в частности *место действия* и *владение*, *belong* имеет более конкретное значение и является «более лексическим глаголом», чем *have* [11].

Подводя некоторые итоги, хотелось бы подчеркнуть, что в современной лингвистике одним из ведущих подходов при анализе фактического материала является антропоцентризм, в цен-

тре внимания исследователей находится *человек* и все, что с ним связано. Человек — одушевленный субъект существует в определенном пространстве, где его окружает множество разнообразных объектов, с которыми он вступает в определенные отношения. Одними из ведущих в процессе познания человеком окружающей действительности являются отношения посессивности. С этой точки зрения весьма актуальным можно считать характеристику языковых средств, репрезентирующих различные виды человеческой деятельности. Проведенный сопоставительный анализ ядерных глагольных средств выражения посессивности в неблизкородственных языках позволяет говорить о специфике отражения в этих языках универсальной понятийной категории посессивности.

Примечания

1. *Seiler H.* Possession as an operational dimension of language. Tübingen, 1983.
2. См.: Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.
3. *Селиверстова О. Н.* Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом «быть» // *Вопр. языкознания.* 1973. № 5. С. 95–106.
4. *Золотова Г. А.* О роли глагола в структуре предложения // *Русский язык за рубежом.* 1981. № 5. С. 64–70.
5. См., например: *Григорьева В. С.* Семантические типы бытийных предложений в аспекте их денотативной соотнесенности // *Коммуникативно-прагматические и семантические функции речевых единств.* Калинин, 1980. С. 136–141.
6. *Головачева Л. Н.* Категория посессивности в плане содержания // *Категория посессивности в славянских и балканских языках.* М., 1989. С. 45.
7. *Heine B.* Possession. Cognitive sources, forces and grammaticalization. Cambridge, 1997.
8. *Кузнецова Э. В.* Русская лексика как система: Учеб. пособие. Свердловск, 1980.
9. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 1999. С. 578.
10. Здесь и далее примеры даются из: *Словарь современного русского литературного языка:* В 17 т. М., 1951. Т. 2; М., 1956. Т. 6; М., 1959. Т. 8; М., 1961. Т. 11 (ССРЛЯ); *Словарь языка А. С. Пушкина:* В 4 т. М., 1956. Т. 1.; М., 1957. Т. 2; М., 1959, Т. 3 (СЯП); *Duden Deutsches Universalwörterbuch.* Dudenverlag Mannheim; Wien; Zürich, 1989 (DUW); *Collins English dictionary.* Fifth Ed. Glasgow, 2000 (CED); *The new PENGUIN English dictionary.* Penguin books, 2000 (PED); *Mann T.* Mario und der Zauber. Leipzig, 1962 (Mann); *Remarque E. M.* Der Weg zurück. Berlin, 1931 (Remarque).
11. *Isačenko A. V.* On HAVE and BE Languages. In *Slavic Forum. Essays in Linguistics and Literature.* Paris, 1974. P. 64.

**СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ РАБОТЕ КАФЕДРЫ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА УРАЛЬСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А. М. ГОРЬКОГО**

Филологическая общественность России хорошо знает доктора филологических наук, профессора Людмилу Григорьевну Бабенко прежде всего как замечательного лексиколога и лексикографа, возглавляющего сегодня уральскую лексикологическую школу, основанную в семидесятые годы минувшего века профессором Эрой Васильевной Кузнецовой. В течение многих лет Л. Г. Бабенко руководит основными организационными структурами этой знаменитой научной школы — кафедрой современного русского языка филологического факультета Уральского государственного университета им. А. М. Горького и межвузовской проблемной группой «Русский глагол». Достижения Л. Г. Бабенко и ее учеников в области русской лексикологии и лексикографии трудно переоценить, это подчеркивают ведущие современные русисты: «... интегрируясь в общие знания о человеке, каждая из интегрирующихся наук должна предстать в том виде, в каком она существует не внутри и для себя самой, но в том виде, в каком она может быть “состыкована” с другими науками. Как показывают теория и опыт эффективных сопоставительных языковых исследований и междисциплинарных исследований о человеке, таким связующим элементом, общим знаменателем могут быть *значение и смысл*. Именно обращение к значению и смыслу еще продолжает оставаться областью, привлекающей внимание науки о русском языке. В связи с этим считаю необходимым указать несколько проектов... издания екатеринбургских русистов, связанные в первую очередь с именами Э. В. Кузнецовой и Л. Г. Бабенко. Эти работы, семантически упорядочивающие лексику русского языка, позволяют не просто “представить ее как систему”, но показывают *исчерпывающим образом (!!!)*, как в русских словах отразились те или иные фрагменты действительности, иными словами, что именно представляют собою конкретные участки русской картины мира. Эти

и следующие в их русле исследования могут также служить базой для активных речевых действий на русском языке, обогащая при этом различные в тех или иных сферах и ситуациях возможности лексической системы русского языка» [1]. Широко известны также фундаментальные работы Л. Г. Бабенко по лингвистике художественного текста и семантике грамматических единиц русского языка. В последние годы в исследованиях ученого блестящее владение традициями системно-структурного языкознания органично сочетается с применением новаторских подходов, опирающихся на достижения функциональной (коммуникативной) и когнитивной лингвистики.

Вместе с тем, как вдумчивый исследователь и подлинно университетский профессор, Л. Г. Бабенко принципиально не ограничивает свой научный и педагогический поиск рамками данной проблематики.

Л. Г. Бабенко отличается чрезвычайная широта исследовательских и педагогических интересов и необыкновенная чуткость к специфике современного состояния науки о языке, к новейшим достижениям лингвистики и смежных отраслей гуманитарного знания, к наиболее продуктивным тенденциям в развитии русистики. Талантливый и опытный педагог, Л. Г. Бабенко стремится внедрить — тонко и органично — это знание о ключевых теоретических концепциях, о важнейших направлениях лингвистических исследований в университетский учебный процесс.

Сказанное в полной мере характеризует отношение Л. Г. Бабенко к учебным дисциплинам и научным исследованиям так называемого «лингвистического» характера. Руководитель исходит из идеи о том, что сегодня кафедра синхронной русистики должна заниматься исследованием не только внутреннего строения, «устройства», системно-структурной организации русского языка, но и различных аспектов его функционирования в современных условиях; исследованием взаимовлияния языка, с одной стороны, и социума, этноса, человека, культуры, с другой. Язык не оторван от этих, казалось бы, внешних по отношению к нему феноменов; напротив, язык системно связан с ними, «прикреплен» к ним, является специфической приметой, маркером каждого из этих объектов. Общеизвестно, что многие характеристики языка в значительной степени обусловлены внеязыковыми явлениями, при этом и сам язык играет важную роль в

жизни данных явлений. Уже давно стало аксиомой лингвистики утверждение о том, что нет и не может быть общества без языка, равно как нет и не может быть языка вне общества. Современное языкознание — как общее, так и частное, в том числе русское, — принципиально не может обходиться без учета широкого социального, исторического, культурного контекста, в котором функционирует и развивается язык. Лингвистику интересует, наряду с внутренней структурой языка, и то, «как взаимодействуют социальные и структурные факторы при реальном функционировании языка» [2, 328]; одна из бурно развивающихся в настоящее время «лингвостыковых» научных дисциплин — социолингвистика — принципиально «ориентирована на функциональную сторону языка, на его использование в разной социальной среде и многообразных коммуникативных ситуациях» [Там же].

С другой стороны, русистика исследует и описывает русский язык как функционально дифференцированное, многоукладное образование. В связи с этим объект исследований кафедры русистики — не только литературно обработанная кодифицированная (как книжная, так и разговорная) форма существования русского языка, но и русские территориальные диалекты, социолекты, городское просторечие, отраслевые подязыки специальностей, т. е. все идиомы, составляющие современный русский язык. По мысли Л. Г. Бабенко, «лингвостыковые» научные интересы членов кафедры современного русского языка и в целом лингвистов факультета должны получать отражение в составе учебных дисциплин, преподаваемых студентам университета. Соответствующие дисциплины сегодня весьма востребованы при подготовке специалистов различных гуманитарных профилей: филологов, философов, социологов, политологов, психологов, этнологов, антропологов, менеджеров, специалистов в сфере международных отношений и др.

Следует подчеркнуть тот факт, что становление блока «лингвостыковых» дисциплин в рамках учебного процесса на филологическом факультете УрГУ связано прежде всего с именем Л. Г. Бабенко. Именно по ее инициативе на данном факультете с 1993 г. читается теоретический учебный курс «Основы социолингвистики». Первоначально эта дисциплина была оформлена как специальный курс для старшекурсников только кафедры

современного русского языка, затем — как общий курс (сначала факультативный, потом обязательный) для студентов отделения русской филологии в целом. Позднее данная дисциплина была введена в учебные планы отделения романо-германской филологии филологического факультета, отделения социалингвистики философского факультета, специальностей факультета международных отношений, кафедры русского языка для иностранных учащихся. Таким образом, в настоящее время учебный курс социалингвистики адресован студентам трех факультетов и одного внефакультетского отделения (РКИ). Рассматриваемый курс имеет в УрГУ различный статус — в зависимости от профиля структурного подразделения: для студентов отделения романо-германской филологии это дисциплина по выбору, для иноязычных учащихся — спецкурс, для студентов других вышеуказанных специальностей — общий курс с различной отчетностью.

Несколько лет тому назад на филологическом факультете был сформирован новый учебный план бакалавриата. При активной системной поддержке Л. Г. Бабенко в состав учебного плана специализации «Русская филология» включен целый комплекс «лингвостыковых» курсов. Блок образуют три общих курса — «Социалингвистика», «Психалингвистика», «Этнолингвистика». Читать данные курсы студентам желательно именно в такой последовательности; это обусловлено определенной внутренней логикой подачи учебного материала, связанной с содержательной спецификой соответствующих научных дисциплин. В настоящее время, как кажется, имеются все основания для дополнения «лингвостыкового» блока общим курсом лингвокультурологии. Сегодня лингвокультурологическая проблематика активно разрабатывается лингвистами филологического факультета, факультета журналистики и кафедры русского языка для иностранных учащихся УрГУ. На лингвистических кафедрах филологического факультета накоплен значительный опыт лингвокультурологических исследований, что принципиально позволяет ставить вопрос о преподавании соответствующей дисциплины в виде полноценного теоретического общего учебного курса, адресованного студентам нескольких факультетов.

В учебных планах ряда других специализаций и специальностей «Социалингвистика» остается единственной «лингвостыковой» дисциплиной. Однако сам факт достаточно широкого

«присутствия» этого курса в учебных планах гуманитарных факультетов демонстрирует серьезное организационное и педагогическое достижение, и в этом видится несомненная заслуга профессора Л. Г. Бабенко.

Необходимость в преподавании «лингвостыковых» дисциплин студентам гуманитарных специальностей — что Л. Г. Бабенко подчеркивала еще в начале 90-х гг. — сегодня совершенно очевидна. Одна из важнейших особенностей развития языкознания во второй половине XX в. и в настоящее время состоит в постепенном преодолении известных изоляционизма и односторонности традиционных «внутрилингвистических» подходов, когда языковые факты интерпретируются, объясняются как бы «изнутри», как автономные и самодостаточные объекты, принципиально без привлечения разнообразного «экстралингвистического контекста» жизни языка. В последние десятилетия лингвистика получает мощные выходы в смежные области гуманитарного знания. На этой основе и развиваются «лингвостыковые» научные дисциплины. Формирующееся общее, «интегрирующее» знание о человеке, обществе и социальных явлениях сегодня обладает особой научной (и не только научной) ценностью. В частности, высокая востребованность результатов социолингвистических исследований со стороны как ученых, так и представителей некоторых сфер практической деятельности (например, законодательской или дипломатической) обусловлена общегуманитарной значимостью достижений социолингвистики, ее междисциплинарным характером — тем, что это принципиально пограничная дисциплина, развивающаяся на стыке языкознания и социологических наук (собственно социологии, политологии, этнологии, антропологии, культурологии, социальной психологии, социальной философии, историографии, демографии и др.) и изучающая весьма широкий спектр проблем, связанных, с одной стороны, с механизмами воздействия внешних, социальных факторов на язык, а с другой стороны, наоборот, с той ролью, которую сам язык играет в жизни социума.

Учебный курс «Основы социолингвистики» посвящен рассмотрению основных теоретических и прикладных вопросов современной социальной лингвистики. Он нацелен на формирование у студентов системных представлений об объекте, предмете, основаниях, единицах понятийного аппарата, проблематике, на-

правлениях, методах социалингвистики. Курс состоит из трех основных частей.

Первая часть посвящена определению и характеристике основных понятий социалингвистики — таких, как языковое сообщество, языковой код, языковая норма, языковая вариативность, формы существования языка (идиомы) и сферы их функционирования, языковая ситуация и языковое состояние, языковая политика, языковой контакт, языки межнационального общения и др.

Во второй части рассматриваются ключевые проблемы социалингвистики, обусловленные спецификой взаимоотношений языка и общества: влияние социальных явлений на «устройство» и функционирование языка и значимость лингвистических явлений в жизни общества, соотношение социальной дифференциации языка и социальной дифференциации общества, связи языка с важнейшими феноменами социальной жизни (этнос, культура, государство, право и др.), социальная маркированность языковых явлений, социальные аспекты речевого общения и речевого поведения, социалингвистическая сущность феномена владения языком, социалингвистические особенности массовой коммуникации, социальная сторона взаимоотношений форм существования одного языка и взаимоотношений разных языков, социалингвистическая проблематика межнационального общения, вопросы языковой политики и языкового строительства, социальная история языков и ее периодизация, социальная обусловленность языкового развития, тенденции в социальной эволюции языков, юридическая регламентация взаимоотношений идиомов, специфика языка как объекта законодательства и др.

Третья часть курса ориентирована на характеристику лингвистических оснований, внутреннего строения, методов социалингвистики, основных направлений современных социалингвистических исследований, некоторых важнейших этапов истории социалингвистических учений.

Прослушав курс «Основы социалингвистики», студенты должны не только иметь представление о том, что именно и каким образом изучает социалингвистика, владеть информацией об основных понятиях, проблемах, основаниях, направлениях, методах этой научной дисциплины, но и уметь определить принадлежность языковой единицы к той или иной форме существования языка, установить тип языковой ситуации в конкретной

стране (регионе, ареале), выявить специфику кодового переключения в условиях коммуникации на одном и на разных языках, охарактеризовать социальную обусловленность этого феномена, увидеть социальные ограничения в семантике и в сочетаемости языковых единиц, выявить приоритеты государственной языковой политики в определенной стране (регионе), охарактеризовать направленность конкретных лингвополитических решений и др.

Благодаря содержательной и организационной поддержке Л. Г. Бабенко на кафедре современного русского языка в течение ряда лет ведется научно-исследовательская работа в области социолингвистики вообще и социорусистики в частности. Социолингвистические исследования выполняют не только сотрудники, но и студенты кафедры. Авторы этих исследований интересуют в основном социолингвистически значимые особенности отдельных нелитературных форм существования современного русского языка, прежде всего социолектов; актуальные, подчас политически острые проблемы государственной языковой политики и языкового строительства на постсоветском пространстве, в первую очередь вопрос о государственных и официальных языках новых независимых стран и тесно связанный с ним вопрос о сегодняшнем правовом и фактическом статусе русского языка — официального языка Советского Союза — за пределами современной России; проблемы межнациональных и межкультурных контактов и вопрос о средствах межнационального общения в этих, как правило, многонациональных странах; задачи юридического оформления существующего языкового состояния, лингвистического законодательства и способы их решения. Результаты социолингвистических исследований, выполняемых на кафедре современного русского языка, регулярно докладываются на различных российских и международных лингвистических конференциях, публикуются в отечественных и зарубежных научных изданиях.

Развитие социолингвистического направления в научной и педагогической работе кафедры современного русского языка Уральского университета на протяжении уже многих лет — бесспорная заслуга и достижение профессора Л. Г. Бабенко, патристично мыслящего ученого, талантливого преподавателя и дальновидного руководителя, который не только организует широко известную в России и за рубежом уникальную коллективную лексикологическую и лексикографическую работу, но и всемер-

по поддерживает частные исследования членов кафедры, связанные с их индивидуальными научными интересами и темами.

Примечания

1. Милославский И. Г. Наука о русском языке в постсоветской России // Мир русского слова. 2001. № 1. С. 17.
2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. М., 2001.

© М. В. Слаутина
г. Екатеринбург

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ «РЕЛИГИЯ»*

Интерпретация национально-культурной специфики языковых единиц — одно из приоритетных направлений современных лингвистических исследований. В последнее время формируется традиция изучения семантических классов слов в аспекте их национальной специфики. Ученые отмечают, что национально-культурный компонент может быть частью семантики как отдельного слова, так и лексического класса (Ю. Д. Апресян, Л. Г. Бабенко, Ю. Н. Караулов, В. И. Карасик и др.). Поэтому культурологическая интерпретация лексических единиц может опираться на идеографическое описание лексики.

Предложенная Л. Г. Бабенко концепция идеографического описания русских существительных позволяет наиболее полно выявить способы репрезентации культурной информации в семантике лексических единиц, определить статус «культурного компонента» в семной структуре слова. Концепция словаря опирается на представление о большей денотативной обусловленности лексического значения существительных по сравнению со словами других частей речи. Как пишет Л. Г. Бабенко, «подоб-

* Статья представляет собой результат исследования, которое проводилось автором в рамках работы над коллективным проектом «Большой толковый словарь русских существительных» (далее — БТСРС) (М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005), осуществленным силами межвузовской проблемной группы «Русский глагол» под руководством профессора Л. Г. Бабенко на кафедре современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

ный подход к выявлению идеографических классов существительных обусловлен ... самой категориальной природой существительных, которые в первую очередь ориентированы на отображение объектов действительности, на определенные предметные области бытия. Таким образом, можно предположить, что семантико-идеографическая систематизация существительных в большей степени, чем других категориально-грамматических классов слов, денотативно обусловлена» [1, 17]. Классификация существительных в данном словаре осуществлялась на денотативно-идеографическом основании, с учетом не только структуры их лексического значения, но и типа отображаемой ситуации. Множество слов, отображающих типовую ситуацию, Л. Г. Бабенко предлагает называть *денотативной сферой*, а классы слов, которые специализируются на отображении определенного аспекта этой ситуации, — *денотативно-идеографическими группами*.

При идеографическом описании лексики сама понятийная сетка становится носителем культурной информации, так как репрезентирует способ категоризации мира, принятый в данном языковом сообществе. Так, денотативная сфера «Религия» в БТСРС включает в себя 11 денотативно-идеографических групп, отражающих основные аспекты макроситуации, связанной с репрезентацией религиозной картины мира в русском языке:

1. Существительные, обозначающие объект религиозного поклонения (*Бог, мессия, Богоматерь* и др.).
2. Существительные, обозначающие религиозные убеждения и учения (*баптизм, лютеранство, неверие* и др.).
3. Существительные, обозначающие религиозные догматы (*бессмертие, предопределение, Троица* и др.).
4. Существительные, обозначающие религиозные организации и объединения (*гугеноты, клир, секта, церковь* и др.).
5. Существительные, обозначающие человека (*молитвенник, атеист, иерей, евангелист* и др.).
6. Существительные, обозначающие религиозные тексты (акафист, Библия, молитва и др.).
7. Существительные, обозначающие религиозные обряды (*анафема, вечерня, литургия* и др.).
8. Существительные, обозначающие религиозные праздники (*Вознесение, Рождество, Пасха* и др.).

9. Существительные, обозначающие культовые сооружения (*капелла, часовня, притвор, храм* и др.).

10. Существительные, обозначающие предметы и вещества, используемые в религиозной практике священнослужителями и верующими (*елей, ладан, икона, крест* и др.).

11. Существительные, обозначающие одежду священнослужителей (*камилавка, риза, облачение* и др.) (см.: БТСРС, 306–332).

В русской языковой картине мира в качестве приоритетных выделяются следующие аспекты макроситуации, связанной с религией: *объект поклонения, вероучение, человек, обрядовая практика*.

Большая часть религиозной лексики русского языка связана с христианством. По наблюдениям исследователей, вся христианская лексика является культурно маркированной, однако культурная информация отображается семантикой лексем не одинаково, «культурный компонент» может занимать различное место в семной структуре слова. Так, для существительных, обозначающих христианские обряды и таинства, культурную информацию репрезентирует категориально-лексическая сема ‘обрядовые действия’, представленная в словарных статьях базовыми именами *обряд, таинство, обрядовое действие*. Ср.: АНАФЕМА. *Обряд* отлучения от церкви <...>; ВОДООСВЯЩЕНИЕ. *Обряд* освящения воды; РУКОПОЛОЖЕНИЕ. *Таинство* возведения в сан священнослужителя; ХРИСТОСОВАНИЕ. *Обрядовое действие* — троекратное целование в знак поздравления с праздником Пасхи.

Этот же семантический компонент будет дифференциальной семой для существительных *венец, елей, крещаемый, восприемник*, относящихся к разным денотативно-идеографическим группам. Ср.: ВЕНЕЦ. Предмет, используемый в православном и католическом *обряде венчания* <...>; ЕЛЕЙ. Вещество, используемое в *церковных обрядах (крещении, соборовании, миропомазании* и др.) <...>; КРЕЩАЕМЫЙ. Человек, над которым совершается *таинство крещения*; ВОСПРИЕМНИК. Человек, присутствующий *при таинстве крещения* и становящийся для крещеного крестным.

Семантический компонент, репрезентирующий культурную информацию, может относиться к коннотативной части лекси-

ческого значения, образуя устойчивый ассоциативный фон, который не находит отражения в словарных статьях толковых словарей и выявляется в ходе психолингвистических экспериментов. С этой точки зрения интересно рассмотреть лексемы, не относящиеся к христианской лексике, но обладающие устойчивыми религиозными коннотациями. В Ассоциативном словаре русского языка под ред. Ю. Н. Караулова представлен целый ряд подобных лексем, таких как *страх, милосердие, милость, доброта, проклятый, дар* и др. Данные словаря подтвердились в ходе ассоциативного эксперимента, проведенного нами среди студентов филологического факультета УрГУ (опрошено около 100 человек). В результате был выявлен целый ряд лексем, обладающих «христианскими» коннотациями, не репрезентированными в словарных статьях толковых словарей: *смирение, добродетель, небо, пустыня, гора* и др.

В этой связи нельзя не согласиться с В. Н. Телия, что содержание коннотации составляет «соотнесение языковых значений с тем или иным культурным кодом». Таких кодов может быть несколько, указывает исследователь, но «наиболее “сильными” из них для обыденного сознания являются те, которые зафиксированы как прескрипции в сакральных (религиозных) текстах» [2, 219].

В ряде случаев само имя, его внутренняя форма репрезентирует культурную информацию. В частности, это относится к синонимическому ряду, включающему имена Бога: *Бог, Творец, Создатель, Всевышний, Вышний, Всемогущий, Вседержитель, Предвечный, Господь, Отец*. Этот ряд состоит из 10 лексем, но может быть продолжен за счет составных наименований: *Царь Небесный, Отец Небесный, Вечный Судия* и под.

Традиция использования целого ряда слов для именования объектов религиозного поклонения отражает процесс табуирования сакрального, который является универсальным законом, характерным для всех языков. Это находит отражение и в текстах Священного Писания, где имя Бога заменяется (или сопровождается) большим количеством формул именования. Например, авторы словарной статьи БОГ в энциклопедическом словаре «Иисус и Евангелия» отмечают, что, помимо собственно слова *Бог*, часто употребляемого во всех Евангелиях, для обозначения Бога регулярно используется слово *Господь*, несколько реже —

Отец, а также — *Всевышний* [3]. Комментируя строки одного из отцов древней церкви: «*В Тебе — все имена; Как же назвать Тебя, Тебя единого. Кого нельзя назвать?*», французский богослов Оливье Клеман пишет, что Бога можно назвать именем любой существующей вещи, поскольку в каждом явлении действительности присутствует божественное начало [4].

Исследование семантического комплекса данного синонимического ряда проводилось с опорой на идею Л. Г. Бабенко о пространственной организации лексики [5, 11–13]. Исследователь выделяет следующие типы пространств: лексическое, лексико-семантическое, семантическое, деривационно-семантическое, денотативное, концептуальное. Семантический комплекс, представляющий собой, по мнению ученого, совокупность категориальных, дифференциальных и коннотативных компонентов семантики лексем одного лексического множества, является при таком подходе единицей семантического пространства. Анализ семантического комплекса синонимического ряда, образованного именами Бога, показал, что лексемы обладают полным семантическим тождеством, что находит отражение в словарных дефинициях толковых словарей русского языка (ср. СОШ: Бог. *В христианстве: триединный дух — творец и всеобщее мировое начало...* Творец. 2. *В религии: Бог как создатель мира. Создатель. То же, что творец.* Вседержитель. *То же, что всевышний.* Господь. *В христианстве: Бог*).

Анализ словарных дефиниций толковых словарей позволил сформулировать семантическую идею данного синонимического ряда: *объект поклонения в христианстве — сверхъестественное верховное всемогущее существо, наделенное высшим разумом, сотворившее мир и управляющее им*. Семантический комплекс включает следующие компоненты: категориально-лексическая сема 'объект поклонения', дифференциальные семы: 'имеющий сверхъестественные качества, свойства', 'осуществляющий определенные функции', 'занимающий высшее место в небесной иерархии', 'относящийся к религии', 'оценка'. Однако данные ассоциативного словаря, а также контекстологический анализ показали, что семантический комплекс лексем, образующих этот синонимический ряд, значительно шире. Поэтому прототипическая семантика синонимического ряда, сформулированная с опорой на устойчивые (хотя зачастую и несущественные) представле-

ния, ассоциации, включает следующее определение: *объект поклонения в христианстве — сверхъестественное существо, обладающее высшим разумом и бесконечным вечным бытием, существующее в трех нераздельных и неслиянных ипостасях; сотворившее мир и создавшее человека по образу и подобию своему, определяющее ход земной истории и судьбу человечества и каждого отдельного человека, дающее сотворенному им человеку свободу выбора, наделенное безграничной любовью к людям и способностью их прощать независимо от степени их греховности и добродетельности; судья на последнем суде, который произойдет по окончании земной истории.*

Семантическое тождество входящих в синонимический ряд лексем подтверждается их употреблением в однотипных контекстах. Ср.: *Бог* знает, кого казнить, кого миловать, а не мы знаем, — проговорил старик (Л. Толстой). ...без воли *Господа* ни один волос не упадет с головы человека (Газданов). *Создатель* наделил нас высшим в мире благом — разумом (Айтматов). Ничто не творится без изволения *Творца*, даже и грех, и все ко благу (Замятин). — Не гневите, не гневите *Всевышнего* — все под Ним ходим... (Астафьев). Мир хранит завет *Предвечного*... (Лермонтов).

Различия лексем данного синонимического ряда связаны с тем, что при абсолютном семантическом тождестве в каждом из имен актуализирован какой-либо семантический компонент. Так, в именах *Творец*, *Создатель* репрезентирована идея творения мира. Имена *Вседержитель*, *Всемогущий*, *Господь* репрезентируют идею управления созданным миром, всемирного могущества Бога. В лексеме *Предвечный* актуализирован временной аспект, имя репрезентирует идею вечного, бесконечного и безначального существования Бога. В именах *Вышний*, *Всевышний* актуализируются оценочный компонент и указание на место в небесной иерархии. Существительное *Отец* содержит указание на отношения человека и Бога, которые в христианской картине мира мыслятся как двунаправленные: исходящие и от Бога, и от человека. Следует также отметить, что в именах Бога репрезентируются не только свойства, качества Бога как объекта религиозного поклонения, но и основные христианские догматы: бытия Бога, творения мира из ничего, управления сотворенным миром и человеком; а также представление об отношениях человека и Бога. Та-

ким образом, в именах данного синонимического ряда «закодированы» основные положения христианского Символа веры.

Имена существительные, образующие данный синонимический ряд, отражают один из главных фрагментов христианской картины мира, поскольку важность для посетителей языка фрагмента действительности обуславливает множественность и вариативность лексических средств его репрезентации. Семантическая плотность той или иной группы слов, детализация наименования, выделение смысловых оттенков являются сигналом лингвистической ценности внеязыкового объекта.

Таким образом, идеографический словарь может служить источником обнаружения лингвокультурологической информации и основой для выявления национально-культурной специфики лексических классов.

Примечания

1. *Бабенко Л. Г.* Концепция идеографических словарей, разрабатываемая уральской семантической школой // XIV Кузнецовские чтения: Материалы расширен. заседания теорет. семинара «Русский глагол», 29 сент. — 1 окт. 2004 г. Екатеринбург, 2004. С. 11–21.

2. *Телия В. Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.

3. *Иисус и Евангелия: Словарь* / Под ред. Д. Грина, С. Макнайта и Г. Маршалла. Библейско-богословский ин-т Св. апостола Андрея, 2003.

4. *Клеман О.* Истоки: Богословие отцов Древней церкви. М., 1994.

5. *Бабенко Л. Г.* Изучение лексики в пространственном измерении // Русская глагольная лексика: денотативное пространство. Екатеринбург, 1999.

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

© А. П. Чудинов
г. Екатеринбург

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНОГО НАПРАВЛЕНИЯ

В последние десятилетия наиболее перспективные научные направления чаще всего возникают в зоне соприкосновения различных областей знания. Одним из таких направлений стала политическая лингвистика — новая для России наука, возникшая на пересечении лингвистики с политологией и учитывающая также достижения этнологии, социальной психологии, социологии и других гуманитарных наук. Необходимость возникновения и развития нового научного направления определяется возрастающим интересом общества к условиям и механизмам политической коммуникации. Показательно, что в последние годы появились учебники и учебные пособия по политической лингвистике [1, 2, 3, 4, 5], все чаще появляются монографии [6, 7, 8, 9] и иные публикации [10, 11, 12, 13], непосредственно посвященные названной научной дисциплине, регулярно проводятся научные конференции по политической лингвистике, выпускаются тематические сборники научных исследований.

Среди направлений современного языкознания преобладают такие, которые объясняются общностью методологической базы, в этих направлениях существуют признаваемые большинством исследователей определения, термины, постулаты и принципы. К числу подобных направлений относятся, например, сравнительно-историческое языкознание, психолингвистика, когнитивная лингвистика. Исследования по политической лингвистике представляют собой общность несколько иного рода. Они объединены прежде всего изучаемым материалом (политический язык,

политические тексты, политическая коммуникация, политический дискурс).

Для политической лингвистики в полной мере характерны такие черты современного языкознания, как мультидисциплинарность (использование методологий различных наук), антропоцентризм (человек, языковая личность становится точкой отсчета для исследования языковых явлений), экспансионизм (тенденция к расширению области лингвистических изысканий), функционализм (изучение языка в действии, в дискурсе, при реализации им своих функций) и экспланаторность (стремление не просто описать факты, но и дать им объяснение).

Политическая лингвистика тесно связана с другими лингвистическими направлениями — с социолингвистикой, занимающейся проблемами взаимодействия языка и общества, с функциональной стилистикой и особенно с исследованиями публицистического стиля, с классической и современной риторикой, с когнитивной лингвистикой и лингвистикой текста. Рассматриваемое научное направление имеет прочные связи и с науками, изучающими индивидуальное, социальное и национальное сознание — с социальной психологией, культурологией, социологией, политологией, этнографией.

Предмет исследования политической лингвистики — политическая коммуникация, т. е. речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально-политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе. Каждый человек, который хотя бы изредка читает газеты, включает радио или телевизор, становится адресатом политической коммуникации. Когда этот человек идет на выборы, он участвует в политической жизни и делает это не без влияния субъектов политической коммуникации. При таком подходе к сфере интересов политической лингвистики относится не только передача политической информации, но и все, что связано с восприятием и оценкой политической реальности в процессе коммуникативной деятельности.

Главная функция политической коммуникации — борьба за политическую власть на основе использования коммуникативной деятельности: политическая коммуникация призвана ока-

затя прямое или косвенное влияние на распределение власти (путем выборов, назначений, создание общественного мнения и др.) и ее использование (принятие законов, издание указов, постановлений и др.). Политическая коммуникация отражает существующую политическую реальность, изменяется вместе с ней и участвует в ее преобразовании.

Основная цель политической лингвистики — исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности. Политическая коммуникация оказывает влияние на распределение и использование власти благодаря тому, что она служит средством воздействия на сознание принимающих политические решения людей (избирателей, депутатов, чиновников и др.). Политическая коммуникация не только передает информацию, но и эмоционально воздействует на адресата, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира.

Современная политическая лингвистика активно занимается общими проблемами политической коммуникации (анализирует ее отличия от коммуникации в других сферах), изучает проблемы жанров политической речи (лозунг, листовка, программа, газетная статья, выступление на митинге, парламентская полемика и др.) и особенности функционирования политических текстов. Наша наука активно обращается к проблемам идиостиля отдельных политиков, политических партий и направлений, рассматривает стратегии, тактики и приемы политической коммуникации, изучает композицию, лексику и фразеологию политических текстов, использование в них разнообразных образных средств. К числу важнейших направлений политической лингвистики относятся также рассмотрение отдельных политических концептов в рамках соответствующего языка и национальной культуры, обращение к проблемам понимания политических реалий того или иного государства гражданами других государств, сопоставительное исследование политической коммуникации в различных странах и на разных этапах развития общества.

Важнейший постулат современной политической лингвистики — дискурсивный подход к изучению политических текстов.

Это означает, что каждый конкретный текст рассматривается в контексте политической ситуации, в которой он создан, в его соотношении с другими текстами, с учетом целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфики восприятия этого текста различными людьми. Обязательно учитывается та роль, которую этот текст может играть в системе политических текстов и — шире — в политической жизни страны. Например, одна и та же идея и даже одни и те же высказывания будут совершенно по-разному восприниматься в тексте газетной статьи журналиста и в официальном заявлении Президента Российской Федерации или Президента Соединенных Штатов Америки. Совершенно различный вес могут иметь высказывания одного и того же политика, произнесенные им в пылу предвыборной борьбы и после вступления на важный государственный пост.

Традиционно власть относится к числу высших социальных ценностей, а поэтому в борьбе за власть используются все людские возможности и достижения науки. Для получения нужного результата авторы политических текстов затрачивают колоссальные усилия. Поэтому при анализе политической коммуникации особенно заметно и высокое мастерство и творческое убожество авторов, их коммуникативные успехи и неудачи.

Истоки современной политической лингвистики можно обнаружить уже в античной риторике: проблемами политического красноречия активно занимались уже в Древней Греции и Риме. Изучение политической коммуникации оказывается социально востребованным прежде всего в демократическом обществе, а поэтому соответствующие исследования вновь появились вместе с развитием демократии в Западной Европе. Рассмотрим основные этапы в истории изучения политической коммуникации.

1. Первоначально (т. е. до возникновения политической лингвистики) публикации по проблемам политической коммуникации носили преимущественно «реценсурный» и апалитический (восхваляющий или дискредитирующий) характер. В публикациях первого типа авторы стремились показать своим читателям, каким образом можно добиться успеха в публичных выступлениях или иной речевой деятельности. Среди ярких примеров подобных изданий можно назвать труды Дейла Карнеги и Поля Сопера, в которых рассмотрено множество конкретных

выступлений и публикаций, а также предложены достаточно эффективные рекомендации. В публикациях второго типа основное внимание уделялось детальному описанию риторического мастерства конкретных политических деятелей и/или осуждению коммуникативных практик других политических лидеров.

2. Политическая лингвистика как самостоятельное научное направление возникла во второй половине XX в. Обращаясь к начальному этапу развития этой науки, специалисты называют, помимо филологов, исследовавших социальные аспекты функционирования языка, английского писателя Джорджа Оруэлла и немецкого литературоведа Виктора Клемперера.

Первый из них написал в 1948 г. роман-антиутопию «1984» [14], в котором были описаны принцип «двоемыслия» (doublethink) и словарь «новояза» (newspeak), т. е. на конкретных примерах были охарактеризованы способы речевого манипулирования человеческим сознанием в целях завоевания и удержания политической власти в тоталитарном государстве. Джордж Оруэлл наглядно показал, каким образом при помощи языка можно заставить человека поверить лжи и считать ее подлинной правдой, как именно можно положить в основу государственной идеологии оксюморонные лозунги «Война — это мир», «Свобода — это рабство» и «Незнание — это сила». Пророческий дар Дж. Оруэлла постоянно отмечают современные специалисты по политической пропаганде: иногда кажется, что именно по рецептам новояза советские войска в Афганистане решили называть ограниченным контингентом, а саму эту войну — интернациональной помощью. Аналогичные приемы использовали и американские лидеры, которые называли свои военные действия против Югославии и Ирака «борьбой за установление демократии».

Описанный Джорджем Оруэллом новояз был плодом его фантазии, предположением о том, к чему может привести развитие тоталитарных идей в Великобритании. Немецкий филолог Виктор Клемперер подробно охарактеризовал новояз, за которым он имел несчастье наблюдать 12 лет. Его книга «LTI. Записная книжка филолога» [15] была посвящена коммуникативной практике германского фашизма, а буквы «LTI» в ее названии обозначают «Лингвистика Третьей империи». Следует отметить, что практика нацистского новояза оказалась значи-

тельно многообразнее и изощреннее созданной Джорджем Оруэллом теории. Так, выяснилось, что вовсе не обязательно запрещать то или иное выражение — достаточно взять его в кавычки. Например, «немецкий поэт» Гейне — это уже совсем не немецкий и не совсем поэт; соответственно написание «выдающийся ученый» Эйпштейн позволяет поставить под сомнение гениальность выдающегося физика. На службу идеям фашизма в гитлеровской Германии были поставлены и многие другие языковые средства: особенно детально Виктор Клемперер описывает символику и метафорику фашистской пропаганды, а также практику запрета на «неудобные» слова и понятия с одновременной пропагандой «новых» слов и идей.

Позднее появилось описание коммунистического повояза и языкового сопротивления ему в Польше, Восточной Германии, Чехии, России и других государствах существовавшего во второй половине прошлого века «социалистического лагеря». Исследования А. Вежицкой [16], Н. А. Купиной [7] и других специалистов позволили выявить множество сопоставимых фактов и закономерностей. Вместе с тем обнаруживались и признаки национальных тоталитарных дискурсов: например, в советском политическом дискурсе очень значимыми были политические определения, кардинально преобразующие смысл и эмоциональную окраску слова.

Специалисты выделили характерные черты тоталитарного дискурса, для которого, как правило, свойственны централизация пропагандистской деятельности, претензии на абсолютную истину, идеологизация всех сторон жизни, лозунговость и страсти к заклинаниям. Среди признаков тоталитаризма выделяют также ритуальность политической коммуникации, превалирование монолога «вождей» над диалогичными формами коммуникации, пропагандистский триумфализм, резкую дифференциацию СВОИХ и ЧУЖИХ, пропаганду простых и в то же время крайне эффективных путей решения проблем.

3. На следующем этапе развития политической лингвистики зарубежные специалисты (Р. Водак, Д. Вотс, Т. А. ван Дейк, Дж. Лакофф, К. Хаккер, Л. Хан, Й. Хейзинга, Н. Хомский и др.) обратились к изучению коммуникативной практики в современных западных демократических государствах. Эти исследования показали, что и в условиях демократии постоянно используется

языковая манипуляция сознанием, но это более изощренная манипуляция.

Новые политические условия привели к изменению методов коммуникативного воздействия, но политика — это всегда борьба за власть, а в этой борьбе победителем обычно становится тот, кто лучше владеет коммуникативным оружием, кто способен создать в сознании адресата необходимую манипулятору картину мира. Например, опытный политик не будет призывать к сокращению социальных программ для малоимущих, он будет говорить только о «снижении налогов». Однако хорошо известно, за счет каких средств обычно финансируется помощь малообеспеченным гражданам. Умелый специалист будет предлагать бороться за социальную справедливость, за «сокращение пропасти между богатыми и бедными», и не всякий избиратель сразу поймет, что это призыв к повышению прямых или косвенных налогов, а платить их приходится не только миллионерам.

Подобные факты широко обсуждаются в критической теории франкфуртской школы, представители которой (Т. Адорно, Г. Маркузе, М. Хоркхаймер) начали изучать формы тоталитаризма, антидемократизма, националистического шовинизма после окончания Второй мировой войны. Аналогичные материалы представлены также во многих публикациях англоязычных авторов.

В конце прошлого века в зарубежной лингвистике оформилось новое направление — критический дискурс-анализ, изучающий способы, с помощью которых социальная власть осуществляет свое господство в обществе. Специалисты стремятся выяснить, как именно при помощи коммуникативной деятельности предписывается и воспроизводится социальное неравенство, а также наметить способы языкового сопротивления. Представители этого направления занимают активную социальную позицию, они ищут пути для предупреждения социальных конфликтов. Эти исследования представляют собой своего рода реакцию на традиционные публикации «рецензурного» и «восхваляющего» направлений предшествующей научной парадигмы.

Материалом для критического дискурс-анализа становятся политические тексты, создаваемые в ситуации социального риска и отражающие неравенство коммуникантов. Определение «критический» используется в подобных исследованиях для того, чтобы подчеркнуть обычно скрытые для неспециалистов связи

между языком, властью и идеологией. Детальное изучение текстов помогает выявить имплицитно выраженные бессознательные установки коммуникантов и на этой основе показать результаты воздействия дискурса на восприятие информации.

В работах специалистов по критическому дискурс-анализу особое внимание уделяется социальному, гендерному (половому) и этническому неравенству, внимание авторов особенно привлекают факты злоупотребления властью в различных сферах общественной жизни; в частности, феминистские критические исследования представляют женщин как угнетенную социальную группу, характеризуют многообразные коммуникативные проблемы, являющиеся следствием угнетенного положения женщин в патриархальном мужском обществе; не меньшее внимание уделяется коммуникативным аспектам этнического и расового неравенства [17, 18].

Важное место в современной науке занимает контент-анализ политического дискурса, основанный на статистике. В отличие от критического дискурс-анализа, лингвисты этого направления стремятся не выражать свою точку зрения, а оперировать цифрами и фактами. Основная задача таких исследований — выявление связи между жизнью общества и использованием политического языка, поиск статистических закономерностей функционирования политического дискурса. Классическим исследованием этого направления стала работа Х. де Ландтшер [19], в которой на примере анализа голландского политического дискурса было доказано, что в периоды кризисов значительно возрастает количество политических метафор. В рамках современного контент-анализа (В. Бенуа, Л. Бразеаль, А. Ключовски, В. Мак-Хейл, П. Пир, В. Уэллс, А. Харткок и др.) активно изучаются количественные характеристики тактик восхваления, критики и защиты; соотношение в речи политиков содержания, ориентированного на общественные проблемы и на личные характеристики; соотношение в политическом дискурсе обращений к прошлому, настоящему и будущему.

Среди других направлений политической лингвистики как в России, так и на Западе все более популярным становится исследование политических метафор, методология которого восходит к классическим публикациям Джорджа Лакоффа [20, 21, 22], который не только обосновал методику подобного исследова-

ция, но и детально охарактеризовал закономерности метафорического представления целого ряда политических событий. Например, при изучении метафор, которые были использованы в США для оправдания войны в Персидском заливе, Дж. Лакофф выделил базовые модели, которые, дополняя друг друга, занимают центральное место в осмыслении внешней политики в американском сознании: *Государство — это индивид*; *Модель рациональной личности*; *Сказка о справедливой войне*. Дж. Льюл [23] на материале дискурса теленовостей рассмотрел базовые метафоры, актуализированные для осмысления отношений Ирака и США в преддверии второй войны в Персидском заливе. Метафоры «Ирак — это Вьетнам Буша» и «вьетнамское болото» в американских политических дебатах проанализированы Дж. Гуднайттом [24].

Детальный анализ «метафорической войны» по косовской проблеме в американском политическом дискурсе представлен в работе Р. Пэриса [25]. Как показывает автор, в выступлениях администрации Б. Клинтона и дебатах членов конгресса доминировали четыре группы исторических метафор: «Вьетнам», «холокост», «Мюнхен» и «балканская пороховая бочка». Р. Пэрис выделяет два уровня метафорического противостояния политических мнений. Участники дебатов спорили не только об уместности исторических метафор применительно к ситуации в Косово (первый уровень), но и об оценочных смыслах используемых метафор (второй уровень). Например, если мюнхенское соглашение в большинстве случаев рассматривалось как пример нежелания остановить агрессора, то на уроки вьетнамских событий ссылались как противники, так и сторонники военного вмешательства. Противники говорили о ценивших жертвах и других ужасах войны, а сторонники считали, что во Вьетнаме американская армия воевала «со связанной рукой за спиной», поэтому не следует повторять вьетнамских ошибок в Косово.

Исследования по проблемам политической метафоры активно представлены и в отечественной науке [1, 4, 5], где особенно часто проводятся сопоставительные исследования [26, 27, 28, 29, 30]. В частности, сопоставление моделей российской и американской политической метафоры свидетельствует о существовании некоторых общих закономерностей, своего рода интердискурса. Например, театральные метафоры в российской и аме-

риканской политической коммуникации удивительно близки по составу фреймов и слотов, по прагматическому потенциалу, по функциям их использования и даже (разумеется, не в полной мере) по инвентарю концептов. Похожая картина обнаруживается при анализе метафор из военной, спортивной и медицинской сфер-источников. С другой стороны, сопоставление способов метафорического представления одной и той же политической ситуации (например, военных действий в Ираке или в бывшей Югославии) показывает, как избирательна метафора и насколько различен прагматический потенциал моделей, используемых при характеристике указанной ситуации. Когнитивно-дискурсивное сопоставление метафорических моделей, используемых в современных российских и американских политических текстах, позволяет лучше понять специфику метафорической картины политического мира в рассматриваемых государствах и выделить то общее, что создает базу для взаимопонимания и толерантности.

Политическая лингвистика — это научное направление, имеющее большую прикладную значимость. Изучение опыта коммуникативной деятельности в политической сфере может способствовать выработке конкретных рекомендаций для политических функционеров, журналистов, специалистов по связям с общественностью. В демократическом обществе всем гражданам необходимы устойчивые навыки политической коммуникации как в сфере продуцирования речи, так и в сфере ее восприятия. Критический анализ современной политической коммуникации поможет сделать более гармоничной коммуникативную практику новых поколений политических лидеров и журналистов. Использование мировых стандартов при рассмотрении отечественной политической коммуникации будет способствовать формированию положительного имиджа России в представлении зарубежной общественности.

Примечания

1. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. М., 2001.
2. Воробьева О. И. Политическая лексика: Ее функции в современной устной и письменной речи. Архангельск, 2000.
3. Романов А. А. Политическая лингвистика: Функциональный подход. Москва; Тверь, 2002.

4. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: общие вопросы, метафора. Екатеринбург, 2003.
5. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М., 2006.
6. Гаврилова М. В. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). СПб., 2004.
7. Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург; Пермь, 1995.
8. Хазагеров Г. Г. Политическая риторика. М., 2002.
9. Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса. Москва; Волгоград, 2000.
10. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. М., 2002. № 3.
11. Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Под ред. М. Н. Володиной. М., 2003.
12. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Современная политическая коммуникация // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. М, 2003.
13. Паршин П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. М., 2001.
14. Оруэлл Дж. 1984: Роман; Скотный двор: Сказка. Пермь, 1992.
15. Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. М., 1998.
16. Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше // Вопр. языкознания. 1994. № 4.
17. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Концептуальная метафора в политическом дискурсе: новые зарубежные исследования (2000–2004) // Вопр. когнитивной лингвистики. 2005. № 2.
18. Гаврилова М. В. Критический дискурс-анализ в современной зарубежной лингвистике. СПб., 2003.
19. Landsheer Ch. de. Function and the Language of Politics. A Linguistics Uses and Gratification Approach // Communication and Cognition. 1991. Vol. 24, № 3 4. P. 299–342.
20. Lakoff G. Metaphor and War, Again [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.alternet.org/story.html?StoryID=15414 – 2003.
21. Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-l.htm> – 1991.
22. Lakoff G. Moral Politics: What Conservatives Know That Liberals Don't. Chicago, 1996.
23. Lule J. War and its metaphors: news language and the prelude to war in Iraq, 2003 // Journalism Studies. Vol. 5, № 2. 2004.
24. Goodnight G. T. «Iraq is George Bush's Vietnam». Metaphors in Controversy: On Public Debate and Deliberative Analogy [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.usc.edu/dept/LAS/iids/docs/ – 2004.
25. Paris R. Kosovo and the Metaphor War // Political Science Quarterly. 2002. Vol. 117, № 3.
26. Каслова А. А. Метафорическое моделирование в политическом narra-

тивс «Федеральные выборы» в США и России (2000 г.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

27. *Красильникова Н. А.* Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

28. *Санцевич Н. А.* Моделирование вариативности языковой картины мира на основе двуязычного корпуса публицистических текстов (метафоры и семантические оппозиции): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2004.

29. *Стрельников А. М.* Метафорическая оценка пролитического лидера в дискурсе кампаний по выборам президента в США и России: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

30. *Шаова О. А.* Россия и Франция: национальные стереотипы и их метафорическая репрезентация (на материале французских и российских газет). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

© Г. Н. Манаенко

г. Ставрополь

ИНФОРМАЦИОННО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ ОСЛОЖНЕННЫХ КОНСТРУКЦИЙ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

В современной лингвистике отражаются общекультурные и общенаучные тенденции переосмысления фундаментальных соотношений человека и мира, мира и знания, знания и деятельности. Прежде всего, начиная с изысканий В. фон Гумбольдта и А. А. Потебни, языкознание стремится к выявлению и объяснению глубинных закономерностей возникновения и функционирования своего объекта — языка как целостного феномена человеческого бытия: «Уже само определение языка как средства коммуникации и, одновременно, уникальной среды, в которой только и находит свое выражение “дух народа”, его история и культура, предполагает выход (пока только потенциальный) за пределы описания, систематизации и классификации естественных языков» [1, 119]. Идеи же М. М. Бахтина о принципиальной диалогичности языка и становлении языковой формы в непрерывном социальном взаимодействии заметно изменили не только «масштабы» объекта лингвистики, но и координаты его осмысления и описания.

Живые процессы, происходящие в наши дни в русском лите-

ратурном языке, характеризуются исследователями как либерализация языковой системы, поскольку в сфере литературного использования, и прежде всего в массовой коммуникации, оказались пласты, чуждые канону публицистического дискурса целых десятилетий [2]. Как следствие сложившейся в информационном пространстве ситуации исследователи констатируют разрушение стандарта прошлого в газетно-публицистическом стиле, что стало ярким подтверждением кардинальных перемен в России, а стилистическая экспрессия — свидетельством формирования нового мышления и дискурсивного поведения [3]. Однако, вопреки представлениям большинства людей, вовлеченных в процессы обеспечения и функционирования информационного пространства с конца 80-х — начала 90-х гг., разрушению подверглись именно идеологические стандарты и сложившиеся стереотипы иерархической коммуникации, но не собственно каноны публицистического дискурса и система его жанров.

Кризиса газетно-журнальных жанров не существует, зато существует кризис непрофессионализма, обусловленный непониманием специфики дискурса в сфере массовой коммуникации и информации, с одной стороны, и отсутствием представлений не только о многовековом развитии языковой системы в соответствии с условиями и способами ее применения, но и вообще о возможности какой-либо взаимообусловленности целей и задач общения и типа языковых выражений — с другой. По этим причинам «обострились давние проблемы лингвистической отнормальности, языковых игр, дезинформации, обмана и самообмана, изощренной полуправды как средства защиты интересов, многие другие проблемы, касающиеся межличностных отношений и социальных взаимодействий. Здесь требуется новый уровень научных исследований — традиционные подходы и методы малоэффективны» [4, 354].

Информационно-дискурсивный подход к исследованию языковых явлений, опирающийся на постулат деятельности, творческого начала человека и принципы антропоцентризма, объяснительности и функциональности в научных исследованиях, отвечает сразу нескольким запросам. Во-первых, несмотря на известную специализацию лингвистических исследований, разработка нового знания в современных условиях требует интеграции различных сторон изучения одного и того же объекта и

не только сближения, но и синтеза достижений многих научных направлений и школ. Создание же междисциплинарного знания, как известно, является неотъемлемой чертой нашего времени, но для этого всегда необходимо найти точки соприкосновения разных наук и определить область их взаимодействия.

Во-вторых, и в связи с первым, просто невозможно в эпоху полного господства информации и стремительного развития информационных технологий и средств массовой коммуникации замыкаться в рамках воспринятой традиции и разделенной исследовательской парадигмы. Вне всяких сомнений, приобщение к знанию, выработанному в иных областях исследования в совершенно другом ключе и для достижения целей, не обусловленных собственной научной практикой, позволяет ученому более точно определить свою нишу в общем контексте научного поиска, а главное, на основе соотнесения собственных задач с задачами, решаемыми другими учеными, произвести более глубокую рефлекссию своих решений и их перспектив.

В-третьих, опорные концепты, заложенные в название подхода, действительно определяют общее (и не только для лингвистов) проблемное поле, что необычайно актуально для науки XXI столетия, ведь еще в 30-х гг. XX в. В. И. Вернадский сформулировал свое знаменитое высказывание: «Мы все более специализируемся не по наукам, а по проблемам». Нет необходимости перечислять, какие научные дисциплины изучают проблемы языка, текста и дискурса, зато есть необходимость в определении проблем анализа данных феноменов, одинаково значимых для представителей разных сфер научного знания. Даже если нет единого мнения по поводу самого объекта и далеко не совпадают предметные области, диалог всегда будет предпочтительнее и конструктивнее, чем односторонние попытки разрешения проблемы, очень часто приводящие к такому результату, о котором можно утверждать лишь то, что это результат применения какого-нибудь исследовательского подхода, конкретной методики, значимый только для этого подхода и этой методики.

Информационно-дискурсивный подход позволяет интегрировать изучение осложненного предложения в парадигму современных гуманитарных наук, обусловленную системой убеждений и ценностей, а также методами исследования, которые доминируют в современном научном сообществе. Новые «гори-

зоны понимания» не только наполняют иным смыслом содержание традиционных теорий, посвященных данному феномену, но и позволяют разрешить, казалось бы, вообще неустранимые теоретические противоречия. На основе информационно-дискурсивного подхода осложненное предложение исследуется в «тройном аспекте языковых явлений»: с точки зрения материала (текстов), системы (языка как знаковой сущности) и деятельности (дискурса). Подобное единство анализа осложненного предложения возможно только в контексте современных теорий смежных гуманитарных дисциплин и актуализированных в настоящее время концепций выдающихся ученых прошлого.

Данные когнитологии и психолингвистики, семиотики и семантики, с одной стороны, и теоретические установки и положения, выдвинутые в области языкознания В. фон Гумбольдтом, А. А. Потебней, М. М. Бахтиным и многими другими мыслителями, с другой стороны, создают то гносеологическое пространство, в котором возможна разработка постулатов, ключевых концептов и исходных посылок информационно-дискурсивного подхода. Новое знание о традиционных объектах изучения становится научным лишь в том случае, если оно не является механически эклектичной суммой своих моментов, но выступает как теория, представляющая целостность объективного фрагмента действительности и предметной деятельности людей, т. е. целостность своего объекта. Соответственно, необходимым предстает единство гипотезы и общих постулатов, порождающих данное знание, а также глубинная взаимосвязь принимаемых и развиваемых понятий, тем более кладущихся в основу теории, вследствие чего и становится необходимой их методологическая рефлексия, вскрывающая слабости привычных представлений.

«Экстралингвистическая» среда информационно-дискурсивного подхода, объединяющая достижения разных гуманитарных наук, выявляет их «точки пересечения» и программирует методики анализа, возможные при новом подходе к языковым явлениям, но при этом предполагает как координацию различных идей, так и адаптацию общенаучных и частнонаучных («чужих») понятий к условиям, традициям и задачам лингвистических исследований. Более того, адаптированные к предметной области языкознания данные понятия должны быть релевантны условиям и задачам филологических изысканий в смежных теорети-

ческих дисциплинах. Однако недостаточно только очертить контуры экстралингвистической среды и существенные для развития и углубления филологических представлений ее «порождающие» теоретические конструкты, необходимо провести анализ основ информационно-дискурсивного подхода как в плане их содержания, так и плане взаимного соотношения. Поскольку понятия *информация* и *дискурс* положены в основание синтезирующего подхода к исследованию феноменов языка в триединстве их проявления, возникает необходимость четкого и непротиворечивого определения содержания данных понятий и их соотношения, что влечет определение однозначной позиции в трактовке понятий и других теоретических конструктов, опосредующих данное отношение.

Методологическая интерпретация понятия информации как абстрактного объекта, отображающего сущность определенного вида речемыслительной деятельности (допускающая при этом метонимическое включение в его объем результатов этого вида деятельности), и трактовка дискурса как социально, культурно и исторически обусловленной модели речевого поведения человека приводят к следующим теоретическим положениям:

- идеальное является компонентом создания субъективной реальности и определяется культурой, в пространстве которой оно предстает в качестве intersубъективного, необходимо воплощенного в объективной действительности;

- концептуальная схема как компонент субъективной реальности с опорой на идеальное включает в себя область *со-знания*, сформированную познавательными и коммуникативными процессами преимущественно презентативного характера;

- отношение представления детерминирует идеальные формы вещей, реализуясь в качестве значений как специфических гносеологических образов, среди которых выделяются и «знаковые» значения, предстающие как репрезентации (представления представлений) и отображающие ментально-модусные действия;

- знаки как объекты реальной действительности, в отличие от других идеальных форм пространства культуры, характеризуются двойной сигнификацией, вследствие чего индуцируют в субъективной реальности ассоциативную мыслительную деятельность, т. е. порождают в сознании мысли по соотношению различных гносеологических образов;

— спецификой языка как системы эмпирических объектов, предназначенной для реализации знаковой функции, является ее первичность и другой вектор вторичной сигнификации, что определяет язык не как систему «готовых» знаков, но систему, обеспечивающую их бесконечное генерирование;

— собственно языковым знаком является высказывание, включенное в контекст социального взаимодействия и реализованное на основе синтаксической коммуникативной конструкции, которая отображает определенные типы речемыслительных операций;

— значение языкового знака в значительной степени зависит от его употребления, действительного модуса существования, т. е. дискурса;

— структура дискурса выявляет существенные позиции как для отображения познавательных и коммуникативных процессов, так и собственно информационных;

— институциональные дискурсы не только формируют идейно-идеологические параметры информационного пространства, но и регулируют направление и содержание информационных потоков, определяя его границы, ресурс и инфраструктуру в интеллектуальном (идеальном) плане.

Анализ осложненного предложения как системы языковых средств в свете выявленных оснований, задаваемых обоснованными ранее методическими и теоретическими установками, позволяет скорректировать содержание понятия пропозиции и вскрыть глубокие соотношения понятий номинации и предикации как различных видов речемыслительной деятельности в их общей отнесенности к понятию информации. Понятие пропозиции не только представляет связи языка (как системы), обращенные вовне, направленные в его экстралингвистическую среду — процессы порождения и понимания речи, а также ее дискурсивные практики, но и является установочной базой для формирования связей отдельных языковых систем, также обращенных вовне, но уже направленных во внутрилингвистическую среду каждой из них.

В таком случае осложненное предложение предстает как типичная система переходного характера по отношению к своей внутрилингвистической среде — системам простого и сложного предложений. Теоретическая разработка содержания понятия

пропозиции выявляет критерии переходности и векторы «перехода» языковых выражений из системы простого предложения в систему сложного. Наличие же в пропозиции субъектного начала, отображающего деятельностьную основу данной семантической структуры, позволяет установить единые критерии для классификации системы осложняющих категорий и тем самым «разглядеть» ее внутрисистемные связи и соотношения [5].

Такая типология осложняющих категорий не просто представляет определенную формализацию данных языковых явлений как компонентов системы языка, но включает в себе значительный эвристический потенциал, позволяющий рассматривать системы простого, осложненного и сложного предложений в едином информационном аспекте. Количество и качество пропозиций, а также ментально-модусные операции над ними, отображенные в организации синтаксических единиц данных систем, достаточно непротиворечиво раскрывают специфику каждой из них, а также возможности их взаимодействия и взаимозаменимости. Созидательная речемыслительная деятельность субъекта, «застывшая» в разного типа синтаксических единицах, дает основание для коррекции соотношений между понятиями предикации (приписывания), предикативности (формы приписывания) и пропозиции (номинации приписанного), что в конечном итоге выводит на корреляции между синтаксическими конструктами как единицами системы языка, обладающими специфической функцией-потенцией — предназначением к определенному использованию, и единицами информации как содержательными (смысловыми) компонентами, отображающими результаты познавательных и коммуникативных процессов и указание на вид собственно информационных процессов, осуществленных субъектом.

Таким образом, закладываются общие основания для анализа языковых выражений во всех аспектах их проявления, что придает их теоретическому описанию интегральное значение. Весьма примечательно, что знание, полученное на основе информационно-дискурсивного подхода, не только дополняет знания, разработанные в традиционных аспектах, но и выступает в качестве интерпретирующего начала при формировании целостного представления об исследуемом объекте. Это справедливо как в отношении свойства информационно-дискурсивного знания проявлять-

ся в качестве «пред-понимания» и в то же время обуславливающего фактора объяснительного характера в репрезентации всей совокупности знаний, так и в способности кооптировать традиционное знание в плоскость решений иной проблематики.

В отличие от структурно-семантического подхода, информационно-дискурсивный ориентирован не относительно языковой системы, но органично сочетает в качестве исходных пунктов анализа либо собственно создающего субъекта и его характеристики, либо объективированные и социально закрепленные стереотипы речевых взаимодействий как проявления интерсубъективного при движении информации. Критерий анализа эмпирического материала, устанавливаемый с позиций информационной деятельности и структуры дискурса как типа речевого поведения, наполняет конкретным содержанием представления о функциях языковых выражений в текстах, лишает языковые средства статуса этикеток и придает их системным свойствам многоаспектную значимость. Данные информационно-дискурсивного подхода анализа феноменов языка позволяют на основе теоретического обобщения формулировать знания, релевантные приоритетам познавательной деятельности в той или иной сфере бытия человека и способствующие созданию подлинно гуманистического пафоса [6].

Полученные результаты информационно-дискурсивного анализа функционирования языковых выражений в публицистических текстах, на наш взгляд, поразительным образом коррелируют в своих сущностных моментах с идеальными представлениями о смысле профессиональной деятельности журналистов: «Постепенно все большее количество журналистов будет понимать, что исходный пункт, альфа и омега бытия — не система, не организация, а живой, реальный человек. Все остальное: классы, коллективы, организации, группы — есть модусы его существования. Постепенно придет понимание того, что к читателю, зрителю, слушателю надо относиться не как к реципиенту или как к объекту управления, манипуляции, воспитания и т. п., а как к живому, сомневающемуся, ищущему эффективных способов организации своей жизни конкретному человеку. При таком подходе возникает возможность подлинного диалога, направленного на совместный поиск ответа на вопрос "Как жить?"» [7, 39].

Информационно-дискурсивный подход к явлениям языка, в частности к осложненному предложению, не только позволяет связывать воедино проблематику смежных наук, но и нетривиально формулировать новую, развивающую в самых разнообразных аспектах традиционные лингвистические представления. Например, сама постановка вопроса об этической составляющей функционирования осложненных предложений в текстах аналитико-публицистического дискурса не просто «повышает» информационную значимость данных конструкций как важнейшего компонента в содержании текста или постулирует деятельностную природу таких языковых форм, но проявляет механизм человеческих взаимодействий, дает основания для объективной оценки коммуникации либо как ложной, т. е. ориентированной на достижение только корыстных целей, либо подлинной, направленной на взаимопонимание, действительное обеспечение взаимодействия, на диалог.

В этой связи Л. Л. Реснянская отмечает: «Развитие диалогической коммуникации и организация общественного диалога базируются на приоритете функций артикуляции интересов различных групп и социальной интеграции, ибо именно эти функции непосредственно ориентированы на достижение общественного согласия. Для каждой редакции реализация данных функций требует признания партнерства с аудиторией, то есть равных с журналистами прав присутствия аудитории в публичной сфере. А вот осуществление прав аудитории — дело, прежде всего, журналистов, их прямая обязанность и профессиональная забота. Техника ведения диалога включает разнообразные формы и методы. Можно выделить методы, имеющие отношение к формированию содержания, подаче информации, организационные и исследовательские методы» [8, 21].

Информационно-дискурсивный подход к языковым выражениям можно рассматривать в качестве метода анализа формирования и подачи информации, раскрывающего, как организуется содержание и реализуются авторские интенции, выполняются общепринятые стереотипы взаимодействия и требования жанров, обеспечивается сотрудничество и партнерство «по разговору» и присутствие аудитории в пространстве массовой коммуникации, как достигается соответствие дискурсивной формации и опосредуется создание и развитие информационного простран-

ства. Лингвистические данные, полученные на основе соотношения информации и дискурса, органично входят в теоретическую базу практически любой гуманитарной науки, поскольку опора на структуру дискурса при установлении исходных позиций в анализе языковых выражений гармонизирует цели и задачи собственно лингвистического описания и смежных дисциплин. Наиболее показательна в этом плане проблематика исследований в теории журналистики, поскольку данная деятельность обладает преимущественно дискурсивным характером.

В условиях изменившегося публицистического дискурса, детерминированного сменой идеологии и социальных ценностей и приоритетов, направленность деятельности масс-медиа на обеспечение и формирование подлинного демократического общества, а также необходимость понимания сути процессов трансформации дискурса и способов, приемов, правил и закономерностей его реализации являются атрибутом действительно свободного творчества, и многие журналисты интуитивно ощущают эту взаимообусловленность. «Однако, — пишет Е. П. Прохоров, — следует помнить, что интуиция возникает не на пустом месте, в ее основе лежит система знаний, накопленная информация (информация — мать интуиции). Поэтому тот, кто хочет быть свободным, обязательно должен владеть максимумом знаний, максимально глубоко (в зависимости от способностей и воли) проникать в сферу необходимостей природы и общества и никакое знание закономерностей действительности не может быть лишним — ведь журналистика дает целостную ориентацию в мире действительности» [9, 22].

Знание «необходимостей» из области языка и дискурса предстает необходимостью высокопрофессиональной реализации функций журналистики. Такая обусловленность свободы журналистского творчества, действительно, обычно осознавалась только на интуитивном уровне, а в 90-е гг. XX столетия, как нам представляется, вообще не учитывалась в качестве важнейшего атрибута журналистской деятельности подавляющим большинством представителей «новой волны» в СМИ. Поэтому, конечно, отрадно, что в ответе на вопрос *Как вы понимаете профессионализм политического журналиста?* такая яркая и в то же время типичная для современной журналистики личность, как А. Мишкин, и здесь выделилась среди коллег: «Надо, чтобы его

хотя бы понимали. Профессиональный журналист должен профессионально владеть русским языком. К примеру, в конце программы “Время” (ОРТ) звучат паглые комментарии, формулируемые столь тяжеловесно, что понять их могут человек сто. Между тем у этого канала самый массовый зритель. Если из ста миллионов граждан журналиста понимают сто (один из миллиона) — значит, он занимается не тем и не там» [10, 60].

Однако осознание «необходимостей» языка и дискурса дает основания для рефлексии не только над сущностью, целями и способами деятельности в журналистике, но и спецификой гуманитарного познания в целом и лингвистическим в частности. М. М. Бахтин отмечал, что сознание и мышление человека, его «дух» предстают перед исследователями в форме текстов, опосредованных языково-знаковым выражением. Мысли о мыслях, высказывания о высказываниях составляют суть социального познания, так как человек проявляет себя в тексте, которому присущи значение, смысл и ценность: «Дух (и свой, и чужой) не может быть дан ведь как прямой объект естественных наук, а только в знаковом выражении, реализации в текстах и для себя самого, и для другого» [11, 59].

Информационно-дискурсивный подход к явлениям языка, в частности к осложненному предложению, вскрывающий механизмы социального взаимодействия при реализации речемыслительных процессов, позволяет осуществить глубокую рефлексию над объектом исследования и в предметной области собственно лингвистики. Итогом такой рефлексии может стать не только представление о языке как открытой нелинейной системе, но и представление об открытости и нелинейности самой системы знаний о языковых выражениях во всех аспектах их проявления.

Примечания

1. Руденко Д. И., Прокопенко В. В. Философия языка: путь к новой эпистеме // Язык и наука конца 20 века: Сб. ст. М., 1995.
2. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М., 1994. С. 5.
3. Лысакова И. П. Социолингвистический анализ журналистского текста // Социология журналистики: Очерки методологии и практики. М., 1998. С. 226–241.
4. Дубровский Д. И. Проблема идеального. Субъективная реальность. М., 2002.

5. Манаенко Г. Н. Современное представление пропозиции в лингвистике // Вестн. СГУ. Вып. 22: Филол. науки. Ставрополь, 1999. С. 86–94.
6. Манаенко Г. Н. Осложненное предложение в языке и речи: Очерки по теории и методологии исследования. Ставрополь, 2003.
7. Дзялошинский И. М. Методы деятельности СМИ в условиях становления гражданского общества. М., 2000.
8. Реснянская Л. Л. Двусторонняя коммуникация: методика организации общественного диалога. М., 2000. С. 21.
9. Прохоров Е. П. Свобода СМИ и журналистской деятельности на демократических принципах. М., 2000.
10. Десять интервью о политической журналистике: Сб. интервью / Под ред. Л. Л. Реснянской. М., 2000.
11. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

© Н. А. Дьячкова
г. Екатеринбург

КОНЦЕПТ РАДОСТЬ В ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКОМ ДИСКУРСЕ

Сие сказал я вам, да радость Моя в вас пребудет и радость ваша будет совершенна.

Ин. 15, 11

Земная жизнь не представляет ничего радостного, ничего утешительного, кроме надежды спасения.

Игнатий (Брянчанинов)

Приношение современному монашеству

Концепт *радость*, по мнению некоторых ученых, «остается плохо описанным в русской и мировой культуре» [1, 419]. Это замечание представляется нам справедливым, хотя и нельзя сказать, что концепт *радость*, а также репрезентирующие его слова не привлекали внимания исследователей. Данный концепт и соответствующие лексемы рассматривались многими учеными и притом в разных аспектах. Нас же интересует вопрос о лингво-богословской составляющей концепта *радость*, поскольку именно она не нашла, на наш взгляд, должного освещения, между тем радость — это одно из ключевых понятий православия. В одном только 50-м псалме, по своему содержанию покаянном, на-

чинающемся со слов «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей...», лексема *радость* и ее дериваты употребляются четырежды. Очевидно, что в современных лексикографических и культурологических описаниях православно-христианский дискурс почти не учитывается. Например, в «Новом объяснительном словаре синонимов» глагол *радоваться* рассматривается в ряду *сликовать*, *торжествовать*. В словарной статье представлена развернутая сопоставительная характеристика данных слов — имен соответствующих концептов, однако здесь нет никакой информации о духовной составляющей этих чувств [2, 912–915], хотя очевидно (и в некоторых работах на это указывается), что чувство радости «тяготеет к сфере высокого, духовного, небесного» [3].

Употребление имен абстрактных понятий, таких как *радость*, *веселье*, *любовь* и др., имеет богатую традицию употребления именно в христианской литературе. И если одна из задач концептуального анализа — выявление «культурной памяти» (выражение Е. С. Яковлевой [4]), которая хранится в семантике слова, то необходимо обращение не только к художественной литературе, светским текстам, но и к сочинениям религиозных философов, богословов, проповедников. Обращение к христианскому дискурсу необходимо для того, чтобы реконструированный концепт был объективным.

Концепт *радость* рассматривался учеными в основном применительно к поэтической картине мира — общезыковой или индивидуально-авторской. Так, А. Б. Пеньковский показал, что в русской поэтической картине мира в образе радости сопрягаются языческие и христианские представления. По мнению ученого, в русском языке представление о *радости* сформировалось «под влиянием великой христианской идеи Радости и с участием мощных токов европейской культурной традиции. В русской поэтической картине мира сложился и достроился мифологический образ радости». Согласно этому мифологическому представлению, радость — «прекрасное женственное существо, живущее на грани двух миров, земного и небесного, с лицом неземной красоты, с глазами-очами, излучающими небесный свет, с несущим тепло “легким дыханием”, с добрыми теплыми руками, с легкими ногами-стопами, на которых радость приходит и уходит, и с легкими, но мощными крыльями-крыла-

ми, на которых она улетает и прилетает, окрыляя человека и одаряя его способностью лететь на крыльях радости. Легкий и мягкий свет, который может усиливаться до степени ослепительного сияния восторга, и мягкое живительное тепло, способное превращаться в очистительный огонь, — две основные эманации Радости и одновременно две стихии, которые образуют двуединою <...> субстанцию Радости в двух ее взаимосвязанных ипостасях: радости души и радости сердца. Первая одухотворяет и освящает человеческое, поднимая его к горнему свету. Вторая вочеловечивает небесное, принимаемое и постигаемое умным сердцем» [5, 379]. Безусловно, это впечатляющий поэтический образ радости! Однако — именно мифологический, языческий. В православном дискурсе, в частности в аскетических произведениях, христианский образ радости таким быть не может. Тот, кто знаком с сочинениями святых отцов Церкви, православных подвижников благочестия, современных богословов, знает, что христианское представление о радости не может быть сопряжено с образом женщины, да еще и «прекрасной, с легкими стопами, с крыльями-крылами» и т. п.

Как было сказано выше, концепт *радость* рассматривался и применительно к индивидуально-авторским поэтическим картинам мира. Например, В. А. Маслова исследовала лирические тексты М. И. Цветаевой. В них зафиксировано понимание радости как: 1) внутреннего состояния человека (*радостное настроение*) и 2) состояния, перенесенного на материальный мир (*радостный день*), что в целом совпадает с узусом, на который указывает, в частности, Ю. С. Степанов. Он пишет, что в языке «прилагательное *радостный* имеет два разных значения. Одно представлено в словосочетаниях *радостное настроение, радостное чувство*, а другое — в словосочетаниях *радостный день, радостное событие, радостный повод* для чего-либо» [1, 422]. В. А. Маслова отмечает, что в лирике Цветаевой отразилось «христианское представление о радости: радость — это источник жизни и вдохновения» (*Мне, чтобы жить, надо радоваться*) [6, 232]. У Цветаевой сочетаются два представления о радости: мирское (*радоваться луже*) и религиозное (*за гробом радость велика*) [Там же, 233–234].

Последнее совсем не удивительно, поскольку в индивидуально-авторской картине мира поэта, посетителя православного ми-

ровоззрения, отразилось общехристианское представление о радости, которая ждет праведников после смерти. Об этом писал, например, преподобный Симеон Новый Богослов: «*Тот же, кто увидел и познал Бога, и чрез это не позволяет себе легкомысленно и бесстрашно вдаваться в грех и тем показывает, что он не только боится, но и любит Бога, такой человек перейдет в другую жизнь с надеждою и чаянием воскресения мертвых, воскреснет к радости неизглаголанной, для которой одной и рождаются, и умирают люди*» (преп. Симеон Новый Богослов. Слово четвертое, рус. перевод) [7].

Концепт *радость* рассматривался и в художественной картине мира, созданной Ф. М. Достоевским. По данным исследователей, в произведениях Достоевского лексема *радость* «выступает в довольно неожиданных кластерах, например: *радость обиды; онемела от радостного изумления* (Преступление и наказание), *к величайшему моему недоумению и радостному смущению; радостное изумление* (Неточка Незванова), *радостный испуг* (Дядюшкин сон). «Видно, — иронически замечают авторы статьи, — что необычные комбинации доставляют радость великому писателю» [8].

Однако в таких сочетаниях нет ничего необычного. Для Достоевского как выразителя христианской идеи сочетания типа *радость обиды, радостный испуг, радостное изумление* не являются странными. Это вполне обычные для христианского дискурса сочетания. Согласно православному учению, земные скорби сулят человеку радости небесные, поэтому земных обид и унижений не стоит бояться. *Радость обиды* — это чувство, которое хорошо знакомо ревностным христианам, подвижникам, которые умеют принять обиду не только со смирением, но и с радостью. Известный русский старец XX в., протоиерей Николай (Гурьянов) наставлял своих духовных чад: «*Радуйтесь и веселитесь, когда кто обидит-то. Имя знаете, помолитесь за него: “Господи, прости, какой счастливый, что все-таки ты благословил радоваться!”*» (Воспоминания о старце Николае (Гурьянове) [9]. Обижаться — грех, тот, кого обидели, должен радоваться и молиться за обидчика. *Радость обиды* — это то, о чем прямо сказано в девятой заповеди блаженства: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня. *Радуйтесь и веселитесь*, потому что велика ваша награда на небесах» (Мф. 5, 11, 12).

Что касается *радостного испуга / изумления / смущения*, то это известный евангельский образ: именно так описывают евангелисты чувства жен-мироносиц и апостолов, узнавших о воскресении Христа. *Испуг и радость; радость и смущение; изумление и страх, смешанные с радостью великой* — все эти слова в том или ином сочетании употребляют евангелисты. См., например, у Матфея: «...выйдя поспешно из гроба, они со *страхом и радостью* великою побежали возвестить ученикам Его» о воскресении Господа (Мф. 28, 8). Ревностный христианин может испытывать радость и страх одновременно. Вот как описаны эти чувства в «Житии Сергия Радонежского»: *Нужно ли говорить, с каким сердечным умилением впервые приносил преподобный Сергий бескровную жертву собственными руками? Он весь исполнен был благоговейного **страха** и весь сиял неземною **радостью*** (Никон (Рождественский). Житие и подвиги преподобного Сергия Радонежского) [10].

Заметим, что в православно-христианском дискурсе часто встречаются не только такие, казалось бы, необычные для мирского контекста сочетания, как *радость обиды, радостный испуг, радость и страх*, но и такие, например, как *радость разлуки, радость разлучения*. См. фрагмент из проповеди Антония Сурожского, которая называется «Радость разлуки»: ***Радость** нам оставил Господь, **радость** Он нам завещал, и сегодня мы празднуем праздник таинственной **радости**, — **радости разлучения** <...> **есть радость и в разлуке**. Вспомните слова Спасителя на Тайной вечери. Говоря о том, что Ему надлежит умереть, и воскреснуть, и уйти от своих учеников, Он увидел, что они стали скорбны, и сказал им: Если бы вы Меня действительно любили, вы **радовались** бы, что Я иду к Отцу...* (Антоний Сурожский) [11]. Таким образом, сочетания типа *радость обиды, радость разлуки*, кажущиеся некоторым читателям необычными, в православно-христианском дискурсе вполне обычны — они являются интертекстуальными вкраплениями, отсылающими к тексту Священного Писания.

В сочинениях святых отцов Церкви встречается слово *радостотворный* (обычно в словосочетании *радостотворный плач*) и словосочетание *радостная печаль* — также как будто необычные. Одно из сочинений преподобного Иоанна Лествичника называется «*Радостотворный плач*», в котором он, в частности,

пишет: *С усилием держи блаженную **радостную** печаль святого умиления, и не переставай упражняться в сем делании, пока оно не поставит тебя выше всего земного и не представит чистым Христу* (И. Лествичник. Лествица, рус. перевод) [12]. *Радостотворный плач*, если исходить из внутренней формы прилагательного, означает «плач, творящий радость», т. е. плач сокрушения о своих грехах и о любви к Богу. Радостотворный плач рождается от действия Божьей благодати и «творит» духовную радость.

Хорошо природу такого плача изъясняет преп. Симеон Новый Богослов: *Чем больше кто-либо нисходит в глубину смирения и презирает самого себя как недостойного спасения, тем в большей степени он плачет и дает свободу потокам слез; по мере их пробуждается в сердце **духовная радость**, а вместе с ней изливается и возрастает надежда, которая укрепляет абсолютную уверенность в спасении* (Симеон Новый Богослов, Никита Стифат. Аскетические произведения) [13]. ***Радостная печаль, плач, творящий радость*** — это не оксюмороны, а своего рода термины, вполне обычные для православно-христианского дискурса. Ср. также: *...да **возвеселится** сердце мое **бояться** имени Твоего* (Псалом 85).

Концепт *радость* рассматривался лингвистами также в сопоставлении с концептом *удовольствие*. Было установлено, что в современном русском языке понятие *радость* противопоставляется понятию *удовольствие* по признакам «духовное» — «телесное». *Радость* — это чувство, живущее в душе человека. *Удовольствие* воспринимается в первую очередь как «радость тела» [5, 375–383]. К сожалению, современные словари не учитывают этого существенного различия и толкуют данные слова одно через другое. Ср.: *радость* — «чувство удовольствия, ощущение большого душевного удовлетворения»; *удовольствие* — «чувство радости, довольства от приятных ощущений, переживаний» [14].

Концепт *радость* рассматривался, наконец, и в диахроническом аспекте [1, 3]. При рассмотрении концепта *радость* в православно-христианском дискурсе мы учитываем этимолого-исторические данные.

Русские письменные памятники XI–XVII вв. свидетельствуют о том, что различие двух представлений о *радости* (земной, телесной, с одной стороны, и духовной, небесной — с дру-

гой) сложилось в языке относительно поздно. Ученые отмечают, что «лексема *радость*, вплоть до Нового времени продолжая быть именем того, что чувственно открывается человеку в земном, с известного момента становится также обозначением умопостигаемой эмоции, внутреннего переживания, приписываемого индивидууму» [3]. Именно это, второе обозначение (не телесная, не чувственная, а умопостигаемая эмоция, внутреннее переживание) является концептуальным признаком, который актуализируется в православно-христианском дискурсе. Например: *Возрадуемся о Воскресении Господнем, и не будем бояться. Свет Христов, который так торжествующе, так ослепительно озарял нас в пасхальную ночь, теперь превратился в тот тихий свет, о котором мы поем на всенощной: Свете тихий святых славы Небесного Отца* (Аптоний Сурожский).

Определения к слову *радость*, которые встречаются в православном дискурсе, дают представление о природе христианской радости. Она здесь всегда *небесная, неземная, духовная, несказанная, благодарная (Господу), пасхальная, вечная, дивная...* Примеры: *Небесная радость наполнила сердце смиренного Сергия; он пожелал разделить свою духовную радость с кем-нибудь из присных учеников своих (Житие...); Старец всегда был исполнен благодарной радости Господу, поэтому и в немощи находил возможность ласковой шутки, веселости (Воспоминания...); Осознаем же теперь, что нам дает Господь в этой дивной радости церковной любви, осознаем, как велико призвание человека, которое только мы, верующие, можем знать до конца, до самых глубин, возрастет в меру роста Христова!* (Аптоний Сурожский).

В православном дискурсе радость — это эмоция, имеющая неземную, духовную природу, причем такая, источник которой всегда известен. Ю. С. Степанов пишет: «Внутренняя форма концента “Радость”, по данным этимологии, в русском языке такова: “ощущение внутреннего комфорта, удовольствия бытия, возникшее в ответ на осознание (или просто ощущение) гармонии меня со средой, “заботы” кого-то обо мне (это причина; причина здесь может быть и “певедомой”), и сопровождающееся моей готовностью проявить такую же заботу в отношении к другому (это — мотив, цель); как и причина, цель и ее объект — “другой, другое” могут быть также певедомыми, лингвист сказал бы “референтно неопределенными”, — “другое” здесь, по отно-

шению к которому я проявляю готовность, — это сама жизнь» [1, 428]. Источником того, что ученый называет «гармонией со средой», «ощущением заботы кого-то обо мне», является для христианина Господь, который есть любовь, потому что все от Него и Его любви. Например: *Блажен тот, кто познал, что ничего у него нет; даже то, что кажется его собственностью, — не его. Жизнь, тело, ум, сердце и все, чем богата наша жизнь, — все это от Бога. И если почувствовать совершенную нашу нищету, почувствовать, что ничего у нас нет, тогда вдруг хлынет в сердце такая **несказанная радость**: хотя нет этого у меня, хотя оно не мое, но — Господь дает!* (Антоний Сурожский).

Этимологическое значение концепта *радость*, о котором сказано выше, в полной мере выявляет православный контекст: *Особенно яркой, характерной чертой его [старца] внутреннего устройства на фоне подавляющего уныния наших дней является «веселие вечное», — сияющая, **радостная благодарность Господу**: «Слава Богу за все!»* (Воспоминания...). Как видно из примера, источником радости является Господь.

«Неведомой» — причина радости может быть только в мирском, светском дискурсе. Ср. примеры, приводимые А. Б. Пеньковским: *Я вдруг почувствовал **беспричинную радость** жизни* (Л. Толстой); ***Без всякой причины** в груди ее шевельнулась **радость*** (А. Чехов) [5, 376]. Опираясь на подобных примерах, ученый делает вывод о том, что в языковой картине мира современного русского языка *радость* может быть и беспричинной, «ни от чего» [Там же]. Однако, как уже было сказано, это примеры из мирского дискурса, и они не могут свидетельствовать о концептуализации данной эмоции в языке в целом.

В «культурной памяти» слова *радость* и его производных есть представление не только о причине этого чувства, но и о его цели. Косвенным свидетельством этому являются опять-таки этимологические данные. В русском языке есть целевой предлог *ради* (*Христа ради, ради детей*), восходящий к древнерусской форме косвенного падежа с локативным значением имени *рад* [1, 420]. Христианский дискурс сохраняет эту «память». См.: *Это [первоначальное познание Бога, предпочтение духовного всему остальному] есть всего лишь — лично испытанный и сердцем признанный край Ризы Божией или благодарно и **радостно** принятый дар Его Благодати* (И. Ильин. Аксиомы религиозного

опыта) [15]. В этом примере речь идет о том, что радость Его Благодати является целью, ради которой человек предпочитает духовное всему остальному.

Объекты любви в христианском дискурсе, казалось бы, разнообразны.

Православные радуются:

— о Господе (Боге), о благодати и милости Его к ним, о надежде вечного života, о Воскресении Господнем, о вознесении Господнем. Например: *Тогда преподобный поведал ему все, что сам видел и слышал [о небесном знамении], и оба они, по слову Псалмопевца, возрадовались о Господе с трепетом (Житие...); Господь вознесся человеческой плотью Своей. И не только мы можем радоваться об этом, но радуется вся тварь (Антоний Сурожский);*

— процветанию обители, Божиим излучениям. Например: *Преподобный Сергей гостил у своего друга несколько дней, он обходил с ним пустыню и радовался процветанию его обители (Житие...); Человек должен воспринимать излучения Божии, узнавать их, радоваться им, искать их, пребывать в них (Ильин. Аксиомы...);*

— духовному опыту, духовному состоянию. Например: *Вслед за тем он [религиозно-ищущий человек] должен совершить приятие духовности и духа — сердцем: предпочесть духовное, испытать от него радость, полюбить его и обратиться к нему с тем, чтобы служить ему, беречь и умножать его (Ильин. Аксиомы...);*

— оттого, что есть на свете духоносные старцы. Например: *Образ настоящего духоносного батюшки так меня поразил, что на следующий день в пять часов утра мы с Николаем отплыли на остров. На сердце было необычайно радостно, душа чувствовала особую бодрость, легкость, покой (Воспоминания...);*

— радуются тому:

1) *...что сын [их] будет избранным сосудом Духа Божия и служителем Святой Троицы (Житие...);*

2) *...что Бог благословил [их] таким детищем: Он предызбрал [их] сына еще прежде его рождения (Там же);*

3) *...что можно в будущем послужить украшению храмов (Воспоминания...);*

4) *...что [можно петь в храме и значит быть] с Господом! (Там же);*

— при одной только мысли о том, что Бог через воплощение породнился с нами: *Мы можем думать с радостью, что Господь Бог не только человеческую судьбу взял на Себя, не только так породнился с нами, что Он один из нас, человек среди нас, но что вся тварь, все породнилось через воплощение с Живым Богом* (Аптоший Сурожский).

Понятно, однако, что разнообразие это кажущееся, и «объект», вызывающий чувство радости, ее источник во всех случаях, по сути дела, один и тот же — Бог.

Интересно в этом смысле сравнить описываемый источник радости с «объектами радости» в мирском дискурсе, который хорошо отражают речения из Словаря сочетаемости: *радоваться сыну, дочери, Анне...письму, встрече, свиданию, удаче, успеху, весне, теплу, солнцу...; за брата, за сына, за Анну, за класс...* [16, 550]. Аналогичные примеры приведены в «Новом объяснительном словаре синонимов». См.: *радоваться победе в изнурительной войне, новому костюму, спасению детей, хорошей погоде; тому, чего долго ждали, случайному подарку судьбы, завершению своей работы, успехам другого человека*. Радоваться можно без всякой конкретной или видимой причины — *от ощущения физического здоровья, полноты жизни* [2, 26]. Светские тексты отражают также и тот факт, что источником радости может быть зло. См.: — *Товарищ Сталин, мы можем взять его через час, — с радостной готовностью отозвался Берия* (Искандер); *Только теперь я понял великую радость войны, это древнее первичное наслаждение убивать людей — умных, хитрых, лукавых, неизмеримо более интересных, чем самые хищные звери* (Андреев); *Тут, может быть, примешивается и некоторая радость мести, — и им, господам нашего сегодня, и моей ненужной науке, моим лишним знаниям, моему напрасному уму* (Осоргин); — *Ну, взялись, — негромко, с ехидной радостью* сказал Владимир Семеныч своей новой подруге (Шукшин).

Представления о так называемых мирских радостях отражаются в православном дискурсе, однако они подчеркнута противопоставляются радостям духовным. Например: *Видишь, в чем должна проводиться на земле жизнь христианина! Увидишь это, читая Евангелие Христово. Имеется здесь и для христианина веселие, но духовное. Они радуются не о злате, серебре, пище, питии, чести и славе, но о Бозе своем, о благодати и милости Его*

к ним, о надежде вечного живота (Игнатий (Брянчанинов). *Приношение современному монашеству*) [17]; ...всякий человек, рожденный в мире сем, тем паче христианин, пусть не думает, будто родился для того, чтобы наслаждаться сем миром и вкушать его **радости**, потому что если б этот был конец и эта цель его рождения, то он не умирал бы (Симеон Новый Богослов).

Таким образом, можно сказать, что в православно-христианском дискурсе Бог является одновременно и причиной радости, и ее целью, и ее объектом. Следуя логике рассуждений Ю. С. Степанова, можно заключить: причина, цель и объект христианской радости «референтно определенны». Еще одно подтверждение этому — приводимый ниже пример: *Воспринимая благодатный свет, духовный человек ищет его источник, чтобы поклониться ему. Еще не зная Его <...>, он несет Ему радость и благодарность, призывая Его к усилению и умножению Его лучей* (Ильин. Аксиомы...).

Важным «параметром» христианской радости является также ее деятельный характер. Рассуждая об этом, мы вновь обращаемся к истории языка. По данным этимологии, первичное значение старославянского и русского *рад* — это «готовый к благодеянию — его совершению или восприятию (выделено мной. — Н. Д.)» [1, 425; 18, 25] Современный русский язык сохраняет это значение. Ср.: *Я рад Вам помочь* — субъект приводит в определенное состояние объект. *Я рад Вашему приходу* — субъект приведен в данное состояние приходом объекта [1, 426–427]. Ср. также: *Я радуюсь / мне радостно, что я могу вам помочь; я радуюсь / мне радостно оттого, что вы пришли*. Мало сказать, что православный дискурс сохраняет эту «культурную память», но именно «готовность к совершению или восприятию благодеяния» является одним из основных признаков концепта *радость* в православном дискурсе. См.: *Чтобы вести достойную жизнь, полную духовного смысла и творчества, человек должен воспринимать излучения Божии, узнавать их, радоваться им, искать их, пребывать в них; и потому он должен приобрести необходимый для этого духовный опыт* (Ильин. Аксиомы...); *Радостно вступает в свой подвиг отшельник пустынный: никто не понуждал его к тому, горячая ревность к подвижничеству увлекала его в пустыню. Все скорби и лишения — для него возжеланны* (Житие...). Человек может испытывать радость уже от

одного только религиозного созерцания мира, готовности воспринять религиозный опыт. См.: *Человек, умеющий трепетно и благоговейно предстоять, сумевший утвердить свое духовное достоинство через жажду священного и познавший радость верного ранга* [19], *уже научился чувству ответственности и вступил в сферу религиозного опыта, совершенно независимо от того, принял ли он какой-либо догмат или остался с протянутой и пустой рукой* (Ильин. Аксиомы...).

Радость — это не только чувство, но и поведенческая реакция. Об этом пишет Е. В. Рахилина: «В паивной картине мира чувства паходятся внутри человека, причем главным сосудом для человеческих чувств является душа» [20, 150]. Именно поэтому в русском языке невозможна метафора *глубокая радость*, поскольку глубокая — «это метафора дистантного расположения. Она возможна только с именами чувств, не переходящими в поведение. Поведенческие реакции не шкалируются, поэтому к ним не применимы ни метафорическое *глубокий*, ни метафорическое *высокий*» [Там же]. В православном дискурсе радость — это чувство, переходящее в поведение. См.: *После беседы с ним [старцем] я вышел из его дома совершенно другим человеком. Словно гора спала с плеч. Какая радость! Жизнь стала казаться совершенно иной, появилась твердая уверенность в будущем* (Воспоминания...); *Мы сошли с катера и пошли в сторожку церкви. Вдоль улицы навстречу нам очень бодро шел батюшка Николай. Отец Николай был необыкновенно радостный, деятельный* (Воспоминания...).

Для исследования концепта, его объективной реконструкции необходимо изучение текстового окружения его лексических репрезентантов. Л. Г. Бабенко пишет: «...исследование концепта в тексте предполагает учитывать наряду с парадигматическими преимущественно синтагматические связи слов» [21, 107]. Синтагматические связи слов-имен концепта *радость* (радость, рад, радоваться, радостный, возрадоваться) в православно-христианском дискурсе со всей очевидностью обнаруживают богословскую компоненту. Современные толковые словари не учитывают православный дискурс, поэтому дефиниции слов-имен отвлеченных понятий типа *радость*, *любовь* и других оказываются обедненными. По этой же причине невозможна объективная реконструкция одноименных концептов. Характерны в этом смыс-

ле замечания Ю. С. Степанова, которыми он предваряет статью «Радость» в книге «Константы...».

«Что может быть более естественным, — пишет ученый, — как не описать — после длинного ряда концептов, следующих выше, и концепт «Радость»? Но, к удивлению для меня самого, в моих подготовительных, долгое время собираемых материалах не оказалось на этот счет почти ничего (не есть ли это — “значимое отсутствие”?)» [1, 419]. В этом высказывании ученого содержится риторический вопрос, оформленный как вставная конструкция, а значит, имеющий статус необязательного попутного замечания. Однако именно это замечание и представляется существенным. Риском предположить, что отсутствие полного описания концепта *радость* в современном русском языке является действительно значимым и имеет свое объяснение. По-видимому, *радость* будет оставаться «неуловимой материей» [22] до тех пор, пока исследователи не обратятся к христианскому дискурсу, потому что эта эмоция имеет не только душевно-телесную природу, но и духовную.

Слова-имена данного концепта (*радость, радостный, радостно, радоваться* и др.) — это, по сути, слова-термины, которые именуют одно из ключевых переживаний православного христианина. В христианской картине мира *радость* имеет божественную природу, ибо это *Господь нам завещал радость* [23]. В основе данного чувства лежит любовь к Богу и благодарность Ему за жизнь. В этом смысле можно говорить о том, что православно-христианский дискурс сохраняет и актуализирует это исконное значение слова *радость*. В. В. Колесов пишет, что «в древнерусских текстах *радость* представлена как *благодать*, исходящая от Бога <...>, такая благодать дает здоровье и силу, а это и есть счастье» [24, 239].

Получается, что не *радоваться о Господе*, т. е. унывать, — значит грешить.

Примечания

1. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
2. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2004.
3. Шимчук Э. Г. Концепт радость в русском языке (диахронический аспект) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=96760>

4. Яковлева Е. С. О понятии «культурная память» в применении к семантике слова // Вопр. языкознания. 1998. № 3.
5. Пеньковский А. Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка: Культурные концепты. М., 1991.
6. Маслова В. А. Эмоциональные концепты *счастье, радость* // Маслова В. А. Когнитивная лингвистика. Минск, 2004.
7. Симеон Новый Богослов, преп. Творения: В 3 т. М., 1993. Далес: (Симеон Новый Богослов).
8. Демьянков В. З., Воронин Л. В., Сергеева Д. В., Сергеев А. И. Кластерность: «радость» в русском и английском (Ф. М. Достоевский и Ч. Диккенс) // Демьянков В. З., Воронин Л. В., Сергеева Д. В., Сергеев А. И. Лингвопсихология как раздел когнитивной лингвистики, или: Где эмоция — там и когниция [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.infolex.ru/Lingps.html
9. Воспоминания о старце протоиерее Николае (Гурьянове) / Сост. Г. П. Чинякова. М., 2003. Далес: (Воспоминания...).
10. Никон (Рождественский), архиеп. Житие и подвиги преподобного Сергия Радонежского. М., 1994. Далес: (Житие...). В этом фрагменте речь идет о том, как С. Радонежский, став иеромонахом, служил первую в своей жизни литургию.
11. Сурожский Антоний, митрп. Любовь всепобеждающая: Проповеди, произнесенные в России. Клин, 2003.
12. Лествичник Иоанн, преп. Лествица, возводящая на небо. М., 2004.
13. Симеон Новый Богослов, преп., Никита Стифат, преп. Аскетические произведения. Клин, 2001.
14. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 1998. С. 1058.
15. Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М., 2004. Далес: (Ильин. Аксиомы...).
16. Словарь сочетаемости слов русского языка. М., 2005.
17. Игнатий (Брянчанинов), свят. Приношение современному монашеству. М., 1993.
18. Вежбицкая А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики. М., 2001.
19. «Безранговым» созерцанием мира И. Ильин называет созерцание безрелигиозное.
20. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2001.
21. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учеб. для вузов. Москва; Екатеринбург, 2004.
22. «Неуловимая материя» — выражение Г. Честертона. Цит. по: [1, 419].
23. Название проповеди Антония Сурожского. См.: [11, 15].
24. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове: В 5 кн. СПб., 2004. Кн. 3: Бытие и быт.

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГЛАГОЛА В АСПЕКТЕ ПРОТОТИПИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ*

Понятие прототипа, первоначально возникшее в психологии, в последнее время активно используется при описании семантических категорий и языковых значений. В работе 1998 г. Е. В. Рахилина пишет: «...прототип остался в статусе неформального понятия (впрочем, в лингвистике это не единственный случай) и сугубо теоретического. Скептик мог бы понизить его до научной метафоры, но это не меняет дела: прототип уже довольно долго “держится на плаву”, не исчезая из лингвистического узуса» [1, 286].

Описание значения слова в рамках прототипического подхода строится следующим образом: со словом соотносится его прототип, описание которого представляет собой пучок (кластер) семантических признаков. Кроме прототипа, выделяется периферия, представляющая собой различные отклонения от центрального понятия. Например, Дж. Лакофф так анализирует слово *мать*. Мать — женщина, которая родила ребенка, отдала половину своих генов будущему ребенку, вынянчила его, является женой его отца, принадлежит к поколению, непосредственно предшествующему поколению ребенка, и является законным блюстителем интересов ребенка; это прототипическое значение не покрывает случаев узуальных употреблений, находящихся на периферии языкового сознания: *мачеха, приемная мать, суррогатная мать, биологическая мать* [2, 42]. Прототип, как видно из примера, представляет собой объединение всех возможных признаков, причем в каждом конкретном употреблении может реализоваться только часть из них. «В настоящее время, — как отмечает Л. Г. Бабенко, — понятие прототипа допускает двойное осмысление. С одной стороны, прототип понимается как образец, как лучший, типичный представитель категории: это конкретный или абстрактный мысленный образ предметов, принад-

* Работа выполнена при содействии гранта Президента РФ для молодых ученых (№ МК–1586.2005.6).

лежащих одной категории, с помощью которого человек воспринимает, познает действительность <...> С другой стороны, прототип осмысливается как совокупность прототипических признаков, которые рассматриваются в аспекте их значимости: ядерные, повторяющиеся, частотные — периферийные, редкие» [3, 15]. Прототип организует категорию в целом, определяет ее содержание и является, по словам Н. Н. Болдырева, «когнитивным ядром категории» [4].

Таким образом, на основе существующих в научной литературе точек зрения можно сформулировать следующее определение: **прототип** — это концепт, являющийся эталонным репрезентантом и структурным ядром категории и характеризующийся набором психологически релевантных признаков.

В когнитивной семантике выделяются две связанных между собой области теоретических исследований и практического применения теории прототипов: 1) лексикографическое представление прототипов и 2) изучение семантической общности значений многозначного слова в свете прототипической семантики.

Первое направление исследований представлено работами коллектива лексикографов под руководством Л. Г. Бабенко.

Следует сказать, что необходимость включать в словарные дефиниции информацию прототипического характера была давно осознана учеными. В частности, еще в 1965 г. С. Д. Кацнельсон высказывал некоторые критические замечания в отношении словарных дефиниций традиционного толкового словаря: «В стратификации лексических напластований существенную роль играет, конечно, не только логическая структура значения, но также степень доступности вещи и способ ознакомления с нею» [5, 21–22]. Он отмечал, что при толковании *воды* гораздо важнее представить не химический состав воды, а элементарное понятие о воде: указать на естественные и искусственные водоемы (колодцы, водопровод, река и т. д.), назвать важнейшие функции воды как средства утоления жажды, мытья, варки и т. п. [Там же].

Однако до последнего времени проблема презентации прототипической семантики слова не рассматривалась как самостоятельная теоретическая проблема. Осознание недостаточности в толковании информации, отображающей элементы быденного, «наивного» сознания, привело к созданию словарей нового типа. В лаборатории информационных лингвистических технологий

Института лингвистических исследований РАН создан «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д. В. Дмитриева, словарные дефиниции которого ориентированы на прототипическое представление значения слова (хотя когнитивный подход не декларируется авторами словаря). Например, значения глагола *вздыхать* толкуются следующим образом: '1. Когда вы вздыхаете, вы делаете несколько вдохов и выдохов, сопровождающих их звуками или словами (ох, ах и т. п.), потому что вы хотите выразить какое-то чувство (обычно сожаления, переживания и т. п.). 2. Если вы вздыхаете по какой-то прошлой ситуации, значит, вы очень сильно грустите из-за того, что не можете вернуть это. 3. Если вы вздыхаете по кому-то, значит, вы влюблены в этого человека' [6, 62]. Прототип в таком понимании является «наивным» понятием и элементом наивной картины мира. В словаре «Тысяча состояний души», напротив, не наивная, а энциклопедическая информация прототипического характера дополняет семантизацию значения: «лицемерие — неискренность, притворное чистосердечие и доброжелательность, нередко как склонность, доставляющая индивиду скрытое удовольствие... действие в целях прагматической выгоды. Классические образцы лицемеров — Тартюф в одноименной комедии Мольера и Иудушка Головлевы в "Господах Головлевых" М. Салтыкова-Щедрина» [7, 71].

Впервые модель лексикографической репрезентации прототипов и теоретическое осмысление проблемы метаязыка описания прототипического значения были предложены Л. Г. Бабенко. Работая над идеографическим словарем синонимов, коллектив под руководством Л. Г. Бабенко выделяет в словарной статье зону прототипа, например, прототип синонимического ряда с доминантой *хвастаться*: **Хвастаться** — 'говорить о себе, своих достоинствах и о том особенном, что человек имеет или сделал, с преувеличенной гордостью, восхвалением, одобрением, выставить напоказ свои достоинства, заслуги (часто мнимые, кажущиеся или заведомо сомнительные), пытаться создать у окружающих ложное впечатление собственной значительности, продемонстрировать свое отличие от других. Поддаваясь желанию показать себя с благоприятной стороны, человек присоединяет вымысел или говорит неправду, ложь и тем самым наносит урон своей репутации, создает невысокое мнение о себе как о челове-

ке несерьезном, легкомысленном и пустом, вызывает пасмешливое отношение окружающих. Такой человек говорит быстро, несдержанно, с повторами, получает удовольствие от своих слов, подчеркивая свою значительность горделивой осанкой, самодовольным видом, самолюбованием, вниманием к тому, как он выглядит. Типичными примерами хвастунов является Хлестаков и Тартарен (герой романа А. Додэ)' [8].

Второе направление связано с использованием теории прототипов при исследовании значений многозначных слов. Когнитивная семантика, не поддерживая инвариантный подход к значению многозначного слова (т. е. наличие «общего» для всех отдельных ЛСВ значения), тем не менее объясняет единство значений полисеманта наличием концептуальной структуры, позволяющей объяснить модели ее модификации, ведущие к появлению новых значений. Эта концептуальная структура получает в работах различные наименования: лексический прототип (Л. К. Архипов, С. А. Песина), прототипическая схема (Г. И. Кустова), образ-схема или образная схема (М. Джонсон, Дж. Лакофф, Л. Талми), фрейм (Ч. Филлмор) и др. Поиски такого конструкта доказывают стремление лингвистов объяснить феномен многозначности и отказаться от списочного ее представления, при котором связи между значениями не эксплицируются.

Материалом исследования в данной работе являются многозначные глаголы социальных действий и отношений. Значение любого глагола в силу его предикатной природы фиксирует пропозициональные форматы знания. Оно содержит в свернутом виде программу осуществления действия, состоящую из упорядоченных во времени эпизодов. Поэтому концептуальным аналогом глагольного значения мы считаем когнитивный сценарий, абстрактную ментальную структуру, представляющую собой интерпретацию говорящим ситуации внеязыковой действительности как повторяющегося динамического процесса, состоящего из совокупности эпизодов и обладающего набором участников с закрепленными социальными ролями.

Покажем, как когнитивный сценарий обеспечивает единство семантической структуры многозначного социального глагола и способствует образованию новых значений, на примере глагола *освободить*. По данным БТС [9], глагол имеет 6 самостоятельных значений и 2 оттенка значения:

Освободить — '1. Сделать свободным кого-, что-л., предоставить свободу кому-, чему-л. 2. Отвоевать захваченную неприятелем территорию; избавить от угнетения, от власти, владычества кого-, чего-л. 3. Устранить что-л. связывающее, стесняющее; высвободить. //Дать возможность проявиться чему-л. 4. Дать возможность кому-л. избежать чего-л. нежелательного, неприятного; избавить. 5. Отстранить от исполнения каких-л. служебных обязанностей. 6. Сделать пустым, свободным, ничем не занятым (удалив кого-, что-л. или удалившись). //Высвободить время для каких-л. целей'.

Когнитивный сценарий включает несколько событийных пропозиций, связанных логическими пропозициями результата и следствия: 1) объект заключен в какие-либо границы, его движение ограничено; 2) субъект совершает какие-либо действия с целью освобождения объекта; 3) в результате этих действий объект становится свободным. В пропозиции 1 (ретроспективно направленной) акцентируется ограничение характера движения объекта, его нахождение в условно замкнутом пространстве, в пропозиции 2 освобождение субъекта представлено как динамический процесс, в пропозиции 3 (проспективно направленной) актуализируется состояние субъекта после освобождения.

Базовым, прототипическим элементом для глагола *освободить* является компонент границы, относительно которого происходит варьирование сценария, ведущее к образованию новых значений. Понятие «граница» — составная часть концепта контейнера. Дж. Лакофф пишет: «Поле зрения понимается как вместилище, например, вещи *появляются в и исчезают из* поля зрения. Отношения между людьми также понимаются в терминах вместилищ...» [10, 355]. В качестве отдельных элементов схемы выступают понятия ВНУТРИ, СНАРУЖИ и ГРАНИЦА. На масштабность концепта контейнера указывает Е. С. Кубрякова: «По образу и подобию вместилищ объясняются самые сложные вещи, и концептуальную метафору указанного типа можно обнаружить повсеместно — для интерпретации вселенной и языка, человека и социума» [11, 11].

Анализ значений глагола *освободить* позволяет показать варьирование когнитивного сценария, ведущее к образованию новых значений, и выявить роль компонента «граница» в структуре когнитивного сценария.

В исходном значении глагола выделяется каузативный компонент: освободить — сделать так, чтобы субъект стал свободным.

Значение 'отвоевать территорию' (ЛСВ 2) связано со специализацией актантной позиции объекта-пациенса (объект — *территория*) и актуализацией позиции способа действия (освободить территорию можно в результате военных действий, борьбы и т. д.). Освобождение объекта рассматривается в пространственном ключе: *отвоевать территорию* — значит изменить границы территории, сделать эту часть территории своей.

Значение 'устранить что-л. связывающее' (ЛСВ 3) также указывает на специализацию актантных позиций: субъекта-агенса, совершающего активные действия физического характера, и объекта. Оттенок значения (ЛСВ 3//) 'дать возможность проявиться чему-л.' возникает в результате образного уподобления абстрактных сущностей (творческие силы, способности) физическим предметам на основании признака «снятие границы, чего-л. связывающего, сковывающего». Ограничение движение субъекта и само наличие границы понимается как негативный фактор, поэтому граница метафорически осмысливается как 'что-то нежелательное, неприятное' (ЛСВ 4).

Значение 'отстранить от исполнения каких-л. служебных обязанностей' связано с трансформацией понятия «граница» из сферы пространственных категорий в сферу социальных отношений, в которых работа воспринимается как ограничение свободы, а увольнение — как снятие ограничений (ЛСВ 5).

Значение 'сделать пустым, свободным, ничем не занятым (удалив кого-, что-л. или удалившись)' (ЛСВ 6) связано с основным значением. В значении актуализируется способ освобождения (удалив кого-, что-л. или удалившись) и актантная позиция: объектом в данной ситуации может быть помещенье или помещение (*освободить банку из-под варенья, освободить номер в гостинице*). Значение 'высвободить время' основано на образном уподоблении времени, заполненном какими-либо событиями, помещенью (ср.: метафора «время — это ресурс» [12, 102]).

Основой семантической деривации глагола *освободить* являются следующие когнитивные процессы:

1) профилирование пропозиции способа действия. Во всех значениях глагол сохраняет компонент «сделать свободным», однако способы освобождения претерпевают изменения. В пер-

вом значении глагола этот способ представлен в обобщенном виде: сделать свободным (каким способом?) — *предоставив свободу*. Далее происходит конкретизация способа: во втором значении — *отвоевываая территорию*; в третьем — *устраняя что-л. связывающее*; в четвертом — *избавляя от нежелательного*; в пятом — *отстраняя от служебных обязанностей* и т. д. Таким образом, в когнитивном сценарии глагола освободить несколько событийных пропозиций, и актуализация одной из пропозиций (пропозиции способа действия) порождает производные значения;

2) прототипический элемент «граница». Будучи базой для создания производных значений, понятия «граница» и «контейнер» актуализируют такие признаки, как физическое освобождение субъекта от зависимости (1-е значение), снятие пространственных границ, в которые заключен субъект (2, 3, 6-е значения), избавление от чего-л. неприятного, стесняющего, причиняющего неудобства (4-е значение), снятие социальных ограничений (5-е значение), снятие временных ограничений (оттенок 6-го значения). Специализация типа границы, как следствие, приводит к мене актантов: *освободить пленных из заключения, освободить землю от агрессоров, освободить ногу из капкана, освободить водителя от уплаты штрафа, освободить служащего от работы* и т. д.

Следовательно, семантическая деривация глагола «освободить» определяется наличием когнитивного сценария, для которого значимым является пропозиция способа действия и компонент «границы». В когнитивном сценарии заложена программа развития значений, определяемая наличием в сценарии базовых, прототипических элементов (например, для глагола *освободить* таким элементом является *граница*). Итак, когнитивный сценарий объединяет значения многозначного глагола *освободить* и определяет механизмы развития всех его значений.

Таким образом, использование теории прототипов позволяет объяснить механизмы семантической деривации и установить те элементы в семантической структуре глагола, которые обеспечивают семантические связи между значениями полисеманта.

При кажущемся, на первый взгляд, различии двух выделенных нами подходов использования теории прототипов их связь заключается в осмыслении феномена прототипического значения как компонента семантики слова. Прототипическое значение представляет собой ту сигнификативную часть семемы, ко-

торая связана с интерпретацией говорящим фрагмента внеязыковой действительности. Как пишет Л. Г. Бабенко, «именно когнитивный процесс интерпретации обуславливает выделенность наиболее значимого в мире» [3, 17]. Прототипическое значение входит в ядерную часть семантики слова, так как отображает представления говорящего о типичных признаках объектов, качеств, действий. Вследствие этого прототипическое значение способно включать и компоненты «наивной картины мира», и компоненты «научной картины мира», в той степени, в какой они отображаются сознанием человека и характеризуются когнитивной выделенностью. Наличие прототипических элементов в значении многозначного глагола обеспечивает единство его семантической структуры, определяет развитие производных значений и позволяет частично объяснить организацию ментального лексикона человека.

Примечания

1. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика: История. Персоналии. Идеи. Результаты // Семиотика и информатика. М., 1998. Вып. 36.
2. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1988. Вып. 23.
3. Бабенко Л. Г. Русские синонимы в когнитивном освещении: новый идеографический словарь синонимов // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всеросс. науч. конф., 14–16 апр. 2005 г. / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2005.
4. Болдырев Н. Н. Инварианты и прототипы в системной и функциональной категоризации английского глагола // Проблемы функциональной грамматики: Семантическая инвариантность / вариативность. СПб., 2003. С. 56–57.
5. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначения. М., 1965.
6. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003.
7. Тысяча состояний души: Опыт психолого-филологического словаря. М., 2003.
8. Идеографический словарь синонимов: проспект / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко (в печати); прототип ряда *хвастаться* создан автором статьи по модели презентации прототипической семантики, разработанной Л. Г. Бабенко.
9. БТС — Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 2000.
10. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении. М., 2004.
11. Кубрякова Е. С. Семантика в когнитивной лингвистике: (О концепте контейнера и формах его объективации в языке) // Изв. АН. Сер. лит. и яз. 1999. Т. 58, № 5–6.
12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры: Сб. М., 1990.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА В ОППОЗИЦИЯХ З. Н. ХЕРСТОН

Объектом нашего исследования является метафорическое моделирование различных концептов в афроамериканской литературе XVIII — XX вв. Для данной статьи были выбраны примеры развития концептуальной картины мира в творчестве афроамериканской писательницы Зоры Ниль Херстон.

Несмотря на то, что первые работы З. Херстон появляются только в 30-е гг. XX в., ее творчество тесно связано с культурными ценностями и литературными направлениями, присущими Гарлемскому ренессансу 20-х. Она принимала участие в периодических изданиях Л. Хьюза, пользовалась финансовой поддержкой тех же спонсоров, что помогали большинству афроамериканских писателей Гарлема до начала Великой депрессии. Период ее активного обращения к читателю весьма символичен — закончились 20-е, а с ними и Гарлемский ренессанс, но еще не настало время Р. Эллисона, Р. Райта, Дж. Болдуина и Л. Хансберри — писателей повой волны, придавших афроамериканской литературе другие черты. Поэтому в произведениях З. Херстон угадывается многое из лирики Л. Хьюза и С. Брауна, ее рассказы не могут не напомнить о «Тростнике» Дж. Тумера. Но в ее голосе уже отчетливо звучат новые интонации, которые немного позднее станут ведущими во всей афроамериканской литературе середины и конца XX в. Такое противопоставление «Гарлемский ренессанс — З. Херстон — новая афроамериканская литература» отнюдь не случайно и отражает целый ряд оппозиций, составляющих основу повествования З. Херстон.

Проанализируем подробнее структуру и тропеическую организацию конкретных произведений писательницы. Отметим, что мы рассматриваем троп с позиций когнитивного подхода, предполагающего включение в состав концептуальной метафоры и других тропов качества, в частности метонимии и аллегории [1, 2, 4, 5]. В то же время в процессе анализа мы будем описывать примеры реализации того или иного концепта в терминах

метафорической, метонимической и аллегорической группы художественных средств.

Что касается структуры произведений З. Херстон («Mules and Men», «Their Eyes Were Watching God», «Dust Tracks on a Road», «Tell My Horse», «Moses, Man of the Mountain», «Seraph on the Suwanee»), то она трехчленна. Повествование состоит из отрывков, объединенных общими образами и темой. Система образов представлена тремя основными концептами: природа и флора, как ее синекдоха; голос и Бог. При этом образ природы используется в метафорической группе, голос и песня образуют ряд метонимических связей, Бог же просто называется и служит полюсом, по направлению к которому происходит развертывание концептов природы и голоса. Проследим реализацию этой модели на материале романа З. Херстон «Their Eyes Were Watching God».

События романа представлены читателю в разговоре двух подруг Фоби и Джени, которые предаются воспоминаниям на крылечке Джени. Точнее, это Джени делится с нами пережитым. Основной сюжет романа — это история становления женщины, ее попыток обрести свой голос, а с ним и самое себя. Тема обретения голоса — одна из центральных в романе. В самом начале З. Херстон представляет нам Джени как безымянного ребенка по прозвищу Алфавит, как девочку, которая не может найти себя на фотографии. Само имя говорит о многом, ведь Джени еще только в начале пути. На протяжении всего романа ей предстоит сложить из отдельных звуков свою песню жизни, песню познания себя, мужчины и Бога.

Говоря о структуре романа, отметим, что произведение построено на трех противопоставлениях: мечта — реальность, голос (*the dream — the truth*); восход, начало — закат, увядание, гибель (*dawn — doom*); мужчина — женщина (*man — woman*). Оппозиция мечта — реальность символизирует концепт голоса и невозможность выразить свои чувства. Она представлена метонимическими связями. Оппозиция восход — закат обобщает многочисленные случаи применения автором тропов метафорической группы и аллегии. Противопоставление мужчина — женщина представлено персонажами романа. Эти оппозиции не существуют независимо друг от друга, а образуют четко выделяемый комплекс связей, где мужчина символизирует реальность, голос и

разрушительные стихии, а образ женщины выступает олицетворением мечты без слов и начала жизни. Схематично это можно представить следующим образом:

мечта }	{реальность, голос
женщина — мужчина	
восход, начало}	{закат, конец

Эти оппозиции являются частью другого более значимого противопоставления внутренний мир — внешнее окружение (*inside — outside*).

Главный персонаж — женщина, и читатель знакомится с ней через оценки окружающих, при этом мы всегда слышим только мужские голоса. Здесь З. Херстон применяет целую цепь примеров синекдохи. Большая коса Джени («*a great rope of black hair*»), ее грудь («*her pugnacious breasts*»), одежда («*faded shirt and muddy overalls*») подменяют ее целое. Образ расщепляется, дробится при восприятии, не дает единства. Именно так воспринимается Джени окружающими ее мужчинами. У нее нет личности, цельного «я», самостоятельного голоса. Она может только предаваться мечтам, порой смутным и основанным большей частью на физических ощущениях. Голос — это прерогатива мужчины, и в романе мужское начало всегда связано метонимической связью с сильным голосом, пением, умением красиво говорить, увлечь женщину. О первом муже Джени известно только, что он владеет шестидесятью акрами земли. Предположительно у него есть голос, но мы его не слышим, потому что Логан Килликс не интересен своей жене. Второй муж Джени обладает глубоким голосом («*a big voice*»). Описывая его ухаживания за Джени, З. Херстон не устает употреблять глаголы речевого сообщения (*tell, speak, hint, to deal with speech-making, etc.*). Но спустя некоторое время Джени понимает, что Джоди вовсе не мастер слова, а «человек устоев и собственности» («*uh man of positions and possessions*»). Он не владеет искусством аллегории, его речь приближена к стандарту («*talks tuh unlettered folks wid books in his jaws*»). Это человек, изменяющий все вокруг по своему усмотрению, но неспособный измениться сам («*uh man dat changes everything, but nothin' don't change him*»). Еще прежде чем мы узнаем это из уст самой Джени, З. Херстон дает понять, что несмотря на свое влияние и положение Джоди Старкс

уступает физически другим мужчинам. На это намекает замечание о том, что Старкс только смеялся над шутками других мужчин, но никогда не шутил сам. Так, Джоди начинает терять голос, а с ним и свою мужественность.

Janie noted that while he *didn't talk mule himself* (Signify. — *E. III.*), he sat and laughed at it. Laughed his big heh, hey laugh too [11, 85].

Общение с мужем Джени заменяет участием (поначалу бессловесным) в мужских разговорах на крыльце лавки Джоди, дающих блестящий образец афроамериканского искусства намека (*signifyin'*). Именно во время одной из таких бесед Джени суждено впервые заговорить самой. Джоди словесно унижает ее и в ответ Джени отпускает пчелиный рой оскорбительных аллегорий, которые подрывают мужское самоуважение Джоди. Он немеет, теряет дар речи. Больше он его уже не обретет. Потеряв голос, он теряет и жизнь. Его смерть наступает от вполне естественных причин, но З. Херстон посредством аллегории четко дает понять, что истинная причина в потере голоса, связанного отношениями синеэкдохии со всем образом мужчины. Джени же, напротив, начинает становиться говорящим персонажем, что опять дает нам пример синеэкдохии.

Приходит новая весна и новая любовь. Наконец, Джени встречает свою пару. Это Веджибал Вудс (*Vergible Woods*), по прозвищу Ти Кейк (*Tea Cake*), все имущество которого состоит из одной *гитары* — очередной пример метонимических связей по схеме голос, песня — мужчина.

Это одна часть оппозиции внутренний мир — внешнее окружение (*inside — outside*). Вторая, еще более развернутая часть, описывает внутреннее существо Джени и делается это уже путем использования тропов метафорической группы по схеме флора (и дерево, как ее часть) — женщина.

Первый раз З. Херстон использует образ дерева, сравнивая с ним мироощущение Джени.

Janie saw her life like a great tree in leaf with the things suffered, things enjoyed, things done and undone. Dawn and doom was in the branches. Jane had spent most of the day under a *blossoming pear tree* in the back-yard. She had been spending every minute that she could steal from her chores under that tree for the last three days. That was to say, ever since the first tiny bloom had opened. It had called her to

come and gaze on a mystery. From barren brown stems to glistening leaf-buds; from the leaf-buds to snowy virginity of bloom. It stirred her tremendously. How? Why? It was like a flute song forgotten in another existence and remembered again. What? How? Why? This singing she heard that had nothing to do with her ears. The rose of the world was breathing out smell. It followed her through all her waking moments and caressed her in her sleep. It connected itself with other vaguely felt matters that had struck her outside observation and buried themselves in her flesh. Now they emerged and quested about her consciousness [Там же, 20].

Чуть далее этот образ получает уже метафорическое развитие, когда Джени отождествляет себя с цветущим грушевым деревом. Ей исполнилось 16 лет и она впервые ощущает свою женственность.

Oh to be *a pear tree — any tree in bloom!* With kissing bees singing of the beginning of the world! She was sixteen. She had glossy leaves and bursting buds and she wanted to struggle with life but it seemed to elude her. Where were the singing bees for her? Nothing on the place nor in her grandma's house answered her [Там же, 25].

Мечты о супружестве, выраженные фитоаллегорией, продолжают серию фитометафор.

She was stretched on her back beneath *the pear tree* soaking in the alto chant of the visiting bees, the gold of the sun and the panting breath of the breeze when the inaudible voice of it all came to her. She saw a dust-bearing bee sink into the sanctum of a bloom; the thousand sister-calyxes arch to meet the love embrace and the ecstatic shiver of the tree from root to tiniest branch creaming in every blossom and frothing with delight. So this was a marriage! She had been summoned to behold a revelation. Then Jane felt a pain remorseless sweet that left her limp and languid [Там же, 25].

Обратим внимание на образ пчелы и употребление метафорического эпитета *singing bees*. Это возвращает нас к связи го- лос — мужчина — супружество.

Описание романтических грез и первого поцелуя автор прерывает введением образа бабушки Джени, чей облик напоминает о старом поваленном бурей дереве. Впечатление от метафорического сравнения усиливается благодаря описанию повязки из пальмовых листьев, покрывающей голову старухи.

Nanny's head and face looked *like the standing roots of some old tree that had been torn away by storm*. Foundation of ancient power that no longer mattered. The cooling palma christi leaves that Jane had bound about her grandma's head with a white rag had wilted down and become part and parcel of the woman. Her eyes didn't bore and pierce. They diffused and melted Janie, the room and the world into one comprehension [Там же, 26].

The older woman sat bolt upright and put her feet to the floor, and thrust back *the leaves* from her face [Там же, 27].

Желая добра и защищенности, она уговаривает Джени выйти замуж за Логана Килликса, одна мысль о котором «оскверняла грушевое дерево» («The vision of Logan Killicks was desecrating the pear tree, but Jannie didn't know how to tell Nanny that» [Там же, 28]). Став женой, Джени подобно дереву ждет момента, чтобы зацвести вновь.

So Janie waited a bloom time, and a green time and an orange time. But when the pollen again gilded the sun and sifted down on the world she began to stand around the gate and expect things. What things? She didn't know exactly. Her breath was gusty and short. She knew things that nobody had ever told her. For instance, the words of the trees and the wind [Там же, 43–44].

Она чувствует, что что-то непременно случится, и она не ошибается. З. Херстон снова возвращается к метафоре: встретив Джоди Старкса, Джени опять превращается в цветущее дерево. Отметим, что здесь впервые используются параллельно метафоричный образ дерева и метонимическая связь мужчине – голос.

Every day after that they managed to meet in the scrub oaks across the road and *talk* about when he would be a big ruler of things with her reaping the benefits. Janie pulled back a long time because he did not represent *sun-up and pollen and blooming trees*, but he spoke for far horizon....

From now on until death she was going to have *flower dust* and spring-time sprinkled over everything. *A bee for her bloom*. Her old thoughts were going to come in handy now, but *new words* would have to be made and said to fit them [Там же, 43–44, 54–55].

Далее эта связь реализуется в отрывке, когда Джоди и Джени прибывают в город, где будут разворачиваться дальнейшие события, и Джоди покупает лес, который пойдет на строитель-

ство его дома и лавки. То, что для Джоди символизирует успех и прибыль, становится для Джени лишь уничтожением деревьев. Одновременно она теряет появившуюся, как ей казалось, возможность обрести голос. Метафорический образ умирающего леса передает подавленное состояние, грусть Джени.

Параллельное использование синекдохи «голос» и фитометафоры продолжается, когда Джоди, избранный мэром, отклоняет предложение Тони Тейлора. Просьба заключалась в том, чтобы Джени обратилась с речью к жителям города.

«Thank yuh fuh yo' compliments, but mah wife don't know nothin' 'bout no speech-makin'. Ah never married her for nothin' lak dat. She's uh woman and her place is in de home» [Там же, 69].

Подобный отказ, когда Джоди даже не удосужился спросить ее мнения, «обрывает цвет со всего вокруг».

Janie made her face laugh after a short pause, but it wasn't too easy. She had never thought of making a speech, and didn't know if she cared to make one at all. It must have been the way Jody spoke out without giving her a chance to say anything one way or another that *took the bloom off the things* [Там же, 69–70]

Позднее непонимание между супругами растет и для передачи натянутых отношений З. Херстон вновь использует фитометафору и образы поля маргариток, раскрытого цветка и тенисного дерева.

The spirit of the marriage left the bedroom and took to living in the parlor.... The bed was no longer *a daisy-field* for her and Joe to play in. It was a place where she went and laid down when she was sleepy and tired.

She wasn't *petal-open* anymore with him.

Then one day she sat and watched the shadow of herself going about tending store and prostrating itself before Jody, while all the time she herself sat under *a shady tree* with the wind blowing through her hair and her clothes. Somebody near about making summertime out of lonesomeness [Там же, 111, 119]

Когда же Джоди умирает, Джени вновь обретает свой голос, и для З. Херстон это означает, что героиня готова встретить настоящую любовь. Снова возвращается фитометафора, только теперь она связана с образом Веджибала Вудса (*Vergible Woods*, отметим аллегоричный характер его имени).

He looked like the love thoughts of women. He could be a bee to

a blossom — a pear tree blossom in the spring. He seemed to be crushing scent out of the world with his footsteps. Crushing aromatic herbs with every step he took. Spices hung about him. He was a glance from God [Там же, 161].

Образы мужчины и женщины в равной мере соотносятся с синекдохой «голос — человек» и метафорой «дерево — человек». Внутреннее «я» адекватно внешнему восприятию. Мужчина и женщина становятся единым целым, что заканчивает оппозицию *inside — outside*. И в этом единении Джени познает Бога, чье имя посредством эпитета Mouth Almighty сливается со способностью к внешней речи и ее обретением.

Отметим, что оппозиция *inside — outside* усиливается путем введения в повествование лексических единиц, содержащих в своем составе сему «нахождение в пространстве» с лексической реализацией «внутри» или «вне».

Джени, например, рассказывает свою историю, сидя на крыльце своего дома (*outside on her back porch*). Ее «внешние наблюдения» (*outside observations*) коренятся глубоко в ее существе (*buried themselves in her flesh*). После мыслей о браке и первого поцелуя Джени оставляет мечты (*extends herself outside of her dream*) и возвращается в дом (*goes inside of the house*). Грезы посещают ее только вне дома, дом же, кому бы он ни принадлежал — бабушке или мужьям, всегда описывается как место, в котором Джени не имеет права голоса. Когда ее оскорбляет первый муж, внутренний протест Джени выражается в словах автора «*she turned wrongside out just standing there and feeling*». Джоди увлекает Джени описанием далеких горизонтов (*far horizons*), а их свидания проходят в лесу (*under the tree, outdoors in the scrub oaks*). Семейное фиаско связывается с желанием Джени слушать разговоры на крыльце и ее ненавистью к лавке (But then when Lige or Sam or Walter or some of the other big picture talkers were using a side of the world for the canvas, Joe would hustle her off *inside* the store to sell something. Look like he took pleasure in doing it. Why couldn't he go himself sometimes? She had come to hate *the inside of that store* anyway [Там же, 85]).

Наконец, описание ее встреч с Вудсом всегда так или иначе связано с описанием природных стихий. Напомним также, что у Вудса нет собственного дома. Большую часть времени он проводит в лесу (Ah had tuh laugh at de people *out dere in de woods* dis

mornin', Janie. You can't help but laugh at de capers they cuts [Там же, 98]).

Сведение всех оппозиций в единое целое графически можно представить следующим образом.

	мечта}		{реальность, голос
женщина}	внутреннее «я»}	Бог	{внешнее восприятие {мужчина
	восход, начало}		{закат, конец
	метафорическая группа		метонимическая группа

Кроме цельных образов, в тексте встречаются многочисленные примеры одиночных фитометафор.

Ah wanted yuh to school out and *pick from a higher bush and a sweet berry*. But dat ain't yo' idea, Ah see (цит. по: [6, 180]).

You know, honey, us colored folks is *branches without roots* and that makes things come round in queer ways. You in particular (цит. по: [Там же, 182]).

They's a lost ball in *high grass* [Там же, 106].

...he's de wind and we'se *de grass* [Там же, 74].

Из примеров аллегории, помимо вышеупомянутых аллегоричных образов дерева и голоса, усиливающих метафору и метонимию, отметим использование изменение размеров окружающего пространства.

Так, в самом начале Джени предстает перед нами в крохотном и бедном домишке своей бабушки.

She had a house out in de back-yard and dat's where Ah wuz born [Там же, 20].

Выходя замуж первый раз, она переезжает на отдаленную ферму. Мы узнаем точные размеры падела земли — 60 акров.

... a lonesome place like a stump in the middle of the woods where nobody had ever been. [Там же, 39].

Вместе с Джоди Старксом Джени живет в городе, где у мужа весьма значительная собственность, включая просторный дом, который становится тюрьмой для Джени.

A pretty-doll baby lak you is made to sit on de front porch and rock and fan yo' self and p'taters dat other folks plant just special for you [Там же, 49].

Когда же к ней приходит настоящая любовь, Джени обретает природное пространство.

Кроме голоса и растений олицетворению у З. Херстон могут подвергаться вода, небесные светила и время, в том числе смерть.

They looked back. Saw people trying to run in raging waters and screaming when they found they couldn't. A huge barrier of the makings of the dike to which the cabins had been added was rolling and tumbling forward.... *The monstropolous beast had left his bed.... The sea was walking the earth with a heavy heel* [Там же, 239].

The people all saw her come because it was sundown. *The sun* was gone, but he *had left his footprints in the sky* [Там же, 7].

The sun, the hero of every day, *the impersonal old man* that beams as brightly on death as on birth, came up every morning and raced across the blue dome and dipped into the sea of fire every morning. Water ran downhill and birds nested (цит. по: [19, 1551]).

As Joe rounded the lake on his way home, *a lean moon* rode the lake in a silver boat (цит. по: [Там же, 1549]).

Time makes everything old so the kissing, *young darkness became a monstropolous old thing* while Janie talked [11, 11].

...his dreams *mocked to death by Time* [Там же, 7].

The shapeless enemies of humanity that live in the hours of Time had waylaid Joe. He was assaulted in his weakness. Like Samson awakening after his haircut. So he just opened his mouth and laughed (цит. по: [19, 1549]).

So Janie began to think of Death. *Death, that strange being* with the huge square toes who lived way in the West. The great one who lived in the straight house like a platform without sides to it, and without a roof. What need has Death for a cover, and what winds can blow against him? [11, 129].

Концепты растения и голоса характерны и для других произведений З. Херстон. Позволим себе привести несколько примеров.

Так, жена сравнивается с тростником, который приятен на вкус, но со временем волокна тростника теряют сладость и раздражают того, кто измял и изжевал стебель:

Taint no aw on earth dat kin make a man be decent if it aint in 'im. There's plenty men dat takes a wife *lak dey do a joint uh sugar-cane*. It's round, juicy an' sweet when dey gits it. But dey squeeze an' grind, squeeze an' grind an' wring tell dey wring every drop uh pleasure dat's in 'em out. When dey's satisfied dat dey is wrung dry, dey treats 'em jes lak dey do a cane-chew. Dey throws 'em away.

Dey knows whut dey is doin' while dey is at it, an' hates theirselves fuh it but they keeps on hangin' after huh tell she's empty. Den dey hates huh fuh bein' a *cane-chew* an' in de way (цит. по: [19, 1540]).

При описании тягот семейной жизни Делии Джонс используются аллегория и сравнение с цветами, которые она с такой любовью лелеяла в своем палисаднике и которые оказались никому не нужны:

She lay awake, gazing upon the debris that cluttered their matrimonial trail. Not an image left standing along the way. Anything *like flowers* had long ago been drowned in the salty stream that had been pressed from her heart. Her tears, her sweat, her blood. She had brought love to the union and he had brought a longing after the flesh (цит. по: [Там же, 1539]).

В другом рассказе мужчина сравнивается со стройной и высокой сосной:

Ah's satisfied wid you jes' lak you is, baby. God took pattern after a *pine tree* and built you noble. Youse a pretty man (цит. по: [Там же, 1547]).

Свершившаяся месть представлена метафорической или аллегорической связью:

Somehow, before sleep came, she found herself saying aloud: «Oh well, whatever goes over the devil's back, is got to come under his belly. Sometime or ruther, Sykes, like everybody else, is gointer *reap his sowing*» After that she was able to build a spiritual earthworks against her husband. His shells could no longer reach her. Amen (цит. по: [Там же, 1539]).

Orlando with its doctors was too far. She could scarcely reach *the china-berry tree*, where she waited in the growing heat while inside she knew the cold river was creeping up and up to extinguish that eye which must know by now that she knew (цит. по: [Там же, 1545]).

В данной статье мы попытались проиллюстрировать развитие ряда смысловых оппозиций при помощи различных типов концептуальной метафоры в идиостиле З. Херстон. Нам осталось только добавить, что с работ этого автора в афроамериканской литературе начинается новый период — период опоры на единую систему концептов при организации художественного текста.

Примечания

1. Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 1999.
2. Метафора в языке и тексте. М., 1988.
3. Очерки истории языка русской поэзии 20 века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке / В. П. Григорьев, Н. Н. Иванова, Е. А. Наскрасова, О. И. Северская. М., 1994.
4. Теория метафоры. М., 1990.
5. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991 — 2000). Екатеринбург, 2001.
6. Braided Lives: An Anthology of Multicultural American Writing. St. Paul, Minnesota, 1991.
7. Hurston Z. N. Tell My Horse. Philadelphia, N. Y., 1938.
8. Hurston Z. N. Moses, Man of the Mountain. Philadelphia, N. Y., 1939.
9. Hurston Z. N. Mules and Men. N. Y., 1969.
10. Hurston Z. N. Dust Tracks on a Road. N. Y., 1969.
11. Hurston Z. N. Their Eyes Were Watching God. Urbana, 1978.
12. Hurston Z. N. I love myself when I am laughing ... and then again when I am looking mean and impressive: a Zora Neale Hurston reader / Ed. by Walker A. Old Westbury, N. Y., 1979.
13. Hurston Z. N. Jonah's Gourd Vine: A Novel. San Bernardino, Calif., 1992.
14. Hurston Z. N. Novels and Stories. N. Y., 1995.
15. Hurston Z. N. The Sanctified Church. N. Y., 1997.
16. Hurston Z. N. Sweat. New Brunswick, N. J., 1997.
17. Hurston Z. N. Go Gator and Muddy the Water: Writings. N. Y., 1999.
18. Hurston Z. N. Spunk: Three Tales. N. Y., 2000.
19. The Heath Anthology of American Literature / Ed. by P. Lauter, etc. U. S. A, 1990. Vol. 2.
20. The Norton Anthology of African American Literature / Ed. by Jr. H. L. Gates, N. N. Y. McKay, London, 1997.
21. The Prentice Hall Anthology of African American Literature / Ed. by R. Smith, Sh. L. Jones. N. J., 2000.

© И. К. Мухина

г. Екатеринбург

РУССКОЕ ГОСТЕПРИИМСТВО В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ: СТРУКТУРА КОНЦЕПТОСФЕРЫ

Традиции гостеприимства в России имеют давние истоки, отмечаемые многими исследователями: философами, историками, этнографами. Говоря о физических и нравственных чертах древних славян, Н. М. Карамзин выделяет среди других их свойств гостеприимство, восхваляемое еще в летописях как ка-

чество, редкое в других землях: «Всякий путешественник был для них как бы священным: встречали его с лаской, угощали с радостью, провожали с благословением и сдавали друг другу на руки. Хозяин отвечал народу за безопасность чужеземца, и кто не умел сберечь гостя от беды или неприятности, тому мстили соседи за сие оскорбление, как за собственное». Славянин, выходя из дому, оставлял пищу для странника и не закрывал дверь. Н. М. Карамзин считает, что именно признательность иностранцев вселила в русских любовь к гостеприимству, а «время обратило его в обыкновение и закон священный» [1]. Еще в «Домострое» постулировалась одна из важнейших заповедей богопослушного хозяина: «гостей приезжих у себя корми», «в пути от стола своего есть давай домашним твоим и приходящим, и их с собой сажай за стол, и питье им также подавай» [2].

С. М. Соловьев, отмечая то, что все иностранные писатели единогласно превозносили гостеприимство славян, указывает следующие причины этой черты национального характера русских. Во-первых, сострадание, так как «чем затруднительнее странствование, чем с большими опасностями сопряжено оно, тем сильнее чувствует в себе народ обязанность гостеприимства». Во-вторых, чужеземец, странник воспринимался как существо необыкновенное, герой. В-третьих, религиозные причины: странник, входивший в дом, оказывался под покровительством божества, местопребыванием которого был очаг, оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконец, в-четвертых, хорошо принятый и угощенный странник повсюду разносил добрую славу о человеке и гостеприимном роде [3].

Если национальный характер — это «общество внутри нас», существующее в виде однотипных для людей одной и той же культуры реакций на привычные ситуации в форме чувств и состояний (определение К. Касьяновой цит. по: [4]), то гостеприимство — это одна из основных черт русского национального характера, осознаваемая самими русскими. С одной стороны, это черта обязательно актуализируется при опросах информантов, направленных на выявление черт национального характера, т. е. входит в число когнитивно значимых представлений народа о самом себе. Так, Н. В. Уфимцева отмечает, что отечественные этнопсихологи, исследующие этническую идентичность, т. е. образ себя у русских, предлагают следующий портрет современ-

ного русского человека, полученный на основе опроса: русским свойственная ориентация на коллективизм, которая проявляется в таком стереотипе, как гостеприимство, щедрость; ориентация на духовные ценности, которая проявляется в такой характеристике, как широта души. С другой стороны, понятие гостеприимства включает в себя однотипные для русских реакции на привычные ситуации в форме определенных чувств и состояний, это принципы повседневной бытовой культуры, отражающие стереотипы национального менталитета и национальной психологии. Ситуация угощения, по мнению А. Т. ван Дейка и В. Кинча, это социальная ситуация, и модель, репрезентирующая эту ситуацию, включает в себя фрагменты общего семантического знания, которому соответствует определенный сценарий и presupпозиция [5].

Многие современные лингвисты, работающие в рамках лингвокультурологии, отмечают тот факт, что в самой ситуации гостеприимства, угощения для русских людей концептуализирована одна из основных духовных ценностей. С опорой на последние исследования можно с уверенностью утверждать, что если понятие *еда* является универсальным для всех культур и этносов, то слово *гостеприимство* и выражаемое им понятие, пользуясь терминологией А. Вежбицкой, национально специфично для русского языкового сознания и является базовым концептом русской культуры. Так, И. А. Стернин отмечает, что концепт «угощать» — специфически русский концепт.

Синонимом гостеприимства считается хлебосольство. По мнению А. Д. Шмелева, хлебосольство стоит в ряду таких душевных качеств русских, как щедрость и широта. Причем широта души является своеобразным «лейтмотивом», который пропихивает многие ответы в ходе опроса о национальных свойствах русских и обобщенно выражен в такой яркой черте национального характера, как широкая натура, т. е. неестественность в проявлении внутренних состояний (русский щедр, хлебосолен, прожорлив, любит выпить). Интересно, что гостеприимство связано со многими другими качествами, приписываемыми русскими самим себе. Согласно исследованиям Н. В. Уфимцевой, главным качеством русского человека является доброта и ее проявление по отношению к другим — доброжелательность, радушие, душевность, следующую позицию занимают качества характера,

отражающие общий стиль поведения, — простота, открытость [4], все эти качества русского человека так или иначе отражаются в ситуации гостеприимства.

Хлебосольство — это безусловно положительное качество, нарушение законов гостеприимства обязательно осуждается в системе этических оценок, хотя «щедрость и хлебосольство иногда могут даже переходить в нерасчетливость и расточительность» [6]. В этом находит отражение традиционные для русских тяга к крайностям, отсутствие сдерживающих тенденций. «Бедному человеку, не имевшему способа хорошо угостить иностранца, позволялось украсть все нужное для того у соседа богатого: важный долг гостеприимства оправдывал и самое преступление» [1]. Этот факт отмечает и С. М. Соловьев применительно к северо-западным славянам: «считалось дозволенным украсть для угощения» [3], так как это прославляло весь род. В понятии гостеприимства, отражающем специфику русской ментальности, как утверждает А. Д. Шмелев, проявилось и влияние «широких русских пространств» [6]. Интересной представляется идея, отраженная в понятии гостеприимства, выделенная А. Д. Шмелевым: «...плохо, когда человек стремится к выгоде по каждому поводу; хорошо, когда он бескорыстен и даже нерасчетлив» [7]. Возможно, это детерминировано следующей обобщающей характеристикой русских: русский человек исходит из того, что в мире в конечном счете побеждает добро и правда, и стремится жить в соответствии с этими принципами, не стесняя себя во всем остальном [8]. Эти стереотипы поведения связаны в большей степени с моралью, чем с законом. Так, П. Г. Почебут утверждает, что «русские люди чаще поступают в соответствии с субъективно понимаемой ими справедливостью, чем с объективным правом и законом» (цит. по: [4]).

При исследовании того, какие когнитивные структуры в сознании русского человека стоят за ситуацией гостеприимства, за основу принималось положение о том, что основным типом репрезентации знаний является модель ситуации, имеющая когнитивно-пропозиционную структуру (далее — КПС). Выявление КПС проводилось по модели, предложенной Л. Г. Бабенко [9], согласно которой индивидуальные особенности, характеризующие типовую ситуацию, например, ситуацию гостеприимства, реализуются в речи, в конкретных высказываниях, поэто-

му моделирование КПС, репрезентирующей знания о ситуации гостеприимства, осуществлялось путем обобщения регулярно повторяющихся в словарных дефинициях лексических репрезентаций компонентов данной структуры. Существенные свойства, характеристика ситуации, ее национальные особенности обнаруживаются в результате анализа конкретных лексических репрезентаций КПС ситуации гостеприимства.

Моделирование полевой структуры концептосферы, согласно концепции Л. Г. Бабенко, осуществляется путем выделения ее ядра, приядерной зоны, ближайшей и дальнейшей периферии. *Ядром* концептосферы является КПС, содержащая минимальные знания о концептосфере. *Приядерную зону* составляют вербализованные когниции — основные и наиболее типичные изосемические лексические репрезентации КПС, полностью проявляющие идею концепта. *Ближайшая периферия* представлена сложными неизосемическими лексическими репрезентациями с совмещенным значением. *Дальнейшая периферия* формируется образными номинациями и включает в себя лексические репрезентации, имеющие стилистические пометы.

Проведенный нами анализ лексической семантики ЛСВ, относящихся к ситуации гостеприимства в русском языке, выявил, что **ядро** когнитивно-пропозициональной структуры, отображающей знания о ситуации угощения, составляют следующие позиции: субъект 1 (тот, кто угощает) — субъект 2 (тот, кого угощают) — свойство субъекта 1 — предикат физиологического действия — объект угощения — помещение, предназначенное для приема гостей — ритуальный предмет, используемый при угощении — свойство процесса угощения — словесное выражение отношения к ситуации угощения.

В реальности в ситуации гостеприимства участвуют два субъекта: субъект 1 (тот, кто угощает) и субъект 2 (тот, кого угощают). При этом наиболее значимым для данной ситуации выступает субъект 1. Это подтверждается исследованиями Т. В. Шмелевой, которая, анализируя событийную пропозицию, содержащуюся во фразе «он приглашает гостей», отмечает высокую степень активности агенса, зависящую от самого характера ситуации [10].

ПОЗИЦИЯ СУБЪЕКТА 1 способна замещаться следующими лексемами (5 ЛСВ).

Приядерная зона (4 ЛСВ): субъект, специализированный по свойствам характера (4 ЛСВ): *хлебосол, хлебосолка, хозяин 3, хозяйка*. Ср.: *хлебосол* — «хлебосольный человек» (словарные дефиниции здесь и далее взяты из [11]); *хлебосолка* — «женск. к хлебосол». Эти лексические репрезентации относятся к сфере приядерной зоны, поскольку представляют собой изосемические единицы, непосредственно связанные с ситуацией приема гостей и имеющие в своей семантике сему «гость» (ср.: *хлебосольный* — «радушно и щедро угощающий; гостеприимный»).

Ближайшая периферия (1 ЛСВ): субъект, специализированный относительно объекта угощения по роду занятий, с включенной предикативной семантикой (1 ЛСВ): *виночерпий* — «в древности: особое (обычно должностное) лицо, которое ведало напитками, разливало и подносило их пирующим». Данная лексема относится к сфере ближайшей периферии, поскольку действие угощения кого-либо, совершаемое данным субъектом, входит в круг его обязанностей по сфере деятельности и может совершаться без желания принимать и угощать кого-либо. **Дальнейшая периферия отсутствует.**

В реальности между субъектом 1 (тем, кто угощает) и субъектом 2 (тем, кого угощают) существуют субъектно-субъектные отношения, которые можно, вслед за В. А. Ямшановой, обозначить термином «общение», такие отношения выдвигают на передний план более или менее равноправный характер участников взаимодействия [12] и основаны на древних русских традициях, отмеченных еще в «Домострое»: «хлеб-соль — взаимное дело». Для русского человека в качестве субъекта 2 ситуации гостеприимства традиционно мог выступать любой человек: «А коли случится накормити приезжих людей или торговых, или инопземцев и всяких гостей званых или Богом избранных», «всякого почтити, и всякого примолвити, и добрым словом привечати, и ести и пити поставити, или подати из своих рук с добрым приветом, а иным послати» [2]. Гостем может быть даже недруг: «недруга напоить и накормить хлебом да солью, глядишь, вместо вражды и дружба» [13]. Гостеприимному хозяину в процессе угощения следует примирять своих гостей: «А гости промеж себя побранятся, ино их ушмати добродетелию», «с любовию и с благодарением накормив и напоив» [2].

Ситуация гостеприимства накладывает определенные обяза-

тельства и на субъекта 2 — того, кого угощают. «Гость доброжелателен и открыт — отдает себя хозяину, который за малое — пищу — добывает большее: душу, преданность человека. Поэтому услугу оказывает тот, кто приходит и соглашается есть — не брезгует, если брезгует — обидя, потому что отказ отдаться на милость хозяину». Так интерпретирует ситуацию гостеприимства Г. Д. Гачев [14].

СУБЪЕКТ 2 (тот, кого угощают) (1 ЛСВ): *гость*.

В КПС «Гостеприимство» входит ПОЗИЦИЯ СВОЙСТВА СУБЪЕКТА 1 (10 ЛСВ).

Приядерная зона (10 ЛСВ): 1. Свойство субъекта 1, связанное с чертами его характера (4 ЛСВ): *хлебосольный 1, 2, хлебосольство, хлебосольно*. 2. Свойство субъекта 1, связанное с чертами его характера, с включенной предикативной семантикой (6 ЛСВ): *гостеприимно, гостеприимность, гостеприимный, гостеприимство, радушие, радушный*. Данные изосемические единицы, имеющие в своих словарных толкованиях сему «гость», являются основными лексическими репрезентациями свойства субъекта 1. Ср.: *гостеприимный* — «любящий принимать и угощать гостей, отличающийся гостеприимством; радушный, хлебосольный». **Ближайшая и дальнейшая периферии отсутствуют.**

Позиция свойства субъекта 1 представлена только приядерной зоной, следовательно, для обозначения свойства субъекта 1 (того, кто угощает) русский человек выбирает основные изосемические поминания, непосредственно связанные с ситуацией гостеприимства и не содержащие в своей семантике указания на другие смежные ситуации.

ПОЗИЦИЯ ПРЕДИКАТА ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ДЕЙСТВИЯ (19 ЛСВ).

Приядерная зона (13 ЛСВ). Предикаты физиологического действия субъекта 1 (9 ЛСВ): 1. Предикаты физиологического действия (8 ЛСВ): *угощать, угощаться 2, принимать, принять 5, попотчевать, потчевать, ставиться 1, ставить 1*. 2. Отглагольные существительные с включенной предикативной семантикой физиологического действия (1 ЛСВ): *угощение 1*. Данные предикаты физиологического действия относятся к сфере приядерной зоны, так как имеют в своей семантике сему «угостить». Например, *принять* — «5. Занять, угостить (гостя)».

Предикаты физиологического действия субъекта 2 (2 ЛСВ):

угоститься, угощаться 1. Данные предикаты физиологического действия относятся к сфере приядерной зоны, так как имеют в своей семантике КЛС «угостить». В качестве предикатов физиологического действия субъекта 2 могут выступать и другие глаголы, например, глаголы со значением установления физического или эмоционального контакта — *принимать* (хлеб-соль из чьих-либо рук) [15], но, не имея в своей семантику семы «угостить», они не являются объектом рассмотрения.

Ближайшая периферия (5 ЛСВ): 1. Предикаты речевого воздействия (1 ЛСВ): *на чай (или на чашку чая) (приглашать, звать и т. п.)* — «в гости, на чаепитие». Данный предикат относится к сфере ближайшей периферии коинцелтосферы гостеприимства в русском языке, поскольку в его семантике КЛС речевого воздействия совмещается с целевой ДС «с целью угощения». 2. Предикаты поступка и поведения (3 ЛСВ): *обнести 4, обносить II, обноситься II*. В семантике данных полипропозитивных глаголов происходит совмещение двух ситуаций: ситуации физиологического действия, репрезентируемой включенным предикатом, и ситуации поступка и поведения, отображаемой главным предикатом. Например, *обнести* — «4. Обходя с угощением, пропустить кого-л., пронести мимо кого-л.». 3. Предикаты физиологического состояния (1 ЛСВ): *запотчевать* — «Разг. Надоест, утомить, слишком усердно потчuya, угощая». В семантике данной лексемы совмещаются и находятся в отношениях каузации КЛС «физиологическое действие» (причина действия) и ДС «физиологическое состояние» (следствие действия), манифестируемая включенным предикатом.

Дальнейшая периферия (1 ЛСВ): предикаты физиологического действия (1 ЛСВ): *отпотчевать* — «Разг. Устар. Угостить». Предикат физиологического действия с КЛС «угостить» относится к сфере дальнейшей периферии, так как имеет помету «устаревшее».

Анализ лексической семантики показал, что позиция предиката ситуации гостеприимство может замещаться глаголами, входящими в 4 ЛСГ: ЛСГ физиологического действия, ЛСГ поступка и поведения, ЛСГ речевого воздействия, которые относятся к полю «Действие и деятельность»; ЛСГ физиологического состояния, которая относится к полю «Бытие, состояние, качество». Самый характерный и частотный способ замещения

позиции предиката — предикаты физиологического действия (10 из 15 ЛСВ).

ПОЗИЦИЯ ОБЪЕКТА УГОЩЕНИЯ отображается следующими лексемами (4 ЛСВ). **Приядерная зона (3 ЛСВ):** 1. Обобщенный объект угощения (1 ЛСВ): *хлеб-соль* 1. 2. Обобщенный объект угощения с включенной предикативной семантикой физиологического действия (1 ЛСВ): *угощение* 2. Данные лексические репрезентации относятся к сфере приядерной зоны, так как имеют в своей семантике целевую ДС «для угощения». Например, *хлеб-соль* — «1. Угощение». 3. Специализированный объект угощения — питье (1 ЛСВ): *посошок* — «2. Разг. Последняя рюмка водки, вина, выпиваемая перед уходом». В семантике данной лексемы КЛС «напиток» совмещается с целевой ДС «для угощения», которая является определяющей при отнесении данной лексемы к приядерной зоне. **Ближайшая периферия отсутствует.**

Дальнейшая периферия (1 ЛСВ): обобщенный объект угощения (1 ЛСВ): *магарыч*. Лексема относится к сфере дальнейшей периферии, так как имеет помету «просторечное».

В реальности объектом угощения может быть любой пищевой продукт, напиток или кушанье, например, согласно «Домострою», приезжему, званному или важному гостю необходимо предложить вино, вишневого морсу, патоки, а также держать для гостей «пивцо в запасе». Строго регламентировалось угощение гостей какими-либо спиртными напитками: «А питье в стол давати по приказу, по гостем смотря и без гостей, а государыне брага или квас», «а к столу питье подавати по государеву наказу, кому что велено, а на сторону никому не давати без веления», «и гостя пьяного беречи». Такие строгие ограничения объяснялись запретом: «не мози уinityся до много пьянства» [12].

В КПС «Гостеприимство» входит **ПОЗИЦИЯ ПОМЕЩЕНИЯ**, предназначенного для приема гостей (2 ЛСВ). Лексические репрезентации позиции помещения, предназначенного для приема гостей, формирующие **сферы приядерной зоны и зоны ближайшей периферии, отсутствуют. Дальнейшая периферия (2 ЛСВ):** помещение, предназначенное для приема гостей (2 ЛСВ): *грядница* — «в древней Руси: помещение при княжеском дворе для пребывания гриди или для приема гостей»; *грядня* — «то же, что грядница». Данные лексемы относятся к сфере

дальнейшей периферии, так как являются историзмами, обозначающими реалии древней Руси.

РИТУАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ, используемый при угощении (1 ЛСВ): лексические репрезентации данной позиции, формирующие **сферы приядерной зоны и зоны ближайшей периферии, отсутствуют. Дальнейшая периферия (1 ЛСВ):** посуда, используемая для угощения (1 ЛСВ): *круговая чаша* — «чаша, из которой, по старинному обычаю, пьют все гости, передавая ее друг другу». Данная фразеологическая единица относится к сфере дальнейшей периферии, так как, имея в своей семантике целевую ДС «для угощения», обозначает реалию, используемую в старинном обряде.

СВОЙСТВО процесса угощения. **Приядерная зона (2 ЛСВ):** *горой* — «о шумном, веселом пире с обильным угощением»; *пир на весь мир* — «о веселом празднестве с обильным угощением». Анализ лексических репрезентаций позиции свойства процесса угощения показал, что в основном концептуализации подвергаются свойства, связанные с крайними проявлениями ситуации угощения. **Ближайшая и дальнейшая периферии отсутствуют.**

ПОЗИЦИЯ СЛОВЕСНОГО ВЫРАЖЕНИЯ ОТНОШЕНИЯ К СИТУАЦИИ УГОЩЕНИЯ (6 ЛСВ). Приядерная зона (2 ЛСВ): словесное выражение пожелания (2 ЛСВ): *хлеб-соль*; *хлеб да соль*; *хлеб и соль* — «пожелание приятного аппетита»; *здравица* — «заставный тост; краткая речь с пожеланием здоровья». Данные ЛСВ и фразеологические единицы относятся к сфере приядерной зоны, так как обозначают словесное выражение пожелания, произносимое во время угощения. **Ближайшая периферия отсутствует.**

Дальнейшая периферия (3 ЛСВ): 1. Словесное выражение приглашения (2 ЛСВ): *выкушать, не побрезгай(те), не побрезгуй(те)*. 2. Словесное выражение приветствия (1 ЛСВ): *чай да сахар; чай с сахаром*.

Словесные формулы, выражающие отношение к ситуации угощения, и этикетные стереотипы являются очень важной составляющей данной ситуации и отображают ее яркую национальную специфику. Так, В. Г. Гак отмечает, что, согласно обычаю, выражение русской формы благодарности за угощение — «Спасибо!» происходит в конце еды, когда встают из-за стола, во французском языке такая формула не используется, гость

выражает свою благодарность, расхваливая блюда «по мере их поступления» [16].

Анализ лингвистической литературы, затрагивающей некоторые характеристики понятия гостеприимства, показал, что лексема *гостеприимство* относится к классу слов, ярко отражающих специфику русской ментальности, ей соответствует уникальное русское понятие, специальным образом выделенное в русской языковой картине мира. Можно предположить, что действия и нормы, обозначенные этим понятием, существуют и в других культурах, и носитель другого языка в определенной ситуации может руководствоваться выраженными в этом слове внутренними установками, но они не входят в число культурно значимых стереотипов. Для русской культуры и русского сознания эти внутренние установки особенно значимы, так как играют существенную роль в русской языковой картине мира. Именно потому это слово оказывается трудно переводимым на другие языки. Возможно, что в ситуации гостеприимства отразилась общая установка на фамильярность, противоположная западно-европейскому представлению о неприкосновенности личной сферы [17]. Так, Г. Д. Гачев отмечает важную социальную роль пищи как средства общения и связи людей, по его мнению, гостеприимство — «это уловление человека в сети, стремление завербовать в друзья и кровно родные» [14], а с развитием цивилизации и чувства личности — отъединенности — роль гостеприимства уменьшается.

На наш взгляд, в свойстве гостеприимства как черты лучше отразилось такая особенность русских, как любовь к моральным суждениям, моральная ориентация [18]. Именно гостеприимного поведения русские ждут от своего окружения. Концепт «Гостеприимство» обладает высокой степенью социального престижа и важности. Гостеприимное поведение — это этнический стереотип, выражающий стандартные национально-культурные ментальные представления, сложившиеся у носителей русского языка, характерные для русского национального дискурса и неотделимые от русской культуры.

Таким образом, гостеприимство можно считать специфическим знаком русской культуры — лингвокультуремой, так как гостеприимство является культурным стереотипом для носителей русского языка, имеет в их сознании множество ассоциа-

ций, отражает особенности национального характера и не всегда является актуализированным в других культурах [16]. Это понятие не только отражает своеобразие русского быта и русского менталитета, но в нем взаимодействует лингвистическое и экстралингвистическое содержание, совмещается знаковое и культурное значение [19].

В ситуации гостеприимства ярко проявляются традиции языкового поведения, являющегося важным аспектом национальной культуры, данная ситуация включает в себя: 1) невербальные элементы поведения; 2) вербальные реакции в конкретных культурных сферах и условиях; 3) общие тенденции (константы) речевого поведения, которые отражают свойственные данному социуму правила [16]. К ситуации гостеприимства относятся факторы, связанные с культурной традицией, с запрещенными типами общения [20]. В ситуации приема гостей актуализируются социальные архетипы, указывающие, что поощряется и чего не пужно допускать. О них не рассуждают, они существуют на уровне поступка и чувства. Главными носителями этнического начала в любом народе признаются религия и фольклор. В связи с этим К. Касьянова считает, что «основой “социальный стереотип” — “деликатное терпение гостя” своими корнями уходит в дохристианские пласты культуры, с которыми совместился православный идеал личности, умеющей терпеть и страдать» [21].

Лексема *гостеприимство* отражает лингвоспецифический концепт, который ярко демонстрирует общую закономерность, отмеченную Ю. С. Степановым и связанную с тем, что ценность культурного концепта в определенные общественные периоды в зависимости от общественной конъюнктуры может увеличиваться и ослабевать [22]. Это доказывают исследования, выполненные Н. В. Уфимцевой, показывающие, что содержание стереотипов изменяется со временем: в 1995 г. испытуемые приписывали русским такое положительное качество, как гостеприимство, а в 1997 г. — нет [4]. При этом само понятие гостеприимство является устойчивым и постоянным, и, следовательно, пользуясь терминологией Ю. С. Степанова, данный концепт можно отнести к константам культуры. Слово *гостеприимство* принадлежит к ключевым лексемам, которые помогают понять важные особенности культуры народа, пользующегося данным языком [7].

В семантике таких языковых единиц паходят отражение представления о мире, которые воспринимаются посетителями данного языка и культуры как нечто самоочевидное, это «ценности, паходящиеся во владении каждого» [23], общеобязательные для всех, сознающих свою принадлежность к русской культуре. Причём понятие «гостеприимство» достаточно часто употребляется в бытовом дискурсе и считается «само собой разумеющимся» [7].

Интересным представляется определить тип концепта «Гостеприимство». По классификации Ю. С. Степанова, концепт «Гостеприимство» — это «рамочное понятие», представляющее собой результат социальной оценки и осуществление постоянного подведения под норму в любой социальной или личной ситуации [24]. Согласно В. В. Колесову, концепт «Гостеприимство» можно понять не через личное отношение, а опосредованно, через общество. Это смысловой комплекс, который определяется системой регламентаций социума.

По определению В. В. Колесова, концепт — это образование, которому присущ ряд функциональных свойств, среди которых «сохранение постоянной связи с производными по однозначному корню; сохранение семантического синкретизма значений корня как семантического инварианта всей словообразовательной модели» (цит. по: [25]). В этой связи представляется важным подчеркнуть, что концепт «Гостеприимство» объединяет слова и фразеологические выражения, связанные с несколькими корнями, несущими предельно отвлечённое инвариантное значение: *-гост-/-гощ-, -хлеб-, -сол'-*. ЛСВ с семантикой гостеприимства в русском языке объединяются в своеобразное формально-семантическое поле, так как охватывают слова по принципу словообразовательного гнезда и соотносятся с общим понятием. Следовательно, понятия, выраженные данными словами, совмещаются в пределах одной концептуализированной области, образуя тесную семантическую связь. Наличие в русском языке множества слов с корнем *-гост-*, большого числа обозначений щедрости и гостеприимства рассматривается И. А. Стерниным в ряду «положительных» для русской картины мира фактов [26]. Следует отметить, что именно такие явления лексико-семантического уровня — «корни русских слов с ореолом значений, образующим этимон каждого корня, достаточно устойчивую часть в наборах слов, составляющих ассоциативные поля и стандарт-

ные ассоциативные цепочки», — наряду с грамматиконом входят в перечень черт общерусского языкового типа, преломленного сознанием посетителя русского языка [27].

Анализ лексических репрезентаций, выражающих знания о ситуации приема гостей, присутствующие в сознании русского человека, позволяет обобщить полученные данные и представить концептосферу «Гостеприимство» в виде поля. Центральным понятием, лежащим в основе концепта «Гостеприимство», является лексема *гостеприимство*, поскольку наличие в языке специальной лексемы для обозначения какого-то явления указывает на то, что это явление концептуально важно, существенно для носителей языка.

Ядром концептосферы является обобщенная КПС, состоящая из 8 позиций: субъект 1 (тот, кто угощает) — субъект 2 (того, кого угощают) — свойство субъекта 1 — предикат физиологического действия — объект угощения — помещение, предназначенное для приема гостей — ритуальный предмет, используемый при угощении — свойство процесса угощения — словесное выражение отношения к ситуации угощения. **Приядерная зона** (36 ЛСВ): позиция субъекта 1 (4 ЛСВ), позиция субъекта 2 (1 ЛСВ), свойство субъекта 1 (10 ЛСВ), позиция предиката физиологического действия (13 ЛСВ), позиция объекта угощения (4 ЛСВ), свойство процесса угощения (2 ЛСВ), позиция словесного выражения отношения к ситуации угощения (2 ЛСВ). **Ближайшая периферия** (6 ЛСВ): позиция субъекта 1 (1 ЛСВ), позиция предиката физиологического действия (5 ЛСВ). **Дальнейшая периферия** (10 ЛСВ): позиция предиката (1 ЛСВ), позиция объекта угощения (3 ЛСВ), позиция помещения, предназначенного для приема гостей (2 ЛСВ), посуда, используемая для угощения (1 ЛСВ), позиция словесного выражения отношения к ситуации угощения (3 ЛСВ).

Приведем в таблице количественное соотношение лексических репрезентаций (ЛСВ) различных позиций КПС, репрезентирующей знания о ситуации гостеприимства, относящихся к приядерной зоне, ближайшей и дальнейшей периферии (см. таблицу).

Можно прокомментировать данные таблицы следующим образом. Количественный анализ лексических репрезентаций различных позиций данной КПС показал, что всего к ситуации

Лексические репрезентации КПС, отображающей знания о ситуации гостеприимства в русском языке

Позиция КПС	При- ядерная зона	Ближай- шая пери- ферия	Дальней- шая пери- ферия	Всего
1. Позиция субъекта 1	4	1	–	5
2. Позиция субъекта 2	1	–	–	1
3. Свойство субъекта 1	10	–	–	10
4. Позиция предиката физиологического действия	13	5	1	19
5. Позиция объекта угощения	4	–	3	7
6. Помещение	–	–	2	2
7. Ритуальный предмет	–	–	1	1
8. Свойство процесса угощения	2	–	–	2
9. Словесное выражение отношения к ситуации угощения	2	–	3	6
<i>Всего</i>	36	6	10	52
<i>Процентное соотношение</i>	70 %	11 %	19 %	100 %

гостеприимства в русском языке относится, несмотря на важность данной концептосферы для русского национального сознания, 51 ЛСВ. Концептосфера ситуации гостеприимства характеризуется тем, что в сфере приядерной зоны наиболее разработанной является позиция предиката физиологического действия. В концептосфере «Гостеприимство» наиболее разработанной является приядерная зона (36 ЛСВ из 52), что свидетельствует о том, что для обозначения ситуации гостеприимства русский человек выбирает основные изосемические помингации, непосредственно связанные с данной ситуацией и не содержащие в своей семантике указания на другие смежные ситуации, поскольку все составляющие данной ситуации, правила приема гостей четко определены русскими традициями. В сфере ближайшей периферии наиболее разработанной является позиция предиката, следовательно, действие угощения мыслится русским человеком в большинстве случаев как соотнесенное с другими

смежными действиями, которые могут иметь в качестве включенной сему «угощение». В сфере дальнейшей периферии доминирует позиция словесного выражения отношения к ситуации угощения, что подчеркивает важность этого параметра данной ситуации. Показательно, что для выявления национальной специфики отображения ситуации гостеприимства используется небольшое количество лексических номинаций позиции субъекта 2 с семой «еда». Частотность лексических репрезентаций позиции словесного выражения отношения к ситуации угощения, входящих в сферу дальнейшей периферии, показывает важность этой позиции для сознания русских.

В целом в данной концептосфере, особенно в сфере ближайшей периферии, многие позиции оказываются незаполненными, возможно, это свидетельствует о том, что все составляющие ситуации гостеприимства являются для русского человека однозначно определенными, что доказывается отсутствием их совмещения с другими ситуациями, исключая позиции субъекта и предиката.

Концептосфера «Гостеприимство» активно пересекается с другими концептосферами, прежде всего с концептосферой процесса еды или кормления кого-либо, что естественно, так как действие угощения каузирует ситуацию еды/кормления. Концептосфера «Гостеприимство» пересекается с концептосферой приготовления пищи через позицию объекта угощения и помещения.

Основываясь на данных количественного анализа, представим диаграмму с количественным распределением по трем сферам лексических заполнений позиций КПС, отображающей знания о ситуации гостеприимства в русском языке.

Концептосфера «Гостеприимство» в русском языке

Анализ показал, что для концептосферы «Гостеприимство» характерна сильно развитая приядерная зона и слабо развитая сфера ближайшей периферии и дальнейшей периферии, следовательно, данная ситуация концептуализируется русским языком как в основном однозначно определенная.

Минимальное количество лексики, обозначающей микроситуацию «Гостеприимство», на наш взгляд, не свидетельствует о низкой значимости этого явления в России. Небольшое количество лексических номинаторов ситуации «Гостеприимство» обусловлено особой природой и характером такой номинации, которая, несомненно, является вторичной. Ситуация «Гостеприимство» включается, с одной стороны, в концептуальную сферу социальных отношений, а с другой стороны — в сферу «Еда».

Таким образом, ситуация гостеприимства вполне может считаться, по терминологии А. Вежбицкой, «культурно-обусловленным сценарием», так как выражает негласные нормы русской культуры и специфические аспекты концептуализации мира [18]. Концепт «Гостеприимство» входит в качестве важной составной части в концептуальное языковое пространство, представленное, по определению Л. Г. Бабенко, набором ключевых концептов [28], так как соотносимая с этим понятием концептосфера аккумулирует знания русского человека о мире в семантике языковых знаков.

Примечания

1. Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 61, 64.
2. Домострой: Сб. М., 1991. С. 238, 114, 115, 76, 79, 80, 112.
3. Соловьев С. М. Сочинения: В 18 кн. М., 1998. Кн. 1, т. 1–2. С. 92, 97.
4. Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. М., 1998. С. 149, 147, 143, 144.
5. Дейк Т. А. ван, Кинч В. Стратегия и понимание связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 190–191.
6. Шмелев А. Д. «Широта русской души» // Логический анализ языка. Языки пространств. М., 2000. С. 357, 359.
7. Шмелев А. Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 50, 46, 49.
8. Кобозева И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9, Филология. 1995. № 3. С. 115.

9. *Бабенко Л. Г.* Базовые концепты процессуально-событийного мира (постановка проблемы) // *Русская глагольная лексика: денотативное пространство: Монография* / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1999. С. 22–49.
10. *Шмелева Т. В.* Семантический синтаксис. Красноярск, 1994. С. 38.
11. *Словарь русского языка: В 4 т.* / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984.
12. *Ямшанова В. А.* Инструментальность и субъектно-объектные отношения // *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность.* СПб., 1992. С. 169.
13. *Домострой* // *Древнерусская литература.* М., 1996. С. 238.
14. *Гачев Г.* Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. М., 1995. С. 72, 70–71.
15. *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. М., 1995. С. 224–225.
16. *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М., 1998. С. 143, 145, 585.
17. *Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. С. 487, 489, 492.
18. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1996. С. 37, 393.
19. *Михайлова О. А.* Ограничения в лексической семантике: семасиологический и лингвокультурологический аспекты. Екатеринбург, 1998. С. 45.
20. *Леонтьев А. А.* Национальные особенности коммуникации как междисциплинарная проблема. Объем, задачи и методы этнопсихолингвистики // *Национально-культурная специфика речевого поведения.* М., 1977. С. 9.
21. *Касьянова К.* О русском национальном характере. М., 1994. 367 с.
22. *Степанов Ю. С.* «Интертекст», «интернет», «интерсубъект» (к основаниям сравнительной когнитологии) // *Известия АН. Сер. лит. и яз.* 2001. Т. 60, № 1. С. 4.
23. *Степанов Ю. С., Проскурнин С. Г.* Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М., 1993. С. 12.
24. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. С. 77.
25. *Миллер Л. В.* Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // *Мир русского слова.* 2000. № 4. С. 44, 41.
26. *Стернин И. А.* Принадлежит ли язык в явлениям культуры? // *Русский язык в контексте культуры.* Екатеринбург, 1999. С. 17.
27. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 157.
28. *Бабенко Л. Г.* Изучение лексики в пространственном измерении (вместо введения) // *Русская глагольная лексика: денотативное пространство: Монография* / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1999. С. 13.

КОМПОНЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКИ ПОЛЯ «ТОЛЕРАНТНОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Важнейшая сторона лингвистических исследований явления толерантности — изучение лексики поля «толерантность» в когнитивно-пропозициональном аспекте: выявление компонентов ситуации толерантности и построение соответствующей языковой модели.

Компонентный состав и структура семантического поля «Толерантность» в русском языке выявляются методом компонентного анализа значений слов и парадигматического анализа синонимических рядов и ассоциаций. Критерий отбора лексики — наличие в лексическом значении слова семы «терпимость», «выдержка», «допущение». В процессе выявления и отбора лексемы распределяются по семантическим группам и понятийным сферам.

Ядро и приядерную зону поля составляют группы слов с общими значениями «терпимость», «выдержка», «допущение», «снисходительность». В состав периферии поля входят группы с семантикой «закон», «норма», «мораль», «сознание», «культура», показывающие связь явления толерантности с внутренним миром человека и с установленными в обществе законами и нормами поведения. Кроме того, обязательным компонентом структуры поля является микрополе «интолерантность», поскольку толерантность и ее основной лексический репрезентант «терпимость» всегда существуют как непреременные корреляты интолерантности. Об этом пишет О. А. Михайлова [1].

Основными семантическими составляющими понятия «толерантность» являются: «терпимое, сдержанное отношение к чему-либо», «допущение существования чего-либо» и «признание явления пристойным, приемлемым». Применительно к функционированию слова «толерантность» в текстах выявляются два лексико-семантических варианта: отношение и состояние» [1].

Языковая модель строится по следующему алгоритму:

— сплошная выборка публицистических текстов из Интернета по идентификаторам групп ядра поля («терпимость», «снисходительность», «выдержка», «допущение», «пристойность»);

- отбор контекстов, в которых искомые слова функционируют в значении «терпимое, сдержанное поведение субъекта»;
- на основе структурной схемы и денотата предложения строится когнитивно-пропозициональная структура (далее — КПС);
- проводится классификация слов, замещающих позиции субъекта, предиката, объекта, сирконстанта в когнитивно-пропозициональных структурах, после чего определяются ключевые позиции для каждой ситуации.

Например: *Президент высказался за проявление терпимости к религии (Известия). Терпимость российских властей по отношению к чеченцам временами просто поражает (Сегодня). Похвальных слов в адрес команды Георгия Ярцева никто не высказывает, а снисходительность газет порой хуже всякой критики (Известия). Вертикаль власти в стране, где с трудом уживается такое множество рас, предполагает национальную терпимость (Известия).*

В когнитивно-пропозициональной структуре глагольных сочетаний «проявлять терпимость» и «проявлять снисходительность» выделяются стандартные позиции: субъект — предикат — объект, СПО (А. В. Бондарко, [2]). Позицию субъекта замещают слова, называющие общество, население страны. Тип предиката реляционный, поскольку терпимость и снисходительность — разновидности толерантности как сдержанного, неэмоционального отношения к нетривиальным и отклоняющимся от представлений как о должном явлениям. В плане синтагматики предикат двухместный, предполагает две обязательные позиции: субъект и объект терпимости. В контекстах со словом «терпимость» позицию субъекта замещают слова, называющие общество, население страны; позицию объекта замещают номинации, обозначающие крупные явления политического и культурного плана, со словом «снисходительность» — явления более узкого круга интересов.

В большинстве случаев компоненты КПС вычисляются в результате анализа денотативной организации предложения, асимметричной структурной схеме предложения.

В контекстах со словом «выдержка» доминирует характеристивный тип предложения, обозначающего способность субъекта внутренне стерпеть, перенести что-либо неприятное.

Примеры: *Говоря об отношении контролеров к пассажирам, можем сказать, что инструкция обязывает контролеров в обще-*

нии с пассажирами проявлять выдержку, тактичность и культуру (МК). Да, многому научился я у этой удивительной женщины, отличающейся исключительной выдержкой, корректностью, неброской дипломатичностью, умением выслушать, понять, объяснить и потребовать (КП). Зато хватило выдержки остаться в тесных рамках нормативной лексики (Новая). Поэтому я ограничился предложением проявить выдержку и терпение и по-стараться сработаться с новым Генпрокурором, так как дело мы делаем общее — борьба с преступностью остается главной проблемой в государстве (МК) и т. д.

Позиция объекта в данной КПС (исходя из контекстов) факкультативна, зато обязательна позиция сирконстанта (преимущественно каузатива и финитива — почему, в каких условиях и с какой целью проявляется выдержка). КПС строится в большинстве случаев на основе денотата предложения. Контексты со словом «выдержка» добавляют в модель ситуации толерантности такой важный компонент, как окружающая обстановка и ее влияние на толерантное/интолерантное поведение субъекта.

Слово «допущение» и его репрезентант «пристойность» встречаются в контекстах с оценочной семантикой. КПС глагола «допускать» в значении «считать дозволенным, приемлемым» включает в себя позиции субъекта, предиката, объекта, но здесь, согласно контекстам, происходит разделение позиций субъекта на субъекта-власть и субъекта-подчиненного, а они в свою очередь делятся на подпозиции: субъект-власть 1 (устанавливает законы) и субъект-власть 2 (представитель власти, нарушающий нормы поведения и законы, пользуясь своим служебным положением). Позицию объекта занимает так называемый субъект-подчиненный, по отношению к поступкам и действиям которого проявляет себя власть. В этих контекстах допущение как составной компонент понятия «толерантность» представлено в двойном ракурсе: само явление допущения и оценка — насколько подобное допущение соответствует нормам и законам, принятым в обществе.

Пример: *Госслужащие (субъект-власть 2) не вправе допускать бюрократизма и волокиты при рассмотрении прошений граждан (субъект-подчиненный)* (Новая). Позиция субъекта-власти 1 в контекстах лишь подразумевается. В данном контексте субъект-власть 1 устанавливает закон о недопустимости излишнего бю-

рокраатизма, но субъект-власть 2 (госслужащие), пользуясь высоким положением, позволяют себе отступления не в пользу подчиненных при общении с ними.

В контекстах со словом «пристойность» преобладают предложения характеризационного типа с оценочной семантикой. Тип предиката в структуре КПС — характеризационный либо оценочный. Контексты посвящены характеристике культурных явлений (прежде всего телевидения), а также явлений и событий, которые выносятся на суд массовой аудитории и потому должны быть пристойными, приемлемыми. При подобном ходе исследования отмечается в КПС позиция так называемого субъекта-эксперта, того, кто оценивает явление со стороны как пристойное и как толерантное.

Пример: *Канал «Культура» даже в отсутствие средств представляет собой весьма пристойное зрелище (МК). Телевидение должно быть пристойным и не должно эксплуатировать низменные чувства (Известия). До появления на сцене Жириновского все еще имело более менее пристойный вид (МК).*

В подобных КПС так же, как и в контекстах со словом «допущение», отмечается двойная оболочка: 1) само событие или явление; 2) его характеристика как пристойного. Подобная модель подтверждает следующий постулат: толерантное отношение подразумевает не просто допущение и выдержку со стороны субъекта толерантности, но и его способность оценить явление/событие как толерантное/интолерантное.

Таким образом, выявлено шесть ключевых компонентов языковой модели толерантного отношения:

1) субъект (субъект-протогонист, субъект-эксперт, субъект-власть 1 и 2, субъект-подчиненный) — непосредственно носитель толерантности, дающий оценку вследствие собственного знания общественных норм и правил, принятых в обществе, а также власть и подчиненный и их взаимоотношения;

2) объект — то, к чему относятся толерантно;

3) предикат — само проявление толерантности: отношение, состояние, оценка;

4) окружающая обстановка;

5) оценка, способность оценить ситуацию на основе знания законов и норм поведения, принятых в обществе;

6) выжидание, перенесение.

Подобная модель построена на материале публицистических текстов, отражающих важнейшие политические, культурные, спортивные моменты жизни Российской Федерации и мира на рубеже веков. Сам характер событий подсказывает, насколько данное событие является важным для общества и насколько важно проявление/непроявление толерантности в той или иной ситуации.

Языковая модель выступает основой для создания идеографического словаря толерантности. Исследованный материал используется для более детального анализа ситуации толерантности применительно к внеязыковой действительности, в которой (по материалу контекстов) преобладает нетолерантное, агрессивное отношение ко многим явлениям, и может содействовать в формировании толерантного сознания общества при условии исследования прагматического аспекта явления толерантности.

Примечания

1. *Михайлова О. А.* Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // Фило-софские и лингвокультурологические проблемы толерантности. Екатеринбург, 2003.

2. *Бондарко А. В.* Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативные перспективы высказывания. Определенность/неопределенность. СПб., 1992.

3. *Бабенко Л. Г.* Глагол «жить» в лирике А. С. Пушкина: когнитивно-пропозициональная структура // Пушкинский глагол: Материалы расширен. заседания теорет. семинара «Русский глагол», 20–21 мая 1999 г. / Под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1999.

© **В. М. Головатина**

г. Екатеринбург

ОПЫТ ОПИСАНИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ «ВДОХНОВЕНИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX–XX вв.)

В данной работе приводятся результаты анализа концепта «вдохновение» в русской литературной традиции. Материалом для исследования послужили фрагменты поэтических и прозаических текстов русских писателей XIX–XX вв., содержащие раз-

личные лексические средства и сочетания слов со значением «вдохновение», а также образные описания, определения и характеристики данного состояния, включающие названные лексические и фразеологические средства. Всего было проанализировано 547 подобных фрагментов.

Исследование основано на совокупности методов и приемов синхронного описательного характера. Ведущим среди них является метод концептуального анализа, который опирается на методы контекстологического, сопоставительного анализа, на метод количественной обработки материала.

Анализ текстового материала показал, что концепт «вдохновение» в литературе XIX–XX вв. представляет собой когнитивно-пропозициональную структуру (КПС), состоящую из следующих позиций: субъект, предикат вдохновения, причина-источник вдохновения, позиция обстоятельств протекания данного состояния, позиция реакции человека на вдохновение и результат его воздействия. Данная КПС составляет ядро концептосферы «вдохновение» (термин «концептосфера» в этом случае употреблен в значении совокупности компонентов, которые составляют ментальное поле концепта [1]). Приядерную зону данной концептосферы образуют регулярные и наиболее типичные для литературы XIX–XX вв. лексические репрезентации. Наиболее полно описанная КПС реализуется в контекстах с существительным *вдохновение* и синонимичными ему лексемами и сочетаниями слов (*восторг, подъем, жар, огонь небесный, поэтическая сила* и др.). Обобщение особенностей текстового употребления названных средств репрезентации исследуемого концепта позволяет выявить его КПС и индивидуально-авторские смыслы в литературных произведениях XIX–XX вв.

Позиция субъекта вдохновения. Большинство эмоциональных состояний предполагают один субъект действия, которым, как правило, является человек, переживающий это состояние. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что вдохновение, действительно, присуще прежде всего человеку. В текстовых фрагментах, взятых для исследования, для обозначения субъекта вдохновения используются существительные (*поэт, пророк*), имена собственные (*Рафаэль*), местоимения (*он, я*) и т. д. Пример: *...он испытал приближение того, что называется вдохновением* (Б. Пастернак. Доктор Живаго).

Носителем вдохновения выступает также часть человеческого тела или какой-либо предмет, принадлежащий творческому человеку. Например: *вдохновенное сердце, вдохновенная лира*. В подобных случаях перечисленные явления выступают в роли субъектов действия. В том числе достаточно часто в позиции субъекта оказывается существительное *душа*. Примеры: *И чувствует душа прикосновенье Музы* (Г. Иванов. «Поблекшим золотом, холодной синевой...»). В этом фрагменте средством номинации вдохновения является словосочетание *прикосновение Музы*: *Видение является не тогда, когда мы силами собственным усилием превзойти данную нам меру духовного роста и выйти за пределы доступного нам, а когда таинственно и непостижимо наша душа уже побывала в ином невидимом мире, вознесенная туда самими горными силами* (П. Флоренский. Иконостас). В данном примере существительное *душа* также занимает позицию субъекта действия. Душа действует самостоятельно, независимо от человека.

Однако во многих случаях чувство само становится субъектом действия. Оно представляется как самостоятельная сила, оказывающая влияние на человека и управляющая им. При этом в текстах позицию субъекта действия занимает лексика (слова или сочетания слов), обозначающая вдохновение (*вдохновение, восторг, поэтическая сила, огонь небесный* и др.). Примеры: *И поэтическая сила во мне владычествует вновь* (Н. Языков. К Г.Д.Е.); *Федор Константинович рискнул повторить про себя недосочиненные стихи... но он был слаб, а они дергались жадной жизнью, так что через минуту завладели им, мурашками побежали по коже, заполнили голову божественным журчанием* (В. Набоков. Дар). Такое представление о вдохновении отражено не только в образах, созданных в поэтических и прозаических текстах, но и в самом языке. Например, в сочетании *меня вдохновляет* человек является объектом действия.

Также в ряде случаев в позиции субъекта вдохновения может быть неизвестная, необъяснимая сила, которая завладевает человеком. При этом в контекстах позиции субъекта оказываются слова типа *то, это, оно, нечто, невнятность* и т. д. Пример: *О, как желает сделаться строкою / невнятность сердца на исходе дня!* (Б. Ахмадулина. Начало). Подобные замещения позиции субъекта свидетельствует об отношении к вдохновению как

к явлению, существующему независимо от человека (носителя душевного состояния).

Позиция предиката вдохновения. Эта позиция реализуется предикатными словами — основными носителями идеи вдохновения: *вдохновить, вдохновлять, вдохновенный, вдохновенно, вдохновение*, а также некоторыми синонимичными им словами: *восторженный, восторг, воодушевление, окрылять, воспламенять, распламеняться* и пр. Примеры: *Боги «вдохновляют» вестника их откровений людям* (В. Иванов. Заветы символизма); *Она воспламеняет во мне желание писать стихи ей в честь* (Н. Языков. Элегия).

Позиция причины, источника возникновения вдохновения. Как правило, в анализируемых текстах в качестве источников или причин вдохновения выступают следующие явления:

— **мифические, неземные существа** (Бог, Аполлон, Муза, сатир, ангелы и т. д.). При этом вдохновение воспринимается как божественный дар, божественная весть, голос богов и т. д. Например: *Поэт действует по вдохновению и столь же мало гордится своею жизнью, как своими творениями, ибо чувствует, что все ему данное есть дар свыше, а он только бренный сосуд той божественной силы, которая обновляет и возрождает человечество!* (В. Кюхельбекер. Письмо XLIII).

При подобном отношении к вдохновению произведения искусства оцениваются как слова или идея Бога, а человек, будь то поэт, художник, композитор и т. д., — как средство для выражения его мысли. Например: *В черном небе слова начертаны, ослепили глаза прекрасные...* (М. Цветаева. «В черном небе — слова начертаны...»); *Многое еще, наверно, хочет быть воспетым голо- сом моим* (А. Ахматова. «Многое еще, наверно, хочет...») и т. п.

Данное представление о вдохновении отражает первичное понимание этого явления. Современное значение имени *вдохновение* (состояние душевного подъема, увлеченности, воодушевления [2, 3], наивысшего подъема душевных сил [4], сопряженного с желанием что-то делать [5], побуждающего к каким-либо действиям, поступкам [3]), согласно «Историко-этимологическому словарю современного русского языка», возникло только во второй половине XVIII в. Изначально имя *вдохновение* обозначало «духовное внушение», «вложение, введение в сердце, в душу божественного духа». Вдохновение воспринималось непос-

редственно как действие Бога на человека, а не как душевное состояние. По мнению авторов словаря, изменение значения отчасти было связано с общеевропейскими изменениями в условной поэтической фразеологии [6]. Первичное понимание вдохновения отражено в словаре В. И. Даля и энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона. Например: «(По гл. вдохнуть) действие того, кто вдохновляет; духовное внушение, состояние вдохновленного; высшее духовное состояние, восторженность, сосредоточенность, наивысшее проявление умственных сил. // Наитие, внушение, ниспосланное свыше» [7, 178]. В данном определении вдохновение толкуется как действия высших сил, которые наделяют человека определенными свойствами (*действие того, кто вдохновляет, духовное внушение, наитие, ниспосланное свыше*). Хотя здесь уже присутствует толкование вдохновения как определенного состояния человека (как душевного, так и умственного — *восторженность, сосредоточенность, наивысшее проявление внутренних сил*), а не только как воздействия Бога. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона также указывается на представление о вдохновении как о деятельности через человека высших сил (здесь и далее выделено мною. — В. Г.): «1) Вдохновение понимается как действие в человеке и через человека внешних духовных сил (пророки, медиумы); 2) как акт имманентного раскрытия в человеческом духе его высшего идеального содержания (Гегель, Гартман)» [8, 735].

Этимология имени *вдохновение* также свидетельствует о том, что изначально вдохновение воспринималось не как чувство, т. е. часть внутреннего мира человека, а как явление, приходящее извне. Этимологические словари указывают, что существительное *вдохновение* происходит от глагола *вдохнуть* [6, 9]. В современном же русском языке слово *вдохновение* входит в словообразовательное гнездо с производящим *вдохновить* [10], т. е. «пробудить вдохновение, воодушевить» [4]. Вдохновение связывается с миром эмоций и чувств, семантика «сверхъестественного происхождения» в значении имени *вдохновение* и однокоренных с ним слов нивелируется.

Анализ текстового материала также свидетельствует о таком изменении понимания вдохновения. В произведениях авторов XX в. традиционное представление о вдохновении как божественном даре начинает восприниматься с иронией: *...единствен-*

ным процессом является вдохновенное задираание головы, в ожидании, пока небесная поэзия-дух сойдет на лысину в виде голубя, павлина или страуса (В. Маяковский. Как писать стихи?). Вдохновение понимается как метод творчества, болезнь. Примеры: В сфере художественного творчества старая культура характеризуется непосредственностью и неосознанностью методов («вдохновение» и т. п.), их оторванностью от методов трудовой деятельности (Пути пролетарского творчества);

— **воздействие других чувств**, как положительных (любовь к женщине или родине, дружба, радость), так и отрицательных (гнев, горе, печаль). Например: Здесь мне пленительно светила / Любовь, звезда счастливых дней, / И поэтическая сила / Огнем могущественным была / Из глубины души моей! (Н. Языков. «Ты прав, мой брат: Давно пора...»);

— **воображение и мысли**. Например: Шутка, вдохновленная сердечной веселостью и минутной игрой воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское и темное понятие (А. Пушкин Опровержение на критики);

— **воспоминания** о юности, местах, в которых когда-то жил или которые посещал поэт. Например: Меня вдохновляют все мои глубокие исторические воспоминания — Лидо, Германия и все то, что я пережил тогда (А. Блок. Л. Д. Блок);

— **созерцание** произведений искусства и красоты. Например: Настоящей гениальностью обладает только один из виденных мной — голландец Ван-Риль. Он вдохновляет меня для поэмы гораздо более, чем Вячеслав Иванов (А. Блок. Матери);

— различные **предметы окружающего мира**. Например, в романе В. Набокова «Дар» герой создал одно из лучших своих произведений, шагая по почпой улице: Улица была отзывчива и совершенно пуста. Высоко над ней, на поперечных проволоках, висело по млечному фонарю; под ближайшим из них колебался от ветра призрачный круг на сыром асфальте. И это колебание... со звенящим тамбуринным звуком, что-то столкнуло с края души, где это что-то покоилось и уже не прежним отдаленным призывом, а полным близким рокотом прокатилось: «Благодарю тебя, отчизна...» ...он сам с собою говорил, шагая по несуществующей панели; ногами управляло местное сознание, а главный, и, в сущности, единственно важный, Федор Константинович уже загля-

дывал во вторую качавшуюся, за несколько сажений, строфу... Улица подсказывает герою стихотворение, а фонари превращаются в новые строки. Однако в данном случае для героя реальная улица исчезает, ее заменяет иная действительность;

— вдохновение и тяга к творчеству могут возникать сами по себе, **ниоткуда**. Примеры: *И мне приходит в голову, что мне ее действительно кто-то продиктовал, причем приберег лучшие строфы под конец* (А. Ахматова. Проза о Поэме). Здесь вдохновение — это записывание стихов под диктовку неземного существа. *Спусти три часа опасного для жизни воодушевления и вслушивания, он, наконец, выяснил все, до последнего слова* (В. Набоков. Дар). Здесь герой не сам сочиняет стихотворение, а слышит его;

— в работах некоторых авторов источниками вдохновения выступают сами **стихотворные произведения**. Они предстают в образе живых существ, которые возникают сами по себе, независимо от действий поэта. В этом отношении интересны замечания А. Ахматовой, отраженные во вступлении к «Поэме без героя» и в работе «Проза о Поэме». Поэтесса рассказывает о том, что поэма как бы сама к ней пришла и легла на бумагу: *Первый раз она пришла ко мне в Фонтанный дом в ночь на 27 декабря, прислав как вестника еще осенью один небольшой отрывок... Я не звала ее. Я даже не ждала ее...* Этот образ Поэмы совпадает с образом Музы у А. Ахматовой;

— причиной вдохновения также называют **влияние языка** на поэта. Эту идею активно развивал в своих работах И. Бродский. Он вообще отрицал существование вдохновения и видел причину творчества в воздействии на человека языка: *Пишущий стихотворение пишет его потому, что язык ему подсказывает или просто диктует следующую строчку* (И. Бродский. Нобелевская лекция). Образ языка, управляющего поэтом, подтверждает отношение к вдохновению как к независимой силе;

— однако некоторые авторы отрицают идею божественной природы вдохновения и непредсказуемость творчества. Вдохновение воспринимается как нечто логическое, а его причиной называется целенаправленный созидательный **труд** художника. Например, Ю. Лотман характеризует его как «высшее напряжение Знания» для создания нового образа. А В. Брюсов, опираясь на высказывание А. Пушкина «вдохновение пужно в геометрии, как и в поэзии», настаивает на том, что «творчество поэта

не есть какое-то безвольное умоисступление, по сознательный, в наивысшем значении этого слова, труд» (Ключи тайн). Н. Гумилев утверждал, что знание техники может восполнить отсутствие вдохновения: *Эти два чувства бывают и у плохих поэтов. Изучение техники заставляет их являться реже, но давать большие результаты* (Читатель).

Позиция обстоятельств протекания вдохновения. Анализ текстового материала свидетельствует о том, что человек испытывает это чувство, как правило, ночью и в часы уединения, когда остается наедине с самим собой. На это указывает частотное употребление лексики с соответствующим значением: *ночь, ночной, полночный, ночные часы, бессонница, одиночество, глухая тишь, уединение* и т. п. Примеры: *ночное вдохновение* (встречается у различных авторов); *Во мраке ночи взор Рафаэля привлечен был светлым видением на стене против самого его ложа* (П. Флоренский. Иконостас).

Характерными чертами вдохновения являются также редкость и мимолетность. Оно неожиданно приходит и также мгновенно исчезает, но при этом оставляет в душе человека яркий след. Об этом свидетельствует использование в текстах слов со значением короткого промежутка времени или нерегулярности: *вдруг, краткое время, порой, не часто, краткий миг, миг один, мгновение, минуты* и т. д. Примеры: *...наслаждения мира никогда не заменяют ему порывов вдохновения, столь редких и оставляющих по себе пустоту столь ужасную!* (В. Кюхельбекер. Письмо XLIII); *Есть минуты деятельной чувствительности... они редки, преходящи и зависят от здоровья, от времени, от влияния внешних предметов, которыми по произволу мы управлять не в силах* (К. Батюшков. Нечто о поэте и поэзии). Как видно из последнего примера, вдохновение обусловлено состоянием окружающего мира и поэта.

Локализация вдохновения. Опираясь на особенности употребления средств репрезентации концепта «вдохновение» в тексте, можно определить, где в человеческом организме вдохновение зарождается и существует. Как правило, оно локализуется в груди человека — *Ты — крылом стучавший в эту грудь*» (М. Цветаева. «Умирая, не скажу: была...»), в сердце — *Мой пламень в сердце и стихах* (Н. Языков. А. Н. Вульф), в душе — *Чем душа у вас исполнена — прямым ли вдохновеньем* (А. Пушкин. Фран-

цузских рифмачей суровый судия), в глазах — *Во взорах пламень вдохновенья* (Е. Баратынский. Языкову), в мозгу — *В мозгу игла, брожу, как день* (О. Мандельштам. Шарманка), в сознании — *Из недра сознания, со дна лабиринта тянутся видения толпой* (М. Волошин. Рождение стиха). Это вполне соответствует всеобщим представлениям о человеческих чувствах.

Позиция реакции на вдохновение. Внешнее выражение эмоции вдохновения весьма разнообразно и противоречиво. С одной стороны, это реакции, характеризующие вдохновение как неприятную эмоцию: слезы, лихорадка, судороги, бессонница, героя бросает то в жар, то в холод. Заметим, что все перечисленные черты напоминают синдромы болезненного состояния. Примеры: *Жестче, чем лихорадка, оттрепет* (А. Ахматова. Муза); *И быстрый холод вдохновенья власы подъемлет на челе...* (А. Пушкин. Жуковскому) и т. п. С другой стороны, есть реакции, свидетельствующие о вдохновении как о приятном чувстве: слезы, улыбка, смех, преобразование лица человека. Например: *Где прежний жар и слезы вдохновенья?* (А. Пушкин. «Мне вас не жаль, года весны моей...»). Жар и слезы здесь — отражение приятного чувства. Следующий пример указывает на то, что в момент вдохновения человек преобразается внешне, становится более красивым: *Куприн был при этом слове / Неожиданно красив, / Вдохновенья неземного / Он почувствовал прилив...* (Н. Заболоцкий. Падение Петровой).

Человек, переживающий вдохновение, испытывает сильное физическое напряжение, приводящее к утомлению. Примером этому может послужить сравнение вдохновения с родами (см.: Н. Гумилев. Жизнь стиха) или описание этого эмоционального состояния из романа В. Набокова «Дар»: *Спустя три часа опасного для жизни воодушевления и вслушивания, он, наконец, выяснил все, до последнего слова. Завтра можно будет записать... Изнеможенный и счастливый, с ледяными пятками, еще не веря в благо и важность совершенного, он встал, чтобы потушить свет... Господи, как за эти ночные часы обросли впалые щеки, — словно влажный жар стихотворчества поощрял и рост волос. Герой испытывает состояние, напоминающее болезнь (жар, ледяные пятки, опасное для жизни), но он не оценивает его как неприятное, наоборот, он счастлив.*

Эмоциональное состояние. Анализ стихотворных и прозаич-

ческих произведений указывает на то, что душа человека, находящегося в состоянии вдохновения, переполняется самыми разными, иногда противоречивыми чувствами. Анализ общей эмоциональной тональности текстов показал, что вдохновение обычно способно порождать в душе поэта положительные, светлые эмоции: восторг, счастье, радость, чувство одухотворенности, полета, свободы приближенности к горнему миру и Бога внутри себя. Часто при описании вдохновения используются лексика, а также сочетания слов, обозначающие светлые чувства: *восторг, восторженный, восторженно, веселье, веселый, весело, (сердечная) веселость, восхищение, восхищенный, забава, забавляться, истома, ластиться, ликовать, любовь, любить, любо, милый, наслаждение, нега, обвороженный, отрада, отрадный, радость, радовать, радостно, радушно, сладость, сладкий, сладостный, сладостно, сладострастие, сладострастный, смеяться, спокойный, счастье (счастие), счастливый, умиление, упоение, улада* и т. д. Некоторые из этих лексем используются в анализируемых текстах для номинации состояния вдохновения (*восторг, нега, восхищение*). Например: *Но вам, друзья, знакомо вдохновенье! / На краткий миг в сердечном упоенье / Я жребий свой невольно забывал / (Минутное, но сладкое забвенье!), / К протекашему душою улетал / И радость пел — пока о вас мечтал*» (Ф. Тютчев. Друзьям при послышке «Песни радости» из Шиллера). В этом фрагменте при помощи лексем *упоение, сладкое, радость*, сочетанием слов *душою улетать* передается состояние радостного умиротворения.

Параллельно с этим возникает и совсем другая реакция — негативная. Вдохновение вызывает скуку, ненависть, страх, боль, мучения, беспокойство, тревогу, грусть, ужас, заставляет страдать. Лексические репрезентанты: *беспокойство, бешенство, встревоженный, гневный, грустно, грустный, докучно, жалобы, изнеможенный, изнervлен, мука, печаль, печальный, скорбеть, страдание, страх, сурово, тоска, ужас, уныло* и т. д. Например: *Мне иногда докучно вдохновенье: / Мешает мне его волненье...* (Е. Баратынский. «О, верь: ты, нежная, дороже славы мне...»); *Нам ненавистна эта нетрудная свистопляска, вызывающая вокруг трудного и важного поэтического дела атмосферу полового содрогания и замирания...* (В. Маяковский. Как писать стихи?). Ожидание редких посещений вдохновения также связано с мучениями. Например: *Господи! Без стихов давно! Чем это кон-*

чится? Как черно в душе. Как измученно! (А. Блок. Записные книжки). В этом фрагменте состояние героя передается при помощи лексемы *измучено*, сочетания слов *черно в душе*, знаками препинания (вопросительный и восклицательный знаки), восклицанием «Господи!».

Негативное восприятие вдохновения более характерно для XX в., чем для XIX. Возможно, это связано с особенностями духовного настроя, господствующего в каждой из эпох. Поэты первой трети XIX в. отождествляли вдохновение с болезнью и смертью лишь в случаях, когда речь шла о трагической судьбе художника (например, Пушкина), противостоящего толпе. Вдохновение у них ассоциируется скорее со светлым и радостным, нежели с темным и сумрачным.

Позиция результата воздействия вдохновения. Результатом вдохновения является творчество, причем часто легкое, почти неосознаваемое. Примером могут послужить «Осень» А. Пушкина, «Гроза» Н. Заболоцкого, «Дар» В. Набокова и т. п., а также многие произведения, где стихи сравниваются с льющей водой. Этот образ неслучаен, ведь именно вода в сознании человека связывается с тем, что преодолевает любые преграды. Произведения, созданные в момент вдохновения, оказываются шедеврами. Например: *Чем хладнокровнее, чем точнее мои планы были обдуманы, тем менее они мне удавались; напротив всякий раз, как я следовал голосу мысли, зародившейся в глубине моего Я, поразившей меня внезапно, когда сообразно с теми мгновенными вдохновениями, которые навевались на меня обстоятельствами, и только не терял из виду главной меты своей, — тогда успех неожиданный и непредвиденный увенчивал труд мой* (В. Кюхельбекер. Дневник). Но многие авторы отмечают, что созданное в «жару вдохновения» не удовлетворяет творца, когда он успокаивается и возвращается в свое нормальное состояние. Примером может служить стихотворение В. Жуковского «Невыразимое. Отрывок». А Д. Мережковский свидетельствует о том, что А. Пушкин всегда был недоволен своими произведениями: «...все-го прекраснее ему кажутся те стихи, которые случается видеть во сне и которые невозможно запомнить. Он работает над формой, гранит ее, как драгоценный камень. Но когда стихотворение кончено, не придает ему особенной важности...» [11, 496]. Таким образом, с одной стороны, вдохновение влечет за собой

активизацию деятельности человека, направленную на реализацию какой-то идеи. Но, с другой стороны, человек не в силах выразить всего того, что переполняет его душу. Поэтому произведения, возникшие в момент вдохновения, необходимо обрабатывать, будучи в спокойном состоянии.

Полевая структура описываемого концепта также включает в себя ближайшую периферию — образные репрезентации вдохновения, и дальнейшую периферию — эмоционально-оценочные смыслы.

Анализ средств репрезентации концепта «вдохновение» в контекстах, используемых в качестве материала в данной работе, позволил выявить следующие образные репрезентации вдохновения.

Вдохновение-огонь (в том числе **высокие температуры**). Примеры: *Легкий огнь, над кудрями пляшущий* (М. Цветаева); *...если дух твой горит беспокойно* (А. Блок); *...душа кипит; горят, яснеют взгляды* (Н. Языков). Данная образная репрезентация выводится благодаря лексике, относящейся к сфере огонь, — *огонь, пламень, жар, тепло, гореть, воспламенить, пылать, угасать* и др.

Вдохновение-свет. Примеры: *Люблю средь вспышек — вдохновенье* (К. Бальмонт); *Вот молния в белом излученьи... / И сразу все стало светло и велико... / Как ночь лучезарна! / Танцуют слова, чтобы вспыхнуть попарно / В влюбленном созвучьи* (М. Волошин). Передача состояния вдохновения через образ молнии или вспышки, представленная в данном фрагменте, достаточно характерна для русской литературы. Эти образы встречаются у разных авторов (К. Бальмонт, Н. Бердяев, М. Волошин, Н. Заболоцкий, В. Кюхельбекер, М. Лермонтов, В. Набоков). Такая образная репрезентация, скорее всего, свидетельствует о том, что вдохновение воспринимается как мгновенное и яркое, сильное явление. Лексические репрезентанты этого представления о вдохновении — слова, относящиеся к сфере «свет, свечение»: *свет, лучи, сияние, вспышка, молния, светлый, гореть, пронзать, вспыхнуть, лучезарный, яркий* и др.

Отождествление вдохновения в текстах и словарях с огненной стихией и светом свидетельствует не только о концептуализации этого чувства в образах огня или света, но и, во-первых, о том, что таким способом передается интенсивность эмоции. Во-

вторых, о физиологической реакции на эмоцию: находясь в состоянии вдохновения, душа человека ощущает нечто подобное тому, что испытывает его тело, когда у него жар. В-третьих, о восприятии вдохновения как положительного, благоприятного для человека состояния (метафора света). В-четвертых, использование метафоры света соответствует ощущению просветления и упорядочивания мыслей и чувств, характерных для человека, находящегося в состоянии вдохновения.

Вдохновение-жидкость (в том числе лед). Примеры: *Теперь, когда Парнаса воды / Хвостовы черпают на оды* (Н. Языков); *Кастальский ключ волною вдохновенья / В степи мирской изгнанников поит* (А. Пушкин). Образ вдохновение-жидкость создается благодаря словам *струя, волна, море, поток, течь, ключ, струиться, бежать, набегать, изливаться, поить* и др. — лексика, используемой при номинации или описании водной стихии. Образная репрезентация «вдохновение-жидкость», в частности струи, волны, моря, потока и т. д., отражает представление о том, что в момент вдохновения человеческое сознание наполняется большим количеством разнообразных мыслей и образов, позволяющих ему с легкостью заниматься творчеством. Кроме того, этот образ связан с отношением к вдохновению как явлению, которое прекращает мучительный поиск человеком необходимых образов, слов, идей для реализации своего замысла, так же как вода утоляет жажду.

Вдохновение-кровь. Данная образная репрезентация не частотна. Хотя она встретила и в стихотворных, и в прозаических текстах. Пример: *От нервов ли, от напряженья, / От жизни, что вся наугад, / Мне слышится крови движенье, / Как будто далекий набат* (Б. Окуджава). Здесь для передачи состояния, которое испытывает человек в момент вдохновения, используется метафора пульсирующей крови в организме человека (средство выражения — *крови движенье*). Данный образ передает волнение и напряжение лирического героя. Во время сильного волнения сердцебиение учащается и становится более отчетливо слышимым. В тексте присутствует сравнение пульсирующей крови с ударами в набат — использована гипербола. Другой пример: *Поэтическое слово не смеет быть той капризной струей крови, которая греет и розовит мою руку: оно должно быть той рукавицей, которая напяливается на все ручные кисти, не под-*

ходя ни к одной. Вы чувствуете, что горячая струя, питая руку, напишет тонкую поэму, нет, — надевайте непременно рукавицу... (И. Ашпенский). В данном фрагменте вдохновение также описывается при помощи метафоры тока крови (средства выражения — *струя крови греет и розовит мою руку; горячая струя, питая руку*). Кровь олицетворяется благодаря использованию лексики, характерной для употребления с именами, обозначающими людей (*сметь, капризный, писать тонкую поэму*). Это опять же свидетельствует о том, что вдохновение воспринимается как состояние, существующее независимо от человека, влияющее на него вопреки его воле.

Вдохновение-существо. Примеры: *Станет предо мною... прекрасный гость* (С.); *Я-то вольная. Все мне забава, — / ночью Муза слетит утешать*... (А.) и др. Анализ глагольной лексики и прилагательных, употребляющихся со словами — средствами номинации вдохновения и сочетаниями слов, выполняющими ту же функцию, показал, что вдохновение концептуализируется как существо, способное летать, говорить, умирать и т. д., а также как властитель. Эти образы соотносимы с образной репрезентацией **вдохновение-мифологическое существо, покровитель поэзии**: ангел, божество (Аполлон, или Феб, сатир, Муза) и др. В тексте этот образ формируется благодаря использованию собственных имен мифологических существ, слов и словосочетаний, обозначающих их.

Через прием олицетворения вдохновение как бы отделяется от человека, начинает рассматриваться как независимая, самодовлеющая величина. Его источником, а также источником творчества, являются неземные существа. Н. Д. Арутюнова, размышляя о специфике передачи в тексте внутренней жизни человека, его психики, отмечала, что людям свойственно экстериоризировать ее составляющие. Эмоции и чувства предстают «не только как нечто отделенное от нас, но как нечто, вступающее с нашим “я” в определенные, дружеские или враждебные, отношения, как нечто, нам помогающее или вредящее», как собеседники и советчики, как враги и мучители [12, 94]. Ярким примером тому служит образ Музы, покровительницы творчества, который традиционно является олицетворением вдохновения и процесса творчества. Существительное *Муза* может получать значение существительного *вдохновение*, так как они часто употребляют-

ся в одинаковых контекстах. Например: *И разума, и Музы не хочу...* (О. Мандельштам). Кроме существительного *муза*, могут употребляться синонимичные ему лексемы и их сочетания: *музка* (А. Крученых); *девица вдохновения*, *дева*, *богиня песнопений*, *муза лиры* (Н. Языков) и др.

Вдохновение-физическое состояние. Данная образная репрезентация разделяется на несколько подгрупп: вдохновение-сила, вдохновение-болезнь, вдохновение-опьянение, вдохновение-сон и др. Рассмотрим каждую из этих подгрупп отдельно. Образ «**вдохновение-сила, оживление**» соответствует определению вдохновения как подъема сил, воодушевления. Пример: *Возьмет ли арфу — дивной силой / Дух преисполнится его / И, как орел ширококрылый, / Взлетит до неба твоего!* (Н. Языков); *Блок постиг тайну гармонического творчества силой своего творческого прозрения, той таинственной и чудесной силой, о которой в старину говорили «божья милость»* (Г. Иванов). Лексика, свидетельствующая о концептуализации вдохновения в образе силы, оживления — *сила, оживить, могуч, обильный*.

Вдохновение-полет. Метафора полета заложена еще в определении вдохновения (душевный подъем). Она объясняется тем, что человек в состоянии вдохновения испытывает ощущения, похожие на те, что испытывает тело в состоянии невесомости. Кроме того, в этом образе отражается представление о том, что вдохновение — это уход человека в горный мир, где он может видеть неземные образы, дающие пищу для его творчества. Этот образ присутствует в работах русского философа П. Флоренского. По его представлению, в момент вдохновения душа человека отделяется от тела и путешествует по иному миру. Например: *В художественном творчестве душа восторгается из доли него мира и всходит в мир горный*. В. Набоков в одной из работ использовал для номинации вдохновения существительное *реяние*, что также передает отношение к вдохновению, как к полету: *Приготовительное реяние, не лишенное сходства с некой благодатной разновидностью ауры...* Существует сходная образная репрезентация **вдохновение-подъем**. Например: *Когда я начинаю писать, я иногда чувствую настолько сильный подъем, что у меня кружится голова* (Н. Бердяев). В данном примере состояние подъема передано при помощи лексемы *подъем*, а также выражения *кружится голова*. Названные образные репрезента-

ции выводятся благодаря употреблению в данных текстах лексем соответствующей семантической группы: *полет, подъем, реяние, летать, улетать, окрылять, отрываться от земли, возноситься, крылья, крылатый* и т. д.

Вдохновение-жажда. Примеры: *Я так молилась: «Утоли глущую жажду песнопенья!»* (А. Ахматова); *Жажду чистых вдохновений / Пробудила снова в ней...* (Н. Языков). Это представление соотносимо с отождествлением чувства с водной стихией. Данное уподобление содержит своего рода оценку вдохновения: человек не может существовать без творчества и вдохновения так же, как не может существовать без воды. Оно перекликается со следующей метафорой, при помощи которой вдохновение часто репрезентируется, — вдохновение-болезнь, поскольку жажда — это тоже неприятное для человека состояние.

Вдохновение-болезнь и вдохновение-боль. Лексика, позволяющая выразить данный образ: *недуг, судороги, тяжелый бред, язва, лихорадка, припадок, болезнь, безумие, эпилептический* и др. Примеры: *Как язвы, бойся вдохновенья... оно — тяжелый бред души твоей больной* (М. Лермонтов); *Познал он меру внешних сил, / сердечных судорог ценою / он выраженье их купил* (Е. Баратынский) и др.

Вдохновение-опьянение. Примеры: *Во взорах пламень вдохновенья, огонь восторга на щеках, был жар хмельной в ее глазах или румянец вождельенья...* (Е. Баратынский) (в данном фрагменте также отражено представление «вдохновение-огонь»).

Вдохновение-сон, греза, мечта: *Дышит утро в окошко твое, / Вдохновенное сердце мое, / Пролетают забытые сны, / Воскресают виденья весны, / И на розовом облаке грез / В вышине чью-то душу пронес / Молодой народившийся бог* (А. Блок). Лексические средства позволяющие передать этот образ — *грезы, сон*.

Вдохновение-звук. Примеры: *То, что, бессловесное, грохочет; Определить, когда она (поэма. — В. Г.) начала звучать во мне, невозможно* (А. Ахматова); *...всякий раз, когда я следовал голосу мысли, зародившемуся в глубине моего Я...* (В. Кюхельбекер). Для воплощения данного образа в текстах используется лексика, передающая значение звучания (или его отсутствия): *звучать, грохотать, не умокать, слышать, послышаться, бой часов, раскат, гром, голос, жалоба, стон, звук, слова, звоночек, стихающий, сигнальный, продиктованный, бессловесный, тихо* и т. д.

С образной репрезентацией «вдохновение-звук» соотносима репрезентация **вдохновение-образ, видение**. В анализируемых текстах данное вдохновение описывается как состояние, в котором человек слышит какие-то звуки или видит определенные образы, из которых потом складываются произведения искусства. Например: *Темницы жизни покидая, / Душа возносится твоя <...> / Встречают вечные виденья / Ее стремительный полет...* (Ф. Сологуб). Здесь вдохновение описывается как полет души в иной мир, где она видит определенные образы.

Вдохновение-произведения искусства. В текстах, где отражена данная образная репрезентация, как правило, произведения искусства выступают самостоятельными деятелями, возникающими независимо от человека — их создателя. Наиболее характерным примером такой образной репрезентации могут стать фрагменты из работы А. Ахматовой «Проза о поэме», где произведение «Поэма без героя» предстает в образе женщины, время от времени посещающей поэта. Например: *Теперь могу прибавить, что она действительно вела себя очень дурно...* (Глава могла бы называться «второе письмо»); *Опять декабрь, опять она стучится в мою дверь и клянется, что это в последний раз* (Может быть из дневника). Одушевление происходит благодаря использованию глагольной лексики (*вела себя дурно, стучится, клянется*), обозначающей действия людей.

В подобных фрагментах произведения искусства, как правило, предстают как живые существа, растения, предметы, явления природы, жидкость, источник звука, нечто и т. д. Лексическими средствами репрезентации данных образов служат слова *расти, гром, трепетать, бормотать, рукоплескать, рождаться, красться, видеть, струиться, граниться, виться, пить, смеяться, поток, поле, река* и т. д.

Достаточно частотной является образная репрезентация **вдохновение-нечто**, т. е. необъяснимая, неясная или неизвестная сила, ощущение. Как правило, эта сила оценивается как таинственная, непонятная, неуловимая и пугающая. Она растворена в мире и захватывает творческую личность полностью, и благодаря ей человек может творить. В текстах данная образная репрезентация передается при помощи неопределенных местоимений (*кто-то, что-то* и др.) и других слов с частицей *-то*, форм прилагательных и местоимений среднего рода, которые употреблены

без существительных (*другое, многое, то, оно* и др.), форм глаголов среднего рода или безличных форм глагола (*знало, тянет, накатывало* и др.) и т. д. Например: *Многое еще, наверно, хочет / Быть воспетым голосом моим: / То, что, бессловесное, грохочет, / Иль во тьме подземный камень точит, / Или пробивается сквозь дым* (А. Ахматова). В данном фрагменте вдохновение видится как нечто непонятное, скрытое. Это даже не чувство, а смутное ощущение. Оно еще где-то далеко, но лирический герой уже понимает, что оно вот-вот появится. Сначала слышны лишь гулкие отголоски чувства, потом образ становится все отчетливее, а тьма, дым сменяются светом звезды. Языковые средства, позволяющие передать этот образ, — средний род прилагательных и местоимений *многое, то, бессловесное*, вводное слово со значением неопределенности *навверно*, лексемы *бессловесное, тьма, дым, подземный, пробиваться*. Стихотворение проникнуто таинственностью. Необъяснимая для лирического героя сила или явление прячется и скрывается. Она еще где-то далеко, но лирический герой уже понимает, что она вот-вот появится. Сначала слышны лишь гулкие отголоски чувства, потом образ становится все отчетливее, а образы тьмы, дыма, подземелья сменяются образами света звезды, распахнутых ворот, свободы. Такое описание вдохновения часто встречается в анализируемых текстах. Это связано с особенностям переживания данного состояния — непонятные, необъяснимые ощущения и мысли постепенно оформляются в конкретные образы, звуки, строки, сознание проявляется.

Образными репрезентациями концепта «вдохновение» также являются такие образы: **вдохновение-фимиам, предмет (стрела, корабль, плащ, механизм) дыхание, деторождение, возбуждение, жизнь, сад, весна, увядание, ветер, мираж, природный катаклизм (гроза, буря), пища, пир, воздействие влияние языка, речи**. Они не частотны и встречаются в отдельных работах различных авторов.

Итак, в поэтических и прозаических произведениях русских писателей XIX–XX вв. вдохновение предстает как редкое, мимолетное, но очень сильное, яркое и незабываемое чувство своеобразного напряжения и подъема духовных сил, когда человек более чутко начинает воспринимать окружающий мир, его охватывает поток разнообразных идей, мыслей, чувств, сознание

проясняется, что делает возможным процесс легкого, практически неосознаваемого творчества.

Отношение к вдохновению зависит от того, какое эмоциональное состояние оно вызывает. Если для человека это светлое, радостное чувство, то оно оценивается как приятное и необходимое, а если тяжелое, неприятное, то и оценивается как неприятное и опасное. Лексика и сочетания слов, передающие подобное отношение к вдохновению, составляют дальнейшую периферию концептосферы «вдохновение» (*мило, любо, докучно, ненавистно* и др.).

Примечания

1. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учеб. для вузов. М., 2004.
2. *Словарь русского языка*: В 4 т. М., 1981. Т. 1: А–Й. С. 143.
3. *Словарь современного русского литературного языка*: В 17 т. М.; Л., 1951. Т. 2: В. С. 102.
4. *Большой толковый словарь современного русского языка* / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000. С. 114.
5. *Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы.* М., 2005. С. 187.
6. *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 3-е изд., стереотип. М., 1999. Т. 1: А–Пантомима.
7. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1998. Т. 1: А–З. С. 178.
8. *Малый энциклопедический словарь*: В 4 т. М., 1994. Т. 1: А–Гальванотропизм. (Репринт. воспроизведение изд. Брокгауза–Ефрона).
9. *Шанский И. М., Иванов В. В., Шанская Т. В.* Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя. М., 1961.
10. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 1985. Т. 1: Словообор. гнззда. А–П.
11. *Мережковский Д. С.* В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет. М., 1991.
12. *Арутюнова Н. Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.

ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ТЕКСТА

© Ф. С. Бацевич

г. Львов

*Дорогой Людмиле Григорьевне
с уважением и благодарностью*

СЕМАНТИКА ОБМАНУТОГО ОЖИДАНИЯ: СЛОВО ДАЖЕ У Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Психологизм художественного творчества Ф. М. Достоевского, познание «души человеческой в ее изломе» (М. Бахтин), стремление к проникновению в вечную драму «промежуточного» сознания человека воплотились в неповторимом языковом строе произведений великого русского писателя [1, 180]. Изображение сложного, часто изломанного внутреннего мира героев, пребывающих, как правило, «в запредельности» своих поступков, потребовало от писателя поиска глубоко антропоориентированных речевых средств [1, 181]. Одним из таких часто употребляемых Достоевским слов является лексема *даже*.

Подсчет коэффициента частотности употребления этого слова на страницу печатного текста* свидетельствует о его значительной активности и динамике: «Неточка Незванова» (1840) — 0,61; «Село Степанчиково и его обитатели» (1859) — 0,69; «Дядюшкин сон» (1859) — 0,92; «Униженные и оскорбленные» (1861) — 0,80; «Преступление и наказание» (1866) — 0,89; «Идиот» (1868) — 1,16; «Бесы» (1871) — 0,94; «Подросток» (1875) — 0,93; «Братья Карамазовы» (1879) — 1,04.

По своему значению лексема *даже* относится к сфере «семантики говорящего», входя в класс так называемых дискурсив-

* Исследовались тексты, помещенные в [2].

ных слов и являясь одним из средств формирования модальной рамки высказывания, вывода элементов последней в рематическую позицию, носителем смысла усиления [3] и неожиданности [4, 109], а точнее, нарушения ожиданий субъекта. Последние касаются несоответствий различного рода нормам, привычкам, стереотипам и т. п., которые, как правило, формируются во время целенаправленной человеческой деятельности под влиянием антропоцентрических факторов: субъективности восприятия, эмоционального отношения, прагматических целей и т. п. Важно подчеркнуть, что эти «обманутые ожидания» входят в пресуппозицию высказывания, являясь «пресуппозитивными ожиданиями», нарушаемыми ходом описываемых событий, т. е. асерцией. Важнейшими семантико-прагматическими составляющими «обманутого ожидания» выступают ‘неожиданность’, ‘неподготовленность субъекта к восприятию происшедшего’, ‘несоответствие происшедшего нормам, привычкам, стереотипам и т. п. субъекта’. Семантическое влияние исследуемого слова на членов своей «сферы действия» (термин Г. Е. Крейдлина) проявляется в формировании потенциального множества со своей внутренней градацией [4, 110–111] и субъективной оценочностью на аксиологической шкале *хорошо–плохо, много–мало, слабый–сильный, полезный–бесполезный–вредный, вовремя–вовремя* и т. п. При этом оценочность касается всех членов высказывания, а также самого тона коммуникации, ср.:

[Аркадий обращается к отцу:] — *Я вас не люблю, Версиков.*

[Отец:] — *И даже «Версиков»* (Подросток). Лексема *даже* подчеркивает уловленный собеседником официально-холодный тон сына.

Наличие числительного в сфере действия слова *даже* акцентирует большую или меньшую меру количества (в широком смысле слова), ср.: *Видал же он ее всего только раз или два, даже три, пожалуй, вымолвил даже однажды случайно с ней несколько слов* (Братья Карамазовы).

Анализируемому слову, как и другим дискурсивным словам [5, 8], присущ значительный текстоцентрический потенциал, проявляющийся в ряде случаев в отсылке к предыдущему контексту, выходе за пределы высказывания, формировании текстовой **ретроспекции**:

(1) [*Илюша*] *болезненно улыбаясь, гладил его [щенка] свою*

тоненькою, бледненькою, высохшею ручкою; даже видно было, что собачка ему понравилась (Братья Карамазовы). Слово *даже*, акцентируя неожиданный результат для субъекта повествования, одновременно отсылает к предыдущему контексту, в котором шла речь о том, что Иллюше понравилась только собачка Жучка;

(2) *Но дворника опять не было, и он [Раскольников] успел уложить топор на прежнее место под скамью; даже поленом прикрыл по-прежнему* (Преступление и наказание). Имеет место отсылка к предыдущему контексту, когда Раскольников нашел топор под поленом в сарае у дворника.

Ниже рассмотрим употребление слова *даже* в текстах указанных произведений Ф. М. Достоевского, сосредоточив внимание на сочетаемостных и семантических особенностях этого употребления.

Особенности употребления и сочетаемости

Бросающейся в глаза особенностью употребления исследуемого слова является неравномерное распределение его по тексту, определенная «серийность», «сгущенность» в отдельных местах произведения. При этом соотношение его употреблений в авторской речи (в том числе в речи рассказчика) и речи героев составляет 3:1. Отличающиеся же от нормативной и стилистически окрашенные случаи сочетаемости в большей мере присущи речи героев. Важнейшие случаи специфики сочетаемости:

1. Как правило, в стилистически немаркированной речи элементы сферы действия частицы *даже* стоят справа от нее [4, 110]. У Достоевского наблюдаем частые случаи постановки исследуемого слова в правую позицию относительно сферы действия как в речи героев, так и в авторской речи. При этом происходят «возмущения» внутри ремы высказывания: она становится более напряженной, останавливая на себе внимание читателя. Несколько примеров из «Братьев Карамазовых»: *Вдруг стало обнаруживаться... какое-то неслыханное и «неподобающее» даже волнение и нетерпеливое ожидание; [Дмитрий:] — Пересекло у меня даже дух; Да и все этого юношу любили... и это с самых детских даже лет его.*

2. Дистанцирование исследуемого слова от слов сферы его действия может быть значительным, фактически разрывающим рему высказывания, что имеет своим следствием втягивание в

последнюю элементов темы, ср.: *...приветливость даже совсем для Алеши неожиданная* (Братья Карамазовы); — *И это даже будет очень хорошо-с в некотором смысле, — совершенно ожи-вился Петр Степанович* (Бесы); — *... вы как будто и меня в чем-то обвиняете, тогда как меня даже здесь и не было* (Униженные и оскорбленные).

3. В стилистически нейтральных случаях повторение слова даже возможно в разных частях одного поли- или полупредикативного предложения [4, 114], например: *...молодой человек имел даже влияние на старика; тот почти начал его иногда как будто слушаться, хотя был чрезвычайно и злобно подчас своенравен; даже вести себя начал иногда приличнее...* (Братья Карамазовы). Наблюдения показывают, что повторение слова даже возможно также в пределах одного предикативного центра, если повторяющиеся лексемы являются составляющими однородных членов предложения (сфер реализации), ср.: *...он... даже мог сказать речь, даже имел некоторые обрывки и кончики мыслей...* (Бесы); [Иван:] — *...деток можно любить даже и вблизи, даже и грязных, даже дурных лицом...* (Братья Карамазовы).

Отмечавшаяся ретроспективная текстоцентричность слова даже способствует тому, что в текстах Достоевского оно может повторяться и в случаях неоднородного подчинения, формируя рематическую целостность части высказывания: [Дмитрий:] — *Вот что я выдумал и решил: если я и убегу, даже с деньгами и даже в Америку, то меня еще ободряет та мысль, что не на радость убегу...* (Братья Карамазовы). Здесь ретроспективная отсылка к обсуждавшейся уже героями мысли о побеге в непа-вистную Дмитрию Америку.

В сложных предложениях нередко случаи двух-, трех- и даже четырехразового употребления исследуемого слова в разных предикативных частях. Однако своеобразным «рекордсменом» является следующее предложение из романа «Идиот»: [Генерал Епанчин] *любил выставлять себя более исполнителем чужой идеи, чем со своим царем в голове, человеком «без лести преданным», и — куда не идет век? — даже русским и сердечным. В последнем отношении с ним приключилось даже несколько забавных анекдотов; но генерал никогда не унывал, даже и при самых забавных анекдотах; к тому же везло ему, даже в картах, а он играл по чрезвычайно большой и даже с намерением не только не хотел*

скрывать эту свою маленькую будто бы слабость к картишкам... но даже и выставял ее.

4. В ряде случаев можно говорить о достаточно приближенном, подчас тавтологическом, употреблении исследуемой лексемы в речи героев. Последнее возможно благодаря спонтанному отбору говорящим лексемы с ориентацией на ближайший, как правило, «усилительный», контекстуальный смысл и желанию особо выделить иллокутивную силу речевого акта. Несколько примеров: — *Да так и должно быть во всех даже случаях,* — *опять засмеялся Иван* (Братья Карамазовы) (усиление общего смысла обязательности при нормативном *всегда*); [*Свидригайлов:*] — *Вам, вам, Софья Семеновна, и, пожалуйста, без особенных разговоров, потому даже мне и некогда* (Преступление и наказание) (усиление убедительности смысла ‘мне некогда’).

Некоторая перенасыщенность, подчас тавтологичность, при формировании смысла усиления возможна в случае характерной для Достоевского сочетаемости слова *даже* с иными антропоориентированными словами, например: [*Прокурор:*] — *Госпожа же Светлова выразилась даже, может быть, и еще колоссальнее* (Братья Карамазовы) (формированию смысла усиления служат слова *даже, и, еще, колоссальнее*); *Соня готова была даже чуть-чуть не заплакать...* (Преступление и наказание); *Эта младшая [Аглая] была даже совсем красавица и начинала в свете обращать на себя большое внимание* (Идиот).

5. Яркой особенностью идиостиля Ф. М. Достоевского является частая сочетаемость слова *даже* с иными антропоориентированными словами, прежде всего местоимениями различных классов (чаще всего неопределенными), наречиями, частицами. В случаях употребления лексемы *даже* левее слов, составляющих сферу ее действия, образуются достаточно устойчивые блоки, вводящие ремю высказывания. Некоторые из них: *и даже; даже и; но даже; но даже и; что даже; весьма даже; вовсе даже; вовсе даже и; совсем даже; совсем даже и; совсем даже напротив; очень даже; просто даже; просто даже и; слишком даже; несколько даже; так даже; так что даже; хотя бы даже и; хотя бы даже только; если даже; если даже и; пусть даже; чуть ли даже не; как бы даже; как бы даже и; как-то даже; а даже; или даже; с каким-то даже; несмотря даже на; и даже так; что-то даже; едва даже; некоторый даже; до того даже, что и др.*

6. В речи героев Ф. М. Достоевского достаточно часто употребляются фразеологизированные сочетания разговорного или просторечного характера со словом *даже*. Наиболее частотные из них: *с моим даже удовольствием; даже бог знает что; даже злость берет; даже страшно подумать (вообразить, представить); даже лучше; даже не прочь; даже напротив; не хочу даже знать; удивляюсь даже; даже рад; даже и не снилось; вовсе даже напротив; пусть даже; боюсь даже, что; очень даже кстати; даже стыдно (обидно, грешно); даже непременно* и некоторые другие.

7. В произведениях Ф. М. Достоевского достаточно часты трансформации устойчивых словосочетаний и фразеологизмов при помощи лексемы *даже*. Важнейшие случаи таких трансформаций:

а) внесение разговорного оттенка в устойчивую конструкцию: — *Ах, Миша, ведь это, пожалуй, как есть все сбудется, до последнего даже слова! — вскричал вдруг Алеша...* (Братья Карамазовы);

б) когнитивная фразеологизация, сопряженная с сочетаемостью со словом *даже*: *...Федор Павлович... даже попрут ногами самые обыкновенные брачные приличия* (Братья Карамазовы) (*попрут приличия* и *растоптал ногами*);

в) трансформации в узуализированных конструкциях. Так, например, в норме прилагательные в конструкции *совсем не + прилагательное*, но (*а, и*) *даже + прилагательное*, являются членами одной лексико-семантической группы (ЛСГ) и речевыми антонимами. У Достоевского эти прилагательные могут быть членами разных ЛСГ; при этом одному из них приписывается определенное ситуативное значение, сближающее его с другим, см.: *...как будто с первого взгляда сутуловатый и мешковатый, но, однако ж, совсем не сутуловатый, а даже развязный* (Бесы). В этом контексте прилагательному *сутуловатый* приписывается ситуативный смысл 'неуверенный в себе', ибо, как правило, сутулые люди неуверенны в себе.

Особенности семантического употребления

В отличие от полнзначной лексики, единицы которой толкуются в словарях декларативно, т. е. при помощи пропозиций, значение дискурсивных слов, к которым относится лексема *даже*,

процедурно и предстает перед исследователем как комплекс операций (процедур) над планом содержания высказывания (текста) [5, 10]. Несмотря на это, ниже попытаемся сформулировать наиболее общие типы значений исследуемого слова.

1. Важнейшими типами значений слова *даже* в рассматриваемых текстах Достоевского являются:

1) нарушения состояний субъекта, связанные: а) с «собственно» нарушенными ожиданиями, б) неожиданностью полученных результатов, в) резким нарушением предыдущего состояния, г) нестандартностью, нетипичностью действий, поступков, мышления и т. п.;

2) несовпадения: а) с типичными чертами (людей, предметов, событий и т. п.), б) общепринятыми нормами поведения;

3) усиление: а) «собственно» усиление, б) усиление уточнения, в частности, уточнения порядка градации.

Между отмеченными типами значений наблюдаются регулярные коммуникативные связи, свидетельствующие об их синкретизме. Рассмотрим несколько примеров.

• Совмещение значений 1 и 2:

...туда [в богадельню] даже теперь хочет один генерал (Бесы) (совмещение значений 'несовпадение с типичными чертами генерала' и 'неожиданность решения генерала для субъекта восприятия'); *Юлия Михайловна заметила, что иногда даже должно допустить смещение сословий* (Бесы) (совмещение значений 'несовпадение с общепринятыми нормами поведения' и 'нарушение ожиданий субъекта').

• Совмещение значений 1 и 3:

[Ганя:] — А ведь был даже приличный человек... (Идиот) (совмещение значений 'собственно усиление' и 'нарушение ожиданий субъекта'); *Есть люди, которым чистое белье даже неприлично* (Бесы) (совмещение значений 'усиление' и 'несовпадение с типичными чертами').

Приведенные примеры свидетельствуют, что в случаях синкретичности значений неизменным остается семантика обманутого ожидания.

2. Как уже отмечалось, в нормативном употреблении частица *даже* производит нечто вроде градуирования: множество, которое формирует это слово, упорядочивается; член множества со словом *даже* занимает на такой шкале последнее место. Так,

предложение *Боре не просто нравится Маша; он ее даже любит* является нормативным, поскольку *нравиться* на шкале предикатов *нравиться — любить — обожать* занимает место ниже, чем *любить*. Отсюда, следовательно, аномальность предложения **Боря не просто любит Машу; она ему нравится* [4, 115–116]. У Достоевского нередки случаи нарушения порядка градации элементов множества. От аномальности эти предложения спасает то, что автор выстраивает градацию из элементов разных парадигматических классов, контекстуально сближая их, ср.: *В другое время я впадала в равнодушие, в апатию, даже в досаду* (Нечка Незванова). Подобные примеры можно умножить.

3. Наблюдаются случаи построения градационного ряда из слов достаточно отдаленных семантических парадигм, сближаемых автором в пределах одной синтаксической конструкции. Последнее является нормативным в конструкции *не только... но даже и*, если первому члену противопоставления приписывается определенное качество (как правило, воспринимаемое как прототипичное), например: *Она не только красива, но даже и умна* (со словом *красива* сопряжена ассоциация ‘красивая женщина, как правило, ограничена’) или отсылает к известным текстам, например: *Он не только богат, но даже здоров* (отсылка к известному выражению *Лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным*). У Достоевского определенное качество приписывается тому члену градационного ряда, который относится к слову *даже*: *[Липутин:] — А сестрица эта не только сумасшедшая, но даже хромоногая* (Бесы). Здесь слову *хромоногая* приписывается общая негативная оценка, доминирующая во всем высказывании.

4. Весьма свободное построение градационного ряда может стать причиной аномального построения высказываний в силу того, что слово, к которому относится *даже*, занимает на градационной шкале место ниже, чем предыдущее, например: *...она [генеральша] всю жизнь любила и даже влюблена была в своего Ивана Федоровича ... (Идиот)* (на градационной шкале *быть влюбленным* стоит ниже *любить*).

Одной из причин возникновения семантически аномальных предложений со словом *даже* является следующая: «Если по данному слову невозможно естественным образом построить множество элементов, подобных тому, который выделяется в

предложении, то это слово не может быть ремой предложения с *даже*, см., например: **Даже кто-то хочет позвонить в Ленинград»* [4, 112]. Отметим, что речь идет о позиции *даже* слева от слов его сферы действия. У Достоевского встречаем подобный случай достаточно сложного построения множества элементов: *...у нас в городе даже многие знали про нелепое и уродливое соперничество Карамазовых* (Братья Карамазовы).

5. Отдельно отметим роль слова *даже* в построении иропичного контекста высказывания. Так, например, в стилистически нейтральной конструкции *до того Р, что даже Р* ее члены (предикаты) построены по принципу нарастания градации (уровня, количества, качества и т. п.), например: *Он до того был неуверен в себе, что даже боялся показаться ей на глаза. У Достоевского находим следующий иропичный контекст: [Генерал] супругу свою до того уважал и до того иногда боялся ее, что даже любил (Идиот).*

Таким образом, в идиостиле Ф. М. Достоевского слово *даже* играет важную коммуникативную роль формирования ремы высказывания, выделения в ней семантических субъективно-модальных компонентов, характеристики авторской речи, индивидуализации речи героев.

Примечания

1. Сердюченко В. Л. Достоевский и Чернышевский: Единство крайностей. Львов; Москва, 1999.
2. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 10 т. М., 1956–1958. Т. 2, 3, 5–10.
3. Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1954. Т. 3. Стлб. 537–538.
4. Крейдлин Г. Е. Лексема ДАЖЕ // Семиотика и информатика. Opera selecta. М., 1997. Вып. 35.
5. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М., 1993.

МОДАЛЬНОСТЬ СТРАННОГО В РЕКЛАМНОМ ТЕКСТЕ

Вся жизнь и деятельность человека как сознательной личности регулируется множеством правил самого разного уровня и вида [1, 166]. Способность создавать правила и действовать в соответствии с ними и есть, может быть, то главное, что делает человека человеком. Оценка каждого предмета/явления как (не) соответствующего правилам происходит согласно своеобразной «системе координат», точкой отсчета в которой является норма — совокупность комплекса правил, устанавливаемых как самим человеком (норма «для себя»), так и обществом (норма «для всех»).

Соответствие или несоответствие норме оказывается ведущим фактором в процессе идентификации любых предметов, действий, явлений. Однако в рамки системы «норма — антинорма» не всегда представляется возможным поместить процессы или явления, с которыми имеет дело субъект: «...норма одна. Отношение к ней двузвучно: она может выполняться и не выполняться. Отклонениям от нормы нет числа» [2, 21]. То, чему субъект не может дать конкретного определения в рамках нормативной системы, принимается как «странное».

Странное — это не реальное, но и не ирреальное. Оно существует вне данной классификации, возможно предположить, что параллельно ей — это своеобразное «третье измерение». Его нельзя определить как соответствующее или не соответствующее норме. Странное — необычное, непонятное, вызывающее недоумение [3]; постороннее, особенное [4] и т. д.; чужое или, скорее, чуждое [5, 54]. Странное как результат сбоя в процессе восприятия субъектом норм и стереотипов интерпретируется в языке через категорию субъективной модальности, отражающую отношение высказывания к человеческим представлениям о мире [6, 186].

Модальность странного — зафиксированное в сознании субъекта необъяснимое отношение к нарушению в действующей системе норм и стереотипов, повлекшее психическую реакцию на этот сбой, — представляет в лингвистике относительно новую категорию, которая только начинает привлекать внима-

ние исследователей. Недостаточная общетеоретическая база, характерная в настоящее время для модальности странного (далее — МС), требует более четкой и детальной разработки и на данном этапе вызывает необходимость говорить о названной категории лишь с подразумеваемой пометой «условно».

Учитывая бесконечное множество разновидностей субъективной модальности, при рассмотрении особенностей функционирования МС, на наш взгляд, целесообразно использовать понятие модальной рамки как структуры, в пределах которой говорящий или другой модальный субъект высказывает свое отношение к положению дел [6, 179]. Модальную рамку, в пределах которой функционирует МС, характеризует наличие определенного представления о картине мира и соотношении ее элементов с принятыми, с точки зрения субъекта, нормами и стереотипами.

В модальной рамке странного отмечаются различные аспекты, в соответствии с которыми происходит деление семантического пространства категории на три основных типа: гносеологический — странное как недоступное пониманию в связи с невозможностью определить причину, повлекшую собой в «работе стереотипа» [7, 5]; эмоционально-аксиологический — странное как «дивящееся», вызывающее удивление или страх, который является реакцией субъекта на необычное положение вещей, и ортологический — странное как неожиданное, непривычное, новое.

Средства обозначения МС располагаются по шкале, соединяющей точку крайней субъективности, которая выражает отношение субъекта к положению вещей и не обозначает само это положение, с другой крайней точкой, определяющей свойства объекта, не соответствующие, с точки зрения субъекта, нормативной картине мира. Между двумя крайними точками расположен непрерывный ряд языковых выражений, где субъективный аспект комбинируется с объективным [6, 181]. Следует иметь в виду, что странность может быть ориентирована не только на свойства объекта данной модальной рамки, но также и на восприятие субъектом явлений как странных.

По мнению некоторых исследователей, рассматриваемая модальность сопоставима с модальностью оценки, однако не тождественна ей [8]. «Странность», как и оценка, представляет собой структуру, где модальное значение накладывается на дескриптивное содержание высказывания. В модальной рамке оценки

присутствуют те же основные элементы, что и в модальной рамке странного: субъект модального отношения, эксплицитный или имплицитный объект, само модальное выражение и др. [6, 180].

Странное, как и оценка, является следствием отражения отношений между субъектом (с его собственной картиной мира) и объектом (действием, явлением, предметом), о котором у субъекта имеется мнение. Однако если для модальной оценки наибольший интерес представляет ценностная характеристика действий, предметов, явлений, то для МС ключевым оказывается представление о стереотипном положении вещей, т. е. соответствие так называемой нормативной базе. Отдельного внимания, по нашему мнению, заслуживает вопрос о «функциональной иерархии» названных модальных типов в пределах границ категории субъективной модальности.

Данный аспект не находит подробного отражения в известной нам литературе и затрагивается в ней лишь вскользь. Указанные модальные типы, по мнению исследователей, функционируют внутри разных модальных рамок.

В модальную рамку оценки, помимо оценочной шкалы, входят стереотипы, «на которые ориентируется оценка в представлении говорящих» [6, 181], т. е. те же представления о нормативной картине мира, которые характерны и для МС. По нашему мнению, возможно предположить наличие постоянного процесса взаимодействия МС и модальности оценки как подтипов определенного модального класса. Факт существования стереотипов (как элементов модальной рамки странного) в пределах территории функционирования модальной оценки является результатом подобного процесса взаимодействия — пересечения или частичного наложения двух модальных типов. Если наше предположение оказывается верным, то и в рамке МС мы должны обнаружить «следы» подобного взаимодействия.

По мнению некоторых исследователей, в речи на семантику странного как чуждого или неведомого накладывается резко отрицательная коннотация [7, 5], странное даже способно стать основой для пейоративного отчуждения [5, 57]. Таким образом, элементы оценочной шкалы «хорошо/плохо» («положительное / отрицательное») присутствуют в рамке МС, однако не могут фиксироваться в качестве «полноценной» системы. Отрицательные коннотации странного как непознанного, неизвестного, ве-

роятно, имеют связь с социальными факторами «незнания» и таким образом соотносятся с противопоставлением «я/не я» в картине мира [9, 131]. Тем не менее тот факт, что отрицательная оценка, которой наделяется «странное», является для данной категории абсолютной, т. е. единственно возможной, не должен восприниматься как аксиома.

Можно предположить, что в результате взаимодействия модальной рамки странного и модальной рамки оценки происходит «смещение» первой модальной категории на вторую. В данном случае важно иметь в виду именно подобную последовательность: модальная рамка странного (как «зависимая») накладывается на модальную рамку оценки, но не наоборот. При этом совпадения оценок «хорошо — норма» и «плохо — антинорма» не происходит, как должно было бы быть при полном наложении модальных рамок. Антинорма смещается в направлении оценки «плохо», а норма — к условному «нулю» данной оценочной системы координат, в которой МС функционирует на «прямой» от значения, приблизительно равного антинорме, в направлении нормы («нуля»). Было бы ошибочно наделять норму какой-либо конкретной оценкой — норма не может означать всегда «хорошо» или «плохо», она скорее «хорошо», нежели «плохо», или даже вовсе «нейтрально». Предположительно, и на прямой от нуля в направлении «плюс-бесконечности» должно находиться нечто, выходящее в данную систему определенное равновесие. Вероятность присутствия на указанной территории значений категории модальности странного, по нашему мнению, достаточно высока.

Модальность странного представляет собой отдельный фрагмент модальной оценочной картины и занимает вторичное положение по отношению к модальности оценки. Странность воспринимается на основе критериев «норма — антинорма», спроецированных на оценочную «ось» «хорошо — плохо». Отдаление модальных значений странного от нормы как от «нуля» данной системы координат прямо пропорционально приближению к околярной зоне модального поля странного, ядро которого составляют лексемы с корнем *стран-* [10].

Использование лексики, содержащей значения модальности странного, в текстах рекламы — прием, степень эффективности которого может оцениваться различно. С одной стороны, стран-

ное как неизвестное, непривычное вызывает повышенный интерес в связи с необходимостью проведения адресатом рекламного сообщения (далее — РС) идентификации — важно «разместить» незнакомое в сознании в соответствии с критериями собственной оценочной системы: «хорошо/плохо», «свой/чужой», «реальный/ирреальный», «соответствующий/не соответствующий норме» и т. д. Странное способно выступать в роли фактора, провоцирующего субъекта на необходимые рекламодателю действия — выбор/приобретение рекламируемого товара — с целью «ощутить» неизвестное, попробовать незнакомое и таким образом сформировать четкое представление о рекламируемом объекте в рамках собственной системы «норма — антинорма».

Несоответствие норме способно подтолкнуть субъекта к совершению выбора с целью устранить сбой в процессе функционирования системы норм и стереотипов. Тем более, если сам субъект находится в «эпицентре» ситуации, повлекшей за собой подобный сбой: *Стильный жакет от известного дизайнера, мобильный телефон последней модели, абонемент в престижный фитнес-клуб... Вы привыкли выбирать лучшее. Странно, что Вы еще не пользуетесь новой Oral-B Professional Care 7000 — самой эффективной зубной щеткой в мире (Oral-B)* и др. В данном случае фиксируется сбой в системе функционирования привычного, и именно это становится странным.

Привычное способно выступать в роли своеобразного детерминирующего фактора, вводя в систему «координат» адресата новое как необходимый элемент привычного. В таком случае странным становится не само новое, а, скорее, его отсутствие. Новое как неизвестное и непривычное может быть направлено на формирование у объекта рекламы ощущения выгодного отличия от окружающих, позволяющего выйти за пределы системы норм и стереотипов: *смещающая грани привычного* (Kent) и др.

Достаточно часто в текстах современной рекламы используется ортологический аспект МС, где элементы модальной лексики употребляются в значении нового как «неожиданно лучшего» по сравнению с «ожидаемым». То есть следует имплицитное указание на то, что рекламируемый товар характеризуется наличием особых (исключительно положительных) свойств: *Такого от семейного автомобиля ожидать не мог никто (Honda); Nissan Almera. Превосходя ожидания (Nissan); обувь превосхо-*

дящая ожидания [11] (Честер); *Freelance* — возможности, *которых Вы не ждали* (Excimer) и т. д.

С другой стороны, неопределенность, отсутствие какого-либо стереотипа вносит в сообщение эффект «рекламы от противного» [12, 38]. Новое, непознанное не только притягивает субъекта РС, но и пастораживает его. «Уже знакомое» занимает определенное место в системе норм и стереотипов субъекта, в то время как возможность соответствия странного «нормативно-оценочной базе» адресата РС на данный момент остается неизвестной.

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают случаи употребления прилагательного *новый* (и однокоренных слов) в рекламных текстах (далее — РТ). Отмечается параллельное функционирование двух семантических линий лексемы. Новое употребляется в РС в значении «непопятное, неизвестное и на данный момент необъяснимое»: *готовься к **новым** ощущениям!* (Maxwell House); *в следующий раз, отправляясь в Дубай, испытайте что-то **новое*** (Emirates); *испытайте **новую** радость* (Volvo); ***ново**. Практично. Каждый сам позолотчик с помощью водяной позолоты* (Складъ Техно-химических специальностей) и т. д. В указанных примерах интересующая нас лексема находится в сочетании со словами одной семантической группы, имеющей отношение к психофизической реакции субъекта (в текстах рекламы XX в.), или выражает уже обозначенную кем-то для субъекта оценку явления (та же психофизическая реакция, оценка как следствие) — последнее сообщение. Характерный (как первичный) для модальности странного в примерах РТ ортологический аспект имплицитно указывает на наличие связи со вторым аспектом МС — эмоционально-аксиологическим, также присущим данным сообщениям.

В текстах рекламы отмечается употребление лексемы «новое» и в значении «что-либо очередное» или «вновь созданное»: *дисплеи **нового** поколения доступны уже сегодня* (Samsung); *в **новом** Multivan вы чувствуете свободу* (Volkswagen); ***новый** способ увидеть больше* (Nokia); ***новая** тригонометрия. Рѣшеніе треугольниковъ помощью теоремы Агапова* (Дмитрій Агаповъ) и т. д. В этом случае говорить о наличии элементов модальности странного, по нашему мнению, ошибочно. Сообщения не направлены на передачу или формирование определенной реакции как отношения говорящего к каким-либо явлениям, предметам. Здесь,

на наш взгляд, возможно говорить о наличии в РТ лишь информационной нагрузки — передачи сведений о существовании или появлении нового как «еще одного из ряда».

Необходимо иметь в виду, что новое перестает быть новым, как только фиксируется системой сознания, проходит своеобразную идентификацию и начинает соответствовать каким-либо критериям, нормам, стереотипам, принятым субъектом. Так, новое как незнакомое переходит в группу нового как очередного. В этом случае представляется возможным выдвинуть предположение о наличии в категории модальности странного темпорального маркера. Странное может фиксироваться как явление узальное («страшно») и актуальное («страшно» здесь и сейчас).

Выше отмечалось, что, по утверждениям исследователей категории модальности странного, данный модальный тип расположен в плоскости отрицательной оценки. Однако, по нашему мнению, тексты современной рекламы предоставляют богатый материал, способный опровергнуть данное утверждение. Чтобы избежать эффекта «рекламы от противного», рекламодателям приходится выбирать такие аспекты модальности странного, которые имеют положительные семантические «координаты». Странное как реакция субъекта на какое-либо явление, связывая, например, с радостью или вызывающая удивление, не может находиться на отрицательном отрезке, но, бесспорно, относится к ряду значений МС. Именно на этом (положительном) участке семантического пространства уместно рассматривать такие лексические единицы, как *сон, чудо, диво, волшебство* т. п.: *ощутите волшебство праздников* (O. P. I.); *теперь вы можете обладать чудом* (AVON); *ощути магию чарующего взгляда и загляни в будущее* (Bourjois); *окупись в магию ночи. Новый SL65 — устоять невозможно* (Siemens); *ваши глаза широко откроются от изумления при виде этой очаровательной малютки* (Pentax) и т. д.

Использование указанных лексических единиц в текстах печатной рекламы в силу действия определенных психологических правил и законов (приятные образы и явления чаще воспроизводятся в памяти) оказывается достаточно эффективным приемом. Производные от названных лексем слова в сочетании с другими лексемами образуют некое семантическое единство, которое наделяет рекламируемый объект оттенком исключительности как обладающий особыми благоприятными для адресата

свойствами: новая **чудесная фантазия**, воплощенная в аромате (Estée Lauder); *серьезная техника может быть удивительно тонкой и легкой* (Samsung); *лен и хлопок касаются вашей кожи... создавая... атмосферу... пробуждающую столь чарующие и притягательные воспоминания* (Bellora) — семантика лексемы «пробуждающий» имеет прямую связь с лексемой модальности странного — сон и т. д.

Использование элементов модальности странного в рекламных текстах XIX в. отмечается значительно реже, чем в текстах современной рекламы. Раскрыть все причины, объясняющие существование подобного явления, не представляется возможным. Данный вопрос требует более четкого и детального рассмотрения. Однако, по нашему мнению, указанный факт может иметь отношение к специфике основных функций, которые характерны для рекламных сообщений названного периода.

Реклама XIX в., на наш взгляд, была ориентирована прежде всего на простое информирование субъекта о наличии (существовании) конкретного товара. Подобные рекламные сообщения характеризовало четкое, доступное субъекту изложение, такой рекламе не были свойственны мотивы «навязчивого убеждения» адресата.

Современные рекламные тексты, существующие в рамках предельно жесткой конкуренции, направлены на создание определенного образа товара, который должен выделяться на общем фоне, оставаться в памяти адресата именно благодаря нестандартности своего имиджа. В этом случае умелое употребление элементов категории модальности странного в рекламных текстах оказывается вполне уместным и оправданным.

Следует, однако, иметь в виду, что выдвинутое нами предположение относительно связи частотности употребления элементов МС и основной функцией РС разных столетий носит лишь предварительный характер. Необходимо также отметить, что и в современных РТ обнаруживается достаточно узкий набор лексических средств, передающих значения модальности странного с положительным либо, по причинам психологического характера, максимально сниженным отрицательным зарядом.

Категория модальности странного представляет собой особый лингвистический интерес не только в силу специфичности предмета, но также потому, что только начинает осваиваться

исследователями языка и сама по себе носит характер категории «странной» — неизведанной, незнакомой и, следовательно, пока еще в достаточной мере «чужой».

Примечания

1. Емельянова Е. В. Неопределенный артикль и авторская модальность в художественном тексте // Дialeктика текста / Под ред. А. И. Варшавской. СПб., 2003. Т. 2.
2. Арутюнова Н. Д. Истина и этика // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Н. К. Рябцева. М., 1995.
3. Толковый словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. М., 1988.
4. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1999.
5. Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке. М., 1989. С. 54.
6. Вольф Е. М. Оценка и «странность» как виды модальности. М., 1981.
7. Пушкарева О. В. Модальность странного: взгляд сквозь призму авторского сознания А. С. Пушкина: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1998. С. 5.
8. Захарова А. М. Модальность странного и ее воплощение в лирике А. Ахматовой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 1996.
9. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М., 2002. С. 131.
10. Подробнее о полевой структуре МС см.: [7, 7; 8, 15].
11. Пунктуация оригинального текста сохранена.
12. См. подробнее: Ценев В. Психология рекламы (реклама, НЛП, 25-й кадр). М., 2003.

Список источников

- Дмитрий Агаповъ — Нива. 1894. № 8. С. 191.
Складъ Техно-химическихъ специальностей — Нива. 1894. № 11. С. 262.
Честер — Домашний очаг. 2005. № 6.
Bellora — — Калининградские дома. 2005. Июнь.
Bourjois — Vogue. 2004. № 2.
Emirates — Власть. 2004. № 41.
Estée Lauder — Профиль. 2004. № 38.
Excimer — Kompjuttera. 2003. № 28.
Honda — Newswreck. 2005. № 20.
Kent — Vogue. 2004. № 2.
Nisan — Атмосфера. 2003. Апр.
Nokia — Dixis Club. 2005. № 7.
O. P. I. — Cosmopolitan. 2004. Ноябрь.
Oral-B — Караван историй. 2004. № 12.
Pentax — Gala. 2005. № 7—8.
Volkswagen — Cosmopolitan. 2005. Янв.
Volvo — За рулем. 1995. № 12.

СМИ КАК ФОРМА «ОБЩЕСТВЕННОГО ДИАЛОГА»*

Еще совсем недавно каждый из каналов массовой коммуникации обладал присущими только ему «природными» свойствами, которые напрямую были связаны с техническими возможностями получения и распространения информации. Пресса, радио, кино и телевидение использовали свои собственные подручные средства — печатный станок, микрофон, кино- и телекамеру.

Сегодня, когда Интернет полновластно вошел во все сферы человеческой жизни и наступил период интеграции информационных и коммуникационных технологий (период так называемой технологической конвергенции [1]), наряду с вопросом о перераспределении ролей традиционных СМИ, очень серьезно ставится вопрос о той роли, которую в создавшейся ситуации начинает играть аудитория информационных потребителей СМИ. Из пассивной массы коммуникантов (читателей, слушателей, зрителей и пользователей), поделенной на конкретные целевые группы, она превращается в аудиторию активных участников массовой коммуникации.

Известно, что общество функционирует и развивается лишь при условии социальной интеракции [2], социального взаимодействия между его членами, осуществляемого с помощью языка. Важнейшую роль при этом играет человеческое общение, языковая межличностная коммуникация. В данном контексте под коммуникацией понимается прежде всего акт общения, т. е. связь между двумя или более индивидами, основанная на взаимопонимании, а также передача информации одним лицом другому или ряду лиц.

Современная трактовка сущности коммуникации подчеркивает еще одну ее функцию: в качестве базисного элемента социальных систем коммуникация представляет собой особую фор-

* Впервые опубликовано в сб.: Язык современной публицистики / Отв. ред. Г. Я. Солганик. М., 2005. С. 31–43.

му взаимодействия людей. Это центральный механизм социального поведения человека в обществе [3], проводник его социальных установок, посредник в манифестации человеческих отпoшений.

Социальная природа языкового коллектива состоит в том, что, формируя условия для согласованного языкового общения, он, с одной стороны, создает необходимые предпосылки для включения каждого индивида в общий и единый процесс познания мира через конкретный язык, а с другой — диктует обязательные для каждого члена данного сообщества правила игры в процессе коммуникации. Общаться — значит, прежде всего, взаимно предоставлять друг другу в процессе коммуникации «осознанную свободу выбора» при формировании языковых единиц, которые строятся по определенным моделям конкретного языка (грамматика, синтаксис) и в то же время зависят от воли и возможностей партнера.

Динамика общения предполагает существование особого поля напряжения, возникающего между двумя полюсами из-за 1) необходимости следовать норме, что позволяет «сходное осмысление» конструируемых языковых единиц, 2) известной свободы выбора языковых средств выражения в процессе данного конструирования.

С этим связана потенциальная непредсказуемость результатов коммуникативной ситуации, которая является движущим механизмом, оптимизирующим сам процесс общения. Если бы коммуникация заключалась только в обмене ожидаемыми результатами, она превратилась бы в своеобразный механизм контроля, ограничивающий и сдерживающий возможности преобразования информации, циркулирующей в процессе общения. Следствием этого могла бы стать полная пивелировка человеческого сознания, развитие которого стимулируется качественными изменениями информации, постоянно возникающими в результате общения.

«Общение посредством языка обеспечивает человеку уверенность в своих силах и побуждает к действию. Мыслительная сила пуждается в чем-то равном ей и все же отличном от нее. От равного она возгорается, по отличному от нее выверяет реальность своих внутренних порождений... Отчетливо сознавая свою ограниченность, человек оказывается вынужденным рас-

смаатривать истину как лежащую вне его самого, и одним из самых мощных средств приближения к ней... является постоянное общение с другими» [4, 318]. Эта мысль, сформулированная Вильгельмом фон Гумбольдтом почти два века назад, кажется сейчас особенно актуальной. Общение является необходимым фактором познания, на «диалогический параметр» которого указывал также наш соотечественник и современник М. М. Бахтин [5].

Познание, осуществляемое с помощью языка, способствует созданию картины мира, представляющей целостную, содержательную интерпретацию окружающей действительности, т. е. слова определенным образом интерпретируют информацию о мире, нередко являясь способом оценки или конкретного воздействия на получателя соответствующей информации.

Информационный обмен лежит в основе всякого знания. *Знание и информация* по сути своей неразрывны, хотя между ними нельзя ставить знак равенства. Знание превращается в информацию только тогда, когда оно связано с возможностью его передачи другим людям, поэтому информация нередко рассматривается как знание, отчужденное от его индивидуального носителя и обобществленное в системе коммуникации.

При этом необходимо помнить о двойственном характере процессов, связанных с производством, хранением и передачей информации. С одной стороны, эти процессы зависят от человека, деятельность которого их определяет, а с другой — они в известной степени свободны от него, поскольку вызваны к жизни развитием социальных отношений, которые формируются независимо от сознания отдельного индивида, принимающего в них непосредственное участие и способного осознать их объективность.

Очень похоже складываются взаимоотношения между «чисто вещественным или материальным» бытием и бытием «языковым или словесным». «Однажды возникнув из отражения действительности, языковые знаки начинают жить своей собственной жизнью, создают свои собственные законы и становятся условно свободными...» [6, 102].

Принципиальное значение в этом контексте приобретает определение понятия *посредник-медиатор*. В русской культурно-исторической традиции идея медиации понимается как идея опосредования человеческого развития. В соответствии с этим выделяются *четыре главных медиатора* — *знак, символ, слово и*

миф. Вопросу о роли и месте медиаторов в процессе развития человека и его духовной культуры большое внимание уделяли представители религиозно-философской православной мысли В. С. Соловьев и П. А. Флоренский, к этой же проблеме обращались Л. С. Выготский, М. М. Бахтин и А. Ф. Лосев.

Согласно основным положениям данной философской концепции, создателем и носителем медиаторов является сам человек. Эвристическая функция медиаторов заключается в том, что это не только «инструменты» или «орудия» духовной деятельности, но и «аккумуляторы живой энергии, своего рода энергетические сгустки» [7, 5–19].

Благодаря деятельной природе медиаторов, их мощным энергетическим свойствам и слово, и символ, и миф могут обладать как созидательной, так и огромной разрушительной силой — достаточно вспомнить фашизм с его мифологией и символикой.

Важнейшее условие существования медиаторов состоит в том, чтобы люди относились к ним лишь как к посредникам, основываясь на свободной, осознанно-ответственной деятельности по их использованию. Когда медиаторы перестают быть только посредниками, они приобретают власть над человеком, их создавшим, никогда не оставаясь индифферентными или безучастными к тому, что опосредуют.

Являясь средством передачи определенной информации, язык тем самым воздействует на коммуникантов в процессе общения. Прагматическим свойством передаваемой информации является ее ценность (или полезность). Ценность же всякой информации, ее прагматический уровень, зависят от того, насколько данная информация способствует достижению поставленной цели, ведь общение напрямую связано с конкретным коммуникативным намерением (интенцией) [8, 23; 9, 100–115].

Опосредующее действие языка, обусловленное спецификой национального отражения, играет важнейшую роль в процессе интерпретации действительности и моделирования картины мира, формирующейся в рамках системы *коллективного знания*.

Сегодня основными поставщиками коллективного знания, или посредниками в его распространении, являются *СМИ*, под которыми понимаются не только технические средства, или каналы передачи информации, но также общественные организации и люди, задействованные в процессе распространения информации.

В настоящее время к средствам массовой информации относят:

- прессу, радио, телевидение;
- кинематограф, звукозаписи и видеозаписи;
- видеотекст, телетекст, рекламные щиты и панели;
- домашние видеоцентры, сочетающие телевизионные, телефонные, компьютерные и другие линии связи [10].

Учитывая вышесказанное, несколько дополним определение, сформулированное в «Философском энциклопедическом словаре» [11], согласно которому «массовая коммуникация — это систематическое распространение сообщений (через печать, радио, телевидение, кино, звукозапись, видеозапись, рекламу и Интернет. — М. В.) среди численно больших, рассредоточенных аудиторий с целью воздействия на оценки, мнения и поведение людей» [11].

Следовательно, распространение информации призвано способствовать оценке окружающего мира, определенным образом воздействуя на общественное сознание и моделируя соответствующую картину мира. Выполнение подобной сверхзадачи непосредственно связано с основными свойствами СМИ:

- обращенностью к массовой аудитории,
- общедоступностью,
- оперативностью.

Появившись вначале как чисто технические способы фиксации, трансляции, консервации и тиражирования информации, СМИ очень скоро превратились в мощнейшее средство воздействия на массовое сознание. Поставляя соответствующую информацию, СМИ включаются в процесс и результаты социальной коммуникации, оказывая воздействие на членов конкретного государственно-коммуникативного сообщества, которые существуют в определенных общественно-социальных и политических условиях.

Особую значимость в данном контексте приобретает вопрос регулирования общественного мнения посредством СМИ. Если считать, что использование информации напрямую связано с проблемой управления, то средства массовой информации, рассчитанной на массовое потребление, можно рассматривать как особую социально-информационную систему, выполняющую функции ориентации [8, 13].

Отмечая глобальные изменения в современном информационном обществе, связанные с непрерывно развивающимися возможностями массовой коммуникации, необходимо иметь в виду, что эти изменения влияют не только на условия жизни, но прежде всего на способ мышления и систему восприятия современного человека. СМИ представляют собой модус, который обнаруживает свое воздействие во всех сферах жизни.

В этой связи хотелось бы обратить внимание на то, что в американских и европейских работах по теории массовых коммуникаций представлены два противоположных подхода к проблеме воздействия СМИ: противопоставляются концепции *«сильного и минимального воздействия»* [12].

Так, известный американский исследователь У. Шрамм проповедует изучение «незаметных долгосрочных эффектов массовых коммуникаций», Б. Дефлер и Сандра Болл-Рокич, авторы книги «Теории массовых коммуникаций», считают необходимым изучать влияние масс-медиа на изменение системы мнений и убеждений человека, немецкая исследовательница Элизабет Нолле-Ньюманн отстаивает концепцию всеобщего воздействия средств массовой информации.

Противники этого подхода стремятся показать, что главным воздействующим фактором масс-медиа является усвоение с их помощью новой информации. Это означает: СМИ говорят человеку не то, *что* ему нужно думать, но *о чем* ему *следует задуматься*.

Дискуссии такого рода заставляют напомнить определение основных функций языка газеты, сформулированное нашим соотечественником Г. О. Винокуром еще в 20-е гг. прошлого столетия: «Если язык вообще есть прежде всего некое сообщение, коммуникация, то язык газеты в идеале есть сообщение по преимуществу, коммуникация, обнаженная и абстрагированная до крайних мыслимых своих пределов. Подобную коммуникацию мы называем “информацией”... Газетное слово есть, конечно, тоже слово риторическое, т. е. слово выразительное и рассчитанное на максимальное воздействие. ...однако главной и специфической особенностью газетной речи является именно эта преимущественная установка на голое сообщение, на информацию как таковую» [13]. Это классическое определение, связанное с представлением о месте и роли прессы в обществе, находит сейчас много единомышленников [14].

Необходимо подчеркнуть, что слово в массовой коммуникации обладает повышенной престижностью. Общеизвестна магия печатного слова и слова, звучащего по радио или телевидению [15, 2]. Средствами массовой информации создается особый аудиовизуальный мир, воздействию которого вольно или невольно подвергается каждый из нас, что заставляет серьезно ставить вопрос об ответственности СМИ перед обществом [16, 9–31].

Весьма интересным в связи с этим представляется мнение Мак Куэйла, американского исследователя в сфере СМИ: «Предположение о потенциальной ответственности средств массовой информации перед обществом не связано с представлением о какой-либо единственно возможной форме их функционирования, или предпочтительности (с точки зрения общества) одних целей или эффектов их деятельности над другими. Это также не означает, что средства массовой информации обязаны следовать определенной версии “потребностей общества” или выполнять миссию, определенную политиками. Достаточно сказать, что в демократическом обществе, очевидно, существуют основания того, чтобы спорное заявление рассматривать через соотнесение с некоторыми широко распространенными ценностями и в соответствии со специфическими обстоятельствами. Содержание последних состоит в том, что средства массовой информации должны или не должны делать некоторых конкретных вещей по причинам широкого или долгосрочного выигрыша для общества.

В целом концепция общественных интересов является изменяющейся и отчасти противоречивой. Причем без направляющей посылки об общественной роли средств массовой информации чрезвычайно сложно обсуждать вопросы социально-нормативных принципов последних» [17, 179–180].

Иначе ставится вопрос об общественной роли СМИ в последней работе немецкого социолога Никласа Лумана «Реальность масс-медиа» («Die Realität der Massenmedien») [18]. Опираясь на свою теорию, согласно которой члены конкретной социальной системы «наследуют» общую модель действительности с общими когнитивными, эмотивными и нормативными принципами ее восприятия, Луман в названной книге говорит о реальности, конструируемой средствами массовой информации.

Немецкий исследователь рассматривает масс-медиа (СМИ) как одну из автономных, оперативно закрытых функциональ-

ных систем современного общества, постоянно растущее значение которой обеспечивается техникой тиражирования и распространения посетителей информации. К СМИ Луман относит все общественные учреждения, которые пользуются техническими множительными средствами с целью распространения информации (Интернет, таким образом, не является объектом его анализа).

С точки зрения Лумана, почти все, что нам известно об обществе и окружающем мире, мы узнаем через средства массовой информации, к которым тем не менее чувствуем недоверие, подозревая возможность манипулирования. Знания, полученные нами с помощью СМИ, как бы сами собой складываются в замкнутый каркас, элементы которого прочно укрепляют друг друга [19; 20, 33–35].

Эти знания, согласно Луману, в современном обществе заменяют те ценностные ориентиры, хранителями и проводниками которых в иной ситуации выступают старейшины, церковь и др. Общество передоверяет важнейшие функции самонаблюдения системе СМИ, и эта система сама выбирает предмет своего внимания, определяя информационную ценность конкретных категорий тем [21].

СМИ формируют *социальную память*, избирательно (selektiv) фиксируя, о чем следует помнить, а что следует забыть. Память, созданная масс-медиа, является, по мнению Лумана, основой коммуникации, которая как триединство информации (содержания), сообщения (передачи содержания) и понимания образует вторую «фоновую» реальность. Значение основных массмедийных форм коммуникации — *сообщений, развлечения и рекламы* — Луман видит в том, что они создают условия для дальнейшей коммуникации, предполагающей наличие заведомо известных представлений о реальности, созданной системой масс-медиа.

Указывая на отсутствие взаимодействия, обратной связи между отправителем и получателем информации в рамках массмедийной системы, Луман делает вывод о том, что СМИ выступают отнюдь не как посредники, передающие информацию, — они конструируют собственную реальность, в которой господствует самореференция (отсылка к событиям, [вос]созданным все теми же СМИ).

Нужно сказать, что немецкий исследователь лишь констати-

рует многие явления, не задаваясь целью объяснить их причины, однако нельзя не согласиться с тем, что социальная значимость СМИ представлена в его работе достаточно ярко.

Особенно важным представляется тезис Лумана об отсутствии взаимодействия между отправителем и получателем информации в рамках СМИ. Именно оно способствует той самореференции, которая неизбежно приводит к конструированию собственной реальности, создаваемой средствами массовой информации.

Следует отметить, что *понятие обратной связи, интерактивности*, непосредственно связанное с понятием *диалогичности*, приобретает в сфере современных СМИ особое значение. «Любое средство массовой информации, любое издание, радио- и телевизионная программа стремятся к тому, чтобы установить максимально контактные диалоговые отношения со своими читателями, слушателями, зрителями» [22, 80].

Это стремление следует рассматривать как жизненно необходимое условие функционирования СМИ в нашем обществе. «Диалогическая коммуникация» в системе СМИ должна способствовать формированию новой среды общения, в которой «граждане, ставя вопросы, согласуя свои позиции и представления, начинают взаимодействовать», благодаря чему «образуются силы социального сцепления в противовес глубокому разобщению в российском обществе» [23, 157].

Гражданская активность в процессе информационного обмена, ведущего к взаимопониманию, или «общественный диалог», — возможно, это и есть ответ на вызов времени.

Примечания

1. См.: От книги до Интернета: Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия / Отв. ред. Я. Н. Засурский и Е. Л. Вартанова. М., 2000. С. 52.
2. *Социальная интеракция (social interaction)* понимается как социальное взаимодействие — процесс воздействия индивидов, социальных групп или общностей друг на друга в ходе реализации их интересов.
3. См.: *Luhmann N. Soziale Systeme*. Frankfurt/M., 1985.
4. *Гумбольдт В. фон* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
5. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986.
6. *Лосев А. Ф.* Знак. Символ. Миф. М., 1982.
7. *Зинченко В. П.* Культурно-историческая психология: опыт амплификации // *Вопр. психологии* 1993. № 4. С. 5–19.
8. См.: *Урсул А. Д.* Информация и мышление. М., 1970.

9. См.: *Кобозева И. М.* Лингвопрагматический аспект анализа языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М., 2003. С. 100–115.
10. См.: Глоссарий. ру: экономические и финансовые словари. 2001.
11. См.: *Философский энциклопедический словарь.* М., 1989.
12. См.: *Денис Э., Мэррил Л.* Беседы о масс-медиа. М., 1977.
13. *Винокур Г. О.* Язык газеты. М., 1923.
14. См.: *Altshull J. N.* Agents of Power: the role of the news media in human affairs. N. Y.; L., 1984.
15. См.: *Степанов Г. В.* // Лит. газ. 1984. 27 июня.
16. Подробнее об этом см.: *Володина М. Н.* Язык СМИ — основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Отв. ред. М. Н. Володина. М., 2003. С. 9–31.
17. Цит. по: *Назаров М. М.* Массовая коммуникация в современном мире. М., 1999.
18. *Luhmann N.* Die Realitdt der Massenmedien. 2., erweiterte Auflage. Opladen, 1996.
19. См. также: [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.berlinerzimmer.de/ortmann/studium/luhmann.html>; <http://www.strana-oz.ru/?numid=13&article=621>
20. См.: *Володина М. Н.* Язык СМИ — особый язык социального взаимодействия // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Отв. ред. М. Н. Володина. М., 2004. Ч. 2. С. 33–35.
21. С этим положением по-своему перекликается тезис известного канадского исследователя Маклюэна: «The medium is the message» (*Средство коммуникации есть сообщение*), в соответствии с которым общественная значимость события, степень его важности определяется сообщениями об этом событии по каналам массовой коммуникации.
22. От книги до Интернета: Журналистика и литература на рубеже нового тысячелетия / Отв. ред. Я. Н. Засурский и Е. Л. Вартанова. М., 2000.
23. *Реснянская Л. Л., Фомичева И. Д.* Газета для всей России. М., 1999.

© Т. А. Гридина
г. Екатеринбург

КУЛЬТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ КОДЫ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Феномен игры как чрезвычайно многослойное и многофункциональное явление издавна привлекает внимание философов, психологов, культурологов, литературоведов и лингвистов. При рассмотрении игры как вида человеческой деятельности в разных парадигмах научного знания в фокусе внимания оказываются и специфические, и общие (основополагающие) ее параметры. К параметрам, определяющим культурно-эстетическое содержание данного феномена, которые могут быть спроециро-

ваны на художественное творчество, можно отнести следующие:

- игра — освобождение человека от утилитарной природной зависимости, создание «пространства» творческой свободы (Й. Хейзинга); в частности, игра рассматривается как стихия естественной, народной культуры, свободной от социальных ограничений, «карнавализация» бытия (М. Бахтин);

- игра — род искусства, хотя границы игры шире области искусства (М. Эпштейн);

- игра есть одновременно и импровизация, и следование правилам;

- игровое поведение характеризуется двуплановостью восприятия (Ю. Лотман), способностью созерцать одновременно воображаемое и истинное положение дел (Л. С. Выготский).

В художественном творчестве игра выступает как категория мировоззренческая и культурно-эстетическая, транслируя авторский образ мира в системе координат избранной игровой модели. «Система моделей, — указывает Эдвард де Боно, — очень эффективный способ обработки информации. Стоит создать такие модели, и они становятся своего рода кодом. ...вместо того, чтобы набирать всю информацию, человек собирает ее столько, сколько необходимо для определения закодированной модели, к которой он потом обращается» [1, 11]. Применив это положение теории переработки информации к игровому коду, спроецированному на область искусства, можно отметить, во-первых, продуктивность использования его как одной из реализаций творческой стратегии художественного изображения (создания художественной модели) действительности; во-вторых, репрезентативность исследования игрового кода в художественном дискурсе для выявления сущностных и специфических параметров, составляющих феноменологию игры в ее разных функциональных ипостасях. Проблема игровой природы художественного текста активно разрабатывается в рамках теории игровой поэтики, в основу которой положены многочисленные исследования, посвященные изучению роли игры в культуре [2]. Опираясь на теоретические источники, анализирующие разные аспекты «литературных игр», А. М. Люксембург выделяет ряд художественных принципов, «которые характерны для игровых текстов и присутствуют в них в различных комбинациях» [Там же, 515].

К этим принципам относятся игровые стратегии построения текста, создающие возможность его неоднозначной интерпретации, опрокидывающие ожидания читателя и заставляющие его искать «более глубокие смысловые слои», замаскированные «обманчивой фабулой» и другими типами игровых ловушек. Игровой текст конструируется по принципу «лабиринта», выход из которого предполагает «считывание» авторской интенции и получения от этого эстетического удовольствия. Основной лингвистической составляющей игрового стиля является языковая игра [3].

Таким образом, языковая игра (далее ЯИ) в художественном творчестве является одним из средств достижения эффекта эстетического воздействия, связанного с трансляцией культурно значимой информации и моделированием «поля» для метаязыковой проекции читателя. Сущностной характеристикой ЯИ является ее ассоциативно-интерпретационное начало [4], что в художественном тексте должно способствовать актуализации его глубинных смыслов, создавая перспективу неоднозначного («многослойного») восприятия авторского замысла. В художественном тексте ЯИ имеет культурно-эстетическую востребованность. Выступая как одна из составляющих формы художественного текста, ЯИ обеспечивает с помощью специального, нестандартного лингвистического кода привлечение внимания к значимости самой этой формы, парадоксально заостряя мысль автора. ЯИ может включаться в авторский текст как «вкрапление», может пронизывать весь текст, но во всех случаях она остается элементом художественной формы, активизирующим (акцентирующим, деавтоматизирующим) восприятие определенного аспекта содержания.

Интересен и сам спектр принципов ЯИ в художественном тексте, и индивидуальность их использования разными писателями (поэтами) — с точки зрения моделируемых на основе принципов ЯИ интерпретационных стратегий.

Исследование культурно-эстетических кодов ЯИ в художественном тексте позволит уточнить специфические для данной сферы проявления (функции, формы) «игротворчества».

В литературоведении и в лингвистике проявления принципа ЯИ рассматриваются преимущественно в связи с реализацией комического эффекта на основе каламбура и игры слов (сами

эти понятия отождествляются или противопоставляются) [5]. Однако каламбур как одна из форм реализации принципа ЯИ не покрывает всего спектра ее речевых реализаций, в частности, в художественном тексте, где языковая игра не ограничивается только функцией достижения эффекта комического воздействия.

Функции любого лингвистического феномена следует рассматривать, с нашей точки зрения, исходя из его сущностных характеристик. Считаем, что творческая природа ЯИ проявляется в создаваемых ею условиях варьирования формы и содержания словесного знака. Эти условия ЯИ предопределяются, во-первых, осознанием тех возможностей манипулирования знаком, которые онтологически (генетически) заданы свойством асимметрии языкового знака, во-вторых, предпосылками ЯИ, заключающимися в представлении говорящих о зонах ассоциативных формально-семантических пересечений знака (слова) в системе: ср. парадигматические, синтагматические, иерархические, эпидигматико-derivационные связи слов, определяющие различные аспекты их восприятия и соответственно интерпретации. Вероятностно-интерпретационное начало ЯИ («бесконечная интерпретационная валентность знака», по А. Ф. Лосеву) создает возможность «экспериментальной» проверки познающих закономерностей функционирования знака при намеренном отступлении от языкового канона. Как форма лингвокреативного мышления, ЯИ моделирует (при помощи лингвистических механизмов формально-семантического варьирования языковых единиц) ассоциативный контекст интерпретации знака, основанный на переключении, ломке и одновременной актуализации эталонных (стереотипных) представлений об определенном языковом феномене. Иначе говоря, ассоциативный контекст единиц ЯИ в художественном тексте требует от читателя проявления лингвистической креативности — способности к выведению использованного автором алгоритма создания, трансформации, контекстуального варьирования семантики вербальных знаков и т. п.

Особенностью художественного текста как сложной эстетически ориентированной системы является то, что это текст, многократно «закодированный» [10]; восприятие литературно-художественного произведения «базируется на множестве межтекстовых и внетекстовых связей... что порождает разную степень

насыщенности его интертекстами разного рода: от явной репрезентации до скрытой...» [11, 67]. Языковая игра позволяет моделировать многомерные ассоциативные связи художественного текста, выступая особым лингвистическим кодом трансляции культурно-эстетической информации.

Для характеристики проявлений ЯИ в художественном тексте следует, таким образом, обратиться к анализу ассоциативных параметров слова, определяемых его функционированием в системе художественного произведения. Наметим некоторые тенденции обнаружения ассоциативного потенциала слова в художественном тексте, использующем разные культурно-эстетические коды ЯИ:

1. Языковая игра часто является актуализатором социально-культурного и историко-литературного фона восприятия слова в художественном тексте. Проявлениями ЯИ в таких случаях выступает аллюзия и как разновидность ее — обращение к прецедентным текстам (фразеологизмам, цитатам, крылатым выражениям, названиям литературных произведений и т. п.). Игра с прецедентными текстами характерна для иронической поэзии и прозы. Например: *Я другой такой страны не знаю, где так вольно, быстро и кругом* (И. Губерман. Иерусалимские гарики) — аллюзивное обыгрывание (ситуативная трансформация) строки из песни «Широка страна моя родная» с целью дискредитации апологетики советского строя и образа жизни. Ср.: *Если прислушаться к звукам, доносящимся из кабинетов, можно немало узнать о тех, кто стоя у доски... сеет в пределах школьной программы разумное, доброе, вечное* (Ю. Поляков. Работа над ошибками) — ироническое обыгрывание некрасовского «*сейте разумное, доброе, вечное*», получившего в культурно-историческом контексте значение указания на высокую миссию учителя. Конкретизирующая ситуативная «вставка» (*в пределах школьной программы*) создает оценочно снижающий подтекст аллюзивного высказывания. Культурно-эстетический код ЯИ нередко обращен к интертекстуальной актуализации символики художественных произведений. Так, в стихотворении Ю. Левитанского «Ялтинский домик» использованы в качестве образных символов названия чеховских произведений, введенные в текст как обычные апеллятивные номинации, а также перефразированный афоризм о «ружье, которое обязательно должно выстрелить в

последнем акте пьесы». Эти приемы ЯИ создают эстетический эффект острашения и служат парадоксальному заострению философской мысли о связи времен и поколений и в целом углублению ассоциативности текста: *Годы куда-то уносятся, чайки летят/ Ружья на стенах висят, да стрелять не хотят/ Грустная лампа в окне мезонина /Чай на веранде, вечерних теней мешанина/ Белые бабочки вьются над желтым огнем/ Дом заколочен, и все позабыли о нем/ Дом заколочен, и нас в этом доме забыли/ Мы еще будем когда-то, но мы уже были.../ Пахнет грозью, в погоде видна перемена/ Это ружье еще выстрелит — о непременно! /... Дышит в саду запустелом ночная прохлада/ Мы старомодны, как запах вишневого сада...*

Культурно-эстетический код аллюзивной ЯИ может быть связан и с собственно речевыми феноменами, транслирующими определенный тип сознания. Так, разновидностью обыгрываемых прецедентных текстов выступают клише, к которым относятся «идеологические» речевые ярлыки, образные штампы публицистики, «канцелярит» как стилистически инородный элемент разговорной речи и т. п. Аллюзия выступает в таких случаях как отсылка к стандарту, которым автор художественного текста прикрывает, маскирует свое понимание ситуации, избегая прямого, лобового способа выражения оценочного (иронического) отношения к изображаемому. Достижение эстетического воздействия при обыгрывании клишированных, стилистически маркированных единиц речи определяется ролью этих средств в создании «виртуальной реальности» художественного произведения (эта художественная модель мира в качестве одной из составляющих имеет речевую доминанту образа автора и персонажей). Так, в повести А. Платонова «Чевенгур» эклектичный (парадоксальный) стиль речи героев обнажает абсурдность мировоззренческих установок пропагандистов и проводников голой революционной идеи. Форма речевой характеристики персонажей, избранная автором, служит сигналом игры с читателем: использование идеологизированных речевых клише (идеологем) в сочетании с элементами просторечия, неграмотностью синтаксических построений и семантической аномальностью высказываний демонстрирует низкий интеллект героев, воссоздают искаженную картину мира личности, дезориентированной относительно истинных общечеловеческих ценностей. ЯИ

заключается в создании А. Платоновым такой речевой ткани произведения, которая высвечивает картину сознания героев, действующих, казалось бы, в реальных условиях, но на самом деле паходящихся в плену идеологических иллюзий, в мире переальном. Ср. характеристику персонажей через авторскую непосредственно прямую речь: *Здесь казаки несли слабую бдительность* (превращение словесного штампа *проявлять бдительность*, одного из выхолощенных революционных лозунгов, в семантически аномальное словосочетание); *...люди ...готовые неизбежно умереть в обиходе революции* (аллюзивная контаминация прецедентных клише-идеологем «*умереть за дело революции*» и «*вера в неизбежную победу революции*» создает парадоксальный трагикомический смысл выражения). В прямой речи героев «Чевенгура» также обыгрывается смысловая опустошенность многих идеологических клише. Так, карикатурность фигуры Копенкина (одного из героев повести), страстного революционера, сделавшего своим кумиром «прекрасную девушку Розу Люксембург», подчеркивается гиперболизацией пафосного начала агитационного стиля его речи: *Давайте выпьем... в память прекрасной девушки Розы Люксембург! Я клянусь, что моя рука положит на ее могилу всех ее убийц и мучителей!*

Можно, таким образом, выделить **аллюзивный принцип ЯИ**, при котором источником новой ассоциативной обработки становятся прецедентные феномены, прецедентные ситуации и прецедентные тексты (см. определение этих понятий в: [12]). Аллюзия «реализует разнообразные прагматические пресуппозиции, поскольку соединяет содержание общеизвестного факта культуры с новым авторским содержанием» [13]. Думается, что именно последнее обстоятельство (в том числе и соединение прецедентного текста с новым содержанием) дает возможность рассматривать аллюзию в художественном тексте как одно из проявлений лингвокреативной природы ЯИ (причем вовсе не обязательно комической по своей установке).

Прецедентный текст можно рассматривать как ассоциативную культуเรму, которая всплывает в сознании говорящего в виде аллюзии или реминисценции. Прецедентный текст, следовательно, выступает как ассоциативный стереотип восприятия слова в его культурологическом контексте, соответственно у каждого носителя языка предсказуемость появления подобных

реакций зависит от уровня языковой компетенции, владения культурно-национальным компонентом лексического фона слова [14]. Оперирование прецедентными текстами в случае установки говорящих на ЯИ имеет две разновидности:

- отсылка к прецедентному тексту (его употребление в новой ситуации);

- перефразирование прецедентного текста, введение его в новый ассоциативный контекст на основе нестандартного вербального кода.

Выступая как результат ЯИ с прецедентными феноменами, аллюзия вызывает ассоциативный парадокс восприятия какого-либо общеизвестного факта, основанный на неожиданной переключке контекстов, образующих игровой план художественного произведения

2. Языковая игра выполняет в художественном тексте **имитативную функцию**. Данная функция может варьироваться в пределах от частного приема речевой характеристики персонажа, речевого портрета автора до использования имитации как стилиевой доминанты художественного текста (например, в целях пародирования).

Имитативный принцип языковой игры в художественном тексте выражается в установке на «опознаваемость» прототипных черт в используемом автором речевом коде текста. Данный принцип имеет две основные формы проявления: **воспроизведение** (например, усиление достоверности речевой характеристики персонажей при использовании реальных фактов речи, отмечаемых в той или иной сфере общения) и **подражание, изображение** (например, прием речевой «маски», усиливающий выразительность авторской речи). При этом любая имитация в художественном тексте пропущена через призму социально-культурных оценок того или иного типа речевого поведения. Изобразительная форма имитативности предполагает приемы косвенного указания на объект подражания (прототип). Сюда относятся, в частности, звукоподражательная и звукосимволическая имитация, пародирование, жанрово-речевая стилизация (ср. стиль сказа, стиль раешника) и т. п.

Имитативный принцип ЯИ в художественном тексте следует рассматривать в двух аспектах:

- обыгрывание (воспроизведение) эффекта речевых анома-

лий, встречающихся в живом (естественном) функционировании языка, в том числе и фактов преднамеренного нарушения канона как проявлений ЯИ с целью создания комического эффекта вне сферы художественного творчества;

— моделирование «имитативного поля» восприятия языковых единиц в художественном тексте при помощи специальных приемов ЯИ.

Культурно-эстетический код ЯИ, основанной на имитативном принципе, заключается в актуализации (акцентировании, пародировании и т. п.) специфических черт речевого поведения (и следовательно, культуры) разных социальных страт общества; этот тип ЯИ исследует и собственно художественный стиль речи (эстетической оценке подвергается индивидуальный стиль конкретного писателя или целого литературного направления). Пародирование и стилизация — метаязыковые формы имитативной игры — обнажают художественный вкус конкретной эпохи и/или литературные пристрастия конкретного автора-имитатора.

Мастерское применение имитационного принципа ЯИ для характеристики купеческого сословия находим у А. Н. Островского. Художественное изображение языка купцов в его пьесах высвечивает и комически заостряет свойственные данному «феномену» колористические черты: сочетание экспрессии просторечия с иноязычными вкраплениями, наслоениями книжной «образованности» и стремлением к высокому слогу. Ср., например, обыгрывание употребления иностранных слов в речи героев пьес А. Н. Островского: *Если вы решили задушить меня в своих объятиях, то я **апеллировать** не буду*. Искусственность таких «полуварваризмов» подчеркивает претенциозную манеру выражения, желание показать свою «образованность». Как яркая характеристическая черта речевого поведения героев А. Н. Островского обыгрывается искажение ими иноязычных слов (черта, имитирующая освоение заимствований в сфере купеческого просторечия): *«Эльдорада»* (Эльдорадо), *фабрикация* (фабрикат); преобразование русских слов на иностранный манер: *асаже* (от глагола *осадить* «резко оборвать увлекшегося чем-то человека»). В речи купцов в изображении А. Н. Островского воспроизводится и свойственное ей естественное игровое начало. Например, каламбурный характер имеют такие единицы купеческого языка, как *высоко-ничего* — ироническое обозначение

ние титулования (ср. высокоблагородие); энантиосемические номинации: *ученый* — ирон. «такой, которого приучали к чему-нибудь побоями»; эвфемизмы: *благодарность* (фиг.) — взятка; фразеологизмы типа *копейка у ней гвоздем прибита* (об очень скупой женщине) и т. п. Стилизация занимает промежуточное положение между собственно характерологической имитацией естественной речи и моделированием искусственного аналога той или иной формы, манеры речи. Имитационный эффект пародийной стилизации основан на опознаваемости в смоделированном объекте (тексте) черт прототипа, которые выступают в заостренном и деформированном виде. Такая имитация часто представляет собой стилистический эксперимент, транслирующий особенности писательской манеры с целью комического подражания ей и/или дискредитации определенного художественного почерка (в том числе в рамках целого литературного направления, метода, жанровой формы). Ср. пародию А. Архангельского «Главцемент» на роман Ф. Гладкова «Цемент». Объектом обыгрывания становятся производственная тематика, тяжеловесность и искусственность языка оригинала: *Булькотело... море; у Глеба задрожали поджилки и сердце застукотело дизелем; задымилась голубые трубы, застукотели маховики, забрахолили цилиндры печей, колеса электропередачи закружились в различных пересечениях, наклонениях, спряжениях, числах, надежах*. Культурно-эстетический код ЯИ в утрированном виде транслирует особенности одного из жанровых ответвлений метода соцреализма, при этом читатель расценивается автором как потенциальный партнер, способный оценить остроумный пародийный «перифраз» и увидеть изображаемое в неожиданном ракурсе.

3. Языковая игра выполняет в художественном тексте функцию активизации лингвокреативных возможностей читательского восприятия, стимулируя эвристический поиск смыслов, требующих декодирования с учетом языковой формы.

Эта функция соответствует образно-эвристическому принципу ЯИ в художественном тексте, который предполагает использование специфических для художественной речи средств выразительности, открывающих перед читателем неожиданный ракурс восприятия авторского слова и стоящего за ним смысла, который при этом не предполагает однозначного прочтения.

Образная эвристика ЯИ в художественном тексте определяется возможностями творческого эксперимента с языковыми значениями и формами, выявляющими специфику самих механизмов (в том числе повторских приемов) эстетического воздействия художественной речи. Различные приемы ЯИ в художественном тексте (в том числе создание тропов), деавтоматизируя восприятие знака, обнажают сам процесс его создания, включая читателя в этот процесс как сотворца. Не ставя перед собой цели описать данный принцип ЯИ в рамках небольшой статьи, приведем в качестве иллюстрации стихотворение С. Кирсанова «Новое НЕО», в котором ЯИ моделирует ассоциативное поле восприятия слов с компонентом НЕО. ЯИ актуализирует мотивационные механизмы восприятия семантики слова. Ср.: *В поисках рифмы на «небо» я набрел в словаре на «нео» — «НЕО-ФИТ», «НЕОЛИТ», «НЕОДИМ»... Наверное, я НЕ ОДИН, удивившийся этому «нео». Может быть, так с корабля открыватель земель увидел остров БорНЕО!* (первый ассоциативный ряд, актуализирующий собственно значение НЕО как этимологического элемента мотивационной формы слов; омофоническая игра НЕОДИМ — НЕ ОДИН стимулирует читателя к поиску новых, неожиданных смыслов слов с элементом НЕО. — Примечания здесь и далее наши. — Т. Г.). *И мне захотелось, чтобы мир начинался с «НЕО»: НЕОМИР, НЕОДЕНЬ, НЕОЖИЗНЬ!...НЕОСВЕТ, НЕОДОМ* (второй ассоциативный ряд, состоящий из окказиональных лексем, открывает перед читателем возможность испытать повизну мироощущения, создав в собственном воображении соотносительный с каждым словом образ обозначаемого). *Пусть он будет всегда НЕОткрытым, НЕОбычным и НЕОбжитым* (третий ассоциативный ряд актуализирует мотивационный механизм выводимости и наложения смыслов узуальных слов и их игровых трансформ: ср. неоткрытый «неизвестный» — НЕОткрытый «только что открытый» или «вновь открытый», «открытый заново» и т. д.) ...*О, мое новое «нео»! Мое озаренье мгновенное, небо мира НЕОбыкновенное! Так у речи на дне мне открылись подробности будущих слов и их НЕОбъятные возможности* (финал не подводит итога, не закрывает читателю путь к поиску новых «подробностей будущих слов»).

Экспериментальная (инструментальная) составляющая данного принципа языковой игры ярко выражена, и именно она

выступает в данном случае в качестве доминирующего фактора эстетического переживания, обнаруживая эвристическую силу рефлексии над формой и содержанием знака.

Выделенные принципы ЯИ не всегда предстают в чистом виде, а чаще перекрещиваются как в плане актуализируемых видов культурной информации, так и в плане языковой техники. Это естественное слияние еще в большей степени свидетельствует в пользу изучения ЯИ как «многоканального» лингвокультурного феномена.

Примечания

1. Боно Э. де. Латеральное мышление. СПб., 1997.
2. Люксембург А. М. Отражения отражений: Творчество Владимира Набокова в зеркале литературной критики. Ростов н/Д, 2004.
3. Рахимкулова Г. Ф. Олакрез Нарцисса: Проза Владимира Набокова в зеркале языковой игры. Ростов н/Д, 2003.
4. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996.
5. Ср.: каламбур = игра слов; «...в основе каламбура лежит звуковое сходство/подобие языковых единиц, сближаемых в высказывании и вызывающих эффект одновременной актуализации значения или двусмысленности» [6, 7]. Разновидностью каламбура являются, в частности, все виды гибридизации [7]. С другой стороны, каламбур не есть игра слов [8], так как не всегда основывается на столкновении двух слов и их значений, но может иметь место при столкновении значений одного и того же слова. Кроме того, в основе каламбура не всегда лежит только звуковое сходство: «Каламбур — это шутка, основанная на смысловом объединении в одном контексте либо разных значений одного слова... тождественных или сходных по звучанию, либо псевдосинонимов, либо псевдоантонимов» [9, 75].
6. Щербина А. А. Сущность и искусство словесной остроты (каламбур): (к вопросу о специфике языкового мастерства в русской советской комедии). Киев, 1958.
7. Костюков В. М. Гибридные слова — средство комического // Рус. речь. 1987. № 6.
8. Уварова Н. Л. Логико-семантические типы языковой игры (на материалах английской диалогической речи): Дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1986.
9. Санников В. З. Каламбур как семантический феномен // Вопр. языкознания. 1995. № 3.
10. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л., 1972.
11. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа. М., 2004.
12. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность. М., 1998.
13. Субботина М. В., Нижегородова Е. И. Аллюзия: лингвистический аспект // Слово: Материалы межвуз. науч. конф. Тамбов, 1995.
14. Караулов Ю. Н. Текстовые преобразования в ассоциативных экспериментах // Языковая игра и ее функционирование. М., 1988.

ПОСЛЕДНЕЕ СТИХОТВОРЕНИЕ КАК ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ ЗНАК БЕССМЕРТИЯ

Профессор Л. Г. Бабенко в своих основных работах, посвященных лингвистическому и филологическому анализу текста [1], выделяет и определяет в качестве доминирующего такой признак художественного текста (далее — ХТ), как абсолютная антропоцентричность: «Текст создается человеком, предметом его изображения чаще всего является человек, и создается он чаще всего для человека, что и обуславливает его абсолютную антропоцентричность» [2]. Л. Г. Бабенко разработала и внедрила в практику исследования ХТ особый системный подход к изучению тех его сфер, которые принято называть экстралингвистическими и анализ которых значительно восполняет материал, расширяющий зону анализа и интерпретации смысловых сфер поэтического текста.

Наблюдение над творческими судьбами 100 русских поэтов, живших и писавших в XVIII–XX вв., показывает, что последнее стихотворение (парадигма последнего стихотворения) имеет особое значение в жизни, творчестве и судьбе поэта.

Последнее стихотворение — это одновременно и поэтический текст и метатекст, соединяющий в себе все лучшее, что есть в творчестве поэта, а также подтверждающий завершение формирования конкретной поэтической личности и обозначающий рубеж, или рубец, столь же разделяющий, сколь и соединяющий физическую жизнь поэта с его метафизическим существованием. Последнее стихотворение — не о смерти, но обязательно о ней, потому что формально-содержательная гармония последнего текста поэта осуществляет в конце концов трагическое и светлое единство жизни, смерти и любви.

В. И. Шубин замечает, что «с высоты поэзии мудрости можно осознать ценность скоротечной и конечной жизни, красоту и важность природы, вне которой нет существования. Отношение же к смерти становится у поэта более просветленным и в то же время более остро болезненным. Смерть неотменима и нестерпима: с ней не может быть никаких пактов мудрости» [3]. Действительно, смерти в глаза не помотришь, однако с точки зре-

ния бытия (а бытие видит и знает все) поэт все-таки терпит смерть и даже отменяет ее «пактом последнего стихотворения», которое, если судить по количеству и по мощи поэтической (языковой и духовной) энергии, заключенной в нем, не только преобразовывает бытовое восприятие и осознание смерти в бытийное, но и назначает саму смерть быть жизнью — жизнью повой, «литературной». Смерть — это необходимое условие для окончательного созревания стихов и прозрения их будущего читателя.

В последнем стихотворении смерть — это только начало реальной жизни поэзии, освобожденной от материальной оболочки ее создателя. Об этом достаточно спокойно и уверенно говорит Арсений Тарковский (1907–1989) в своих последних стихотворениях:

Я не был убит на войне,
Так значит — и вправду везло мне.
Но братья стучатся ко мне:
— И помни, — твердят мне, — и помни...

И помни, что были у нас
И матери наши, и дети...
— Я умер в погибельный час...
— А я был убит на рассвете...

А жизнь мы любили и в ней
Стремилась к единственной цели,
И чем мы любили сильнее,
Тем песни счастливее пели.

— Простите меня, что живу,
И я — никуда — ниоткуда.
Вы видите сны наяву.
Какое вам видится чудо?

Начало 1980-х

Поэт уже не заботится о специализации форм выражения — он просто следует за стихотворением, и скорость поэтического осознания жизни, смерти и любви выводит и поэта, и, дай Бог, читателя на свет:

Из пророски, лунным стеклом
По самое горло залитой,
Рулады свои напролом
Катил соловей знаменитый.

Он был и дитя, и поэт,
И силы у вечера исту,
Чтоб застить плеснительный свет
Такому большому поэту.

Он пел, потому что не мог
Не петь, потому что у крови
Есть самоубийственный срок
И страсть вне житейских условий.

Покуда при поздней звезде
Бродяжило по миру лихо,
Спокойно в семейном гнезде
Дремала его соловья.

Начало 1980-х

Последнее стихотворение — это не столько прощание, сколько надежда на вечную встречу. Русская эмоционально-духовная оппозиция Встреча — Разлука в последнем стихотворении всегда (пусть даже имплицитно, скрытно, закодированно) разрешается в пользу встречи с Собеседником и Собеседниками, когда «из небытия» говорит уже не поэт, а сам язык, само бытие, когда любая лингвокультурная антиномия, оппозиция, вообще — парная противоположенность, преобразуется под воздействием поэтической энергии сначала в диалог, а потом и в полилог, в котором голосу поэта вторят (и поддерживают его!) стройные дикие звуки природы и природных стихий, когда само Космическое молчание из хаотичности переходит в поэтический порядок. Молчание (тишина, немота и пр.) всегда — мощно и продуктивно — участвует в поэтической речи, в поэтическом говорении, бормотании, крике, хохоте и плаче. Молчание обеспечивает наличие ритма мучительной работой своих пауз, пробелов и задыханий: стихотворение Федора Тютчева — все о конструктивной мощи и о помпативном произволе молчания:

SILENTIUM! *

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои —
Пускай в душевной глубине
Встают и заходят они

* Молчание! (лат.)

Безмолвно, как звезды в ночи, —
Любуйся ими — и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, —
Питайся ими — и молчи.

Лишь жить в себе самом умей —
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, —
Внимай их пенью — и молчи!..

1830

Эзотерический пафос этого стихотворения отвлекает читателя от тех функций молчания, которые поэт пытается поминировать, а дидактическое насилие над поэтической интонацией вообще превращает текст «Silentium!» в инструкцию продуктивного молчания. Однако Ф. Тютчев здесь *volens-nolens* делает удивительное открытие: поэтическое мышление (и поэтическая поминация, соответственно) основывается на особом чередовании опять же мучительных антиномических соединений Мечта (Чувство) — Мир, Молчание (Мысль) — Мир, Поэт (Внутренний Мир) — Мир. Поэт преодолевает хаос и приблизительность речевого выражения императивностью и порядком не молчания, а пауз, которые организуют речь. Ритм познания в целом — таков: слепота — зрение — озарение — прозрение, ведущие к новой, качественно иной, слепоте. Ритм языкового (первично-поэтического) познания также основан на чередовании бессмысленного звучания, осмысленной немоты, глубинно-смысловой тишины и языковой энергии, усиленной перепадами-конденсаторами ритмо-поэтического выражения, — энергии, направленной на постижение ужаса красоты.

Поэтический текст (даже наперекор воле сочинителя) избегает прагматики, потому что красота, любовь, да и сам язык, поглощающий мир и миры, социально бессмысленны, беспомощны и одновременно чудовищно мощны. Мощь и энергия муки не быто-говоря, а языкового действия сотворяют чудо. Поэзия и есть чудо. Не тайна — а очевидное чудо, дар и подарок

языка через одного — всем. Стихотворение — это текст, это ткань пространства-времени, быта-бытия, жизни-смерти, плоти-духа и любви. О. Мандельштам как первый наследник Пушкина — Бартынского — Тютчева бесстрашно говорит о такой муке (из «Восьмистиший»):

1

Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.
И дугами парусных гонок
Зеленые формы чертя,
Играет пространство спросонок —
Не знавшее люльки дитя.

Ноябрь 1933, июль 1935

2

Люблю появление ткани,
Когда после двух или трех,
А то четырех задыханий
Придет выпрямительный вздох.
И так хорошо мне и тяжело,
Когда приближается миг,
И вдруг дуговая растяжка
Звучит в бормотаньях моих.

Ноябрь 1933 — январь 1934

«Дуговая растяжка» — вольтова дуга супротивных и слившихся, сродных и чуждых энергий языка, мира, поэзии и немоты, — вот миг ужасный и прекрасный, миг постижения — именования мира. Вот почему поэт есть продолжение языка. Поэт — это креативная, номинативно-эстетическая функция языка. Поэтическая личность — это одновременно и прошлое, и настоящее, и будущее языка.

Последнее стихотворение, как правило, — это идентификатор подлинности данной поэзии. Последнее стихотворение — это идентификатор целой парадигмы поэтических текстов, потому что явление и процесс перемены физической жизни на жизнь семантическую, смысловую, духовную не могут быть запечатлены, отображены и осознаны в объеме одного стихотворе-

ния. Смерть — это событие неожиданное, но вполне ожидаемое, предчувствуемое и даже ментально осязаемое.

Формально-содержательные и эстетические особенности последнего стихотворения обусловлены, с одной стороны, скоростью жизни, а с другой стороны — скоростью смерти. Эти категории находят свое выражение как в продолжительности жизни, в ее биологическом количестве, так и в степени интенсивности, духовной плотности жизни поэта. Поэт, независимо от количества прожитых лет, успевает сказать **всё** (это касается и двадцатилетних М. Лермонтова и Б. Рыжего, и тридцатилетнего С. Есенина, и тридцатисемилетнего А. Пушкина, и восьмидесятидвухлетнего А. Тарковского, и пятидесятипятилетнего И. Бродского). Поэт как проводник языковой энергии способен перенести такое напряжение и количество семантики, какое предопределено объемом и качеством его дарования. Язык дал — язык взял. Взаимосвязь, взаимоуничтожение и взаимопорождение языка и поэта очевидны: качество и количество языка в поэте определяется не замыслом, не реализацией и не поэтическим результатом, а той или иной степенью возможности существования данного поэтического языка и данной поэтической личности без (и независимо от) физической оболочки их «обладателя».

Наличие последнего стихотворения (в любой форме, любой тематики) подтверждает несовпадение физического возраста поэта с возрастом поэтической личности:

Возраст	
← поэтическая личность	→ поэт
хаос выражения	≈ 3–5 лет
поэтическая игра	≈ 10 лет (≈ 30 лет, например, А. Крученых)
подражание	≈ 10–15 лет (≈ 40 лет, например, стихотворец N)
преодоление влияния	≈ 15–20/25 лет (≈ 50 лет, например, стихотворец N)
высокая степень языковой свободы (выработка своего поэтического языка) (начало poieo)	≈ 25–30 лет (возраст определяется в каждом конкретном случае)
абсолютная языковая свобода (собственно poieo)	≈ 30 лет (возраст определяется в каждом конкретном случае)

Таким образом, выделяются несколько степеней языковой свободы, наличие которых определяется, во-первых, той или иной стадией развития поэтической личности, а во-вторых, степенью поэтической свободы, зависящей от той или иной стадии создания и оформления индивидуально-авторского поэтического языка.

Шкала степеней языковой свободы

1. Низкая (формальное единство дискурса и компонентов языковой способности).
2. Средненизкая (формально-содержательное единство дискурса и некоторых компонентов языковой способности).
3. Средняя (доминирование единиц одного компонента языковой способности).
4. Средневысокая (доминирование единиц двух компонентов языковой способности).
5. Высокая (доминирование единиц трех компонентов языковой способности).
6. Очень высокая (доминирование единиц четырех [всех] компонентов языковой способности).
7. Абсолютная (доминирование в неразрывном формально-содержательном единстве всех единиц дискурса и всех единиц четырех компонентов языковой способности).

Определение степени языковой свободы производится с учетом степени поэтической свободы (низкая / средненизкая / средняя / средневысокая / высокая / очень высокая / абсолютная). Следует отметить, что степени языковой и поэтической свободы могут не совпадать, однако такое несоответствие происходит в объеме одного шага данной шкалы.

Определение степени поэтической и языковой свободы — это не оценка поэтического и языкового качества стихотворения или поэтической личности, это попытка определения места данного поэта в процессе формирования и развития обобщенной, совокупной русской поэтической личности и поэтического языка XVIII–XIX–XX вв.

Возрастные рубежи физической личности, естественно, обозначены весьма условно и так или иначе соответствуют этапам становления текстовой личности («Текстовая личность — это личность текстотворца, выраженная в языковом, культурном,

эстетическом и духовном пространствах (поэтического) текста и реконструировавшая на базе языковых, культурных, эстетических и духовных средств текста. Т. е. текстовая личность — один из особых вариантов языковой личности» [4]).

Этапы становления текстовой личности

1. Освоение фонетики (единицы: звук, слог, морфоид, лекс-ид).
2. Освоение лексики (единицы: морфема, лексема).
3. Освоение грамматики (единицы: словоупотребление, словосочетание).
4. Освоение синтаксиса (единицы: фразеологизм, предикативное словосочетание, предложение).
5. Освоение синтаксической строфы (единицы: сложное предложение, сложная синтаксическая конструкция, сложное синтаксическое целое).
6. Освоение текста (единица: строфа, формально-смысловая и функциональная структура текста).
7. Освоение текстопарадигмы (единицы: текст).

Последнее стихотворение — это не просто важнейшая часть поэтической текстопарадигмы, но и — в силу своей метатекстовой природы — лингвопоэтический и культурно-духовный факт скрепы всех и любых частей творчества поэта. Кроме того, последнее стихотворение — это текст, лишенный не только какой-либо социальной прагматичности, но и любого элемента языковой игры, эксперимента, это текст, характеризующейся абсолютной открытостью во все сферы культурного хронотона, во все области быта и бытия. Последнее стихотворение — это уже не попытка выражения неизъяснимого, этот текст есть прямое выражение неизъяснимого. Поэты в процессе формирования своей поэтической личности лишь догадываются о возможности ужаса, счастья и муки такого поэтического выражения. Хрестоматийное стихотворение Бориса Пастернака как раз об этом:

* * *

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дсбют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют!

От шуток с этой подоплекой
Я б отказался наотрез.
Начало было так далеко,
Так робок первый интерес.

Но старость — это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез.

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

1931

Сорокалетний поэт напишет свое последнее стихотворение почти через двадцать лет, но предощущение этого текста в приведенных строках уже есть (замечательные стихи Б. Пастернака, к сожалению, «охрестоматизованы» школой и петребовательным (подслеповатым), излишне и нарочито эмоциональным читателем, как и почти все стихотворное наследие поэта — побелевского лауреата).

Отношение русских поэтов к последнему стихотворению как к прямому выражению неизъяснимого в XVIII, XIX и XX вв. было разным. Последнее стихотворение могло и не быть фактически последним, так как создавалось соответственно замыслу, или создавалось спонтанно и лишь подсознательно ощущалось поэтом как нечто очень значительное и значимое в его творчестве. Последнее стихотворение может иметь форму завещания, откровения, исповеди, объяснения в любви и/или в ненависти, оно может вообще никак не выделяться из той или иной поэтической функционально-смысловой (тематической) парадигмы.

Последнее стихотворение как особый, итоговый поэтический текст духовно-идентифицирующего и метатекстового характера приобрело типовые, повторяющиеся формально-содержательные параметры к началу XIX в. Прагматика русской поэзии XVIII в., безусловно, мешала осуществлению попыток прямого выражения неизъяснимого (у поэта XVIII в. были другие задачи: прежде всего освоение новой метрической и просодической системы, а также разработка жанровой системы на основе объединения поэтического эпоса и лирики). Последнее стихотворение поэта

XVIII в. — это по сути своей первое подлинное поэтическое произведение, способное функционировать вне дидактики и прагматики. Исключение в этом временном пространстве составляет творчество Г. Державина, лира которого так явственно отозвалась в поэзии И. Бродского, основанной на соединении двух противоположных поэтических жанрах XVIII в. — оды и элегии. Последнее стихотворение Г. Державина — это первый образец поэтической неаддитивности («ни убавить, ни прибавить» — как говорит народ):

<Последнее стихотворение Державина>

* * *

Река времен в своем стремлении
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!

1816

Это стихотворение было опубликовано в «Сыне отечества» в 1816 г. в № 30 с такой заметкой: «За три дня до кончины своей, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту: Река времен, начал он стихотворение “На тленность” и успел написать первый куплет» [5]. На грифельной доске, где поэтом было записано начало оды, остались непрочитанными два стиха. Смерть остановила поэта и сотворила из замысливаемой оды короткое лирическое стихотворение. Таков результат совместной стихотворной работы поэта и времени: по невероятному огромному количеству смысловой энергии, содержащемуся в тексте, можно решить, что это стихотворение написано самим временем и, следовательно, будет существовать всегда. Поэт и есть время. Он, по мысли поэта Б. Рыжего, волен выбирать и присваивать себе любой поэтический хронос: «Не время выбирает поэта, а поэт — время, и это, пожалуй, главное его преимущество перед простыми смертными» [6]. Если место поэту навязывают обстоятельства, создаваемые семьей, обществом и государством, то судьбу свою, как и время свое, создает сам поэт.

Примечания

1. См.: *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В., Васильев И. Е.* Лингвистический анализ художественного текста: Учеб. Екатеринбург, 2000; *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста: Учебник. Практикум. М., 2003; *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В.* Филологический анализ текста: Практикум / Под ред. Л. Г. Бабенко. Москва; Екатеринбург, 2003; *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учеб. для вузов. Москва; Екатеринбург, 2004.
2. *Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В., Васильев И. Е.* Лингвистический анализ художественного текста: Учеб. Екатеринбург, 2000. С. 59.
3. *Шубин В. И.* Поэт во времени (очерк творчества) // Левит-Броун Б. Лишний росток бытия. СПб., 2001. С. 56.
4. *Казарин Ю. В.* Поэтический текст как система. Екатеринбург, 1999. С. 62.
5. *Державин Г. Р.* Сочинения. СПб., 2002. С. 688.
6. *Рыжий Б.* Предисловие // Дозморов О. Стихи. Екатеринбург, 2002. С. 3.

© Н. А. Кузьмина

г. Омск

ГЕНДЕР И ГЕНРИСТИКА: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕЧЕВОГО ЖАНРА

Любая обобщающая работа по речевым жанрам начинается с того, что автор констатирует по крайней мере одно из следующих утверждений: 1) лингвистика не обладает даже относительно полным перечнем («энциклопедией») речевых жанров, это в свою очередь связано с тем, что 2) главный термин генристики «жанр речи» продолжает толковаться исследователями по-разному; 3) не существует не только единых критериев выделения жанров, но и общих параметров их описания, *locus communis* большинства жанроведческих исследований — ссылка на известные и ставшие вполне хрестоматийными модели речевого жанра Т. В. Шмелевой и А. Вежицкой (публикации 1997 г.).

Выскажем следующее предположение: гендерную информацию следует включить в ряд критериев, релевантных для характеристики речевого жанра. При этом можно представить себе некую шкалу речевых жанров по признаку обязательности этого критерия. Крайние, противоположные позиции на шкале будут занимать, с одной стороны, жанры брачных объявлений и флирта, в которых гендерная характеристика является обяза-

тельной, жанрообразующей, с другой стороны, например, жанр инаугурационной речи президента или ряд жанров официально-делового стиля или религиозного дискурса, по-видимому, безразличных к гендерному фактору.

Так, по наблюдениям исследователей, инаугурационные речи представляют собой строго функциональные тексты, слабо отражающие индивидуальные особенности личности их авторов [1]. Впрочем, на наш взгляд, интересно было бы проанализировать в этом аспекте инаугурационные речи президента Латвии Вайры Вике-Фрейберга, Тарьи Халонен — первой женщины-президента Финляндии, пуэрториканского президента Силы Кальдерон, 87-летней Эллен Джонсон-Сирлиф, недавно выигравшей выборы в Либерии, и некоторых других. Вполне вероятно, что развитие политической ситуации в мире приведет к изменению канонов речевого жанра. Поскольку специфическими топосами инаугурационной речи являются топосы *достойного лидера* и *обновления* [2], можно ожидать, что имиджмейкеры используют именно гендерный фактор, чрезвычайно выгодный для того, чтобы подчеркнуть необычность фигуры женщины-президента, ее глубинную связь с положительными чертами и социальной функцией пола — материнством, мудростью, бережным отношением к традиции (роль хранительницы очага) и пр.

То же, по-видимому, происходит и в религиозном дискурсе: уже появились проповедники-женщины, так что вполне вероятно, что гендерный фактор так или иначе проявится в их речевых произведениях, однако для того, чтобы утверждать это, нужны специальные исследования, которые на сегодняшний день отсутствуют.

Внутри этой шкалы располагаются другие речевые жанры, для которых гендерная информация в большей или меньшей степени значима. Так, речевые жанры, в которых доминирует фатическая функция, в частности *анекдот*, *афоризм*, *комплимент*, достаточно регулярно передают гендерную информацию, вместе с тем гендерный критерий не является для них жанрообразующим. Таким образом, на наш взгляд, назрела необходимость включить гендерный аспект в анализ речевых жанров. В связи с этим возникает вопрос о методологии и методике такого исследования.

Если принять во внимание, что гендерная информация — это информация об эталонах (социальных, поведенческих и пр.),

свойственных полу как социальному явлению, то она может быть описана с помощью двух основных терминов: *гендерные концепты* и *гендерные стереотипы*.

Гендерные эталоны могут быть интерпретированы как этносоциокультурные концепты МУЖЧИНА и ЖЕНЩИНА и, соответственно, может быть применена достаточно хорошо разработанная методика реконструкции когнитивных признаков этих концептов. Например, образ идеального мужчины включает в себя следующие стереотипные смыслы: 'мужественность', 'порядочность', 'обеспеченность' и т. д.; образ идеальной женщины — 'красота', 'стройность', 'умение вести хозяйство', 'любовь к детям' и т. п. Этот тип описания наиболее распространен в современной лингвистической гендерологии [3, 4, 5, 6].

Вместе с тем возможен, как кажется, и иной способ вербальной репрезентации гендерных эталонов — в виде стереотипов, представляющих собой мнение, суждение о гендерных аспектах характеристики субъекта или некоторой ситуации. Такие суждения логично формулировать в виде высказываний. Для стереотипа значима предикативность. Он, по мысли У. Квастхоффа, имеет пропозициональное содержание и представляет собой когнитивно-пропозициональную структуру, состоящую из объекта характеристики (мужчины/женщины) и приписываемого ему признака (пропозиция характеристики, по Т. В. Шмелевой) [7].

Думается, что значительная часть таких суждений является собой некие этические максимы, социально регламентированные требования к идеалу, эталону и может быть сформулирована либо в модусе долженствования, либо в модусе оценки, которые представляются нам вариативными способами. Поскольку гендерные стереотипы имеют когнитивную природу, характер их вербальной репрезентации в достаточной степени субъективен и конвенционален. Объективно лишь само существование некоей ментальной сферы представлений, однако ее описание предполагает включение фигуры наблюдателя, поэтому одна и та же когнитивная структура может быть интерпретирована в разных модусах: «Настоящая женщина/мужчина должна/должен быть...» — «Хорошо/плохо, когда мужчина/женщина...». Ср.: «Красивая женщина должна быть стройной»/«Красивая женщина не должна быть полной»/«Хорошо, когда женщина стройная»/«Плохо, когда женщина имеет избыточный вес».

Практически все исследователи отмечают тесную связь гендерной стереотипизации с выражением оценки: гендерные стереотипы функционируют в коллективном сознании по схеме «правильное/неправильное» и, по сути, являются выражением мнения и отношения (со знаком «плюс» или со знаком «минус») к тому или иному проявлению половой идентичности (поступку, качеству, роли и т. д.). Вместе с тем в системе гендерных стереотипов существуют и такие, которые могут быть репрезентированы общими суждениями — высказываниями с обобщенными значениями всех модусных категорий. Они отражают обычное «положение дел», которое не оценивается однозначно: «Женщины предпочитают умалчивать о своем возрасте», или «Путь к сердцу мужчины лежит через желудок», или «Внешность для мужчины не главное» и т. п.

Возвращаясь к гендерным концептам как формам репрезентации соответствующих эталонов, заметим, что концептуальные признаки вполне могут быть преобразованы в соответствующие суждения об эталонных гендерных качествах: ср. 'мужественность' (концепт Мужчина) и *Настоящий мужчина должен быть мужественным/Хорошо, когда мужчина мужествен*; 'сварливость' (Женщина) и *Женщины (многие) обычно сварливы/ Женщины обычно сварливы, и это плохо*. Это еще раз подтверждает наш вывод о вариативности репрезентации гендерных эталонов и «обратимости» гендерных концептов и гендерных стереотипов.

Чтобы аргументировать нашу гипотезу о существовании шкалы гендерной маркированности речевых жанров, предлагаем некоторые наблюдения над двумя из них — **брачными объявлениями** и **афоризмами**.

Современные брачные объявления, прототипы которых обнаруживаются и в Англии в XVII в., и в России в XIX в., могут быть рассмотрены как синкретичный речевой жанр рекламного дискурса, сочетающий жанровую специфику объявления и собственно рекламы, имеющий цель предложить субъекта коммуникации в качестве брачного партнера определенной категории адресатов и представляющий субъекта и адресата как совокупность характеристик, существенных с точки зрения прогнозируемого повышения социального статуса автора-рекламодателя. Мы полагаем, что, создавая брачное объявление, автор (реже осознанно, чаще интуитивно) соотносит собственные физические и

личностные качества и соответствующие черты предполагаемого партнера с гендерными эталонами, существующими в данном социуме. Так, например, если женщина пишет: *Стройная зеленоглазая брюнетка познакомится с добрым, порядочным мужчиной с в/обр. Пьющим и гуляющим не беспокоить* — она опирается на следующие стереотипы: «Женщина должна быть стройной», «Настоящий мужчина должен быть добрым», «Хорошо, когда у мужчины есть высшее образование», «Плохо, когда мужчина пьет и изменяет жене».

Таким образом, брачные объявления можно рассматривать в аспекте репрезентации существующих в обществе гендерных стереотипов. Наша гипотеза заключается в следующем: именно речевой жанр брачного объявления задает параметры интерпретации единиц и отрезков текста как имплицатур гендерных стереотипов. Другими словами, языковые единицы, попадая в контекст речевого жанра «брачное объявление», непременно развивают гендерные смыслы — дополнительные оттенки значения по отношению к основной, словарной семантике. Таким образом, **гендерные стереотипы являются обязательным компонентом содержательной структуры исследуемого речевого жанра.**

Существенно, что в брачном объявлении реализуется определенный, достаточно ограниченный по сравнению с функционирующим в социуме, корпус гендерных стереотипов, количественный и качественный состав которого определяется сравнительно жесткой жанровой формой платного объявления, требующей формальной и, соответственно, содержательной редукции. Любая редукция связана со шкалированием, определением приоритетов, ранжированием гендерных стереотипов в сознании языковой личности и может служить показателем различия разных речевых жанров.

Так, при выборе брачного партнера статусные, национальные, возрастные характеристики оказываются более значимыми, чем отдельные личностные и душевные качества, поэтому, например, гендерные стереотипы «Женщина должна быть внешне привлекательной» или «Мужчина должен иметь хорошую работу/материальную обеспеченность» в брачных объявлениях более частотны, чем гендерные стереотипы «Женщины обычно говорят не то, что думают», «Мужчины обычно эгоистичны», которые, напротив, обнаруживают высокую частотность в афористике.

Важно заметить, что различия в стереотипных представлениях зависят от гендерной роли субъекта и объекта коммуникативной ситуации — стереотипы своего и противоположного пола существенно различаются: женщина о себе/мужчина о женщине; мужчина о себе/женщина о мужчине.

Анализ гендерных стереотипов в речевом жанре «брачное объявление», осуществленный О. С. Рогалевой в кандидатской диссертации, выполненной под научным руководством автора настоящей статьи, показал, что, характеризуя себя, мужчина указывает (в порядке приоритета) личностные свойства и качества мужского характера в 87 % случаев, статус (в особенности социальный и профессиональный) — в 85 %, внешность — в 5 % [8].

Для женщин, как и для мужчин (и это, на наш взгляд, довольно неожиданный результат), ведущим параметром самоописания оказываются внутренние качества — 90 % объявлений, и только затем — внешние данные — 80 %. Статусные характеристики представлены лишь в 40 % от общего числа брачных объявлений авторов-женщин. Таким образом, если воспользоваться описанной выше методикой, то стереотипы своего пола, представленные в брачных объявлениях, выглядят следующим образом:

У женщин: *Женщина должна быть привлекательна и сексуальна; У женщины должен быть покладистый характер; Женщина должна быть верна и праведна; Женщина должна заниматься домашним хозяйством; Для женщины приоритетным может быть не только семья, но и работа, карьера.*

У мужчин: *Внешность для мужчины не главное; Хорошо, когда мужчина крепкого телосложения; Мужчина должен быть трудолюбивым; Настоящий мужчина должен быть порядочным, надежным, добрым; Мужчина должен быть финансово состоятельным.*

Как и следовало ожидать, гендерные стереотипы противоположного пола фиксируют те же критерии, однако их иерархия оказывается несколько иной. Так, в образе женщины для мужчин главное — внешние данные, затем идут личностные качества и статусно-ролевые характеристики. Образ мужчины у женщин включает типично мужские качества, статусно-ролевые параметры и только потом — внешность. Вместе с тем стереотипные представления о противоположном поле более разнообразны, поскольку нередко формулируются «от противного»: описывается не только желаемый, «идеальный» спутник жизни, но

и пежелательный. Эмотивно-оценочное отношение неодобрения встречаем у авторов-мужчин по отношению к таким качествам, как глупость, болтливость и капризность, которые являются отражением общекультурных стереотипов, фиксирующих женское несовершенство и обилие пороков: *У женщин обычно скверный характер; Любая женщина, как и ее прамакерь Ева, грешна.* В «мужских» объявлениях встречаем: **невредную; *с мягким характером; *с уживчивым характером; *Истеричным, ленивым и с бурным прошлым не беспокоить; *без вредных привычек и бурного прошлого; *Сексуально озабоченных прошу не беспокоиться.* Среди негативных качеств мужчин — пьянство, сексуальная распушенность, криминальное прошлое.

А теперь обратимся к речевому жанру **афоризма**. В отличие от брачных объявлений мы анализировали афоризмы, принадлежащие мужчинам и женщинам разных национальностей, таким образом, выделяемые в них гендерные стереотипы являются, по-видимому, универсальными. Заметим, что, как и в брачных объявлениях, корпус гендерных стереотипов в афоризмах обычно коррелирует с гендерной принадлежностью автора высказывания (заметим, что речь идет лишь о преобладании «мужских» или «женских» высказываний в той или иной категории стереотипов). Можно выделить следующие группы стереотипов: женщины о мужчинах/ женщины о себе, мужчины о себе/ женщины о мужчинах. Интересно, что, кроме общего имени — *мужчина/женщина*, в афоризмах представлены социальные роли и психологические типы мужского/женского характера: *холостяк, муж, отец, острьяк, зануда, джентльмен, любовник, ловелас, рыболов, лысый и жена, хозяйка, мать, подруга, девушка, любовница, блондинка/брюнетка*. Приведем некоторые примеры из дипломного сочинения О. Русмальс:

Женщины о мужчинах:

— *Каждый мужчина, как ребенок, нуждается в опеке и руководстве:* «Дом мужчины — его крепость, но только снаружи. Внутри это чаще всего детская комната» (Фани Брайс).

— *Мужчина — это животное:* «Мужчина — это двуногое животное с восемью лапами» (Джейн Мэнсфилд).

— *Все мужчины глупы:* «Женщины знают, что мужчины не так глупы, как принято думать, — они гораздо глупее» (Янина Ипхорская).

— *Все мужчины похожи друг на друга*: «Все мужчины одинаковы, но некоторые из них одинаковее» (Джен Кинг).

— *Все мужчины зануды (склонны к нравоучительным рассуждениям)*: «Мужчины питают искреннее уважение ко всему, что навевает скуку» (Мерилин Монро).

— *Все мужчины любят говорить о себе*: «Если беседуют двое мужчин, они говорят о себе. Если беседуют две женщины, они говорят о третьей» (Янина Ипохорская).

— *Все мужчины эгоистичны*: «Мужчина входит в жизнь женщины и устраивает в ней свою собственную» (Луиза Леблан).

Мужчины о себе:

— *Все мужчины — ловеласы/Мужчина — существо полигамное*: «Когда мужчине плохо, он ищет женщину, а когда ему хорошо, он ищет еще одну» (Константин Мелихан); «Ничто так не старит мужчину, как жизнь с одной и той же женщиной» (Норманн Дуглас).

— *Все мужчины предпочитают оставаться холостяками*: «У холостяка никогда не пришита пуговица на рубашке, у женатого, бывает, нет и рубашки» (Константин Душенко); «Ах, если бы все женщины были замужними, а все мужчины — холостяками» (Витольд Зехтенер).

Кроме того, некоторые гендерные стереотипы реализуются в афоризмах вне зависимости от гендерной принадлежности их автора. Таковы **общие представления о мужчинах** как в «женских», так и в «мужских» афоризмах:

— *Все мужчины тщеславны*: «Если бы женщины не были тщеславны, они могли бы поучиться этому у мужчин» (Пауль Хейзе); «Что стало бы с могуществом женщин, если бы не мужское тщеславие?» (Мария Эбнер-Эшенбах).

— *Мужчина склонен считать женщину существом низшим*: «Мужчины любят ставить женщину на пьедестал, чтобы потом дать ей пинка. Без пьедестала удовольствие уже не то» (Клэр Льюис); «Мужчина — единственный самец, который бьет свою самку» (Жорж Куртелин).

— *Мужчины считают себя сильными, на самом деле они слабые*: «Все мужчины слабы, а слабее всех джентльмены» (Маргарет Тэтчер); «Как силен был бы мужчина, если бы Господь сотворил его из ребра Евы» (Мечислав Шарган).

Стереотипы, связанные с женщиной, также представлены в нескольких группах высказываний.

Женщины о себе:

— *Каждая женщина старается быть красивой и уделяет этому много внимания и труда:* «Нет тяжелее работы, чем стараться выглядеть красивой с восьми утра до полуночи» (Брижит Бардо).

— *Каждая женщина хочет любить и быть любимой:* «Для женщины не быть любимой — несчастье, никогда не любить — трагедия» (Дороти Дикс).

— *Все женщины испытывают чувство превосходства над мужчинами:* «Женщина умнее мужчины, и свой ум она расходует прежде всего на то, чтобы мужчина этого не заметил» (Мэри Маккарти).

— *Все женщины испытывают потребность в похвале:* «Денег и комплиментов не может быть слишком много» (Сильвия Чиз); «Для здоровья женщины восхищенные взгляды мужчин важнее, чем калории или лекарства» (Франсуаза Саган).

Мужчины о женщинах:

— *Женщины обычно говорят не то, что думают:* «Если вы хотите знать, что на самом деле думает женщина, смотрите на нее, но не слушайте» (Оскар Уайльд).

— *Женщины непостоянны:* «Я бы не сказал, что женщины не имеют характера — просто у них каждый день другой характер» (Генрих Гейне).

— *Невозможно командовать женщиной:* «Все в руках человека, а человек в руках женщины» (Александр Фюрстенберг); «Есть два способа командовать женщиной, но никто их не знает» (Фрэнк Хаббард).

— *Все женщины любят деньги:* «Женщина может сделать миллионером любого мужчину-миллиардера» (Чарльз Чаплин); «К числу эрогенных зон следует отнести бумажник» (Лешек Кумор).

— *Ни один мужчина не в силах понять женщин:* «Нет на свете мужчины, который бы знал о женщинах больше, чем я, — а я ничего о них не знаю» (Сеймур Хикс).

Общие представления о женщинах:

— *Все женщины скрывают свой возраст:* «Единственное, о чем женщина никогда не забывает, это год ее рождения, когда

она его наконец выбрала» (Дороти Паркер); «Хороший муж никогда не помнит возраст своей жены, но всегда помнит ее день рождения» (Жак Одиберти).

— *Все женщины болтливы и любят слухи и сплетни*: «Интеллигентная женщина не повторяет сплетен. Она сочиняет их» (Янина Ипохорская); «Бессовестные женщины сплетничают беззастенчиво, совестливые — застенчиво» (Лешек Кумор).

— *Женщины никогда не бывают доброжелательны друг к другу*: «Женщины целуют друг друга при встрече, потому что не могут укусить» (Магдалена Самозванец).

Наконец, можно выделить гендерные стереотипы, связанные с обоими полами, при этом авторами афоризмов являются как мужчины, так и женщины:

— *Мужчина внешне представляется более умным, сильным, именно он руководит, но все это лишь видимость, ибо любым мужчиной руководит умная женщина*: «Мужчины ведут игру, женщины знают счет» (Роджер Уоддис); «Настоящий мужчина добьется того, чего хочет женщина» (Геннадий Малкин); «Мужчины говорят о женщинах, что им вздумается, а женщины делают с мужчинами, что им вздумается» (Софья Сегюр).

— *Мужчина живет разумом, женщина — чувствами*: «Все рассуждения мужчин не стоят одного чувства женщины» (Вольтер).

— *Мужчине важна суть, женщине важнее внешняя сторона*: «Мужчина слушает ушами, женщина — глазами, первый — чтобы понять, что ему говорят, вторая — чтобы поправиться тому, кто с ней говорит» (Василий Ключевский).

Мы назвали далеко не все гендерные стереотипы, которые могут быть реконструированы по текстам афоризмов, но ведь и создать сколько-нибудь полный их список в принципе не представляется возможным. Тем не менее некоторые общие выводы могут быть сделаны.

Афоризм относится к жанрам смеховой культуры, а следовательно, высвечивает прежде всего негативные характеристики объекта. Если приять во внимание отмеченную выше обратимость гендерных стереотипов и гендерных концептов, то можно заметить, что в концепте **Женщина** выделяются такие признаки, как 'лживость', 'непостоянство', 'непокорность', 'корыстность',

‘загадочность, непостижимость’ (мужской взгляд); ‘стремление быть красивой’, ‘потребность любить и быть любимой’, ‘потребность в похвале, одобрении’ (женский взгляд); ‘умалчивание о возрасте’, ‘болтливость, любовь к сплетням’, ‘недоброжелательность друг к другу’ (общие представления). Концепт **Мужчина** представлен следующими признаками: ‘любовеообильность, непостоянство’ (мужской взгляд на «свой» пол); ‘инфантильность’, ‘глупость’, ‘одинаковость’, ‘занудство’, ‘самовлюбленность’, ‘эгоизм’ (женский взгляд); ‘тщеславие’, ‘мнимое превосходство над женщиной’, ‘мнимая сила’ (общие представления).

В отличие от жанра брачных объявлений, гендерные стереотипы в афоризмах касаются преимущественно ментальных, поведенческих, возрастных характеристик — практически не представлены стереотипы, относящиеся к социальному положению или образованию мужчин/женщин, сравнительно небольшое число афоризмов фиксирует стереотипы, связанные с материальным положением и национальностью (англичане, французы, итальянцы). Кстати сказать, этностереотипы в афоризмах в основном те же, что и в анекдоте: француз/француженка легкомысленны и любовеообильны, немки аккуратны и сосредоточены на домашнем хозяйстве и детях, американки богаты и неразборчивы в отношениях с мужчинами, англичанки, напротив, чересчур придиричивы и т. п. Ср.: «Французы никогда не говорят о своих женах: они опасаются, что собеседник может знать об этом предмете больше, чем они сами» (Шарль Монтескье); «В Европе, если у богатой женщины роман с дирижером, она рождает ему ребенка; в Америке она покупает ему оркестр» (Эдгар Варрес); «Американки требуют от своих мужей таких исключительных достоинств, какие англичанки ожидают пайти разве что у своих лакеев» (Сомерсет Моэм) (см. также [9]).

Как и следовало ожидать, стереотипы «своего пола» выделяют не пороки, а простительные слабости, такие как любовеообильность или предпочтительность холостяцкого существования у мужчин, потребность любить и быть любимой у женщин. По отношению к противоположному полу мужчины/женщины более критичны, нежели в отношении к своему: они склонны видеть гораздо больше негативных качеств в партнере. Это сближает жанр афоризма с жанром брачных объявлений.

В речевом жанре афоризма наблюдается, с одной стороны,

зеркальная симметрия в отражении тех или иных качеств, в наборе «ролей», с другой — явная асимметрия. Так, в афоризмах встречаются *любовники и любовницы, мужья и жены, вдовцы и вдовы* и в то же время только *блондинки и брюнетки, лысые мужчины, деды и внуки, ловеласы и бабники*. Частотные индексы некоторых мужских и женских «ролей» также несопоставимы: 11,6 % афоризмов оценивают роль *отца* и лишь 1,75 % относятся к женщине-*матери*. Нам представляется, что это связано с природой комического: архетипические функции сакралыны и сопротивляются снижению и профанированию.

Наконец, большинство афоризмов строится по принципу противопоставления полов, доказывая, что «мужчина и женщина — две стороны одной медали», как заметил Ян Стэнпень. Гендерные стереотипы в афоризмах вне зависимости от национальности авторов отражают универсальные представления: мужчина и женщина по набору психологических, поведенческих характеристик комплементарны, и если формально сильнее, умнее представляется мужчина, то бразды управления мужчиной, по сути, находятся в руках у женщины.

Анализ гендерных стереотипов, репрезентированных двумя речевыми жанрами — «брачное объявление» и «афоризм», свидетельствует о том, что в сознании носителей языка существует некий общий каркас стереотипных представлений о мужчине и женщине. Это подтверждает мысль Ю. Н. Караулова о том, что, несмотря на неизбежные индивидуальные (добавим — и гендерные) различия в понимании культурно значимых концептов, «некоторая доминанта; определяемая национально-культурными традициями и господствующей в обществе идеологией, существует, и она-то и обуславливает возможность выделения в общезыковой картине мира ее ядерной, общезначимой, инвариантной части» [10, 36].

Вместе с тем сравнение двух речевых жанров позволило выявить и значительные различия в наборе и иерархии гендерных стереотипов в сознании языковой личности. Если же сопоставить полученные результаты с анализом гендерной концептосферы анекдота [6], то становится очевидно: традиционная «анкета речевого жанра» может быть расширена за счет включения в нее гендерного критерия, и это обстоятельство существенно для современной генистики. С другой стороны, изучение ген-

дерной информации, реализуемой в рамках того или иного речевого жанра, способно привести к нетривиальным выводам, что, в свою очередь, значимо для современной гендерологии.

Примечания

1. *Гаврилова М. В.* Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). СПб., 2004. С. 116.
2. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса. М., 2004. С. 246 и след.
3. *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999.
4. *Малишевская Д.* Базовые концепты культуры в свете гендерного подхода (на примере оппозиции «Мужчина/Женщина») // Фразеология в контексте культуры / Под ред. В. Н. Телия. М., 1999. С. 180–184.
5. *Маслова В. А.* Лингвокультурология. М., 2001.
6. *Слышкин Г. Г.* Гендерная концептосфера современного русского анекдота // Гендер как интрига познания: гендерные исследования в лингвистике, литературоведении и теории коммуникации: Альманах. Пилотный вып. М., 2002.
7. *Кирилина А. В.* Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации. М., 2004. С. 131.
8. *Рогалева О. С.* Брачное объявление как речевой жанр рекламного дискурса (коммуникативно-прагматический и когнитивный аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.
9. *Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д.* Русский анекдот: Текст и речевой жанр. М., 2002.
10. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.

© Э. А. Лазарева
г. Екатеринбург

ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ДИСКУРС: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОБЪЕКТА

Наше время отмечено кардинальными изменениями в том коммуникативном пространстве, где мы существуем. Преобразование жизни, связанное с изменением общественно-политических процессов, появление и развитие новых технологий — вот те существенные факторы, которые обусловили видоизменение разных сфер жизни. Остановимся на той области коммуникативного пространства, где существенную роль играют средства массовой коммуникации (пресса, радио, реклама, Интернет). Очевидно, что произведения СМИ больше всего определяются общественно-политическими процессами, влияющими как

на их содержание, так и на оформление. Сегодня для понимания ситуации в СМИ необходимо перейти на новый уровень анализа с учетом специфики этого средства массовой коммуникации, не отделимого от новых технологических ситуаций.

Обратимся к анализу речевой специфики произведений такого важного средства коммуникации, как телевидение и радио. Эти электронные СМИ сегодня имеют большую популярность, привлекая значительное количество зрителей и слушателей, в то же время постоянно растет число теле- и радиожурналистов. Вместе с тем еще не сформирована теория электронных СМИ, не прояснен лингвистический статус теле- и радиопроизведений. Такое положение, как нам кажется, связано в первую очередь со сложным характером текстов этих СМИ, требующих нетрадиционного подхода. Для адекватного анализа текстов, бытующих на ТВ и РВ, необходимо определить их статус. Мы будем говорить о телеречи, имея в виду, что радиопроизведение характеризуется сходным образом, и уточняя каналы передачи информации.

Анализ специфики телеречи строится на основе теории дискурса. Из существующих многочисленных значений этого термина оптимальна, на наш взгляд, трактовка Г. Г. Почепцова, основанная на теориях Ходжа (R. Hodge) и Кресса (G. Kress). В книге «Теория и практика коммуникации» Г. Г. Почепцов описывает дискурс «как социальный процесс, в который включен текст, а текст является конкретным материальным объектом, получаемым в дискурсе» [1, 183].

Чем привлекательна такая трактовка? Реальный взгляд на объект с точки зрения лингвистического процесса дает нам дискурс, а с точки зрения лингвистического процесса — текст. Телепередача, телепроизведение имеет сложный характер и может быть описано при адекватном понимании взаимодействия всех его составляющих. Информация здесь передается за счет телевизионного изображения, звука, словесного произведения, поведенческих характеристик выступающих людей и т. д. при коллективном авторстве (заметим, что создание телепередачи — это органическое соединение производственного процесса и творческой деятельности многих людей — журналистов и других специалистов).

В дискурсе телепроизведения включен текст, имеющий креолизованный (разнознаковый) характер, образованный за счет

средств разных знаковых систем (вербальных, аудиовизуальных). Телепроизведение занимает особое место в коммуникативном пространстве, находясь на стыке разных видов коммуникации. Наиболее важно при его анализе понять, как распределяется информация между этими коммуникативными сферами.

Один из отличительных признаков современного коммуникативного пространства как поля существования дискурсов различной природы — сложный, составной характер функционирующих там объектов. Наиболее распространено явление интертекстуальности, когда произведения разной семиотической природы, составляющие дискурс, вступают в смысловые и структурные соотношения разных типов, например: «текст в тексте», «текст на тексте», «текст рядом с текстом», «текст за текстом». Отдельные составляющие взаимодействуют друг с другом, интегрируют в единую политекстуальную систему (по теории Е. А. Баженовой [2]). Применительно к телепроизведению, теледискурсу, можно считать, что взаимодействие различных его частей приводит к формированию составного **полидискурсивного** объекта.

Произведения современных электронных СМИ передают многослойную информацию и для этого реализуются все имеющиеся технологии: пример таких СМИ в первую очередь — телевидение, Интернет. Именно эти средства массовой информации формируют и современное восприятие — «лоскутное» чтение, просмотр, получение сегментированной информации. Реципиент указанных СМИ привык к новому способу получения информации путем одновременного восприятия нескольких частей текста, выраженных разными семиотическими знаками, — вербальная информация сочетается с визуальной, аудиальной, например, на телевидении, в Интернете. Адресат учится «вычитывать» смысл путем отбора нужной информации и отбрасывания лишнего для себя сведений.

Следует отметить различие явления интертекстуальности в художественных произведениях и в дискурсах СМИ разных типов. Пестрота, сосуществование разных текстов в газете и особенно в электронных СМИ чаще всего служат целям отражения всего многообразия действительности, стремлению передать объемную, сложную информацию. Отличие дискурса телевидения/радио от составных текстов других функциональных сти-

лей — в той информации обо всех явлениях действительности, которую они выражают. Дискурс электронных СМИ социально направлен, предназначен для воздействия на реципиента, формирования его поведения. Главная цель при этом — информативная и воздействующая. Специфика теле- и радиодискурса политекстуальной природы в том, что в нем ведущая роль принадлежит вербальному каналу разных типов (титры, устная речь, письменная речь на экране, например, название передачи, графики, таблицы и т. д.). Основа теле-, радиодискурса выражена в **вербальной** информации. Именно словесно передается тот смысл, который в совокупности отражен в дискурсе всеми знаками различной семиотической природы. Главное — то, что сказано журналистом, что выражено в его речи, устной или письменной, остальные же способы выражения смысла в дискурсе этого рода играют сопутствующую, поддерживающую роль.

При анализе телевизионного дискурса важно понять, как распределяется информация между различными коммуникативными сферами. Адекватный анализ телевизионного произведения возможен только при учете его комплексного, многомерного характера. Обратимся к общей характеристике того феномена, который представлен как телевизионный дискурс (табл. 1).

Как следует из приведенной таблицы, теледискурс может быть охарактеризован с разных точек зрения. Адекватный анализ этого феномена возможен только на основе учета того, какие смыслы переданы по разным каналам — вербальный и аудиовизуальный, коммуникативно-поведенческий. В разговоре об этом сложном поликомпонентном дискурсивном объекте мы будем иметь в виду те параметры, которые заявлены нами при общей характеристике телепроизведения.

Виды коммуникации различаются в зависимости от того, какими знаками выражено содержание. В построении теледискурса участвуют видимые (визуальные) и слышимые (аудиальные) знаки, они могут выражать вербальную и невербальную информацию. Например, в телевизионной программе словесная (вербальная) информация выражается с помощью устной речи, когда говорит журналист — корреспондент, телеведущий, гость программы, герой передачи или слышен голос за кадром. Речь передается и с помощью письменных знаков (титры, таблицы, названия передачи или ее части, поданные на экране, и т. д.).

Дискурсивная характеристика журналистского телепроизведения

Вид коммуникации	Вид информации	Функционально-ролевой компонент	Тип речи
Визуальная: — вербальная (титры) — иконическая (герой, журналист, пейзаж, здания и др.)	О действительности (факты, события, мнения, анализ и т. д.)	Журналист-информатор	Монолог (журналиста, героя)
Вербальная: — устная речь (журналист, герой) — письменная речь (титры)	Коммуникативно-прагматическая (поведенческая) — все вербальные и невербальные составляющие	Журналист — автор текста, направленного на воздействие	Диалог (полилог): — журналист-герой — журналист-зритель
Аудиальная: — вербальная (речь журналиста и героя) — звуки, музыка, шумы	риторического образа журналиста и героя	Журналист-организатор (доэфирная подготовка телепередачи; отбор фактов и определение аспекта анализа; формирование концепции; отбор героев передачи, подготовка их к участию в создании телепроизведения)	— герой-герой — журналист-журналист

Аудиальная информация может быть вербальной и невербальной. Адекватная характеристика такого разнознакового целого возможна при обязательном учете того, какие смыслы передает тот или иной семиотический канал и каковы соотношения этих смыслов в составе произведения.

Современная наука уделяет внимание произведениям дискурсивного типа, имеющим усложненный, политекстуальный характер. Выдвигаются различные классификации креолизованных текстов (термин Е. Ф. Тарасова), основанные на том, как соотносятся по содержанию элементы единого целого, имеющие разную семиотическую природу. Главная цель анализа состоит в определении того, какие смыслы выражены знаками той или иной семиотической природы и какие при этом возникают взаимосвязи частей целого. Остановимся на некоторых классификациях. Несомненно, указанные работы отражают современное

развитие дискурса массовых коммуникаций, в котором большое место занимают невербальные компоненты.

В диссертации М. Б. Шипкаренковой [3] представлен общий обзор теорий креолизованных текстов в аспекте соотношения вербального и визуального компонентов. О. В. Поймапова в работе «Семантическое пространство видеовербального текста» [4] различает креолизованные тексты по соотношению объема информации, переданной различными знаками, и по роли в изображении:

- *репетиционные* — изображение о основном повторяет вербальный текст;

- *аддитивные* — изображение приносит значительную дополнительную информацию;

- *выделительные* — изображение подчеркивает какой-то аспект вербальной информации, которая по своему объему значительно превосходит иконическую;

- *оппозитивные* — содержание, переданное картинкой, вступает в противоречие с вербальной информацией, на основе этого часто возникает комический эффект;

- *интегративные* — изображение встроено в вербальный текст или вербальный текст дополняет изображение в интересах совместной передачи информации;

- *изобразительно-центрические* — с ведущей ролью изображения, вербальная часть лишь поясняет и конкретизирует его.

Основа их в том, что так или иначе выявляются смысловые отношения частей произведения, созданных из средств разного семиотического характера.

Значительный вклад в теорию креолизованных текстов внесла Е. Е. Аписимова [5]. Нам представляется привлекательной работа Ю. А. Чудаковой [6], которая, опираясь на положения С. Д. Зауэрбир (Sauerbier), выявляет отношения между изображением и вербальной частью в зависимости от их референтной отнесенности. Она определяет следующие типы креолизованных текстов:

- параллельная корреляция* — содержания рисунка и вербальной части полностью совпадают;

- комплементарная корреляция* — содержания иконической и вербальной частей частично перекрывают друг друга;

- субститутивная корреляция* — иконическая информация замещает вербальную информацию;

интерпретативная корреляция — между содержанием вербальной и иконоической частей нет точек соприкосновения, эти связи устанавливаются на ассоциативной основе.

Соотношения субтекстов в составе политекстуальной системы могут быть дополнены, уточнены как *вхождение, соположение, чередование* (по Е. А. Баженовой). Итак, при анализе соотношения частей теледискурса мы предлагаем характеризовать их как связанные **разными типами корреляции — параллельной, комплементарной, субститутивной, интерпретативной — при их композиционном положении вхождения, соположения, чередования.** Такие соотношения могут быть выявлены в дискурсах, образованных парами разнознаковых субдискурсов, например, в передаче — вербальная составляющая и картинка (ведущий-журналист ведет передачу, его речь сопровождается иконоической составляющей — картина места, где разворачивается событие). В реальности же функционирующий теледискурс не имеет оппозитивной природы и обычно создается как сочетание более чем двух дискурсов разного семиотического характера (речь журналиста-ведущего, речь героев передачи с их коммуникативно-прагматическими характеристиками, телетекст на экране, имеющий собственные композиционные свойства, графические текстовые части — таблицы, графики, — изображение промышленных предприятий, ландшафта, аудиальные компоненты — речь, музыка, шумы и т. д.). При описании телепроизведений приходится исходить из их особенностей, выявлять конкретные субдискурсы в их составе и показывать их системные характеристики.

В таком сложном объекте, как теледискурс, состоящем из множества субдискурсов, используются средства, обеспечивающие его целостность и облегчающие интерпретацию информации. Главное, что создает целостность дискурса и объединяет между собой разные субдискурсы, — это включенность субдискурсов в единую ситуацию, обладающую едиными темпорально-локативными характеристиками. Любое произведение электронных СМИ обладает точной временной и локальной принадлежностью. Четкое датирование выступления на радио и телевидении — обязательный его компонент. Параметр времени объединяет части дискурса: в тот или иной день говорится о том, что случилось именно сегодня, что произошло в конкретный вре-

менной отрезок. Теле-, радиодискурс включает обязательные временные маркеры (словесные обозначения отрезков времени, ситуативно-поведенческие показатели, например, одежда и внешность героев передачи свидетельствуют об их пребывании именно в определенный исторический период на определенной территории). Выявление таких маркеров входит в задачу конкретного исследования теле- и радиопроизведения.

Важное средство объединения разнородных частей в единый дискурс — авторство. Все материалы, входящие в дискурс, отмечены чертами принадлежности к конкретному автору. Все указанные признаки передаются с помощью структурно-композиционных и речевых ресурсов текста. Мы лишь заметили те точки, где возможен анализ теле- или радиодискурса. Достаточно полная их характеристика — материал самостоятельного исследования.

Одно из важных средств связи в теледискурсе — заголовочный комплекс. Он оптимизирует восприятие информации, сохраняет целостность дискурса, связывая воедино разнородные компоненты. Сложная политекстуальная система держится на заголовочных элементах, они служат в первую очередь для ориентирования адресата, облегчения его интерпретационного поведения. Рассмотрим это явление на примере передач канала РБК (Российский бизнес-канал), где используется современная «телевизионная верстка». Этот недавно появившийся канал имеет аналитико-информационный характер, передачи посвящены серьезным проблемам современного бизнеса, экономической политики, иногда — известным людям, занимающимся финансовой и производственной деятельностью. Само содержание не выигрышно в плане выразительности, здесь редко присутствуют интересные, яркие события, поэтому моделировать эмоциональные ситуации в передачах только за счет представления привлекательных фактов чаще всего невозможно. Основные способы оптимизации восприятия такой информации — использование всех ресурсов построения телевизионного произведения, и в первую очередь — его заголовочной системы, что успешно применяют журналисты канала.

Рассмотрим с этой точки зрения выпуски новостей, выходящие каждые 30 минут. В заголовочном комплексе телепередачи выделяются те же элементы, что и в заголовочном ансамбле

газеты. Главный заголовок дискурса — комплекса произведений — «Новости» имеет нейтральный характер. Он занимает центральную позицию экрана, находится в поле зрения адресата в течение всей передачи и выполняет основную информативную функцию. В ключе главного заглавия воспринимается все сложное содержание: каждая текстовая часть, поданная ведущим или корреспондентом, — это новость. Передача каждого повостного мини-текста сопровождается подачей его внутреннего заголовка, выражающего основное содержание события.

Главную роль в передаче информации играет поле экрана, где даются составляющие передачу тексты (вербальные, аудиовизуальные). Так, в «Новостях» от 4 ноября первым событием выпуска было празднование Дня народного примирения, что выражено устно и с помощью письменной речи — ведущим и внутренними заголовками. В мини-тексте на небольшом экране цвета российского триколора расположены словесно выраженное название праздника, герб России, флаг. Переход к другим новостям сопровождался появлением новых внутренних заголовков и соответствующих мини-текстов с изображением.

Главный экран содержит в себе дополнительные информативные части, снабженные собственными заголовками. Нижнее поле экрана включает полосу изображения, где постоянно, по ходу передачи повостной информации, появляются цифры, отражающие котировку акций. Заголовками к ним служат сами названия соответствующих акций. Ниже — полоса бегущей строки, где титрами передаются другие новости. Информация сегментируется с помощью заглавий — названий информационных агентств. Новостные тексты-предложения разделены несколькими подзаголовками: «Главные новости», «Новости дня», «Новости недели», «Фондовые новости» и др. В правом нижнем углу экрана постоянно расположены мини-тексты — цифры котировки основных валют, где заголовочную роль играют сами названия валют. Как видим, усложненная информация передается с помощью широкого использования заголовочных средств сегментации текста, что оптимизирует процесс восприятия.

В качестве иллюстрации разговора о теледискурсе остановимся на одном его типе — выпуске телевизионных повостей. Выпуск повостей на телевидении — это самостоятельный дискурс, имеющий сложное строение. Части его выражены знаками

различной семиотической принадлежности. Проиллюстрируем это с помощью таблицы, отражающей сочетание разных композиционных и жанровых свойств текстов (табл. 2).

Таблица 2

Дискурс теленовостей

Композиция	Жанр
Сценарий (скрипт) как объединяющее текстовое целое (автор — выпускающий редактор) Репортаж (авторы-корреспонденты, выпускающий редактор) Синхрон — начитка в кадре (корреспондент, герой) Синхрон — начитка за кадром (корреспондент, герой) Анонс (автор — выпускающий редактор) <div style="margin-left: 40px;"> </div> Анонс выпуска Анонс рекламы Подводка — связка текстов внутри выпуска (автор — выпускающий редактор) Люфт — перерыв в речи корреспондента <div style="margin-left: 40px;"> </div> Картинка Синхрон героя (герой, пейзаж и т. д.) Хрипушка (речь героя по телефону или речь корреспондента в записи)	Сценарий выпуска Репортаж Анонс Интервью Зарисовка Комментарий

Покажем на примере, как при построении новостного дискурса сочетаются отдельные части в едином целом. Возьмем в качестве примера репортажи EuroNews за 6 декабря 2006 г., посвященные двум событиям — «Болезнь А. Шарона» и «Птичий грипп в Турции». Мы ставим цель определить общие принципы анализа дискурса «Новостей», состоящего из частей разной знаковой принадлежности, вступающих в разветвленные связи внутри целого произведения. Постановочный характер нашей работы определяет и способ подхода к анализируемому материалу: использованы отдельные примеры из разных репортажей, связанных указанными темами и выходивших в один день.

Прежде всего, остановимся на том, выделение каких компонентов дискурса релевантно для анализа. Структура новостей-

ного дискурса включает в себя следующие компоненты: выражение хода развития события (время, место); отражение участников происходящего; выражение обстоятельств события (сопутствующие факты); выражение мнения о происходящем (авторского, мнения очевидцев, мнения компетентных лиц и т. д.). Типы подачи события: номинативное, полное выражение хода происходящего, пунктирное.

При анализе соотношения частей теледискурса мы предлагаем характеризовать их как связанные разными типами корреляции — параллельной, субститутивной, интерпретативной — при их композиционном положении вхождения, соположения, чередования.

Анализ конкретных выпусков новостей выявляет способы выражения этих составляющих, зависящие от концепции телекомпании, авторского почерка, технических возможностей. Событие — болезнь А. Шарона — подано в сценарии (скрипте) новостийного выпуска, выраженном речью ведущего. Здесь передана временная канва (время начала болезни, ее течение), слова ведущего содержат в себе основные сведения о лечении премьер-министра Израиля. Вербальный канал строится из политекстуального сочетания репортажей корреспондентов, интервью с врачами, речи коллег Шарона. В дискурсе есть иконоческие составляющие — журналисты, сообщающие о произошедшем, кадры, где видно здание клиники, машина скорой помощи, двор клиники, медики, коллеги политика. Присутствует аудиальный канал — речь корреспондентов и других людей, находящихся возле здания клиники. Тип подачи события — полное выражение хода происходящего с использованием локативно-темпоральных маркеров (название места события, его времени, имен и фамилий участников).

Типы корреляции отдельных субдискурсов. В основном для анализируемых новостных дискурсов характерна комплементарная корреляция, когда содержание вербальной составляющей (в основном это речь журналиста-ведущего) в целом выпуске частично совпадает с информацией, выраженной другими знаками. Так, речевое сообщение о госпитализации А. Шарона подкреплено кадрами здания больницы и выступающего перед камерой врача. Параллельно коррелируют друг с другом рассказ о заседании кабинета министров и изображение на экране этого

заседания (иколическая, аудиальная и вербальная части дискурса). Содержание указанных компонентов полностью совпадает по типу параллельной корреляции, происходит повтор одного и того же содержания, закрепление его в памяти зрителей. Заметим, что принцип повтора информации — один из главных принципов построения дискурса телевидения, обеспечивающий оптимальное восприятие и интерпретацию содержания.

При субститутивной корреляции вербальная информация частично замещается содержанием, переданным иными знаками. Так происходит в репортажах о случаях птичьего гриппа в Турции. Корреспондент рассказывает о том, что заражение детей этой болезнью произошло дома, при игре с домашними птицами, которые часто живут в том же помещении, что и люди. Картинка на экране: деревенский дом, во дворе которого дети играют с курицами.

Можно считать, что главную роль в передаче фактов, обрисовке событий на телевидении выполняет вербальный канал, передающий все основные сведения о происходящем. Чаще всего это — речь журналиста — ведущего передачи. Именно журналист может использовать словесные средства передачи событийной канвы, представить события в нужном автору ракурсе, формировать взгляд на происходящее.

Невербальные компоненты дискурса часто выполняют роль формирования общеоценочного фона передачи, иллюстративную функцию, когда используется интерпретативная корреляция, — между содержанием вербальной и иконической частей нет точек соприкосновения, эти связи устанавливаются на ассоциативной основе. Именно так произошло при формировании дискурса на тему птичьего гриппа, где эмоциональная информация о событии выражена иконическими знаками: даны кадры — картинки похорон детей, погибших от этой болезни. В связи с этим хочется отметить значение иконических знаков и звукового оформления дискурса в формировании знака события, который запоминается зрителем, может служить напоминанием о произошедшем при повторном восприятии информации.

Мы коротко показали, как подается информация о происходящем в действительности, фактах, событиях. Другой тип сведений, содержащихся в теледискурсе, — это коммуникативно-поведенческая информация, передаваемая всеми знаками дис-

курса. Полный анализ теледискурса невозможен без учета того, какой речевой облик сформирован выступающим в передаче, без описания коммуникативно-прагматического комплекса, включающего в себя все стратегии и тактики речевого поведения журналистов и героев передачи. Частично этот вопрос освещен в нашем учебном пособии «Речь журналиста на телевидении» [7]. Важно учитывать, какой риторический образ формирует каждый выступающий на экране. Мы только указали на этот аспект анализа, подчеркнули его важность, отчетливо понимая, что эта сторона теледискурса — тема самостоятельного исследования.

В заключение сформулируем основные признаки теледискурса:

1. Произведения, бытующие на телевидении, представляют собой сложное дискурсивное образование, состоящее из субдискурсов, построенных из знаков разных семиотических систем и включающих коммуникативно-прагматические компоненты. Субдискурсы связаны разнообразными отношениями внутри дискурса и объединены средствами дискурсивной когезии (ситуативность, авторство, заголовочный комплекс).

2. Пестрота и многослойность теледискурса основаны на главной роли вербального канала передачи информации, который служит основным способом формирования авторской концепции. Восприятие дискурса электронных СМИ формирует у адресата привычку к сегментированному, отрывочному восприятию.

3. Дискурс новостей на телевидении состоит из многочисленных смысловых частей, взаимосвязанных друг с другом, и характеризуется различными типами подачи события.

Примечания

1. *Почепцов Г. Г.* Теория и практика коммуникации. М., 1998.
2. *Баженова Е. А.* Научный текст в аспекте политекстуальности. Пермь, 2001.
3. *Шинкаренкова М. Б.* Метафорическое моделирование художественного мира в дискурсе русской рок-поэзии: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
4. *Пойманова О. В.* Семантическое пространство видеовербального текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1997.
5. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студентов фак. иностр. яз. вузов. М., 2003.
6. *Чудакова Ю. А.* Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004): Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005.
7. *Лазарева Э. А.* Речь журналиста на телевидении. Екатеринбург, 2000.

ФИЛОСОФСКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О ФУНКЦИЯХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ В ТЕКСТЕ

1. Вступление: с восхищением и любовью. Социологи тревожно пишут о когнитивном кризисе в современном мире. Его основными причинами являются постоянная модернизация технологий; повышение скорости информационного обмена и вообще скорости исторического, событийного времени; ужесточение конкуренции в сфере производства; стремительное увеличение массивов информации, которую человек даже в отдельной области знания не в состоянии воспринять в целом. Как следствие, в сознании многих людей происходит фрагментация смыслов и разрушение целостной картины мира. Но с уверенностью можно сказать, что Людмила Григорьевна Бабенко, чутко улавливая суть времени, ускоряя темп своей научной жизни и интенсифицируя процесс научной деятельности, преодолела когнитивный кризис. Она включает в сферу своих научных интересов все новые и новые когнитивные области — лексикологию, грамматику, лексикографию, текстологию, которые изучаются, осваиваются не фрагментарно, а целостно, фундаментально. Выдерживая стремительное увеличение темпа жизни, скорости информационных процессов, Л. Г. Бабенко, будучи заведующим кафедрой, помогает бороться с когнитивным кризисом и своим сотрудникам, сплоченному коллективу авторов целого ряда авторитетных русских словарей [1]. Л. Г. Бабенко подвластно и замедление хода времени: только неспешно, внимательно читая художественные тексты, можно их анализировать на столь высоком профессиональном уровне, как это удается нашему юбиляру [2]. А опорой для своей плодотворной научной деятельности в наше стремительное и кризисное время Л. Г. Бабенко находит, конечно же, в объекте своих многолетних и плодотворных лингвистических исследований — в современном русском языке, обладающем множеством средств для управления движением во временном потоке. Эти языковые средства, а именно грамматические формы вида и времени, и являются основной темой данной статьи.

2. Феномен сокращения и растяжения настоящего. Социологи констатируют новый феномен современной динамичной цивилизации — «сокращение настоящего», когда «с возрастанием количества инноваций в единицу времени, уменьшается хронологическое расстояние до того прошлого, которое во многих жизненных отношениях уже устарело, в котором мы не можем уже распознать привычной структуры сегодняшнего жизненного мира и которое поэтому представляется нам чужим и даже непонятным» [3]. «Сокращение настоящего» — это и растущая нехватка времени, «которое как бы постоянно сжимается. Для его компенсации приходится постоянно ускорять темп жизни. Настоящее быстро устаревает, время как бы теряет непрерывность, становится хаотическим чередованием не связанных между собой отрезков... Время больше не течет, оно извергается. Прошлое и будущее как бы сливаются в настоящем, которое также быстро устаревает» [4].

Феномен настоящего — это традиционная философско-лингвистическая проблема. Еще в античных грамматиках настоящее трактовалось как соединение прошедшего и будущего «без всякого разрыва»: предложение *Я пишу стихотворение (scribo verbum)* уместно, по словам Присциана, «пока я еще не дошел до конца, и часть его уже написана, а часть еще должна быть написана» [5]. В русском языке с его особым видо-временным механизмом выражения темпоральных параметров событий данная проблема приобретает особое значение.

В русском языке нет морфологических средств для парадигматического противопоставления актуального настоящего, совпадающего с моментом речи, и широкого плана неактуального настоящего (как, например, в английском языке, в котором противопоставлены времена группы *Continues* и *Indefinite*). Основным средством для выражения настоящего времени в нем являются, как известно, презентные формы несовершенного вида (НСВ), которые могут выражать как актуальное, так неактуальное настоящее. Значение презентных форм НСВ не исчерпывается лишь одновременностью с моментом речи (ср. *Я сейчас готовлю обед, а ты что делаешь?*). В настоящем времени предстают действия, которые реализуются не только во время речевого акта, но и до и после него или вообще постоянно (*Он живет здесь уже двадцать лет. Волга течет на юг. Земля вращает-*

ся вокруг Солнца). К настоящему времени относятся также узусные и обобщенно-потенциальные действия (*Он каждый день ходит в школу. Этот материал не мнется. Смелость города берет*). Такое грамматическое осмысление названных и подобных им действий возможно потому, что для говорящего они являются, вследствие их устойчивости и стабильности, **актуальными** характеристиками объектов, **действительными** и для **момента речи**. «Тем самым изменяется характер отношения одновременности речевого акта: он совпадает не с осуществлением действия, а с «открытым бытием» указанных характеристик действия. Эти характеристики действия, как и конкретные разовые действия настоящего, имеют для говорящего статус актуальной действительности, в которой он живет и с которой взаимодействует» [6].

Таким образом, все разновидности значения настоящего времени объединены общим признаком «открытого бытия», т. е. одновременности с актуальной действительностью говорящего, которая определяется самим говорящим с учетом не только своего опыта и знаний, но и опыта и знаний других лиц. Это расширяет границы настоящего в русском языке.

Более того, говорящий может распространить настоящее и на прошедшее, представив прошедшие события синхронно с точкой отсчета. Все это увеличивает содержательный потенциал грамматической формы настоящего времени НСВ и позволяет создать в тексте единый и широкий план настоящего времени говорящего или повествователя как **актуального для него бытия**.

Посмотрим на примерах (отрывках из рассказов Б. Пильняка и М. Пришвина), как конкретные прошлые ситуации при помощи презентных форм НСВ со значением настоящего исторического приобретают статус обобщения, связывая прошлое с настоящим.

Конкретная ситуация в детстве, о которой вспоминает повествователь, обозначенная претеритальными формами совершенного вида — СВ (3, 4, 5), является основой для некоторого обобщения, значимого не только для плана прошлого, но и настоящего; эффект обобщения создают презентные формы 2-го лица (6, 7, 8). Обобщению подобные формы служат и в функции относительного времени (2). Ср.: *Я замечала (1) раньше, что весна, лето, осень, зима в человеческом сознании приходят (2)*

как-то сразу. Помню в детстве, на даче. Все еще лето, все как всегда, но вдруг утром подул (3) самый обыкновенный ветер, бросились (4) в глаза красные листья виноградника, которые уже появились (5) недели три, — и вдруг сразу чувствуешь (6), что осень, сразу меняется настроение (7) и начинаешь (8) собираться домой, в город (Б. Пильняк. Первый день весны).

В отрывке из рассказа М. Пришвина «Мирская чаша» за вроде бы конкретной ситуацией (ее конкретизации способствуют претеритальные формы СВ в конце отрывка) скрывается создаваемое формами настоящего времени НСВ широкое обобщение, беспредельно расширяющее актуальное бытие говорящего:

Родина...

Если бы моя далекая возлюбленная могла услышать в слове силу моей любви! Я **кричу**: «Ходите в свете!» — а слово эхом ко мне **возвращается**: «Лежите во тьме!» Но ведь я знаю, что она существует, прекрасная, и больше знаю, я избранник ее сердца и душа ее со мною всегда, — почему же я **тоскую**, разве этого мало? Мало! Я живой человек и хочу жить с ней, видеть ее простыми глазами. И тут она мне **изменяет**, душу свою чистую **отдает** мне, а тело другому, не любя, презирая его, и эта блудница, — раба со святою душой, — моя родина. Почему о родине я **могу** говорить, и, если бы я твердо знал, что это особенно нужно, я бы мог петь о ней, как Соломон о своей лилии, но ей сказать я ничего не могу, к ней мое обращение — молчание и счет прошедших годов?

Немой стою с папироской, но все-таки **молюсь** в этот заутренний час, как и кому не знаю, **отворяю** окно и **слышу**: в неприступном чистике еще **бормочут** тетерева, журавль **кличет** солнце, и вот даже тут, на озере, сейчас на глазах, сом **шевелинулся** и **пустил** волну, как корабль.

Немой **стою** и только после **записываю**:

«В день грядущий, просветли, господи, наше прошлое и сохрани в новом все, что было прежде хорошего, леса наши заповедные, истоки могучих рек, птиц сохрани, рыб умножь во много, верни всех зверей в леса и освободи от них душу нашу».

3. Связь настоящего с другими временными планами. Особенностью русского языка является также другая форма проявления связи прошедшего и настоящего: выражение результирующего состояния, значимого для настоящего, претеритальными

формами СВ, например: *Брат за лето вырос и похудел* (= 'Сейчас он выше и худее, чем был раньше, до лета'). Как особая форма такой способ выражения результирующего состояния осознается лишь при сопоставлении с другими языками, например с немецким или близкородственным (славянским) чешским языком. В этих языках результирующее состояние чаще представляется статично, при помощи аналитических конструкций с отглагольными причастиями, прилагательными и наречиями, тогда как в русском в функционально эквивалентных предложениях выражается само результирующее действие, причем как совершившийся факт, а результирующее состояние выступает как имплицитный (выводимый) смысл: *Тебе пришло толстое письмо* — *Ein dicker Brief ist für dich da*; *Почти два года как он уехал* — *Fast zwei Jahre ist er schon fort (weg)* — *Je pryč už dva roky*; *Цветок завял* — *Květiny je zvadlá*. *Пиво выдохлось* — *Pivo je zvětralé*; *Комнату я уже убрала* — *Pokoje už uklizený* [7].

Прошедшее время предстает как единый план, в котором эксплицитно, грамматической формой не дифференцированы подзначения прошедшего времени: давнопрошедшее, аористивное, имперфективное, перфективное. Даже имеющиеся две претеритальные формы СВ и НСВ обычно в грамматиках трактуются как одна временная форма [8]. Конкретизация временных координат действия на временной шкале выражается имплицитно в тексте. Например, в следующем отрывке из рассказа Б. Пильняка «Всегда командировка» реализованы все контекстные значения формы прошедшего времени глаголов СВ и НСВ: *Мрак окончательно укутал* (перф.) *землю... дождь капал* (имперф.) *безнадежно, безнадежно ревел* (имперф.) *заводский гудок. Шел* (имперф.) *по квадратным аллеям парка, через парк, к клубу, не дошел* (аорист.), *свернул* (аорист.) *к школе, пошел* (аорист.) *к Нине: вместе, в маленьком городишке учились* (плюскваперф.) — *и с тех пор, ибо любовь одна, — он остался* (перф.) *для нее навсегда — одним, единственным...*

Настоящее тесно связано также с будущим, связь эта проявляется в самой форме простого будущего СВ. В книге В. В. Виноградова «Русский язык» применительно к этой форме используется термин *настоящее-будущее время*, так как презентная форма (форма, образованная по типу форм настоящего времени) выражает прежде всего значение будущего времени, но в

особых условиях может иметь значение и неактуального настоящего [9]. Например: *Бывают минуты, когда люди неожиданно **откроют** то, что годами скрывали.* Свойства субъекта презентными формами СВ представляются как потенциальная способность (или неспособность, при отрицании) осуществить то или иное действие в любой момент — и в момент речи, и в будущем. Он *все знает, на любой вопрос **ответит**.* Презентные формы СВ с данным значением широко распространены в отрицательных обобщающих конструкциях, особенно в разговорной речи: *из песни слова не выкинешь, всего не расскажешь, тебя не дозовешься, не добудешься.*

Презентная форма СВ связывает с будущим даже план настоящего актуального, для которого в русском языке, как и во всех славянских языках, действует запрет на употребление глаголов СВ, не совместимых со значением длящегося процесса.

А. В. Бондарко в одной из своих последних монографий [10] высказал мнение, что в некоторых типах предложений, передающих ситуации актуального настоящего, возможно употребление глаголов СВ: 1) *Не **пойму**, что он говорит...*; 2) *Попрошу задержаться*; 3) *Посмотрите: огонек то **вспыхнет**, то **погаснет**.* Здесь позиции А. В. Бондарко сближаются с точкой зрения Г. А. Золотовой, которая считает, что глаголы СВ вполне могут выполнять «имперфективную процессуально-воспроизводящую функцию», например, в таком предложении: *Пес как **прыгает**, **авизжит**...* (ср. *Пес прыгает и визжит*) [11].

Категориально обусловленный запрет на сочетаемость глаголов СВ с фазовыми глаголами и на употребление в контексте актуально-процессного значения в русском языке, как и в большинстве славянских языках (кроме серболужицкого [12]), соблюдается очень строго. Как представляется, не являются исключением и рассмотренные выше случаи употребления глаголов СВ — в этих случаях речь идет не о видовом значении процессуальности, а о возможности соотнесения с моментом речи завершенных действий СВ — через их результат или описание нескольких соотнесенных действий, образующих единую ситуацию, синхронную с моментом наблюдения. Так, в предложениях *Не пойму, что он говорит; Никак тебя не пойму; Никак не найду нужную книгу* (последнее предложение может служить ответом на вопрос *Что ты сейчас делаешь?*) отрицание создает условия

для выражения глаголом СВ результата предшествующих моменту речи попыток совершить действие, который релевантен для момента речи и примыкающего к нему будущего временного плана. Такому употреблению способствует модальный потенциал формы простого будущего (см. выше).

При употреблении перформативов СВ типа *Попрошу задержаться* глагол СВ также не выражает актуальный процесс, так как последний момент произнесения перформатива совпадает с завершением названного им действия. Начальный и конечный моменты произнесения глагольных форм типа *гарантирую, обещаю, напоминаю, прошу* совпадают с начальным и конечным моментами осуществления названного действия, поэтому глагол НСВ выступает не в актуально-процессном значении, а в нейтральной функции констатации факта, что создает условия для синонимичного употребления некоторых перформативных глаголов СВ и НСВ: *Прошу/попрошу предъявить билеты*. «Перформативы всегда результативны», поэтому «не употребляются в процессном и актуально-длительном значениях настоящего несовершенного» [14].

В приведенном выше примере А. В. Бондарко *Посмотрите: огонек то вспыхнет, то погаснет* выражена наблюдаемая (перцептивная) ситуация, в рамках которой все действия одновременны моменту наблюдения — непроцессуальные (точечные) действия повторяются в рамках одной перцептивной ситуации. Сам факт возможности референции презентных форм СВ к настоящему актуальному показывает силу тенденции «связи времен» в современном русском языке, которая обходит строгий запрет на несовместимость совершенного вида со значением процессуальности.

Как мы уже отмечали, простая система времен русского глагола обуславливает имплицитное выражение многих частных временных значений, а также большую роль вида и контекста в их реализации. Кроме того, это способствует активному использованию форм времени в переносном значении, метафорически: формы настоящего используются для обозначения как прошедших (*Вчера выхожу из дому и вдруг вижу нашего кота...*), так и будущих событий (*Завтра я еду в библиотеку; В следующем году он поступает в университет*), формы будущего СВ — для выражения прошедшего события (как неожиданного и удивительного).

тельного: *Скажут ведь такое!*), формы будущего НСВ — в значении настоящего, вызывающего неодобрительную оценку говорящего (*Ты мне еще будешь об этом рассказывать!*), формы прошедшего — в значении близкого будущего (*Все, не волнуйся, я уже ушла*), неизбежного будущего (*Если ты опоздаешь, мы пропали*) и др. (подробнее см. [15]). Добавим, что особенностью русского языка является использование в значении прошедшего времени форм повелительного наклонения (*Она ему об этом неожиданно и скажи*) и глагольных междометий (*прыг, топ, хлоп*), что также снижает роль парадигматики и увеличивает роль синтагматики в выражении временных значений. Ср. употребление форм императива в непобудительной функции со значениями долженствования, вынужденности, невозможности совершить действие в плане настоящего или прошедшего времени: *А жисть раскипяти-и-ил... страшно поглядеть... он только успевай поворачиваться* (В. Распутин); *Куда меня не гоняли за два года плена!.. А работу давай, и слова не скажи, да такую работу, что ломовой лошади и то не впору; Целый день дождь шел, лохмотья на нас хоть выжми* (М. Шолохов).

Возможность субъективного выбора временных форм и роль контекста в выражении временных значений привели грамматистов-славянофилов в XIX в. к выводу о том, что в русском языке временные формы не имеют постоянного значения. Для аргументации данного вывода приводились также следующие факты: формы прошедшего времени в русском языке восходят к причастиям на -л, будущее время выражается с помощью форм настоящего времени, составное будущее было сформировано в русском языке значительно позже, чем другие временные формы. На основании данных фактов делалось заключение о меньшей степени морфологической оформленности категории времени по сравнению с видом русского глагола. Именно с видом и реализацией в нем временных представлений К. С. Аксаков связывал своеобразие русского глагола и русского языка в целом. «Глагол в русском языке выражает самое действие, его сущность... Язык наш обратил внимание на внутреннюю сторону или качество действия, и от качества уже вывел, по соответствию, заключение о времени... Вопрос качества, вопрос: *как?* есть вопрос внутренний и обличает взгляд на сущность самого действия; вопрос времени, вопрос: *когда?* есть вопрос поверх-

ностный и обличает взгляд на внешнее проявление действия» [16] (см. также [17]). Данному выводу придавался философский и идеологический смысл: был сделан вывод «о различии между внешней, рационалистически отвлеченной категоризацией жизненного опыта, составляющей... сущность западной ментальности, и органическим подходом, стремящимся проникнуть в “жизненную” сущность явлений, — то, что составляет отличительное свойство русской культурной традиции», а также и русского языка [18]. Не вдаваясь подробно в дискуссию, все же можно констатировать, что в русском языке действительно большее внимание уделяется внутренней структуре ситуации, чем выражению временных координат действия на дейктической временной шкале. Средствами вида также можно «управлять» временным потоком событий, убыстряя или замедляя течение обозначаемых действий.

4. «Замедление времени» в повествовательных текстах.

В русском языке широко представлено «расширение» настоящего и «замедление» течения событий при помощи видовременных форм — презентных форм НСВ со значением настоящего исторического (см. примеры, приведенные выше в разделе 2, и анализ настоящего исторического в [19]). Но эффект замедления течения времени могут создавать непосредственно и сами видовые формы НСВ, без поддержки форм настоящего времени.

Как известно, в повествовательных текстах претеритальные формы СВ организует линию развертывания сюжета, НСВ описывает ситуацию, «наличную к определенному моменту в течении событий» [20]. Ср.: *Офицеры **вышли** из строя и сплошным кольцом **окружили** корпусного командира. Он **сидел** на лошади, сгорбившись, опустившись, по-видимому, сильно утомленный, но его умные. . . глаза живо и насмешливо **глядели** сквозь золотые очки* (А. Куприн. Поединок).

Использование претеритальных форм НСВ в нарративном тексте при описании событий, сменяющих друг друга на сюжетной линии, приближает повествование к былинному стилю, подробно описанному А. А. Потебней. Ср. «былинный стиль»: *Натягивал скоренько свой тугой лук, / Стрелял во Соловья Рахманова, / Стрелял он ему в правый глаз, / Свалился он Соловей с сорока дубов.* А. А. Потебня такое употребление НСВ в былинах объясняет «медленностью течения» мысли певца [21]. Важно отметить,

что при таком употреблении видов, хотя контекст и указывает на завершенность и результативность действий, НСВ тем не менее актуализирует срединные моменты их протекания, что создает эффект подчеркнутой длительности — претеритальные формы НСВ со значением «сказового» действия «в отличие от форм СВ концентрируют внимание не только на результате, но и на процессе» [22]. Если пользоваться терминологией Г. А. Золотовой, то, очевидно, в данном случае можно было бы говорить о наложении двух функций претеритальных форм НСВ: аористивной и имперфективно-процессуальной. Первая обусловлена взаимодействием данных форм с общим содержанием высказывания и хронологическими отношениями последовательности между обозначаемыми действиями. Вторая определяется семантикой НСВ при обозначении конкретных неповторяющихся действий.

Игра видов является характерным художественным приемом в произведениях Б. Пильняка. В следующем отрывке из «Повести непогашенной луны» претеритальные формы НСВ вносят в повествование элемент описательности — изображается в подробностях последний день и состояние командарма перед неизбежной для него хирургической операцией, к которой его принуждают. Ср.: *Тогда командарм **ходил** в спальню, принес большой блокнот, позвонил, сказал вестовому. . . Однажды **звонил** телефон, он **слушал** и ответил.* Глаголы НСВ не просто замедляют и укрупняют ход событий — они выражают покорность главного героя. Командарм Гаврилов, как винтик системы, несмотря на то, что чувствует себя здоровым, покорно ложится под нож хирурга, повинаясь приказу и предчувствуя смерть. Противопоставление претеритальных форм НСВ, передающих действия нарочито замедленно, и СВ, подчеркивающих динамизм обозначаемых действий, выступает как художественный прием для выражения психологической характеристики действующих лиц — покорного и сломленного командарма, болеющего и зависимого врача (НСВ) и повелевающего и решительного диктатора (СВ). Ср.: *Перед тем как уйти из дому, профессор с торжественным лицом и с неким почтительным страхом **звонил** в телефон; Он **звонил** в кабинет дома номер первый, почтительно он **спрашивал**, не будет ли каких-либо новых распоряжений, твердый голос в телефонной трубке **предложил** приехать сейчас же после операции с докладом* [23].

В другом отрывке из повести Б. Пильняка «Третья столица» формы НСВ выражают попытку героя повести, англичанина мистера Смита, противопоставить хаотичному вихрю событий в послереволюционной России, сметающему все на своем пути, размеренный, привычный для Шотландии уклад жизни, попытку, надо сказать, неудачную: подхваченный этим вихрем, мистер Смит погибает в России. Ср.: *В полумраке, Роберт Смит взглянул в зеркало, волосы сбились на лоб, лицо показалось лошадиным. Во рту, от недоспанного сна, ощутился привкус свинцовой горечи. — Смерть. Смерть. — И все же мистер Смит не поспешая принимал ванну, натягивал на повлажневшие костлявые ноги шелковые тугие кальсоны, тщательно заправлял рубашку с негнушающейся крахмаленой грудью, выбирал в гардеробе костюм, избрал черный и затягивал сзади у брюк хлястик, защелкивал пряжки у ботинок. — Лакей принес кофе, в необыденный ранний час. — Смерть. Смерть.*

4. Вместо выводов. Таким образом, большую роль в реализации идеи времени в русском языке играет категория вида, выражающая темпоральную структуру действий, их временные границы и, соответственно, соотношение во времени в представлении говорящего. Субъективная составляющая категории вида позволяет замедлять или ускорять поток событий за счет актуализации разных сторон обозначаемой ситуации. Переключение внимания на «внутреннее» время действия и высокая степень субъективизма при его представлении усиливают роль восприятия и при выражении координат действия на временной шкале, что обуславливает подвижность границ между временными планами. Настоящее время в русском языке предстает как актуальное бытие говорящего, поэтому оно может расширяться, охватывая прошедшее и будущее. Этому способствует большая роль контекста в выражении временных значений, а также то, что прошедшее время в русском языке выступает как единый план, без отделения давнопрошедшего и без парадигматического выделения перфекта. Такое свойство организации языковой категории времени многое объясняет в восприятии феномена времени, зафиксированного в русской картине мира. В частности, становится понятным естественное расширение актуального бытия русских православных христиан более чем на две тысячи лет в прошлое, тогда как многие западные христиане воспринимают

христианство «без реформ» (православие) как архаичное, устаревшее.

Примечания

1. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М., 1999; Экспериментальный синтаксический словарь: Русские глагольные предложения. М., 2002; Большой толковый словарь русских существительных. М., 2005.
2. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста: Основы теории, принципы и аспекты анализа. Екатеринбург; Москва, 2004.
3. *Любе Г.* В ногу со временем: О сокращении нашего пребывания в настоящем // *Вопр. философии.* 1994. № 4. С. 94–113 (сокращенное изложение книги: *Lübbe H.* Im Zug der Zeit. Verkürzter Aufenthalt in der Gegenwart. Berlin; Heidelberg; New York, 1992).
4. *Гаджиев К. С.* Проблема ускорения времени // *Гаджиев К. С.* Введение в геополитику: Учеб. для студентов вузов. М., 1998.
5. *Князев Ю. П.* Настоящее время: семантика и прагматика // *Логический анализ языка. Язык и время.* М., 1997. С. 133.
6. *Шелякин М. А.* Функциональная грамматика русского языка. М., 2001. С. 94.
7. О различиях в представлении подобных ситуаций в русском и японском языках см.: *Канеко Ю., Петрухина Е. В.* Аспектуальная семантика в глагольных системах русского и японского языков (сопоставительный анализ фрагментов языковой картины мира) // *Вопр. языкознания.* 2004. № 4.
8. *Русская грамматика.* М., 1980. Т. 1. С. 629.
9. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. С. 451–456.
10. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики. М., 2002. С. 499.
11. *Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю.* Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998. С. 403.
12. Глаголы СВ в верхнелужицком часто употребляются в контекстах, в которых совмещается план прошедшего и настоящего для обозначения действий, одновременных с моментом речи, причем такое употребление в грамматиках расценивается как нормативное. Речь идет о случаях типа *To je rjenje, zo was tu zetkam* — Хорошо, что я вас здесь встречаю (букв. встречу); *Zwotkel da přirīdzes?* — Откуда ты идешь (букв. придешь)? Кроме того, в грамматических описаниях верхнелужицкого языка отмечается даже сочетание фазового глагола с СВ, но как некорректное. Ср.: *W lětach 1896–99 je započal spisać a wudać traktaty w slowjanskej řeči* — В 1896–99 годах он начал писать (букв. начал напечатать) и издавать (букв. начал издать) трактаты на славянском языке [13]. Отметим, что серболужицкий язык испытывал на протяжении всей своей истории сильное влияние немецкого языка.
13. *Faßke H.* Grammatik der obersorbischen Schriftsprache der Gegenwart. Morfologie. Bautzen, 1981.
14. *Апресян Ю. Д.* Глаголы моментального действия и перформативы в русском языке // *Русистика сегодня.* М., 1988.
15. *Гловинская М. Я.* Многозначность и синонимия в видовременной системе русского глагола. М., 2001.

16. Аксаков К. С. О русских глаголах. М., 1855. С. 12, 15.
17. Некрасов Н. П. О значении форм русского глагола. СПб., 1865. С. 139.
18. Гаспаров Б. Лингвистика национального самосознания // Логос. 1999. № 4.
19. Петрухина Е. В. Текстовые функции видов в русском языке в сопоставлении с чешским: опыт объяснительной теории сходств и различий // Текст в лингводидактическом аспекте. Калининград, 2003.
20. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984. С. 184.
21. Потемня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1977. Т. 4, вып. 2: Глагол. С. 34–44.
22. Гловинская М. Я. Семантика, прагматика и стилистика видовременных форм // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. М., 1989. С. 111.
23. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М., 2000. С. 76–83.

© Т. А. Трипольская
г. Новосибирск

ВЫБОР И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЛОВА АВТОРОМ И ЧИТАТЕЛЕМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Проблема выбора и интерпретации языкового знака говорящим и слушающим достаточно новая для современной лингвистики, она органично вписывается в проблематику интерпретационных исследований. Интерпретационная деятельность человека (оценка интерпретационного потенциала языковой системы, интерпретация внеязыковой ситуации и представление ее тем или иным способом, интерпретация высказывания, текста, а также своего или чужого речевого поведения) имеет ряд ограничений. Во-первых, она связана с постоянными факторами: со спецификой языковой системы и системы основополагающих концептов, а также с особенностями глубинной и поверхностной памяти; во-вторых, зависит от целого ряда переменных: фактора адресата, интенций говорящих, эмоционального состояния коммуникантов, жанрово-стилистического регистра, фокуса внимания и др. [1].

Текст как объект интерпретационных исследований рассматривается в монографических трудах Е. В. Падучевой [2] и Л. Г. Бабенко, И. Е. Васильева, Ю. В. Казарина [3]. Так, авторы моно-

графии «Лингвистический анализ художественного текста» выделяют интерпретируемость как универсальное свойство художественного текста. Они также отмечают, что текст порождает множественную интерпретацию, которая обусловлена уникальностью художественного текста как психолого-эстетического феномена, так как он создается автором для выражения своих индивидуальных представлений о мире при помощи набора языковых средств и направлен читателю. Интерпретационный компонент, выделяемый А. В. Бондарко [4], присутствует в каждом компоненте текстовой деятельности и отражается в тексте. Воплощая в тексте свои представления о мире, отображая фрагменты действительности и творчески осмысляя ее в собственном тексте, автор тем самым интерпретирует ее, выбирая для этого те или иные языковые средства (содержание, передаваемое языковыми формами, всегда выступает в той или иной языковой интерпретации). Читатель, стремясь проникнуть в творческий замысел автора, постичь его, познает содержание художественного текста активно-деятельностно, т. е. интерпретирует текст [3].

Мысли авторов коллективной монографии о встречном движении интерпретационной деятельности автора и адресата, о моментах совпадения и расхождения их интерпретаций, как кажется, позволяет существенно расширить диапазон исследовательских проблем, связанных с герменевтикой, рецептивной поэтикой, филологическим анализом художественного текста.

Подобное взаимодействие в интерпретационном поле художественного текста можно наблюдать на примерах актуализированного выбора слова автором и его оценки читателем. Об интерпретации имеет смысл говорить в том случае, когда в поле зрения попадает система языковых альтернатив (языковых вариантов) и различные способы представления одного и того же события.

Выбор языкового знака есть проявление языковой личности говорящего (Т. Г. Винокур), он может быть эксплицитным и/или имплицитным. Эксплицитный выбор способа языкового выражения, как кажется, позволяет судить о его осознанности, тогда как отсутствие эксплицированности оставляет вопрос об осознанности/неосознанности открытым. Показатели осознанного отбора слова чрезвычайно важны — они раскрывают соотношение автоматических и осмысленных этапов в механизме порождения речи.

Текст романа Павла Крусанова «Бом-бом» чрезвычайно интересен в аспекте сформулированных задач. В этом постмодернистском тексте, реализующем жанр альтернативной истории, понятие выбора является элементом художественной картины мира: герои поставлены перед необходимостью сделать выбор, причем выбирать приходится и тогда, когда избираемые объекты практически неразличимы: *Двойняшки в его воображении выглядели единым существом, диковинным и прекрасным, как райская бабочка с небывалым зеркальным узором на крыльях, как дивная химера — двуликий ангел. Положительно он не мог отдать предпочтение одной половине и в то же время остаться равнодушным к другой, но эта невозможность выбора отнюдь Норушкина не забавляла...*; или конец романа, когда читатель может сделать выбор между двумя финалами: если выпадает орел — герой спускается в закрытое подземелье, чтобы пробудить колокол, если решка — продолжает жить по-прежнему.

Важнейшим объектом выбора является и собственно слово, причем в тексте этот выбор явлен разными способами: это и синонимические ряды (ср., например: *На Введение шел мягкий, смирный снег, белое небо висело низко...*), и специальные конструкции, разъясняющие смысловое наполнение тех или иных языковых единиц (— *Парадиз какой-то, — перенимая Катину повадку, подумал он, но тут же с несвойственным ему... буквоедством поправился: — Нет, рай — это когда ты не знаешь, тепло тебе или холодно, одет ты или нет, сыт или в брюхе волки воют. Рай — это когда у тебя нет того, что чувствуют, когда тебе безо всего хорошо и ничего не нужно*), и курсив, выделяющий по разным основаниям слова (До Аттилы ему уже не было дела. Он хотел *развязать узды сильных*) и, наконец, специфические ряды семантически сближенных слов, которые даются через косяную черту.

Данное явление оказывается достаточно редким в художественных текстах и особенно интересным в свете проблемы множественной интерпретации внеязыковой действительности автором текста и адресатом. Представляется, что это не стремление автора показать, как рождается текст, не стремление «блеснуть муками творчества» (А. Секацкий). Указанный прием не является сквозным, он характерен для определенных частей романа. Повествование осуществляется в двух временных планах:

в четных главах речь идет о предках главного героя, в печетных — о Норушкине-современнике. Ряды альтернативных номинаций появляются в главах, посвященных сегодняшней жизни, раздумьям, сомнениям Норушкина.

Ср.: *В нынешние времена запись, надо думать, поскоблили на цифровой машинке/технике/аппаратуре и штампанули на CD, поскольку звук был довольно чистым; И Норушкин кратко, но правдиво/искренне/начистоту рассказал про чертову башню...; ...где ранней осенью Андрей любил смотреть на редкое атмосферное явление — желудепад, выкаблучивались/фиглярили перед идущей публикой два приблизительно шестиклассника...; Что могла она помнить и знать о Чернобыле? В ту пору в своем Оранжевауме/Рамбове она еще, поди, в песочнице производила куличи.*

Подобные ряды близких в смысловом отношении слов не однородны (синонимы с разной степенью смысловой близости, слова, относящиеся к одной тематической группе) и, очевидно, выполняет разные функции.

Если говорить об использовании такого приема в целом, то следует подчеркнуть, что введение в текст цепочек семантически сближенных слов свидетельствует о стремлении писателя актуализировать саму возможность выбора, а также предоставить читателю уникальную возможность проделать эту работу, почувствовав поддержку или сопротивление текста.

Рассмотрим, каковы смысловые отношения слов, представленных в тексте как конкурирующие номинации через косую черту.

Прежде всего, это смысловые и/или стилистические синонимы:

«Либерия» объяла/облапила Андрея красными (скорее, цвета свернувшейся крови) стенами — в современном дизайне который год моден голый проолифенный кирпич с пятнами старой штукатурки...; Среда/обстановка была приятной. Ее слагали тьмы мелких деталей. Зачем их описывать? Достаточно сказать, что они были хороши; Как на странно, почувствовавший нечисть Фома словам Норушкина внял и вновь — приблизительно/на глазок принял человеческий облик; И еще раз так же, но иначе — с иными голосовыми переливами/модуляциями.

Выделенные смысловые, стилистические и смешанные сино-

нимы представляют фрагменты синонимических рядов. Ср., например: **приблизительно** (не совсем точно, лишь более или менее точно), **примерно**, **ориентировочно**, **приблизенно**, **грубо**, **на глазок**; **среда** (окружающее общество, **обстановка**, условия, в которых протекает чья-л. жизнь), **окружение**, **сфера**; **обнять** (охватить кого-л. руками, выражая любовь, нежность, дружбу и т. п.), **облапить** прост., усилит., заключить в объятия (Словарь синонимов / Под ред. А. П. Евгеньевой). Глагол же **объять** в ТСО толкуется следующим образом: охватить, обнять; **модуляция** (спец.) — переход из одной тональности в другую (о музыкальных звуках); **перелив** — переход из одного оттенка, тона (цвета, звука) в другой (ТСО).

Необычный способ введения в текст избранных элементов синонимических рядов заставляет прочитывать их по-особому: либо выстраивать сложную, многомерную картинку (или две!), учитывая смысловые и стилистические оттенки различных наименований, либо выбирать наиболее адекватную, с читательской точки зрения, номинацию.

С помощью синонимов, введенных через косую черту, автор представляет интерпретируемое событие по-разному, например, повышая или понижая пафос изложения, меняя эмотивно-оценочную модальность текста. Ср.: **объять и облапить** характеризуют влияние места («Либерия») на героя противоположным образом. По сути дела, в текстовом фрагменте предъявлены две возможные интерпретации восприятия окружающего мира. Это не уточняющая функция синонимов, как в случае, когда синонимы даются как перечислительный ряд или в скобках как дополнительная, уточняющая информация, например.: «*Либерия*» **объяла/облапила** Андрея **красными (скорее, цвета свернувшейся крови)** стенами — в современном дизайне который год моден голый проолифенный кирпич с пятнами старой штукатурки...

В данном примере выбор более удачной номинации (**скорее, цвета свернувшейся крови**) осуществлен автором, читателю лишь сообщается об объективных трудностях адекватного отражения цветовых характеристик предмета. Это способ уточнения параметров ситуации, но не разные модальные (эмотивно-оценочные) и стилистические интерпретационные режимы [1], используемые для разного представления положения дел (ср., например: **объяла/облапила**). Через косую черту даны синонимы,

находящиеся в отношении семантико-стилистического рассогласования (В. Г. Гак), за каждым из них — особое, но имеющее право на существование, с точки зрения автора, видение ситуации. Самое же главное то, что выбор «картинки» предлагается сделать читателю, вынужденному мысленно «проиграть» все предъявленные варианты, сделав особый мысленный акцент на том, чем члены синонимической системы языка различаются. Подчеркнем, что представленные варианты номинации, безусловно, включаются в более широкий фрагмент «вербальной сети» говорящего [5], который всплывает в памяти при актуализации тех или иных элементов данной подсистемы. Иными словами, автор втягивает читателя в тощую филологическую игру, выигрышем в которой является ощущение сопричастности, соучастия в порождении текста. Кроме того, неизменным элементом этой игры становится «корректирующая ирония» по отношению ко всем проявлениям жизни.

Если же рассматривать пригодность и адекватность того или иного варианта, пужно в первую очередь учитывать особенности его семантического и стилистического согласования с другими элементами контекста. Ср.: *В нынешние времена запись, надо думать, поскоблили на цифровой машинке/технике/аппаратуре и штампанули на CD, поскольку звук был довольно чистым.*

Предпочтительным с точки зрения лексико-грамматической сочетаемости (см. предлог **на**) является вариант **на цифровой аппаратуре**, однако семантико-стилистические «соседи» **поскоблили** и **штампанули** очевидным образом тяготеют к разговорному варианту **машинка**. Предложенные семантико-стилистические варианты интерпретации определенного положения дел служат своеобразным мостиком, соединяющим разностилевые языковые средства в лексической организации постмодернистского эклектичного текста.

В ряде случаев смысловой и стилистический зазор конкурирующих номинаций отсутствует вовсе — вероятно, здесь автор предоставляет возможность выбрать тот вариант, который больше нравится читателю (учет фактора языкового вкуса адресата). Ср.: *...где ранней осенью Андрей любил смотреть на редкое атмосферное явление — желудепад, выкаблучивались/фиглярили перед идущей публикой два приблизительно шестиклассника; В автобусе сквозило и мочило из открытого в крыше*

салона люка. Закрывать его не получалось — **устройство/механизм** заклинило.

Предлагаемые варианты номинаций вполне заменяемы в этих контекстах без нарушения смысла высказываний. Синонимический ряд глаголов **выставляться, выпендриваться, выкаблучиваться, фиглярствовать** и т. д. позволяет говорящему (а в нашем случае и адресату) отдать предпочтение тому слову, которое удовлетворяет его языковому вкусу (оригинально, забавно, имеет внутреннюю форму, передает необходимые эмоционально-оценочные смыслы).

Цепочки альтернативных номинаций, дающие читателю возможность участвовать в моделировании изображаемой ситуации, представляют собой также языковое средство, позволяющее соединять разные временные пласты, разные пространства в повествовательной парадигме текста. Объединяя устаревшие и современные слова, типично русские и связанные с жизнью других народов номинации, автор расширяет временные и пространственные границы повествования и представляет совершенно органичным переход героя из своего мира в мир предков. Ср.: *Не дожидаясь исполнения директивы «писаных понятий», он развернулся и, быстро миновав **сенцы/переднюю**, вышел на крыльцо; Возможна, впрочем, и другая версия об адресате, отсылающая к тому таинственному **братству/ордену**, где... Платон Ильич стоял на третьей ступени посвящения; В отсутствие соперника **пря/тяжба** о земле, пусть с проволочкой, но сама собой решила в пользу истинного хозяина — Андрея.*

Сени (уменьш. *сенцы*) — в деревенских избах и **в старину** в городских домах: помещение между жилой частью дома и крыльцом; *тяжба* — гражданское судебное дело (**устар.**); *братство* — содружество (высок.); религиозная община, союз (**устар.**); *орден* — организация, община с определенным уставом (монашеская или, **в Средние века**, рыцарская).

В этих рядах номинаций одинаково значимы оба слова — они косвенным способом устанавливают необходимые ассоциативные связи между сегодняшним днем и разными временными и пространственными ориентирами в хронотопе художественного текста. Автор, сопоставляя эти разноплановые лексические единицы, увязывает в единый смысловой узел настоящее и прошлое, вводя эти временные планы в «большое время», так как всякое художе-

ственное произведение разбивает граи своего времени и ведет диалог «с голосами из прошлого» (М. М. Бахтин).

Таким образом, косая черта в данных примерах имеет иные функциональные характеристики: скорее, объединяет, сопоставляет, может быть, противопоставляет одинаково существенные смыслы, а возможность и необходимость выбора одного из предложенных вариантов оказывается вполне периферийной.

И наконец, ряды слов, представляющие синонимы, которые призваны уточнить ситуацию, внести всевозможные смысловые оттенки, т. е. достичь эффекта полноты характеристики объекта по разным основаниям, реализуя типичную функцию синонимов в речи/тексте. Ср.: ***Удачные/яркие импровизации**, как в случае с Нероном или Николаем Романовым (надо иметь не только мужество, но и отменный вкус, чтобы подписать отречение от престола именно на станции Дно), всеми, кто не лишен эстетического чутья, безусловно, признаются шедеврами, однако провалов куда больше — «партнер» то и дело стремится уйти от брошенного ему вызова; Перед ним, стоя на краю мощеной панели, **уныло/обреченно** приплясывала проститутка; Люди совершают поступки и думают, что им известны **подоплеку/основания** этих поступков.*

Предлагаемые номинации находятся в отношениях дополнителности: прилагательные ***удачные и яркие*** (импровизации) связаны каузальными отношениями (***яркие***, поэтому ***удачные***); паречия ***уныло*** и ***обреченно*** актуализируют градационную семантику; существительное ***подоплека*** вносит значение скрытой причины. Ср.: ***подоплека** — действительная, но скрытая причина чего-н. (ТСО).*

Однако в этих текстовых фрагментах типичные функции синонимов осложняются актуализацией возможного выбора слова или слов (косая черта передает значение «или»), причем выбор предполагает некоторые смысловые потери, которые компенсируются осознанием множественности интерпретаций внеязыковой действительности и художественного текста.

Особый интерес представляют данные через косую черту слова, относящиеся к одной тематической области:

*Еще летом дядя Павел не в шутку занемог и до сих пор не оправился — что-то с **сердцем/давлением/сахаром в крови**; ...зато хозяева угостили Катю первой клубникой (или это была*

*земляника?)...Угостился и Андрей — клубника/земляника была яркая, плотная, вся обсыпанная золотыми зернышками; Между тем Норушкин прекрасно знал: через **месяц/год/три** года неизбежно начнутся фронтовые будни, пойдет война за выживание: кто кого; В **столовой/кабинете/мастерской/гостиной** он зажег свет... Чего стоили одни его истории о годах «полевых» скитаний по всем этим **тундрам-чащам-барханам-скалам и прочим кочкам-речкам**, о ночлегах у костра — в палатке, в спальнике и просто на нагой земле.*

Выделенные номинации имеют определенные смысловые пересечения: **сердце/давление/сахар в крови** — тема болезни пожилых людей; **клубника/земляника** — ягода; **месяц/год/три** — временные промежутки; **столовая/кабинет/мастерская/гостиная** — внутренние помещения дома.

Размещение их через косую черту позволяет интерпретировать ситуацию как неоднозначную, однако здесь наиважнейшим является не наличие выбора слова, а актуализация семантики: а) отсутствие у рассказчика точного представления о положении дел (что-то со здоровьем дяди, возможно, все болезни обострились одновременно; неизвестно, какой ягодой угощают героиню); б) неважность, несущественность этих представлений/знаний для повествования: неважно, клубнику или землянику ест героиня, несущественно, через какой срок начнутся фронтовые будни, главное — они неизбежны; в рассказах дяди об **этих тундрах-чащах-барханах-скалах и прочих кочках-речках** (иное оформление цепочек номинаций!) актуализируется слитное в восприятии Норушкина множество экзотических географических объектов, которое, конечно, дифференцировано для участника событий и рассказчика. **Столовая/кабинет/мастерская/гостиная** — «выбирайте, па что больше похожа эта комната», или «эта комната для хозяина одновременно является то столовой, то кабинетом, то мастерской, то гостиной», или «комната является и столовой, и мастерской, и кабинетом одновременно». Первый вариант прочтения представляется вполне «инерционным»: читателю множество раз предлагалось выбирать подходящее или поправившееся слово и моделировать ту или иную ситуацию, поэтому в парадигме данного текста эту функцию вариантных номинаций, данных через косую черту, можно считать ведущей (она же первой актуализуется в сознании читателя этого текста).

Таким образом, в лексической парадигме текста, точнее, в главах, посвященных описанию сегодняшнего дня, доминирующим языковым приемом является представление сближенных в семантическом отношении слов через косую черту, передающую обычно значение разделения (или). Основная функция подобных цепочек номинаций, соединенных косой чертой, — актуализация возможности выбора автором, а затем и читателем слова, причем от этого выбора зависит и особая интерпретация, особый угол зрения, фокус восприятия события и текста. Автор предлагает читателю свой выбор вариантов из тех, которыми располагает лексическая система языка, читатель же имеет возможность моделировать ситуацию по своему усмотрению, но с учетом поддержки или сопротивления самого текста. Кроме того, выбор может определяться и языковым вкусом читателя.

В ряде же случаев косая черта обозначает соположение, единение слов, относящихся к разным временным планам, и является способом подчеркнуть неразрывность связи прошлого и настоящего, дня минувшего и дня нынешнего в художественной картине мира автора.

Отметим, что автор по-новому увидел этот текстовый знак, обычно используемый в научном стиле, раскрыл его потенциал в художественном тексте, удачно использовал для множественной интерпретации внеязыковой действительности и текста.

Примечания

1. *Матханова И. П., Трипольская Т. А.* Интерпретационные аспекты лингвистики: проблемы и перспективы // Проблемы интерпретационной лингвистики: Интерпретаторы и типы интерпретации. Новосибирск, 2004. С. 6–19.
2. *Падучева Е. В.* Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке: семантика нарратива. М., 1996.
3. *Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В.* Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000. С. 63–64.
4. *Бондарко А. В.* Теория значения в системе функциональной грамматики (на материале русского языка). М., 2002.
5. *Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Зачесова И. А.* Речь человека в общении. М., 1989.

САКРАЛЬНЫЙ ТЕКСТ И ЕГО СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Сакральный текст как лингвокультурный феномен предполагает разработку комплексной модели его анализа, которая бы отражала условия его функционирования и включала этнопсихологические, символические, прагматические, мифологические, когнитивные, лингвокультурные и т. п. основы формирования его структуры и семантики. Продуктивным для создания такой модели является понимание текста как **модели мира**, обусловленной **«присущим данной культуре семиотическим пространством»** (здесь и далее выделено мною. — Н. К.)» [1, 165], что делает возможным включение в структуру текста **элементов разных кодов**. Такой подход объясняется следующими обстоятельствами: «Культура многоязычна в семиотическом смысле этого слова и нередко пользуется одновременно в одном тексте несколькими языками. В этом случае... **под текстом понимается не последовательность написанных или произнесенных слов, а некая последовательность действий и обращения к предметам, имеющим символический смысл, и связанная с ними речевая последовательность»** [2, 15–16]. Подобное рассмотрение текста вполне соотносится с когнитивными исследованиями, которые предполагают разработку моделей концептуального анализа семантического пространства текста. Одной из наиболее удачных нам представляется модель семантического пространства художественного текста, основанная на базовых оппозициях: «вербальное — ментальное», «виртуальное — актуальное», «денотативно-референциальное — концептуальное», «эксплицитное — имплицитно-эксплицитное», «денотативно-событийное — концептуальное — эмотивное» [3, 95–254]. Предложенный в этой работе алгоритм концептуального анализа текста имеет многоаспектный характер и включает как собственно лингвистические, так и когнитивные, психолингвистические, литературоведческие исследовательские процедуры, что соответствует задаче создания концепции комплексного филологического анализа текста. Особое значение для целей нашего исследования имеет

рассмотрение автором семантической структуры текста как **ментального образования** с антропоцентрическими текстообразующими доминантами «человек — пространство — время», а также выявление **когнитивно-пропозициональной структуры** (с ее устойчивыми и вариативными компонентами), предполагающее интерпретацию имплицитных смыслов с учетом внетекстовых факторов.

При исследовании сакрального содержания, формы его выражения в тексте и представленности в культурной традиции необходимо учитывать прежде всего, что это фольклорный текст, бытующий в основном в устной традиции и выступающий, следовательно, как «культурная память» социума. Эта память избирательна и непоследовательна, «капризна», зависит во многом от моды и других социокультурных факторов и поэтому может «стираться». В таком случае средством борьбы с «амнезией» являются культурные тексты в семиотическом смысле этого понятия, тексты многокодовые, в которых вербальные и невербальные компоненты выступают как единый смысловой комплекс, как взаимодополняющие способы передачи культурно значимой информации от поколения к поколению. При этом «следует иметь в виду, что здесь мы имеем дело не с отдельными самодостаточными явлениями, подобными материальным предметам, а с функцией, ролью: поэтическое и прозаическое, «свое» и «чужое», [вербальное и невербальное] и т. д. постоянно меняются местами, передвигаясь в едином динамическом целом культуры. Поэтому нельзя в областях культуры и быта априорно отвергнуть тот или иной элемент, как незначительный» [4, 387].

В поисках форм выражения культурного содержания особого внимания заслуживают устойчивые, в какой-то степени клишированные тексты, к которым относятся, в частности, сакральные (СТ).

В соответствии с традиционным — узким — пониманием сакральными текстами считались только такие, которые получили статус священных в какой-либо конфессии или религиозно-мистическом учении. Они противопоставлялись всем остальным текстам, считавшимся профанными, мирскими, обыденными (см., например, [5]).

Разрабатываемая нами концепция расширительного толкова-

пия сути феномена сакрального позволяет рассматривать СТ в качестве компонента традиционной духовной культуры народа и источника этнокультурной информации.

Обозначим для начала отдельные ориентиры, которые необходимо учитывать при интерпретации СТ как лингвокультурного феномена:

- в сознании современного носителя языка в той или иной степени представлены структуры мифологического сознания, которые дают возможность адекватной интерпретации сакрального содержания;

- сакральным текстам присуща своя логика, поскольку их цель — воздействие на адресата, не предполагающее рациональной оценки содержания, которое принимается как нечто данное («Для действий, описываемых в фольклоре, не требуется указания на причины этих действий или, говоря языком поэтики, не требуется мотивировок. Мотивировки могут быть, но повествователь [и слушатель] их не ищет и не требует их» [6, 96]);

- для передачи культурно значимых смыслов в СТ моделируются особые типовые ситуации, реальные или воображаемые (= симулякры), при этом «действительность передается не прямо, а сквозь призму известного мышления, [в котором] еще не существует причинно-следственных связей, здесь господствуют иные формы связи... За реальное признается то, что мы никогда не признаем за реальное, и наоборот» [6, 146];

- основным элементом культурного содержания СТ является регламентация, предписывающая адресату определенные действия *post factum* с учетом описанной в тексте ситуации;

- СТ имеет свои правила и/или условия произнесения: чаще всего он является лишь фрагментом сакрального ритуала, обряда, системы текстов, макротекста (в качестве макротекста рассматривается текст в широком понимании — «культурный текст»: так, например, обряд (макротекст) — его часть (заговор); ритуал (макротекст) — его составляющие (страшилка), система регламентаций (макротекст: народный календарь природы) — фрагмент системы (названия отдельных дней) и т. д.);

- интерпретация полученной информации осуществляется с учетом существенных для адресата сообщений пропозиций;

- сакральность, с одной стороны, — явление стабильное (текст практически в неизменном виде передается от поколения к по-

колению), с другой — динамичное (в процессе функционирования текст может десакрализоваться);

— любой СТ характеризуется символичностью и суггестивностью.

Отмеченные признаки можно, по-видимому, условно обозначить как элементы канона СТ, рабочее определение которого можно сформулировать следующим образом: сакральный текст — это произносимый по особым правилам и/или в особых условиях суггестивный текст, символически насыщенный, обладающий относительно устойчивой формально-содержательной структурой, которая отражает особенности мифологического сознания.

Прокомментируем компоненты данного определения.

1. Особые правила и/или условия произнесения сакрального текста

Сакральные тексты характеризуются ритуализованностью, т. е. непременно включением текста в ритуал его исполнения. Для того чтобы СТ возымел действие, для каждого жанра существуют свои правила произнесения. Так, заклинания проговариваются с особой интонационной выразительностью, сопровождающейся экзальтацией и усиленной жестикуляцией; приметы произносятся всегда «к случаю», регламентируя действия адресата. Обязательными условиями существования страшилки являются: детская аудитория дошкольного или младшего школьного возраста, рассказ в темноте, желательно в замкнутом пространстве, в отсутствие взрослых, произнесение текста с устрашающей интонацией. Произнесение текста заговора (ритмичным речитативом или шепотом, чаще всего немолодыми женщинами, обладающими «тайным знанием») детально регламентировано ритуалом (обрядом), который, выступая как зеркало морально-этических, национально-культурных, культовых и других представлений народа, детально «алгоритмизирует» действия участников. Например, регламентированными компонентами ритуала излечения были место и время его проведения. Так, лечение боли в спине (= *присекание утиной*) производилось *обязательно где-нибудь на дверном пороге; в бане* изгоняли почти все болезни: *Баня — мать вторая. Кости распаришь, все тело направишь* [7, II, 170–171]; место *у огня (у печи, костра)* использовалось при лечении от лихорадки, а *между огнями* — от повальных болезней и мора скота, когда стадо скота прогоняли

между огнями; на *межу* (символическое воплощение грани жизни и смерти) выносили особо тяжело больных, когда непонятна была причина заболевания, другие способы не помогали, а надежд на выздоровление было мало (ср. выражения *пограничное состояние, между жизнью и смертью*). Время проведения ритуального действия было приурочено к восходу и заходу солнца, например, *по трем зорям* — вечером, утром и вечером следующего дня присекали утин; *на вечерней заре* читали заговоры против лихорадки, *на утренней заре* — от «пасыльных» болезней (порчи, сглаза, испуга, детских болезней); «обманные» ритуальные действия совершались *ночью*: прятались от лихорадки, притворялись мертвыми, заменяли человека куклой (соломенным чучелом, поленом, камнем) и т. п.

2. Суггестивность сакрального текста

Суггестивность (от лат. *suggestio* «подсказывание, внушение, намек») понимается нами как воспринимаемое без критической оценки **активное воздействие** текста на воображение, эмоции, чувства слушателя посредством образных, символических, цветовых, ритмических, звуковых и т. п. ассоциаций. Так, одним из приемов суггестии примет народного календаря является интерпретация метеорологических признаков на основе их ложно-этимологических связей (по случайному созвучию) с именами святых, связанных с днем-указателем: *Мокро на Мокея — жди лета еще мокрее; На Луку высаживай лук; На Евтихия день тихий* и др. Суггестивным страшилочным приемом является, например, навязчивый лексический повтор цветосимволических обозначений: *В одном черном-черном лесу стоит черная-черная-черная изба, в этой черной избе стоит черный-черный стол. На этом черном-черном столе стоит черный-пречерный гроб. В этом черном-пречерном гробу лежит черная-пречерная, страшная, костлявая старуха. И вот она медленно поднимается и говорит: «Отдай мое сердце!»*

Суггестивный эффект основывается в таких случаях уже не на семантических, а, скорее, на формальных (фонетических, звуко-символических, ритмико-мелодических, структурных) параметрах СТ.

Маркером суггестии текста, содержащего культурно значимую информацию, является не только форма языкового знака, но и семантический потенциал ритуала, в который включен вер-

бальный текст. В этом смысле наиболее показательной является семантика обряда гадания, когда обычный бытовой (профанный) текст, лишенный каких-либо собственно языковых средств воздействия, приобретает особую суггестивную силу, так как произносится в рамках ритуала, призванного ввести адресата сообщения в гипнотический транс, находясь в котором, он поверит всему, что услышит.

3. Символическая насыщенность сакрального текста

Сакральный текст обладает особой символикой, что является отражением в нем реликтов мифологического сознания. Для него, как известно, «нет восприятия, которое не включалось бы в мистический комплекс, нет явления, которое было бы только явлением, нет знака, который был бы только знаком: слово никогда не могло бы здесь быть просто словом. Всякая форма предмета, всякий пластический образ, всякий рисунок имеет свои мистические свойства: в силу той же необходимости эти свойства имеет и словесное выражение, которое является словесным рисунком» [8, 70].

Мистический комплекс «явление — образ — слово» характеризует simultaneity (одновременность, нерасчлененность) различного познания мира и его мифоритуальной интерпретации. Архаическое сознание моделировало свой образ мироздания, свою виртуальную реальность, населенную множеством вымышленных персонажей, которые воспринимались как реально существующие рядом с человеком, вокруг него, только невидимые. Иллюстрацией мистического опыта освоения действительности может служить, например, развернутость демонологического семантического пространства. Эти мифические образы символизировали домашний очаг (*Чур, пенаты*), неосвоенное, сакрально негарантированное пространство (*лешие, водяные, болотные*), модель семьи (*домовой — домовиха — домовята*), болезни (*Трясея, Огня, Глухая* и другие имена сестер-лихорадок, олицетворяющих симптомы болезни), причины несчастий (*насылный бес, ходячая порча, летучий огонь*) и т. д. Таких выразительных символических образов не было бы без мифа, как, впрочем, и мифа без символа. Определим суть мифосимволизма СТ.

Символ (< *греч.* symbolon) — условный чувственно воспринимаемый объект, вещественный, письменный или звуковой знак, которым человек обозначает какое-либо понятие (идею, мысль),

предмет, действие или событие. Сама форма символа, как правило, не имеет сходства (подобия) с тем предметом, который символ представляет, на который он указывает [9, 467]. Проблема мифа и его связи с символом посвящено значительное количество трудов русских и зарубежных исследователей (Л. Леви-Брюль, К. Леви-Стросс, А. Ф. Лосев, Ю. М. Лотман, Е. М. Мелетинский, В. Я. Пропп, Е. Я. Режабек, Б. А. Рыбаков, Э. Сепир, Э. Б. Тайлор, В. Н. Топоров, Дж. Фрэзер, К. Юнг и др.). Ограничимся поэтому лишь некоторыми замечаниями о природе символа, существенными для анализа сакрального текста.

Основные характеристики символа:

а) связь с образом: «...смысл символа нельзя дешифровать простым усилием рассудка, он неотделим от структуры образа, не существует в качестве некой рациональной формулы, которую можно вложить в образ и затем извлечь из него» [10, 607];

б) абстрагированность от конкретного предмета, явления, семантическая емкость: «...если в символе нет обобщения, создающего бесконечную смысловую перспективу, тогда не стоит говорить специально о символе» [11, 258]. Конкретный предмет может становиться символическим заместителем другого предмета или явления при условии, что он помещается в широкий контекст, как правило, связанный с ритуалом или обрядом;

в) многозначность: «...если один и тот же знак оказывается символом разнородных явлений и объектов, то все эти явления и объекты должны быть внутренне (мистически) взаимосвязаны. По крайней мере, во всех этих явлениях и объектах, так же как и в их общем символе, проявляется одна и та же магическая сакральная сила» [5, 87];

г) аксиологичность, связанная с социальными регламентациями: «...мифологические символы функционируют таким образом, чтобы личное и социальное поведение человека и мировоззрение взаимно поддерживали друг друга в рамках единой системы» [12, 169–170];

д) динамичность, которая проявляется в устойчивости исходного образа, мотива и в изменчивости ассоциативных связей имени, знака и означаемого. Символы традиционной культуры «приходят из глубины веков и, видоизменяя свое значение, не теряя при этом памяти и о своих предшествующих смыслах, передаются будущим состояниям культуры» [4, 8].

Все эти свойства символа «эксплуатируются» мифом, объясняющим окружающий мир в доступных для пралогического сознания символических формах и образах. Ср.: «Историческое своеобразие этого типа сознания состоит в том, что результаты абстрагирующей деятельности народной мысли выступали не в форме абстрактных теоретических конструкций: они **сохраняли конкретность, образность той действительности, суть которой раскрывали**» [13, 77].

4. Относительная устойчивость формально-содержательной структуры сакрального текста

Любой СТ, в отличие от других текстов, должен обладать устойчивостью формально-содержательной структуры. Этот его сущностный параметр — «требование» его магической функции. Устойчивость проявляется в разных жанрах СТ по-разному. Например, для текста страшилки она определяется в большей степени не ее лексическим составом, а набором сюжетов и фабульных ходов, фиксированным составом действующих лиц и элементов хронотопа. Для примет — составом тематики предсказаний и набором регламентаций, для заговоров — набором клишированных языковых форм и т. д. Общим параметром устойчивости СТ является то, что основная его часть **воспроизводится, а не порождается**, варьироваться могут отдельные детали, но не инвариантная формально-содержательная структура.

Вариативность проявляется: а) в выборе лексического наполнения структур; б) территориальной и временной изменчивости; в) соотношенности отдельных компонентов с разными символами и ситуациями; г) возможности передачи одного и того же содержания разными средствами; д) наборе символов и традиционных мотивов, значимых для данного этнокультурного пространства. В качестве ограничителей вариативности выступают функция текста, адресная направленность и традиция.

Существенным для понимания устойчивости СТ является определение «относительная», что связано с явлением десакрализации. Этот процесс отражает общую динамику функционирования отдельных форм традиционной культуры, связанную с забвением их первичных функций и мифоритуальных основ. Так, например, приметы и заговоры могут базироваться на игровой когнитивной стратегии, становясь в большей или меньшей сте-

пени игровыми текстами, не выходя при этом за рамки жанра. В этом случае можно говорить об утрате изначальной связи приметы с ритуалом и магией, что ведет к функциональному сдвигу в целенолагании текста: если исконная функция приметы эзотерическая, то в современном употреблении усиливается ее познавательная, развлекательная, эстетическая функция. Исходная магия тайного знания стирается, «поверья постепенно переходят к поэтическим вымыслам, в коих видна игра воображения, или дух времени, или просто иносказание и народная поэзия, принимаемая ныне нередко в прямом, насущном смысле за наличную монету» [14, 94].

5. Отражение особенностей мифологического сознания в сакральном тексте

Языковые средства СТ конституируют основные параметры взаимодействия макро- и микрокосма (природы и человека), важные, с точки зрения носителей архаического сознания, приемы воздействия человека на окружающий мир. Такие приемы воздействия определялись верой в магическую силу слова — наименования предмета, действия, явления, — тождественного магическому действию, ритуалу, обряду. Приведем здесь (подробно об этом см. далее) в качестве иллюстрации примеры симпатической магии как способа излечения больного. Симпатические средства связаны какой-либо ассоциативной связью с названием болезни или ее симптомов. Принцип их использования закреплён в народной афористике: *Чем ушибся, тем и лечись! Где упал, там и плюнь (и поскреби)* [7, II, 171]. Ср. *Клин клином вышибают* и т. п. Одним из наиболее популярных средств симпатической народной медицины является воздействие на символические эквиваленты или лечение с их помощью. Например, при боли в спине больной ложился на порог на живот, на спину ему клали несколько щепок, на них «рубили» пожом или топором три прутика, выдернутых из голика, сопровождая действие чтением заговора. При этом само название обряда выступает в качестве симпатического средства. Ср. выражение *спину пересекло*, обозначающее боль в пояснице, и название обряда излечения от этой боли *рубить утин* ('боль в пояснице от радикулита, ревматизма или подъема тяжестей') или *лечить присеком* — ассоциативная связка однокоренных слов или симилиров* (*пересекло — рубить*) // *Добыть языка на колокольне* —

название обряда излечения немоты: когда отыметса язык, то обливают водой колокольный язык и поят большого [Там же, 179]. Отметим в этой связи магические заклинания, заклички, присловья, заговорные формулы, паговоры, в которых обыгрывается эпидигматическая связь названия болезни по названию действия, которое она производит в организме, и, соответственно, обозначения действия, которое должно быть произведено над самой болезнью с целью ее уничтожения: *Что грызешь? — Грызь грызу. — Грызи, да гораздо* (от грызи, т. е. от ломоты) // *Житина, житина, возьми свою жичину* (паговор от жичины, ячменя глазного, причем слегка колют его ячменным зерном, которое отдают петуху) [Там же, 176].

В целом когнитивные, структурируемые СТ, характеризуются определенным способом представления (организации) информации, формируются определенной моделью ментальной деятельности. Эта модель основана на соотношении вида бытия и характера его представления в сознании, отражающем опыт освоения различных форм бытия. Ср.: «Существует реальное бытие, т. е. бытие, имеющее временную форму; оно состоит из событий, возникающих и исчезающих во времени. Два главных вида реального бытия суть материальные процессы, имеющие пространственно-временную форму, и психические процессы, имеющие только временную форму без пространственности (чувства, стремления и т. п.). Кроме реального бытия, существует идеальное бытие, не имеющее временной и пространственной формы; таковы, например, математические идеи, всевозможные отношения, придающие миру систематический характер. Выше реального и идеального бытия стоит металогическое бытие, не подчиненное законам тождества, противоречия и исключенного третьего. Наконец, выше мирового бытия есть бытие Божественное» [16, 23]. Формы бытия находят отражение в сознании в результате их освоения через индивидуальный и коллективный опыт (когнитивные стратегии).

* Термин А. А. Залевской для случаев практической реализации носителями языка лексических связей, не вписывающихся в рамки традиционной теории синонимии. При этом отмечается, что степени связи между симилариями выше, чем между «признанными» синонимами [15, 3–8].

Традиционное понимание сакрального было связано только с божественным бытием и религиозным опытом. Сакральными в таком случае считались тексты религиозного содержания, связанные с церковными богослужениями. В широком же смысле в сферу сакрального вовлекаются все формы бытия, осмысленные сквозь призму мистического, интеллектуального и чувственного опыта. При этом разные виды соотношения определяют разные жанры СТ. Конечно, мы понимаем условность такого соотношения, поскольку когнитивные стратегии освоения действительности основаны, как правило, не на одной, а на нескольких различных мыслительных операциях и имеют комплексный характер. Однако можно говорить о какой-либо доминантной когнитивной стратегии представления познающего в конкретном сакральном тексте. Так, реальное бытие, освоенное через призму чувственного опыта, представлено в приметах хозяйственного цикла, через призму мистического опыта — в заговорах и т. д. (см. табл.).

**Соотношение типа бытия, типа опыта освоения
и жанра сакрального текста**

Тип бытия	Тип опыта	Жанр СТ
Реальное	Чувственный	Приметы, традиционный народный календарь
	Интеллектуальный	—
	Мистический	Заговоры, заклинания, обрядовый календарь, обрядовые тексты
Идеальное*	Чувственный	—
	Интеллектуальный	Гороскопы
	Мистический	Гадания, обереги, ритуальные формулы
Метафизическое	Чувственный	Страшилки
	Интеллектуальный	Квазистрашилки
	Мистический	Мифологемы

* Идеальное бытие не может быть познано с помощью чувственного опыта.

Как видно из таблицы, в сферу сакрального не попадает реальное бытие, освоенное посредством интеллектуального опыта,

поскольку здесь нет ничего необъяснимого, таинственного, сверхъестественного. Все реальное, что объясняется рационально-логически, не имеет сакрального потенциала.

Реальное бытие, познаваемое чаще всего через чувственное восприятие, создает основательную эмпирическую базу для выстраивания поведенческих моделей, регламентирующих взаимоотношения человека с окружающей его природой (макро- и микрокосма). Это основная когнитивная стратегия таких жанров СТ, как приметы и традиционный народный календарь. Реальное бытие включает много такого, что не познается чувственным опытом, в этом случае на помощь приходит опыт мистический, и тогда рождаются другие регламентации поведения, зафиксированные в заговорах, заклинаниях, обрядовом календаре и большей части обрядовых текстов.

Идеальное бытие — это своего рода абстрактная ментальная модель, которая не соотносится с чувственным опытом. Если оно осваивается через интеллектуальный опыт, то его проекцию мы видим в гороскопах, которые представляют собой «предназначенную свыше» программу действий адресата на определенный период. Гороскопы — не что иное, как модель, основанная на анализе (а это именно интеллектуальный опыт) потребностей адресата. В традиционной духовной культуре чаще всего идеальное бытие (= представление о том, как достичь желаемого) осмысливается в свете мифологического (пралогического) сознания, и в этом случае мистический опыт «подсказывает» сакральный текст в жанре гаданий, оберегов, ритуальных формул.

Металогическое бытие (своего рода необъяснимая реальность) всегда связано с вымыслом. В процессе освоения металогического бытия рефлексивная составляющая сознания «затихает», так как это бытие подвержено в значительной мере эмоционально-чувственному восприятию. В результате рождается, например, детская страшилка, которая не нуждается в рационально-логическом обосновании, правда, до определенного возрастного периода развития ребенка, поскольку дети старшего школьного возраста осваивают эту металогическую сторону бытия посредством интеллектуального опыта, что порождает так называемые «квази-страшилки», которые пародируют «страшилочную реальность».

Самым мощным сакральным потенциалом обладает металогическое бытие, освоенное через призму мистического опыта.

Это одна из наиболее древних когнитивных стратегий мифологического (паралогического) мышления, особенность которого состоит, в частности, в том, что человек, сливаясь с природой, в воображении овладевает ее силой. Ср., например, описанный Л. Леви-Брюлем, Э. Сепиром, Дж. Фрэзером феномен participative магии, основанной на «сопричастности» человека и сходных с ним в каком-либо отношении явлений окружающего мира, когда вещи, посвящие одинаковые или сходные имена и обладающие сходными признаками, тесно связаны и влияют друг на друга. Этот вид магии активно использовался в мифоритуальной традиции, в частности в практике народной медицины, хозяйственной и семейно-бытовой обрядности и т. п. Такое соотношение (металогическое бытие — мистический опыт) рождает мифологемы, которые мы рассматриваем как «свернутые» СТ, как способ экспликации структур архаического сознания.

Примечания

1. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. М., 1996.
2. Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
3. Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учеб. для вузов. Москва; Екатеринбург, 2004.
4. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1994.
5. См.: Гриненко Г. В. Сакральные тексты и сакральная коммуникация: Логико-семиотический анализ вербальной магии. М., 2000.
6. Пропп В. Я. Поэтика фольклора. М., 1998.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа: В 3 т. М., 1993. Т. 2.
8. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
9. Кондаков Н. И. Логический словарь. М., 1971.
10. Аверинцев С. С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
11. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф: Труды по языкознанию. М., 1994.
12. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976.
13. Иорданский В. Б. Хаос и гармония // Художественная культура первобытного общества: Хрестоматия / Сост. И. А. Химик. СПб., 1994.
14. Даль В. И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1994. С. 94.
15. Залевская А. А. Индивидуальное знание. Специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992.
16. Лосский Н. О. Характер русского народа. Л., 1957. Кн. 1.

**К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
АНАЛИЗА ТЕКСТА В РАМКАХ ЛИНГВОКОГНИТИВНОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ЖАНРА
ЛИМЕРИК**

В данной статье представлена попытка использования потенциала лингвистического анализа художественного текста в рамках лингвокогнитивного исследования текстов прецедентного жанра *лимерик*, в частности в ходе моделирования его концептуальной модели.

Представляя собой текст, лимерик обладает всеми свойствами данной структурной и смысловой единицы: связность, завершенность и пр. Кроме того, важным в рамках данного исследования представляется определение типологических характеристик лимерика с учетом 1) функционально-прагматического параметра и 2) параметра структуры текста. Определение типологических характеристик текста с учетом функционально-прагматического параметра позволяет выделить тексты-предписания, тексты-описания и тексты-оценки [1, 54–55]. Если рассмотреть лимерик в контексте данной классификации, то его можно охарактеризовать как текст-описание с заложенной в нем оценкой. Основанием такой характеристики служит оценочная направленность текстов данного прецедентного жанра, проявляющаяся в целенаправленном формировании в сознании реципиента определенной системы ценностей.

Что касается структуры лимерика, то очевидным являются его малая длина при чрезвычайно сжатом изложении событий: вся история — с завязкой, развитием событий, кульминацией и развязкой — разворачивается в рамках пяти стихотворных строк. Ю. С. Степанов в этом отношении отмечает, что «малая длина художественного текста является первым значимым его элементом», так как вообще возможна «только как следствие многоярусной трактовки художественной речи, что во много раз увеличивает семантическую емкость сказанного» [2, 315]. Таким образом, представляется, что за предельно сжатым «поверхностным» содержанием лимерика кроется ог-

ромный пласт скрытой информации, в том числе и культурологического характера.

Лимерику как тексту присущи все его специфические черты, но особенно следует отметить такую текстовую категорию, как **связность**. Связность текста обнаруживается в наличии особых внутритекстовых связей, которые реализуются «специализированными или функционально-ориентированными на выражение этого свойства разноуровневыми языковыми единицами» [3, 376]. Внутритекстовые связи в лимерике обнаруживаются на семантическом, грамматическом и прагматическом текстовых уровнях: на уровне грамматики связность обусловлена закономерностями грамматического согласования и реализуется в лимерике посредством употреблением глагольной формы прошедшего времени; на прагматическом уровне — идиостилистическими особенностями лимерика, т. е. композиционной структурой, присущей только текстам данного прецедентного жанра.

Текстообразующие **логико-семантические** связи обусловлены концептуальностью текста и его соотносительностью, с одной стороны, с определенным фрагментом действительности, а с другой стороны, с ментальным представлением об этом фрагменте. Особенно ярко выраженным средством связности текста на семантическом уровне в лимерике являются **универсальные логико-смысловые отношения**. Выявление особенностей этих отношений представляется важным моментом в процедуре анализа, так как их характер учитывается при построении структурной рамки — основы когнитивной модели лимерика.

Универсальные логико-смысловые отношения в текстах прецедентного жанра *лимерик* имеют особенный характер и являются как следствием, так и проявлением столкновения сценариев. В ходе исследования было отмечено, что специфический сценарный фрейм лимерика формируется в процессе взаимодействия стереотипного и индивидуально-ситуативного сценариев. Точка пересечения этих когнитивных плоскостей является своеобразным «изломом» событий, в момент которого образуется «смысловое ядро», стартовый момент формирования сценарного фрейма. Факт соположения двух сценариев может выражаться в тексте лимерика как имплицитно, так и эксплицитно.

В зависимости от способа проявления факта взаимодействия сценариев весь корпус языкового материала может быть разде-

леп на две основные группы. *Первая группа* объединяет лимерики, взаимодействие и столкновение сценариев в которых подразумевается, но внешне не выражено, как это видно из следующего примера:

E. g. (1) There was an old lady from Clyde
Who ate forty apples and died.
The apples fermented
Inside the lamented
And made cider inside her insides.

Поскольку события, происходящие в данном лимерике, имеют явно нереальный характер, можно предположить, что то же самое действие может развиваться и по другому, стереотипному сценарию, существование которого имплицитно, но внешне не выражено.

Анализ языкового материала показывает, что экстериоризация факта взаимодействия двух когнитивных сценариев происходит посредством ряда союзов и союзных слов, которые являются своего рода маркерами происходящих на глубинном уровне событий. Важную роль союзов в реализации логико-смысловых отношений как на уровне предложения, так и на уровне текста неоднократно отмечают исследователи, занимающиеся разработками в области лингвистики текста [4, 126, 206; 5, 265, 272–273]. Актуализация этих отношений с целью обозначения факта столкновения сценариев происходит в текстах лимериков посредством союзов *till*, *but* и союзного слова *when*, выполняющих функцию соотнесения текстовых фрагментов и самостоятельных высказываний.

Семантика союза *till (until)* предполагает обозначение финального момента какого-либо действия (см.: ‘...it names the endpoint <...> of a period’ [6, 63]). В лимерике это свойство союза *till* выражается в том, что он служит своего рода индикатором окончания «внешнего существования» одного сценария и начала другого:

E. g. (2) There was an Old Man of the Cape,
Who possessed a large Barbary ape,
Till the ape one dark night
Set the house all alight,
Which burned that Old Man of the Cape.

Главный герой вышеприведенного лимерика — Старик, который покупает большую обезьяну, — видимо, рассчитывает, что покупка будет его радовать. Это вполне соответствует стереотипному представлению о чувствах, которые человек испытывает, когда покупает что-либо приятное. Однако оригинальное приобретение доставляет радость главному герою только до тех пор (*till*), пока обезьяна, распорядившись по-своему, не поджигает дом вместе с хозяином (*Set the house all alight, Which burned that Old Man of the Cape*). В данном примере союз *till* обозначает момент кульминации, когда действие меняет свой характер и происходит нечто, что не предусмотрено стереотипным ходом события.

Семантика союза *but* и союзного слова *when* так или иначе выражает отношения контраюнкции. Так, союз *but* представляет собой способ соединения двух контрастирующих идей [6, 80] и в лимерике является средством экспликации факта взаимодействия и столкновения двух сценариев. Следующий пример служит иллюстрацией выражения логико-смысловых отношений контраюнкции посредством союза *but*:

E. g. (3) There was a young fellow from Tync,
Put his head on the South-Eastern Linc;
But he died of ennui,
For the 5:53
Didn't come till a quarter past nine.

Союз *but* в данном примере выражает противопоставление события, которое ожидалось молодым человеком, когда он положил голову на рельсы (стереотипный сценарий), и события, происходящего на самом деле: главный герой умирает естественной смертью от тоски, дожидаясь поезда, который должен был помочь ему расстаться с жизнью (индивидуально-ситуативный сценарий).

Союзное слово *when*, не являясь выражением отношений контраюнкции в полном смысле этого слова, все-таки обозначает определенную точку, которая прерывает и изменяет сюжетную линию сценария лимерика. Это подтверждает одно из значений *when*, согласно которому это союзное слово может быть использовано для ввода неожиданной информации (см. значение '4. used for introducing surprising information' [7, 1632]). Пример (4) ил-

люстрирует употребление *when* с целью акцентирования неожиданного оборота событий:

E. g. (4) There was a Young Lady whose eyes
Were unique as to colour and size;
When she opened them wide
People all turned aside,
And started away in surprise.

До появления союзного слова *when* события в данном примере развиваются по одному сценарию: девушка обладает необычайными по цвету и по величине глазами (*Were unique as to colour and size*), что достойно восхищения. Однако после *when* автор уточняет сказанное выше, и новая информация меняет характер сценария: уникальность этих глаз граничит с пугающей неестественностью. Союзное слово *when* в данном случае связано с вводом информации, которая свидетельствует о существовании второго сценария.

Таким образом, можно сделать вывод, что союзы *till*, *but* и союзное слово *when* служат выражением логико-смысловых отношений в лимерике и обозначают специфический характер взаимоотношения двух сценариев в рамках сценарного фрейма.

На основе данных о двух способах выражения логико-смысловых отношений в лимерике (имплицитном и эксплицитном) представляется возможным построение первых двух типов структурной рамки сценарного фрейма лимерика. Для обозначения рамок будут использованы соответственно аббревиатуры F_1 и F_2 . Так, **рамка F_1** представляет собой сценарный фрейм примера (1), взаимодействие сценариев в котором подразумевается, но внешне не выражено:

There was an old lady from Clyde	Был (X) из (N),
Who ate forty apples and died.	(X) характеризовался (D).
The apples fermented	Далее произошло (D_1),
Inside she lamented	при обстоятельствах (C),
And made cider inside her insides.	в итоге (R).

Переменные, которые в тексте примера (1) заполняются конкретной информацией, обозначают следующее: (X) — субъект, (D) — действие как дополнительная характеристика (X)-а, (Q) — качество как дополнительная характеристика (X)-а. (N) обозначает название местности, (D_1), (D_2)... — действия, которые не

являются характеристикой (X)-а, но которые совершает (X) или другие лица по ходу развития сюжета, (C) — обстоятельства образа действия, (R) — вывод. Аналогичное обозначение переменных используется и для составления структурных рамок других типов, причем в ходе исследования могут появиться дополнительные переменные.

Рамка F₂ лежит в основе лимериков с экспликацией факта взаимодействия сценариев. Представляется, что в данном случае целесообразно построение комбинированной рамки, в которой отражены а) все три способа обозначения факта взаимодействия сценариев: при помощи союзов *till, but* и союзного слова *when* и б) дополнительная характеристика героя как качеством (Q), так и действием (D). За основу можно взять произвольно любой лимерик из приведенных выше, например (4):

There was a Young Lady whose eyes	Был (X) (из (N)),
Were unique as to colour and size;	(X) характеризовался (Q)/(D).
When she opened them wide	<u>Когда/но/до тех пор пока/</u>
	произошло (D1),
People all turned aside,	произошло (D2),
And started away in surprise.	в итоге (R).

Структурная рамка F₂ отражает вариации, которые, как представляется, целесообразно совместить в одной рамке. Так, не всегда может быть указано географическое место, откуда родом главный герой, поэтому в рамке эта информация заключена в скобки. Кроме того, главный герой может характеризоваться как качеством, так и действием, что также отражено в рамке в следующем виде: (Q)/(D).

Таким образом, с учетом способа выражения столкновения сценариев можно построить две рамки, отражающие структуру сценарного фрейма лимерика: рамки F₁ и F₂. Дальнейший анализ показывает, что контекстно-вариативное членение лимерика как текстовой единицы обязывает к расширению классификации структурных рамок.

Контекстно-вариативное членение текста представляет собой вид разбиения текста, при котором выделяются следующие формы речетворческих актов: 1) речь автора, которая может иметь вид а) повествования, б) описания, в) рассуждения и 2) чужая речь, состоящая из а) диалога (с вкраплениями авторских рема-

рок), б) цитации, в) несобственно-прямой речи [8, 52–54]. Согласно данной типологии, в тексте выделяются два «речевых потока», отражающие две важнейшие точки зрения. Это точка зрения автора и точка зрения персонажа, которые формируют «две базовые композиционно-речевые формы изложения — авторскую речь и речь персонажа (чужую речь)» [1, 231]. Выявление этих «речевых партий» возможно с помощью вертикального членения текста, в результате которого обнаруживаются вертикальные контексты, пронизывающие горизонтальную структуру текста и отражающие множественность точек зрения [Там же, 232].

В целом соглашаясь с типологией, предложенной И. Р. Гальпериным, авторы учебника «Лингвистический анализ художественного текста» [1] вносят в нее некоторые изменения. Так, согласно авторам вышеупомянутого пособия, **чужая речь** разграничивается на речь **внешнюю** и **внутреннюю**, а также собственно речевые формы их воплощения. В зависимости от способов включения в текст **внешняя речь** персонажа может быть представлена в виде диалога, монолога, конструкции с прямой речью, с косвенной речью, а также в виде несобственно-прямой речи [Там же, 239]. **Внутренняя речь** персонажа может проявляться в виде потока сознания, внутреннего монолога, аутодиалога и малых вкраплений внутренней речи. Следует заметить, что жанровая специфика лимерика, его чрезвычайно «сжатое» изложение не позволяют всем этим речевым формам проявляться в полном объеме. В целях оптимального проведения анализа представляется допустимым внести некоторые изменения в вышеупомянутую типологию в той ее части, где говорится о формах представления чужой речи.

Выражением **авторской речи** в лимерике является повествование. Так как основные признаки повествования — это сюжетность и динамичность, то для повествовательных контекстов свойственно использование акциональных глаголов в прошедшем времени. Эти глаголы обладают способностью передавать последовательность событий и их динамику, составляя, таким образом, повествовательную канву текста [Там же, 234]. В лимерике, тексты которого в основном сюжетны и динамичны, широко используются глаголы конкретного физического действия, движения, речевой деятельности и т. п. В примере (5)

иллюстрируется реализация повествования как формы контекстно-вариативного членения текста:

E. g. (5) There was an Old Man of Dover,
Who rushed through the field of blue clover;
But some very large bees
Stung his nose and his knees
So he very soon went back to Dover.

В данном лимерике присутствуют оба основных признака повествования: 1) сюжетность — перед читателем разворачивается история Старика из Дувра и 2) динамичность, которая обозначается глаголами *rushed*, *stung*, *went back*.

Наряду с повествованием в чистом виде в лимерике широко используется повествование, осложненное «вкраплениями» чужой речи, представленной а) диалогической конструкцией с прямой речью и б) монологической конструкцией с прямой речью. Конструкции с прямой речью оформляются пунктуационно и содержат указания на участника/участников речевой деятельности, раскрывают содержание речи и характеризуют процесс говорения.

Диалогическая конструкция с прямой речью состоит из двух реплик. Одна из реплик принадлежит *they* и представляет собой вопрос или критическое замечание. Вторая реплика — это ответ, который выражает реакцию главного персонажа. Как правило, диалогическая конструкция представляет собой кульминацию сюжета. Следующий лимерик — это пример повествования, осложненного диалогической конструкцией с прямой речью:

E. g. (6) There was an Old Person of Hurst,
Who drank, when he was not athirst;
When they said, 'You'll grow fatter!'
He answered, 'What matter?'
That globular Person of Hurst.

Повествовательное изложение содержания данного лимерика осложнено диалогической конструкцией с прямой речью, которая состоит из реплики-критического замечания — '*You'll grow fatter!*' — и реплики-реакции — '*What matter?*'.

Монологическая конструкция с прямой речью представляет собой высказывание одного из персонажей лимерика, которое

может быть представлено как в виде короткой реплики, так и в развернутой форме — форме предложения. Следующий пример содержит монологическое высказывание с прямой речью, принадлежащее главному герою лимерика:

E. g. (7) There was an Old Man of the Dargle,
Who purchased six barrels of Gargle;
For he said, 'I'll sit still,
And will roll them downhill,
For the fish in the depth of the Dargle.

Монологическое высказывание главного героя в данном случае выражает принятие решения (*For he said, 'I'll sit still*). Монологическое высказывание с прямой речью может принадлежать и другим персонажам лимерика, которые выражают свою точку зрения по поводу поведения или внешнего вида главного героя:

E. g. (8) There was a young lady of Kent,
Who always said just what she meant;
People said, 'She's a dear —
So unique — so sincere' —
But they shunned her by common content.

Монологическое высказывание в данном лимерике является выражением мнения группы людей — *people* — и представляет собой критическое замечание по поводу характера главной героини данного лимерика — *young lady of Kent*.

В результате анализа форм контекстно-вариативного членения лимерика как текста установлено: 1) основной композиционно-речевой формой авторской речи является повествование; 2) чужая речь представлена в виде а) диалогической конструкции с прямой речью или б) монологической конструкции с прямой речью. Таким образом, повествование как речевая форма может быть реализовано в лимерике как в чистом виде, так и в варианте, осложненном вкраплениями конструкций с прямой речью. На основании существования в лимерике трех форм контекстно-вариативного членения представляется возможным построение трех видов структурной рамки: F_a , F_b и F_c , где F_a — рамка повествования в чистом виде, F_b — рамка повествования, осложненного диалогической конструкцией с прямой речью, и F_c — рамка повествования, осложненного монологической конструкцией с прямой речью.

Так, рамка F_a может быть представлена в следующем виде:

E. g. (9) There was an Old Man of Dover,	Был (X) из (N),
Who <u> rushed </u> through the field of blue clover;	(X) характеризовался (D);
But some very large bees	по (YY)
<u>Stung</u> his nose and his knees	сделали (D ₁),
So he very soon <u>went back</u> to Dover.	в итоге (R).

Переменная (YY) в данной рамке обозначает второе действующее лицо/лица, которое обычно критикуют (X)-а.

Рамка F_b лежит в основе лимерика — повествования, осложненного диалогической конструкцией:

E. g. (10) There was an Old Person	
of Hurst,	Был (X) из (N),
Who drank, when he was not athirst;	(X) характеризовался (D).
When they said, 'You'll grow fatter!'	Когда (YY) сказали, что (D)
	(X)-а неверны,
He answered, 'What matter?'	(X) утверждал, что его (D)
	верны,
That globular Person of Hurst.	в итоге (R).

F_c — рамка повествования, осложненного монологической конструкцией с прямой речью:

E. g. (11) There was an Old Man	
of the Dargle,	Был (X) из (N),
Who purchased six barrels of Gargle;	(X) характеризовался (D).
For he said, 'I'll sit still,	(X) сказал, что сделает (D1)
And will roll them downhill,	и (D2),
For the fish in the depth of the Dargle.	в итоге (R).

Таким образом, на основе пяти построенных рамок — двух с точки зрения логико-семагических отношений в лимерике и трех с точки зрения контекстно-вариативного членения — представляется возможным реконструировать **унифицированную структурную рамку сценарного фрейма**:

- 1-я строка: Был (X) (из (N)).
- 2-я строка: (X) характеризовался (Q)/(D).
- 3-я строка: вариативная часть.
- 4-я строка: вариативная часть.
- 5-я строка: в итоге (R).

Данная рамка является внешним выражением внутренней формы понятийной составляющей концепта «лимерик» и пред-

ставляет собой ту структуру, которая, наряду с другими признаками, позволяет носителю культуры моментально идентифицировать воспринимаемую стихотворную форму как лимерик. Подобную структуру имеют 97,3 % проанализированных лимериков, что дает основание считать эту рамку прототипической, отражающей специфические черты концепта «лимерик». Кроме того, данная рамка может служить матрицей для создания авторских лимериков и переводов на другие языки.

Таким образом, подводя итог проведенному анализу, представляется возможным утверждать, что в ходе как лингвокогнитивного, так и других видов исследований художественных текстов (например, лингвокультурологического) может и должен быть плодотворно использован лингвистический анализ. Так, выполняя в ходе данного исследования вспомогательную функцию, лингвистический анализ художественного текста тем не менее способствует более полному проведению лингвокогнитивного анализа текстов прецедентного жанра *лимерик*.

Примечания

1. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста: Учеб. для вузов по спец. «Филология». Екатеринбург, 2000.
2. Степанов Ю. С. Французская стилистика (в сравнении с русской): Учеб. пособие. 3-е изд., стереотип. М., 2003.
3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2003.
4. Дресслер В. Синтаксис текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. М., 1978. С. 111–137.
5. Дейк Т. ван. Вопросы прагматики текста // Там же. С. 259–336.
6. Leech G., Svartvik J. A communicative Grammar of English. М., 1983.
7. Macmillan English Dictionary for Advanced Learners. Macmillan Publishers Limited, 2002. XIV. 1692 p.
8. Гальперин И. Р. Стилистика английского языка: Учеб. 3-е изд. М., 1981.

АСПЕКТУАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ КАК ТЕКСТОВАЯ ЕДИНИЦА

Лингвистический анализ текста предполагает оперирование понятием текстовой единицы, под которой подразумеваются разные явления: сложное синтаксическое целое, или сверхфразовое единство, прозаическая строфа, абзац, текстовый блок и др. Несмотря на пестроту терминологии и различность подходов к определению структурно-семантической сущности текстымы, возможность выделения в тексте единицы, большей по объему, чем предложение, на сегодняшний день является общепризнанной. При выявлении названных структурных единиц текста приоритетная роль принадлежит смысловому критерию. Однако анализ грамматических, в частности аспектуальных, свойств текста предполагает оперирование понятием текстового сегмента, участвующего в организации нарративной структуры текста и, следовательно, имеющего иную природу. Таковым текстовым сегментом при выявлении аспектуальной структуры текста является аспектуальная ситуация (АС).

Понятие аспектуальной ситуации было введено в науку о категории вида А. В. Бондарко: «Аспектуальная ситуация — это выражаемая в высказывании в том или ином варианте типовая содержательная структура, базирующаяся на функционально-семантическом поле аспектуальности и представляющая собой ту сторону выражаемой в высказывании общей сигнификативной ситуации, которая связана с выражением характера протекания и распределения действия во времени» [1]. В понимании А. В. Бондарко каждое предложение, сложное синтаксическое целое выражает ту или иную АС. Анализ же функционально-семантической категории аспектуальности в рамках целостного текста требует расширенного подхода к понятию АС: ряд предложений, характеризующихся однородной аспектуальной семантикой глагольных форм, на наш взгляд, целесообразно рассматривать как единую АС [2, 22].

Характеристика аспектуальной ситуации как специфического текстового сегмента, выявленного на основе анализа аспектуальной семантики, актуализирует ее соотношения с традицион-

пыми, базовыми текстовыми единицами — сверхфразовым единством (СФЕ), абзацем. Не обращаясь к вопросу о статусе выделяемых текстовых единиц (о признании сверхфразового единства и абзаца единицами речевого или языкового плана писали Б. А. Маслов, Н. С. Поспелов [3, 4]), отметим основные свойства, на которые указывается в дефинициях: приоритетность смысловых связей в рамках сверхфразового единства, проявляющихся на лексическом и грамматическом уровнях, и композиционно-смысловая функция абзаца. Большинство ученых, признавая близость сверхфразового единства и абзаца с точки зрения смыслового содержания, отмечают несоответствие их границ, объясняемое тем, что «абзац выступает единицей членения текста в аспекте порождения, а сверхфразовое единство — это единица членения текста в аспекте восприятия» [5, 26].

Принципиальное отличие аспектуальной ситуации от базовых текстовых единиц заключается в том, что ее структурно-семантическая организация выявляется в процессе анализа грамматических свойств текста. Выявление и фиксация особенностей протекания глагольного действия, свойственных видовременным формам, организующим повествовательную структуру, предваряет проведение границ между АС разных семантических типов. Приведем пример, иллюстрирующий принцип проведения границ между АС различных семантических типов:

АС постоянного отношения: Отдельные кабинеты помещались на верхнем этаже,

АС конкретного факта: ...и, входя наверх, Нора на минуту остановилась — частью от усталости, частью от волнения и последней целомудренной нерешимости. Но Менотти крепко сжал ее локоть. В его голосе прозвучала звериная страсть и жестокое приказание бывшего акробата, когда он прошептал: — Allez!.. (А. Куприн).

АС постоянного отношения реализована благодаря глагольной форме *помещались*, употребленной в постоянно-непрерывном значении несовершенного вида. АС конкретного факта формируется цепочкой глагольных форм, функционирующих с конкретно-фактическим значением совершенного вида.

Критерий единства смыслового содержания, являющийся приоритетным при членении текста на сверхфразовые единства и абзацы, в процессе экспликации аспектуальной структуры тек-

ста играет вспомогательную роль. Смысловое единство излагаемого содержания релевантно при обнаружении границ между аспектуальными ситуациями одного семантического типа. Рассмотрим пример дифференциации двух различных аспектуальных ситуаций конкретного факта:

АС 1 конкретного факта: *Поручик пробормотал: — Сойдем... — Куда? — спросила она удивленно. — На этой пристани. — За чем? Он промолчал. Она опять приложила тыл руки к горячей щеке. — Сумасшествие... — Сойдем, — повторил он тупо. — Умоляю вас... — Ах, да сделайте, как хотите, — сказала она, отворачиваясь.*

АС 2 конкретного факта: *Разбежавшийся пароход с мягким стуком ударился в тускло освещенную пристань, и они чуть не упали друг на друга. Над головой пролетел конец каната, потом понесло назад, и с шумом закипела вода, загremели сходни... Поручик кинулся за вещами (И. Бунин).*

Первая АС конкретного факта, передающая действия, производимые героями во время разговора на палубе парохода, отделяется нами от второй АС конкретного факта, которая начинается с номинации действия, произведенного неодушевленным субъектом, именно с учетом смыслового содержания художественного текста.

Другое существенное отличие аспектуальной ситуации от сверхфразового единства и абзаца заключается в возможности прерывного характера ее структуры, в то время как базовые текстовые единицы — линейные, целостные фрагменты текста.

В ходе анализа аспектуальной семантики целостного текста нами были разграничены АС прерывной и непрерывной структуры. Аспектуальной ситуацией непрерывной структуры мы называем такую АС, которая представляет собой целостный текстовый фрагмент, не прерываемый ситуациями другого семантического типа. Следующий художественный фрагмент демонстрирует последовательное, линейное сцепление АС непрерывной структуры:

АС конкретного процесса: *Спали мало;* **АС 1 конкретного факта:** *...но утром, выйдя из-за ширмы возле кровати, в пять минут умывшись и одевшись...;* **АС постоянного отношения:** *...она была свежа, как в семнадцать лет. Смущена ли была она? Нет, очень немного. По-прежнему была проста, весела и — уже рассу-*

дительно: АС 2 конкретного факта: — Нет, нет, милый, — сказала она в ответ на его просьбу ехать дальше вместе...

Последовательное сцепление непрерывных АС — наиболее простой и типичный для художественного повествования способ распределения аспектуальной семантики. Основная часть аспектуальной структуры текста демонстрирует взаимопроникновение одной АС в другую. Аспектуальные ситуации, которые охватывают текстовый фрагмент, включающий глагольные формы с разнообразными частными видовыми значениями, и вследствие этого прерываются ситуациями иных семантических типов, мы называем аспектуальными ситуациями прерывной структуры.

В ходе анализа аспектуальных ситуаций прерывной структуры нами были выявлены несколько способов распределения аспектуальной семантики:

1. А (В) А — проникновение внутрь одной АС аспектуальной ситуации другого семантического типа.

2. А (В) (С)... А — проникновение внутрь одной АС аспектуальной ситуации другого семантического типа + дополнительное включение АС третьего типа.

3. А (В (А) В — взаимопроникновение двух различных АС.

4. А (В (С) В (А) В — взаимопроникновение двух различных АС + дополнительное включение АС третьего типа.

Таким образом, аспектуальная ситуация, в отличие от сверхфразового единства и абзаца, является специфическим текстовым сегментом, склонным к прерывному структурированию.

Отмеченные различия аспектуальной ситуации, с одной стороны, и сверхфразового единства, абзаца, с другой стороны, обуславливает и несовпадение их границ. На основе соотношения АС и традиционно выделяемых текстовых единиц можно констатировать следующие пропорции:

1. Как правило, текстовый фрагмент, в котором реализуется одна АС, является частью абзаца и отрывком сверхфразового единства, т. е. основная часть выделяемых АС меньше по объему, чем сверхфразовое единство и абзац. В то же время в рассказе А. И. Курина «Allez!» встретился один пример объемной АС конкретного процесса, реализующейся в пяти абзацах и соотносящейся с четырьмя сверхфразовыми единствами.

2. АС может равняться по объему одному абзацу, но являться частью СФЕ.

3. Совпадая по объему со сверхфразовым единством, АС может реализовываться на базе нескольких абзацев.

Принимая во внимание возможное соотношение аспектуальной ситуации и базовых текстовых единиц, можно утверждать самостоятельность аспектуальной ситуации как особой единицы текста, не зависящей от членения текста в аспекте его порождения или восприятия и имеющей преимущественно грамматический критерий выявления границ и специфическое структурирование.

Примечания

1. *Бондарко А. В.* Категориальные ситуации: (к теории функциональной грамматики) // *Вопр. языкознания.* 1983. № 2. С. 12–20.

2. *Горожанкина (Валова) Л. В.* Структурирование аспектуальной семантики целостного художественного текста. Волгоград, 1994.

3. *Маслов Б. А.* Проблемы лингвистического анализа связного текста (надфразовый уровень). Таллин, 1975.

4. *Поспелов Н. С.* Сложное синтаксическое целое и основные особенности его структуры // *Поспелов Н. С. Мысли о русской грамматике.* М., 1990. С. 99–117.

5. *Гринбаум О. Н.* Автоматическая структуризация текста (на материалах русской художественной прозы): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.

© А. Ю. Ларионова

г. Екатеринбург

«ТЕРРИТОРИЯ ПРАЗДНИКА» В СТУДЕНЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Заявленная в названии статьи метафора «территория праздника» принадлежит В. Ю. Михайлину, исследующему историю русского мата, и означает в исторической ретроспективе условия разрешенной демонстрации маскулинности в форме матизмов, обсценизмов [1].

Анализируемые в данной работе речевые материалы зафиксированы в одном из екатеринбургских вузов — УГТУ-УПИ и представляют собой студенческие граффити. Критериями отбора текстов-граффити послужили 1) наличие грубых, вульгарных, обсценных языковых средств и/или 2) отражение табуированных тем.

Изучая семантические особенности мата, В. Ю. Михайлин пришел к выводу, что в отечественной традиции мат является *мужским* кодом, чертой всякого мужского коллектива. Как явление и как набор отдельных устойчивых «форм говорения», мат имеет непосредственное отношение к древним магическим практикам, реализующимся, в частности, на стадии становления, когда юноша доказывал свое право называться мужчиной (охота, многолетние военные походы и пр.). Специфичные манеры и речевое поведение, присущие данной стадии развития, могли иметь место не только на реальной «территории мужского единения», но и другой, магически «выгороженной» из обычного культурного пространства. «Выгороженная» территория допускала и даже подразумевала неприемлемые в обычных условиях поведенческие стереотипы, например, откровенную демонстрацию маскулинного, табуированного в обыденной жизни поведения, что соответствовало определенному ритуалу, игравшему для молодого человека благословляющую роль. Эту «территорию» В. Ю. Михайлин назвал территорией праздника [1].

В отношении к нашей теме «территория праздника» представляет собой неформальный студенческий дискурс (НСД), в рамках которого представители социума обыгрывают табуированные в обществе темы, упражняясь в оригинальности их представления, а также табуированные языковые средства, вкрапленные во вполне пристойные тексты, в том числе прецедентные (ПТ).

Данный материал интересен приверженностью к определенным «речевым шаблонам» [2], общностью языковых средств (в данном случае — табуизмов), несмотря на их официальную нежелательность в публичном общении, сходством правил их использования. Факт стабильности привлечения табуизмов подтверждает наблюдение Н. Д. Голева о том, что нет ни одного русского табуизма, который бы «не испытывался» [3] на возможность его включения в процесс речетворчества, тем более социумно ориентированного. Термин *табуизм* используется нами в широком смысле и обозначает языковые средства и темы, не принятые обществом для публичной коммуникации, вызывающие у посетителей литературного языка чувство неприятия. При анализе феномена «общественный запрет — активное функционирование» в языковой и культурной внутрисоциумной тради-

ции следует учитывать, в каких отношениях находятся реалии, отраженные в оппозициях «общество — социум», «общечеловеческая культура — культура социума».

Общество дает человеку культуру для присвоения и построения своей личности как общественного человека и тем самым ограничивает его рамками своей культуры, объемом культурных предметов [4, 18]. Казалось бы, человек не может выйти за пределы принятой в обществе ценностной картины мира. Однако социуму объективно не по силам овладеть всем объемом культурных предметов общества, да и зачастую неважно, соответствует ли внутрисоциумная речевая деятельность общепринятым установкам. В результате социум обходит «условия соглашения» более крупной системы, каковой является общество в целом [5, 22–23], и принимает «свои», которые могут противоречить соглашениям общества. В подтверждение этой мысли мы можем сослаться на тезис Н. В. Уфимцевой об общеизвестных и общепризнанных «культурных предметах», которые могут игнорироваться членами того или иного социума [6]. В этом же ключе паходятся размышления И. А. Стернина об адекватной коммуникации [7, 106], при которой человек обязательно должен владеть коллективными представлениями и учитывать их при общении и которая нередко нарушается. Таким образом, любой социумно ориентированный текст, выражая общезначимый коллективный смысл, является своеобразной формой общественного договора [8].

Оппозиция «общественный запрет как соответствие культурным традициям — активное дестабуирование речи как проявление русского менталитета» не кажется столь полюсной, так как понятия культурной традиции и менталитета паходятся более в дополняющих, чем противоречащих отношениях. На этом основании можно говорить о закономерном характере дестабуированности НСД как результате социализации, в процессе которой человек впитывает гласные и негласные законы общества. И если русская культура всегда поощряла прямые, резкие суждения [5, 32], грубо-разговорные формы [9], то этот факт не может не пайти отражения в НСД (как, впрочем, и в любом другом дискурсе). Негласные законы, в какой бы сфере жизни они ни действовали, потому и являются мощным фактором влияния, что возникают и функционируют благодаря ментальности линг-

вокультурного сообщества. Вот почему табуизмы в своей совокупности составляют значимый узел функционирования русского языка [3], а по употребительности занимают ведущее место в обиходном русском лексиконе [10].

Привлекательность табуизмов для посетителей языка связана не только с «ощущением вольности и раскованности речи» [11], но опирается на традиционный для русского менталитета «интерес ко всему, что ругают» [12, 46] и что запрещают. И чем категоричнее запрет, тем сильнее энергия замысла нового текста, обыгрывающего табуизм. По замечанию Н. Д. Голева, возможность разрушения табуированности как ядерного функционального признака вульгаризмов — мощный стимул для творческого отношения к языковому материалу [3].

Приведенные выше комментарии и наблюдения объясняют *естественность* табуизмов в НСД, обусловленную как влиянием традиции, так и влиянием современной жизни общества, особенно интенсивным в эпохи перемен. Именно во времена общественных преобразований многие представления о привычных «культурных предметах», особенно на уровне оценки, коннотаций, несмотря на их общеизвестность, перестают быть стабильными в сознании нации, что находит отражение в языке: изменяются функциональные границы, менее бережным становится отношение к языковым нормам, расширяется пространство использования табуированной лексики и фразеологии и др. [1, 11, 13, 14, 15]. Многие из не выходявшего ранее за рамки устного, главным образом межличностного, общения сегодня достаточно часто фиксируется в письменной форме, в том числе предназначенной для публичного восприятия (печатная продукция, граффити и пр.).

Мысль В. В. Химика о том, что речь молодежи — достоверный и яркий показатель актуального состояния общества и его языка [16, 61], объясняет сущность и необходимость исследования студенческого дискурса (СД) и имеет, на наш взгляд, объективные основания. Студенческая молодежь представляет собой социальный слой:

- количественно достаточно крупный (масштабность социума обуславливает значимость исследования его дискурса);

- перспективный с точки зрения влияния на развитие общества, в том числе в сфере развития языка (изучение СД позволя-

ет прогнозировать речевую специфику общества; ср. с утверждением Зорнига о том, что на базе социолекта происходит расширение узкого круга социолектно-релевантных тем общения, которое приводит в дальнейшем к образованию разговорной речи [17]);

— являющийся, по Бернштейну, «развитым кодом» [18], неформальная речь которого относится к так называемой третьей культуре на достаточно высокой ступени ее развития (см. тезис Н. И. Толстого о многослойности «третьей культуры» [19, 17]);

— объединенный рядом общих черт его представителей, находящихся на стадии развития и становления, предшествующей «полноправному», «зрелому» возрастному статусу. Эта стадия исторически несла в себе положительные коннотации, связанные «с молодостью, силой, агрессивностью, постоянной боеготовностью, готовностью к смерти и к боли как неизменным атрибутам маскулинности, положительно маркированным культурной традицией и желательным во всяком взрослом мужчине инвариантным нормативом поведения» [1].

Таким образом, к чертам, общим для представителей студенческого социума, относятся: 1) уровень образования и культуры и связанные с ним карьерные стремления; 2) возрастная общность и связанные с ней психологические особенности: в сфере коммуникации это одновременно и потребность в индивидуализации себя, и солидарность с участниками социума в коммуникативных актах; 3) игнорирование общественно значимых установок, в том числе пренебрежение целостностью и чистотой литературной нормы в письменной и в устной речи, и т. д. По мнению В. В. Химика, отторжение нормы реализуется как функциональное средство оценочной экспрессии и как способ эстетического самовыражения говорящего [16, 59].

Перечисленные особенности объективируют мнение, что в студенческом социуме, как в любом языковом коллективе, «в качестве нормального устанавливается какой-то один образ мышления, особый тип реакции» [5, 24], особое использование языка для выражения особой ментальности [20]. В связи с этим целесообразно говорить о *социумно ориентированных* текстах, под которыми мы понимаем тексты, созданные в рамках социума и соответствующие его *предпочтениям* в плане выражения и в плане содержания. В силу того что речь идет о «развитом коде», влиявшем в определенной степени в процессе социализации куль-

турные установки общества, закономерным является внимание к разного рода «отклонениям» от них, проявляющимся в активизации «взаимодействия сферы культуры со сферой субкультуры» [21]. В этой связи для исследования НСД мы используем понятие *социолекта* как некоего «интимного» варианта языка определенной группы (в данном случае — студентов) [17], создающего атмосферу внутригрупповой принадлежности индивида. Социолект представляет собой речь, специфичную для определенной субкультуры, связанной с культурой конкретного социума.

Культура «существует в форме текстов — знаковых произведений духовной деятельности человека» [22, 161]. Как показывает материал, тексты в условиях неформальной дискурсивной практики характеризуются общностью в плане «векторно направленной» речемыслительной деятельности, в выборе технологии составления текстов. Первое находит отражение в идеографической специфике текстов, второе — в выборе текстовых оснований (самостоятельно составленные речения или тексты на базе прецедентных), а также в выборе конкретных языковых средств, используемых для речетворчества (в нашем случае — в наборе табуированных средств).

Анализ материала позволяет говорить о своеобразной идеографической специфике текстов НСД: преимущественно это темы-отношения к своему/не своему вузу и связанным с ним «предметам»: своему/не своему факультету, преподавателям, дисциплинам, девушкам-студенткам и др., но все эти «отношения» часто передаются через тему «низа», тему сексуально-потребительского взгляда мужчины на женщину как представительницу другого ВУЗа, другого факультета, другого пола, не «твою» любимую, через сравнения уничижительного характера и т. д. Популярными здесь являются слова синонимичного ряда с коитальным значением:

1) тема соперничества вузов Екатеринбурга — УПИ и УрГУ:

Пока УРГУ готовил пушку, УПИ *имел* его подружку. (1)

Лучше *трахать* кенгуру, чем девочку из УРГУ! (2)

Лучше в поле *трахать* эхо, чем девочку с политеха. (3);

2) тема отношения к «не своему» факультету и его представителям:

Лучше *вые...ть* быка, чем студентку ФФК (факультет физической культуры). (4);

3) тема жизненных установок и интересов:

Кушайте хлебушек, *пихайте* девушек. (5)

Полюбил девчонку я и хочу надеяться,
что любимая моя здорово *имеется*. (6)

От сессии до сессии
живут студенты весело:
Сегодня водка, завтра пиво,
И девок куча подвалила.
Будем *трахаться* и пить,
А на предметы нам забить? (7)

По замечанию Л. П. Крысина, слова *трахать, трахаться* многие представители молодого и среднего поколения, говорящие по-русски, считают удачной эвфемистической заменой литературных глаголов коитальной семантики [23]. Между тем в анализируемом материале эвфемизмы не вытеснили сами литературные лексемы (которые остаются актуальными для данного социума), а лишь вошли в состав синонимичного ряда с подобной семантикой.

По мнению Ю. А. Бельчикова, тексты, содержащие табуизмы, всегда вызывают известное напряжение при восприятии посетителями литературного языка [13]. Вероятно, с этим можно связать особенность текстов НСД в аспекте технологии их составления, обозначенную нами как ситуативный параллелизм: в рамках одного текста обыденная ситуативность (ситуация и/или ее атрибуты) оттеняется ситуативностью интимного содержания. На наш взгляд, ситуативный параллелизм призван выполнить функцию сглаживания впечатления от текста, включающего табуизм. Например, сравнительно-функциональная, с коннотацией профессионального интереса, параллель интимной части мужского тела и компьютера в граффити «Можно ли назвать *член* устройством ВВОДА/ВЫВОДА?» явно смягчена на фоне ситуативного параллелизма. Ю. А. Бельчиков указывает, что слова и фразеологические выражения ненормированной речи в контекстах и ситуациях литературной речи приобретают новые осмысления, новые синтагматические связи, вступают в парадигматические отношения с единицами литературного языка и как бы «облагораживаются» для воспринимающего новый текст [14].

В текстах, отражающих ситуативный параллелизм, т. е. построенных с использованием тем-спутников, доминирование какой-либо темы размыто, так же как фоновость другой. В приведенных примерах очевидно, что отношения полов — это не та тема, ради которой составляется текст (т. е. некая метафункция табуированной темы). Между тем эта тема (и никакая другая) используется как наиболее приемлемая в качестве основы образности социумно ориентированного текста (частотная востребованность свидетельствует об этом). Табуированная лексика также не может быть признана абсолютным фокусом текста. Подтверждение тому — отсутствие в анализируемом материале общенных граффити-одиночек. Это свидетельство иных эстетических установок, нежели, например, в подростковом социуме.

Тексты, построенные на основе ситуативного параллелизма, как правило, ориентированы на эффект обманутого ожидания [24]: неожиданная параллель, неожиданная концовка текста призваны выполнить функцию средства выразительности и на этой основе функцию эстетического самовыражения автора. *Водку холодную я обожаю, / Теплую водку просто люблю. / Но если водка работе мешает, / Брось ее на х..., работу свою!* — речь идет об одном объекте — водке (находится в начале предложения), а неожиданное умозаключение касается другого — работы (находится в конце предложения). Матизм в данном случае не выполняет функции номинанта предмета, но выступает в качестве некой междометной лексики как средства экспрессивизации текста (об *экспрессивности* как общепризнанной особенности русской культуры коммуникации [см.: 4, 23; 5; 25; 26]). Сочетание эффекта обманутого ожидания и «эффекта этической (и этикетной) дерзости, пробивающей границы нормативности», делает речь экспрессивной за счет разрушения «обыденного знаково-информативного употребления языка» [3].

С позиции текстовых оснований весь материал представляет собой самостоятельно составленные предложения, часто зарифмованные (см. примеры выше), и тексты, созданные на базе прецедентных (трансформированные прецедентные тексты — ТПТ). В научной литературе отмечается, что многие дискурсы служат источниками дериватов языковых идиом. Инвариантная стратегия обыгрывания табуизмов связана обычно с ассоциативным сближением (на разных основаниях) табуизма и нормативной

единицы [3]. Так, к элементам варьирования в рамках ПТ относятся свойства и компоненты языковых единиц, актуальные и для плана выражения (ПВ), и для плана содержания (ПС). Это значит, что в процессе создания вторичных текстов может актуализироваться смысловой, структурный, ритмический и иной потенциал устойчивых оборотов (на уровне звуко-буквенных трансформаций, трансформаций структуры высказывания и пр.).

По мнению Е. В. Какориной, трансформации чаще касаются семантики слова, его сочетаемости, а также стилистической переориентации [11]. Н. А. Кузьмина считает, что в коммуникативном пространстве того или иного дискурса понимание осуществляется «вычитыванием» в тексте или «вчитыванием» в текст собственных личностных смыслов [12, 23–24], что определяет направление обыгрывания. Ю. Б. Пикулева в своем исследовании отмечает, что для передачи измененного (осовремененного, ненормативного) содержания часто используются уже существующие словосочетания и выражения, являющиеся в структурном плане готовыми формулами, удобными для деформации [27]. Опираясь на материал, можно говорить, что достаточно большая часть текстов социума представляет собой специально созданные синтагмы, воспроизводящие частично или полностью структуры базовых текстов, часто расширенные дополнительной денотативностью. В новые тексты нарочито встраивается неприличная лексика и фразеология, как правило, выражающая табуированные смыслы (см. табл.).

Базовый ПТ / ТПТ	Смена смыслов
<p>А ты опять сегодня не пришла... Вчера <i>стоял</i>, а ты пришла сегодня.</p>	<p>В песне-первоисточнике романтическое ожидание встречи с любимой //</p> <p>В новом тексте откровенная физиология, ожидание физической близости</p>
<p>Баба с возу — кобыле легче. <i>Баба взводу</i> — полковой кобыле легче. <i>Кончил дело</i> — бабу с воза.</p>	<p>В первоисточнике общий смысл «от женщин одни проблемы / нежелательность участия женщины в серьезном деле» //</p> <p>В новых текстах «женщина как предмет мужских вожделений / нежелательность присутствия женщины после удовлетворения мужского “интереса”»</p>

Базовый ПТ / ТПТ	Смена смыслов
<p>В здоровом теле здоровый дух. В здоровом теле здоровый <i>друг</i>. В здоровом теле — здоровый <i>стул</i>! В здоровом теле здоровый <i>пук</i>.</p>	<p>В первоисточнике идея человеческой гармонии (единство физического и духовного) // В новых текстах эвфемизм мужского полового члена / медицинское обозначение испражнений / название физиологического явления</p>
<p>В тебе (у тебя) есть хорошая черта. В тебе есть хорошая черта: та, что делит ж... пополам.</p>	<p>В первоисточнике констатация наличия духовного, морального качества в человеке // В новом тексте исключительно физический интерес к человеку</p>
<p>Лучше синица в руках, чем журавль в небе. Лучше х... в руке, чем занятия в гидраке!</p>	<p>В первоисточнике общий смысл сравнения «довольствоваться тем, что имеешь» // В новом тексте сравнение построено на оппозиции-параллели «нечто связанное с физиологией, вызывающее брезгливость / интеллектуальное развитие, связанное с отношением к вузу»</p>
<p>Вилами по воде писано. Это еще <i>писями</i> по воде виляно.</p>	<p>В первоисточнике общий смысл неуверенности // В новом тексте тот же смысл, но за счет изменения внутренней формы с введением табуизма</p>
<p>Броненосец «Потемкин». Бронетемкин «<i>Поносец</i>».</p>	<p>В первоисточнике факт героического прошлого // В новом тексте ассоциации с испражнениями в результате отравления</p>
<p>Билл Гейтс. Билл — <i>гей</i>. Тсс...</p>	<p>В первоисточнике собственное имя // В новом тексте название по нетрадиционной сексуальной ориентации</p>
<p>Недееспособен. Нсгееспособен.</p>	<p>В первоисточнике информация о трудоспособности (официально-деловой стиль) // В новом тексте стилизованное обозначение неспособности к нетрадиционной сексуальной ориентации</p>

Наблюдаемая натуралистичность многих вторичных текстов в НСД, контрастирующая со смыслами первичных, демонстрирует конкретность мышления и отражения действительности как ментальную особенность студенческой молодежи.

Как видно из примеров, смысловые и стилистические трансформации напрямую связаны с разного рода преобразованиями формы (на уровне звуко-буквенных перекомбинаций, омофонии, структуры текста). Н. Д. Голев, рассматривая проблему сближения табуизмов и нормативных единиц, отмечает, что в большинстве случаев исходным пунктом сближения является именно формальная похожесть, на основе которой осуществляется внесение специфического смысла в речевое произведение [3]. Добавим, что формальная близость нередко дополняется следованием ритмике базового текста или отдельного его фрагмента (с возу — взводу; дух — друг / пук / стул), что позволяет узнавать базовый ПТ.

Подводя промежуточные итоги анализа текстов НСД, можно отметить следующее:

1. Речетворчество в студенческой среде опирается не на порну, одинаковую для всего языкового коллектива, а на социумно ориентированную коммуникативную целесообразность.

2. Естественность и стабильность табуированных тем и языковых средств в НСД демонстрируют особую ментальность.

3. Прагматика детабуирования текстов заключается: 1) в экспрессивизации нового речевого продукта и речи в целом, 2) в адаптации к определенным условиям, 3) в демонстрации «нормативно-оппозитивной установки» речетворчества в форме открытой презентации табуизмов в составе текстов-граффити.

4. Detaбуирование используется как прием освоения прецедентных текстов и создания оригинальных. Инвариантные стратегии обыгрывания табуизмов в самостоятельно составленных речениях в большей мере связаны с эвфемистическими заменами, ситуативным параллелизмом в рамках одного текста; инвариантные стратегии обыгрывания табуизмов в ПТ основаны более на ассоциативном сближении (на разных основаниях), причем смысловые трансформации и трансформации формы взаимообусловлены.

5. Использование эвфемизмов, ситуативного параллелизма и прямых нелитературных табуизмов позволяет предполагать негетогенность социума в отношении к детабуированию.

Анализ текстов НСД в аспекте детабуирования позволяет фрагментарно представить ментальность студенческого социума, обуславливающую социокультурную целостность НСД.

Примечания

1. Михайлин В. Ю. Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюция статуса [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://gdom.specialist-gsm.ru/stream.php?pub=464&r...09.12.2005>.
2. Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 77–85.
3. Голев Н. Д. Обыгрывание табуизмов в русском лингвистическом фольклоре [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://lingvo.asu.ru/golev/articles/z53.html>
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
5. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.fulbright.ru/russian/sumschool/2004/Wic. С. 22–23.
6. Уфимцева Н. В. Человек и его сознание: проблема формирования // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М., 1993. С. 59–75.
7. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
8. Брагина Н. Г. Фразеологические тексты. Память как фразеологический текст // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 2004. С. 189–202.
9. Шаронов И. А. О допустимой резкости в русских стратегиях ведения диалога // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
10. Мокиенко В. М. Русская бранная лексика: цензурное и нецензурное // Русистика (Берлин). 1994. № 1/2.
11. Какорина Е. В. Трансформации лексической семантики и сочетаемости // Активные процессы в современном русском языке [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/x-ooks/xbook050/01/part-009>
12. Кузьмина Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. М., 2004.
13. Бельчиков Ю. А. Инвективная лексика в контексте некоторых тенденций в современной русской речевой коммуникации // Филол. науки. 2002. № 4. С. 66–73.
14. Бельчиков Ю. А. О стабилизационных процессах в русском литературном языке 90-х годов XX века // Рус. речь. 2005. № 3.
15. Химик В. В. Экспансия «третьей культуры» и тенденции развития русского языка // Язык. Система. Личность. Екатеринбург, 2003. С. 18.
16. Химик В. В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000.
17. Об этом см.: Карасик В. И. Язык социального статуса. М., 1992.
18. См.: Домашнев А. И. Теория кодов Б. Бернштейна. Цели и результаты // Вопр. языкознания. 1982. № 1. С. 5.
19. Толстой Н. И. Язык и народная культура. М., 1995.
20. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принципы причастности. М., 1995. С. 38–39.
21. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Фразеология в контексте субкультуры

(фразеология в жаргоне и жаргон во фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

22. Мурзин Л. Н. Язык, текст и культура // Человек. Текст. Культура. Екатеринбург, 1994.

23. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия. М., 2000. С. 384–408.

24. Долинин К. А. ИмPLICITное содержание высказывания // Вopr. языкознания. 1983. № 6. С. 46.

25. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996

26. Козлова Т. В. «Новые русские»: понятие и дискурс // Фразеология в контексте культуры. М., 1999. С. 97.

27. Пикулева Ю. Б. Культурный фон современной телевизионной рекламы // Изв. Урал. гос. ун-та. 2002. № 24.

© М. Ю. Мухин

г. Екатеринбург

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: ЧАСТОТНЫЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

1. Постановка проблемы

Научное исследование, как правило, опирается на статистические данные. Так и при выборке материала для семантического анализа художественного текста и изучения языка писателя лингвист стремится избежать субъективной интерпретации. При этом один человек обычно не в состоянии «охватить текст в целом», цель может быть сужена и сведена к изучению, например, отдельных тематических групп лексики или характерных средств выразительности речи.

Предельно точную и полную выборку слов, отражающих идиостиль автора, на наш взгляд, может обеспечить **сравнительный количественный анализ**. Суть метода заключается в следующем. Если сформировать массив частотных слов, употребленных в каждом тексте, можно выявить лексику, характерную для каждого из авторов (т. е. не попадающую в частотный набор других писателей). Эта лексика предположительно должна отражать индивидуальные концептуальные предпочтения. Естественно, чистой статистики для решения этой задачи недостаточно, необходимо в дальнейшем проанализировать семантику выбранных слов и обобщить их тематически.

Материал работы — 16 произведений известных русских романистов XX в. (см. табл.).

Автор	Произведения	Количество слово- употребле- ний
М. Булгаков	«Белая гвардия», «Жизнь господина де Мольера», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»	275 368
В. Набоков	«Король, дама, валет», «Защита Лукина», «Камера обскура», «Дар»	252 009
А. Платонов	«Сокровенный человек», «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море»	190 791
М. Шолохов	«Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», «Судьба человека»	687 660

Всего в базе данных 1 405 828 словоупотреблений.

Ранее подобным образом были изучены частотные имена существительные [1]. Текстовая семантика глагола подвержена сюжетному влиянию в меньшей степени, чем семантика существительного, поэтому можно предполагать, что массив частотных глаголов в большей степени показателен для характеристики индивидуально-авторских особенностей и непосредственно связан с процессуальной картиной мира русских писателей. Таким образом, предлагается совместить статистический, парадигматический и текстовый анализ, а также дать идиостилевую характеристику частотным глагольным парадигмам.

2. Компьютерно-статистический этап

Глаголы, употребленные в анализируемых текстах, были упорядочены по частоте; из них выбрано 300 самых частотных ± 25 , совпадающих по частоте (всего 4724 для 16 текстов). Видовые пары подсчитывались вместе, т. е. условно принимались за одну семантическую единицу. Лексические массивы, характеризующие каждый текст, сопоставлялись.

Проанализирована группа слов (53 глагола), являющихся частотными во всех текстах («глагольные универсалии»). Здесь и далее при выделении семантических групп были использованы классификации, принятые в идеографических словарях, изданных под редакцией проф. Л. Г. Бабенко лексикографической группой «Русский глагол» [2].

Универсальными являются следующие слова:

1) глаголы, часто употребляющиеся как связки: *быть, становиться / стать*;

2) модальные глаголы: *мочь, хотеть*.

3) глаголы, обозначающие самые значимые процессы:

— движения: *идти, пойти, ходить, приходить / прийти, уходить / уйти, проходить / пройти, подходить / подойти, входить / войти, выходить / выйти, падать / упасть*;

— перемещения: *поднимать / поднять, снимать / снять*;

— речи: *отвечать / ответить, спрашивать / спросить, говорить / сказать, писать*;

— интеллекта: *знать, узнавать / узнать, понимать / понять, думать, подумать*;

— зрительного восприятия: *видеть, увидеть, глядеть / глянуть, смотреть, посмотреть*;

— местонахождения, положения в пространстве: *стоять, лежать, сидеть, садиться / сесть, оставаться / остаться*;

— получения в свое распоряжение, владения, передачи объекта: *иметь, получать / получить, брать / взять, давать / дать, держать*.

Вне перечисленных групп можно выделить следующие многозначные слова *делать / сделать, жить, улыбаться / улыбнуться, начинать / начать, находить / найти, ждать, приходиться / przyjтись, попадать / попасть, помогать / помочь, оставлять / оставить, показывать / показать, успевать / успеть, открывать / открыть*.

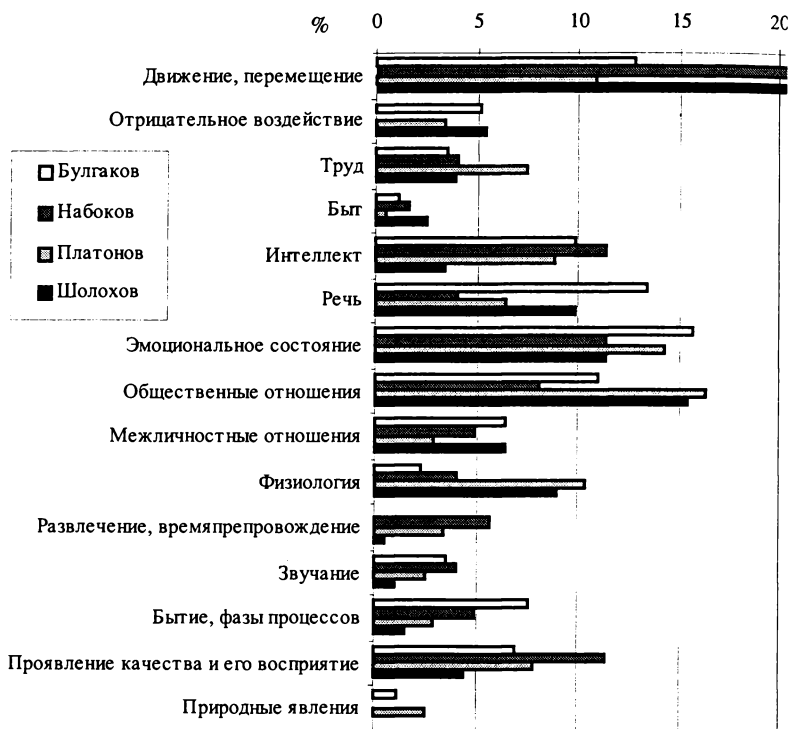
Частотность универсальных глаголов дает текстовое подтверждение идее Л. Г. Бабенко о том, что «в большей степени способны номинировать концепты процессуально-событийного мира базовые глаголы-идентификаторы с социально-обобщенным типом значения» [3]. Однако рассматриваемый массив глаголов, крайне интересный для изучения текста вообще, непоказателен в плане языковой характеристики творчества конкретного авто-

ра. Ясно, что для идиостилевого описания эту лексику только по причине ее частотности привлекать нельзя.

Остальные слова не одинаково актуальны для решения нашей задачи, так как большинство из них часто встречается в романах разных писателей. Будем исходить из того, что индивидуально-авторские особенности гипотетически могут отражать следующие группы лексем:

1) слова, попадающие в «верхушку частотности» двух и более произведений одного автора и не более чем в одно чужое произведение (самая показательная группа);

2) слова, часто употребляемые в одном произведении автора и не попадающие в списки частотных ни в одном чужом произведении.

Соотношение семантических глаголов в творчестве разных авторов

Соответственно получаем 4 списка глаголов, характерных для творчества:

М. Булгакова: *спасать / спасти, бросаться / броситься, вскричать, загораться / загореться, побледнеть, вскрикивать / вскрикнуть, разрешать / разрешить, сверкать / сверкнуть, бормотать* и др. (всего 140 слов в 2605 контекстах);

В. Набокова: *скользить / скользнуть, приниматься / приняться, позвонить, убирать / убрать, гулять, кивать / кивнуть, валяться, прощаться / проститься* и др. (101 слово, 1535 контекстов);

А. Платонова: *выдумывать / выдумать, горевать, обрадоваться, трудиться, жалеть, чуют, организовывать / организовать, скучать, мучиться, питаться* и др. (171 слово, 2086 контекстов);

М. Шолохова: *поглядывать, махать / махнуть, кидать / кинуть, выезжать / выехать, прижиматься / прижаться, ругаться, сбивать / сбить, слышать, воевать, везти* и др. (164 слова, 5340 контекстов) (см. диаграмму).

В итоге 576 слов в 11,5 тыс. контекстов составили сводный конкорданс и основание будущего семантического корпуса.

Делать выводы о доминантах процессуальной семантики без контекстного анализа практически невозможно: слишком велико различие между значениями слов. Кроме того, для чистоты выводов отброшены контексты с фразеологизмами (*провалиться сквозь землю, сводить с ума* и т. п.).

3. Тематический анализ глаголов

Контекстная выборка проанализирована с лингвистической точки зрения, проведена семантическая разметка корпуса. Следует заметить, что, несмотря на большой объем контекстов, каждое рассматриваемое слово вследствие индивидуальных предпочтений автора используется обычно в одном-трех значениях.

Многие глаголы совмещенной семантики были отнесены к нескольким группам: *вскричать* (речь + проявление эмоций), *выяснять* (речь + интеллектуальная деятельность), *храпеть* (физиология + звучание) и т. п. Следовательно, единицей рассмотрения становится не «монопольное» значение слова, а один из его категориальных компонентов. В итоге после разметки, обобщения и отбора «мусора» список для сравнения формируют 700 категориально-лексических единиц: Булгаков — 172, Набоков —

123, Платонов — 203, Шолохов — 202. Эти величины приняты далее за 100 % в каждом из четырех случаев. Выделены 23 семантические группы, в которые объединяется глагольная лексика. В диаграмме представлены наиболее показательные из них, отражающие процессуальные доминанты в творчестве этих писателей («Движение, перемещение», «Речь», «Интеллект», «Эмоциональное состояние», «Физиология» и др.). На горизонтальной оси показано процентное отношение данных лексических категорий в текстах автора.

Первичная характеристика процессуальной картины мира русских писателей выявляет следующие доминантные семантические группы глаголов, выделяемые в сравнении с другими авторами:

М. Булгаков — «Речь», «Эмоциональное состояние», «Бытие, фазы процессов»;

В. Набоков — «Движение», «Интеллект», «Развлечение», «Проявление качества и его восприятие»;

А. Платонов — «Труд», «Общественные отношения», «Физиология», «Природные явления».

М. Шолохов — «Отрицательное воздействие на объект», «Быт», «Межличностные отношения».

Отметим также и интересные процессуальные «лакуны» в творчестве разных авторов. Сферы, в меньшей степени характерные для М. Булгакова, — «Физиология», «Развлечение, времяпрепровождение», «Бытие, фазы процессов»; для В. Набокова — «Отрицательное воздействие», «Речь», «Природные явления»; для А. Платонова — «Движение, перемещение», «Быт»; для М. Шолохова — «Интеллект», «Развлечение, времяпрепровождение», «Звучание», «Бытие», «Природные явления».

Чтобы судить об особенностях идиостилей, необходимо дать этому раскладу корректирующий комментарий, основанный на анализе каждой конкретной семантической группы. Кроме того, многие показатели отличаются несущественно (см. диаграмму), сближают разных авторов количественно (но необязательно качественно), что также пуждается в пояснении.

4. Идиостилевой комментарий

Все параметры подробно охарактеризовать невозможно из-за соображений объема, приведем лишь некоторые примеры сжатого сопоставительного описания.

Эмоциональное состояние (Булгаков и Платонов). В монографии «Лексические средства обозначения эмоций в русском языке» Л. Г. Бабенко констатирует, что «лексика... передает связь эмоций с социальным и речевым поведением человека. При этом эмоции обычно являются запрограммированным следствием деятельности человека» [4]. Отличие эмотивного плана булгаковского текста в первую очередь в преобладании слов, обозначающих внешнее проявление эмоций. Именно поэтому в нем много глаголов, совмещенных по семантике с речью, звучанием (*прокричать* и *вскричать*, *выкрикивать*, *взывать* и др.). Эмоция обыкновенно характеризуется крайней степенью проявления (*ошалевать*, *впадать*, *хохотать*, *бросаться*). В тексте Платонова эмотивы совершенно другие, обычно значимые сами по себе: *горевать*, *обрадоваться*, *скучать*, *тосковать*, *томиться*, *(ис)пугаться* и т. п. Эмоция может быть продиктована социальными отношениями (*угождать*, *угнетать*, *стыдиться*). Передача эмоционального состояния Булгаковым характеризуется очевидной театральностью, эмоция же платоновских персонажей «бытийна» и, скорее, интровертна.

Физиология (Платонов и Шолохов). В поле зрения Платонова попадают в первую очередь жизнеобразующие физиологические действия — процессы еды (*кушать* и *покушать*, *поесть*, *питать* и *питаться*, *жрать*) и сна (*уснуть*, *затихать* / *затихнуть*, *ворочаться*, *дремать*, *прилечь*, *храпеть*). Появление этих глаголов в тексте системно. Физиологические реакции связаны также с выполнением трудной работы: *утомляться* / *утомиться*, *взмокать* / *вмокнуть*, *превозмогать* / *превозмочь*, *умориться*. Лексика М. Шолохова, напротив, разнородна (*замерзать* / *замерзнуть*, *подыхать* / *подохнуть*, *разбудить*). Следует отметить характерные для писателя слова *напиваться* и *закусывать*, а также *опомниться* и *очнуться*.

Речь (Булгаков и Шолохов). Глаголы речевой деятельности необходимы для оформления диалогов, поэтому частотны в любом тексте (в особенности чисто речевые: *говорить* / *сказать* и *отвечать* / *ответить*). В число индивидуально-авторских слов, обозначающих речь, попадает большей частью полифункциональная лексика (в частности, эмоций — см. выше). Речь героев Булгакова обычно выражает, причем интенсивно, эмоциональное состояние или отношение (*взывать*, *оплевывать*, *осмеивать*),

связана с подтверждением подлинности информации (*утверждать, доказывать, клясться, ручаться*). Шолоховские глаголы часто характеризуют социальные отношения (*приставать, подерживать, проситься, доносить*) и интересны стилистически своей сниженностью: *бrehать, гутарить, материнничать*.

Интеллект (Булгаков и Набоков). В данном случае авторов не различает, а объединяет идея воображения и интеллектуального творчества. М. Булгаков: *сочинять, выводить* и *вводить* (в связи с персонажем художественного произведения), *заимствовать*. В. Набоков: *придумывать, создавать, мечтать* и т. п.

Движение, перемещение (Набоков и Шолохов). Глаголы собственно движения (*гнать, выезжать, сворачивать, подъезжать, переправляться, подбегать* и т. п.) встречаем в первую очередь в произведениях М. Шолохова. Их частотность — следствие динамичного эпического повествования. Для набоковского текста типична лексика перемещения (*двигать, толкать, откидывать*) и, в частности, жестового характера (*кивать, поклониться*).

Отрицательное воздействие на объект (Булгаков, Шолохов). Существенная часть этих слов — глаголы повреждения тела и лишения жизни. Булгаков «предпочитает» своих персонажей *окровавить, повесить, зарезать* или *казнить*, у Шолохова иные «пристрастия»: *побить, сбить* или *выбить* (из седла), *рубить, расстрелять* и в конечном счете *умыть* (врага, *перен.*). С одной стороны, эти глаголы больше других связаны с сюжетом произведения (и, значит, не столь показательны). С другой стороны, у Набокова, например, они вообще не попадают в число частотных, несмотря на идею убийства в романах «Король, дама, валет» и «Камера обскура».

Подобные заключения имеют свой филологический смысл: на основании этих и других выводов выстраивается лингвистический портрет автора, основанный не на интуитивном искусствоведческом соображении, а на количественной оценке материала.

Предметом нашего исследования не является атрибуция текста. Тем не менее можно привести следующие данные. Из 296 глаголов, выбранных из романа «Тихий Дон», в число самых частотных в других произведениях М. Шолохова попадает 265 слов, в произведениях Набокова — 223, Булгакова — 222, Платонова — 212. При чистом сравнении «Тихого Дона» с про-

изведениями указанных авторов у Булгакова находим 4 глагола, у Набокова — 2, у Платонова — 1, а в трех произведениях самого Шолохова — 19: *брехать, гнать, забирать, запрягать, кидаться / кинуться, кинуть, отступать, побивать, проводить, рубить, ругаться* и др. Для фундаментальных выводов этого сопоставления, конечно, недостаточно, но его можно считать еще одним лингвистическим аргументом в защиту подлинности авторства романа «Тихий Дон».

Идиостилевые особенности формируются писателем как осознанно, так и бессознательно. Первичный статистический анализ, определяющий отличие одного автора от других, ориентирован на выявление именно бессознательных, не зависящих от авторской воли моментов творчества. В этом смысле он более показателен, так как осознанные приемы построения текста, во-первых, зависимы от фабулы, а во-вторых, предполагают возможность языковой подмены, стилизации под чужое повествование. В итоге, опираясь на обобщение текстов большого объема, можно в значительной степени абстрагироваться от сюжетных влияний и выявлять особенности авторского мировосприятия не только внутри, но и вне литературных рамок.

Примечания

1. См. об этом: *Мухин М. Ю.* Идиостиль автора: квантитативный анализ и его филологическая интерпретация [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2005/MukhinM/MukhinM.htm>).

2. См.: Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. М., 1999; Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. М., 2005.

3. *Бабенко Л. Г.* Базовые концепты процессуально-событийного мира (постановка проблемы) // Русская глагольная лексика: Денотативное пространство. Екатеринбург, 1999. С. 35.

4. *Бабенко Л. Г.* Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. С. 52.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК СИГНАЛЫ ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ

Современная интерпретация исторических событий недавнего прошлого нашей страны, отраженная в современной газетной публицистике, позволяет говорить о демифологизации в том смысле, что на смену прежнему мифу приходит новый.

М. В. Никитин, выделив шесть основных значений мифа, обозначил и «намеренно укореняемые или стихийно усваиваемые массовым сознанием искаженные представления о состоянии дел в процессах, происходящих в общественной жизни» [1, 51].

Одним из таких «замифологизированных» событий современные историки и публицисты справедливо называют XX съезд КПСС, «который стал началом новой большой лжи о советской истории — на смену сталинской школе фальсификации истории пришла хрущевско-шестидесятническая, которую углубили горбачевцы, а развила мелкобуржуазия 1990-х» (Лит. газ. 2006. № 7–8).

В ряде публикаций «Литературной газеты» (2006. № 7–8), объединенных под общим заголовком «Маски-шоу XX съезда», современные философы, историки, публицисты пытаются дать свою оценку этому эпохальному событию XX в., состоявшемуся 50 лет назад — 14–25 февраля 1956 г. Однако дать объективную оценку XX съезду КПСС, вероятно, достаточно сложно, поэтому авторы, пытаясь по-новому осмыслить это событие, создают о нем новый миф.

В. З. Демьянков предлагает различать событие как идею, «собственно событие, или референтное событие», и «текстовое событие в его атрибутах, “осциллирующих” в интерпретации» [2, 321]. В центре нашего внимания будет текстовое событие, которое характеризуется следующими координатами: а) «подтвержденность (или неподтвержденность) ожиданий относительно дальнейшего изложения, б) место события среди эпизодов дискурса, в) точка зрения» [Там же, 322]. Именно последняя координата — точка зрения — является главной в нашем анализе.

Достаточно часто в публикациях, посвященных XX съезду КПСС, используются прецедентные феномены, которые формируют концептосферу того или иного текста, отражающую точку зрения автора.

Введение Д. С. Лихачевым термина «концептосфера» применительно к языку, под которым понималась «совокупность концептов» [3, 286], позволило применить его и к характеристике текста: известный филолог отмечал «необычайное богатство концептосферы» «Евгения Онегина» А. С. Пушкина [Там же, 284]. Концептосфера текста есть, по сути, то, что названо И. Р. Гальпериним содержательно-концептуальной информацией текста, которая «сообщает читателю индивидуально-авторское понимание отношений между явлениями, описанными средствами содержательно-фактуальной информации, понимание их причинно-следственных связей, их значимости в социальной, экономической, политической и культурной жизни народа, включая отношения между отдельными индивидуумами, их сложного психологического и эстетико-познавательного взаимодействия» [4, 28]. Л. Г. Бабенко понимает под процессом описания концептосферы текста «обобщение всех контекстов, в которых употребляются ключевые слова — носители концептуального смысла, с целью выявления характерных свойств концепта: его атрибутов, предикатов, ассоциаций, в том числе и образных» [5, 61].

Прецедентные феномены (ПФ) являются одним из ярких средств концептуализации языковой картины мира. Будучи репрезентантами различных концептов, они формируют концептосферу текста. В самом понимании прецедентности, как процесса отражения в тексте национальной культурной традиции в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества, заложено тесное взаимодействие явлений прецедентности и концептуализации.

Рассмотрим те ПФ, которые, формируя концептосферу того или иного публицистического текста, являются ренепрезентантами признаков событий. В. З. Демьянков выделяет 12 признаков событий, таких как статичность — динамичность, контролируемость — неконтролируемость, рассмотрение в целостности и по фазам, моментальность — длительность — повторительность, достигнутость — недостигнутость цели, степень достоверности,

ролевые функции участников события, противопоставление известного, желательного и предпочтительного событий, пространственно-временная локализация события, квантифицируемость события, причинность — беспричинность [2, 323–328].

Можно предположить, что в зависимости от характера события те или обозначенные В. З. Демьянковым признаки становятся доминирующими, концептуально значимыми в тексте. В анализируемом событии одним из таких признаков является пространственно-временная локализация события — г. Москва, 14–25 февраля 1956 г. На первый план выходят также ролевые функции участников события, которые достаточно часто определяются путем использования того или иного прецедента.

Одним из главных участников анализируемого события является Н. С. Хрущев, выступивший с докладом на XX съезде КПСС. Роль этой личности в истории определяется современными аналитиками неоднозначно, часто авторы занимают диаметрально противоположные позиции в оценке деятельности Н. С. Хрущева: либо идеализируют эту личность, либо нивелируют положительную ее роль в истории России. В этом, вероятно, в определенной степени и состоит «новое мифологическое мышление», которое допускает многообразие интерпретаций события, роли его участников, различные его оценки и т. п.

Рассмотрим этот признак на конкретных примерах. Так, концептосферу публикации «Люди вздохнули с облегчением» А. Ципко формирует, на наш взгляд, прецедентное высказывание, заимствованное автором из «Библии»: «Сам Хрущев верил, что, став на моральную, человеческую точку зрения, на позиции христианского “Не убий”, начав реабилитацию жертв сталинизма, он, напротив, ускоряет строительство коммунизма». Очевидно, что в этом контексте автор позитивно оценивает роль Хрущева, однако возведение его политических принципов до христианских заповедей является не совсем корректным, тем более что реальные факты исторического прошлого нашей страны вступают в противоречие с утверждением автора.

А. Салуцкий в полемической публикации «Почему не осуждены ленинские репрессии?» приводит текст анекдота, особенность воспроизведения которого в тексте заключается в том, что и рассказчик, и персонаж анекдота (Хрущев) — одно и то же лицо (уже этот факт позитивно характеризует пенсионера Хру-

шева). Суть анекдота: Хрущев не продал тело Сталина израильтянам за 10 млн. долл., мотивируя свой поступок тем, что «2000 лет назад у них кто-то воскрес». Использование прецедентного текста в данной заметке позволяет автору дать положительную оценку деятельности Хрущева, его роли в историческом процессе; «высшей» степенью проявления этой оценки является закреплённость ее в массовом сознании русского народа, отражённая в таком «народном» жанре, как анекдот. Однако риторический вопрос, вынесенный автором в заголовок, указывает на незавершённость процесса «десталинизации» общества, в котором автор публикации видит и вину Хрущева. Очевидно, что один из признаков событий может накладываться на другой; иногда в одном контексте реализуются несколько признаков, как в приведённом выше примере: интегрируются такие признаки, как контролируемость — неконтролируемость, достигнутость — недостигнутость цели, ролевые функции участников события, противопоставление известного и желательного развития событий.

А. Фурсов, директор института русской истории РГГУ, автор аналитической статьи «Номенклатурные сатурналии» (подзаголовок — «XX съезд — социальная мифология и реальность»), полемизирует с представителями ЛСИ — либеральной советской интеллигенции: «В мифе о XX съезде и об оттепели главные герои — Хрущев и ЛСИ, противостоящие неким консерваторам». Использование автором в заголовке устаревшего слова «сатурналии» в значении 'бесшабашный, разгульный праздник, кутеж', восходящего к прецедентной ситуации: «В древнем Риме: весёлый народный праздник по окончании полевых работ в честь бога посевов и плодородия Сатурна» [6, 30] — позволяет, по мнению автора, разрушить миф о роли Хрущева в позитивных изменениях, которые произошли в стране после XX съезда. А. Фурсов отмечает, что этот миф создавала ЛСИ, входящая в номенклатуру или приближённая к ней, на защите интересов которой и стоял Хрущев: «Партхозаппарат набрал силу и нуждался в лидере. Таким лидером и стал Хрущев, который в 54-м на жесточайшую критику Маленковым партаппарата в повисшей тишине произнес: “Все это, конечно, верно, Георгий Максимилианович. Но аппарат — это наша опора”. И бурные аплодисменты аппаратчиков». Сама ситуация в этом контексте становится знаковой, она отражает взаимодействие лидера и аппара-

та, представители которого могли и дальше предаваться «сатурналиям».

В анализируемой публикации возникает еще один, коллективный, участник событий, которому А. Фурсов отводит главную роль в позитивных процессах советского общества, — это поколение победителей. Основная идея, высказанная А. Фурсовым, заключается в том, что начало «десталинизации» не связано с XX съездом. Первая часть, названная автором «“Спасибо партии за это”?», красноречиво свидетельствует об этом. Автор в данном заголовке трансформирует прецедентное высказывание, относящееся к более позднему историческому периоду: «Спасибо, партия, за это!» (из «Отчетного доклада ЦК XXVI съезду КПСС», сделанного Л. И. Брежневым) [7, 60].

Силой, «давление которой и вынудило партию на “развенчание культа”», А. Фурсов называет «поколение победителей». Прошедшие «фронт и по-пластунски отмахавшие пол-Европы» (ПВ восходит к словам песни М. Ножкина «Последний бой»), они «смело входили в чужие столицы, но и без страха возвращались в свою» (трансформированное ПВ заимствовано из стихотворения И. Бродского «На смерть Жукова»: «Смело входили в чужие столицы, но возвращались в страхе в свою»).

В приведенном выше контексте признаки события также копируются: в нем отражены признаки статичности — динамичности, контролируемости — неконтролируемости, достигнутой — недостигнутой цели, степени достоверности, ролевых функций участников события, причинности — беспричинности.

Самым важным участником анализируемого события является народ, который в наибольшей степени пострадал от репрессий. Главное, что характеризует народ, — это любовь к своему Отечеству. В заметке Л. Жуховицкого «Страна начала думать» концептуальным центром становится цитата из стихотворения О. Мандельштама «Только детские книги читать...» (1908): «...каждый мог сказать словами Мандельштама: “Но люблю эту бедную землю, потому что другой не видал”» (цитата является неточной, у Мандельштама: «Но люблю мою бедную землю / Оттого, что иной не видал» [8, 742]. «Оговорка» автора типична для сегодняшних дней: о своей стране часть интеллигенции говорит: «Эта страна»). Причина такой любви народа к своей родине определяется тем, что для него «родина и власть — не одно

и то же». Это ПВ восходит к приведенному в заголовке последней части и в конце статьи А. Журова замечанию В. Набокова: «Но ведь писал В. Набоков: родина и власть — не одно и то же».

В. Межуев в заметке «Нужен культ каждой человеческой личности» использует в заголовке и в заключительной части публикации ПВ «культ личности»: «Культура же — не что иное, как культ каждой человеческой личности. Вот до такой культуры нам бы дорасти...» (скорее всего, высказывание «культ личности» актуализировано после доклада Хрущева на XX съезде [7, 539]). В этот контексте реализуются такие признаки, как желательность развития событий и роли его участников.

В контексте публикации В. Межуева используется ПВ, которое характеризует такой признак анализируемого события, как противопоставление известного и желательного: размышляя о роли XX съезда, автор отмечает, что «сталинизм и социализм — абсолютно разные вещи» (ПВ имплицитно восходит к цитате из «Моцарта и Сальери» А. С. Пушкина: «А гений и злодейство — две вещи несовместные. Не правда ль?»). Однако это заблуждение характерно для ЛСИ; скорее всего, прав А. Ципко, который говорит о необходимости «увидеть всю страшную правду о ленинско-сталинском социализме».

Этот же признак события реализуется и в статье А. Фурсова, который считает, что «миф о XX съезде... стал важнейшим элементов мифов перестройки и 90-х годов, демонизирующих и очерняющих всю историю советского общества. Его элементы хорошо различимы в “московских сагах”, “арбатских детях” и прочей заказной чернухе, призванной доказать: самое страшное — это не наши дни» (в контексте в обобщенном значении использованы названия романов «Московская сага» В. Аксенова и «Дети Арбата» А. Рыбакова).

Анализ одного из самых значимых событий XX века — XX съезда КПСС, — представленный в современных газетных публикациях, позволяет говорить о том, что происходит процесс формирования нового мифа, процесс демифологизации, основными признаками которого являются противоположные точки зрения на роль Хрущева в процессе «десталинизации» (с одной стороны, идеализация этой исторической личности, с другой — нивелирование ее позитивного значения в истории нашей страны); выявление главной силы в позитивных процессах нашего

общества после XX съезда, которой А. Фурсов называет поколение победителей; противопоставление известного и желательного как в самом событии, так и в его интерпретации.

Многочисленные ПФ, использованные в публикациях «Литературной газеты», являются сигналами демифологизации в силу их особой роли в формировании концептосферы текстов, посвященных одному событию — XX съезду КПСС. Частотность их включения в публицистический контекст свидетельствует, по всей видимости, о том, что авторы «нового мифа» о XX съезде пытаются провести «проверку» своих идей, приводя в доказательство различные прецеденты, восходящие, как правило, к авторитетным источникам, и находя в них подтверждение своей концепции, своей точке зрения.

Примечания

1. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики. СПб., 2003.
2. Демьянков В. З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1983. Т. 42, № 4.
3. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
5. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста: Теория и практика. М., 2003. С. 61.
6. Словарь русского языка: В 4 т. М., 1988. Т. 4.
7. Душенко К. В. Словарь современных цитат. М., 2002.
8. Русская поэзия XIX — начала XX в. М., 1987.

© Г. Е. Гуляева
г. Екатеринбург

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ИНТЕРПРЕТАЦИОННОГО ПОЛЯ КОНЦЕПТА «СОЛНЦЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ К. КИНЧЕВА)

Цель данной статьи — рассмотреть эмоциональный компонент интерпретационного поля концепта «Солнце», репрезентированного в текстах К. Кинчева, и описать, какие концептуальные смыслы он содержит.

Сегодня исследование концептов, которые, по словам Ю. С. Степанова, являются «основными ячейками культуры в

ментальном мире человека» [1, 44], представляется одним из перспективных направлений когнитивной лингвистики и привлекает внимание многих исследователей. Теоретической и практической разработкой вопросов, связанных с осмыслением и описанием концептов, занимались такие ученые, как Н. Д. Арутюнова, Л. Г. Бабенко, А. Вежбицкая, В. В. Колесов, Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев, В. А. Пищальникова, З. Д. Попова, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, Л. О. Чернейко и многие другие. Но, несмотря на то, что концепт является одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики, на сегодняшний день по-прежнему не существует однозначного его определения. Каждый исследователь вкладывает в этот термин свое содержание.

Рассмотрев и сопоставив множество предлагаемых определений понятия «концепт», следует отметить, что точки зрения исследователей во многом совпадают или хотя бы пересекаются. Во-первых, подчеркивается ментальная природа концепта. Во-вторых, отмечается национально-культурная обусловленность концепта. В-третьих, считается, что концепт репрезентируется прежде всего в языке. Обобщив взгляды ученых на концепт, мы в качестве рабочего определения сформулировали следующее: концепт является репрезентированной в языке оперативной содержательной единицей сознания, которая культурно обусловлена и отражает комплекс всех представлений и ассоциаций, возникающих у носителя языка в связи с каким-либо явлением действительности.

При изучении концептов вполне закономерным является обращение к текстам, поскольку исследование концептов, репрезентированных в художественном тексте, ценно не только тем, что может дать представление о мышлении и мироощущении автора данного текста, но и тем, что может выявить, как индивидуальная концептуальная система отражает коллективную систему представлений, сложившуюся в данной культуре, а иногда и влияет на нее. Так, Л. Г. Бабенко отмечает, что выражаемые в литературно-художественной форме знания автора о мире наряду с универсальными общечеловеческими знаниями включают уникальные, самобытные, порой парадоксальные представления автора. При этом «степень соответствия универсальных и индивидуально-авторских знаний в художественной картине мира текста может быть различна: от полного совпадения,

тождества — до разительного несовпадения, полного расхождения» [2, 82–83].

Так, для того чтобы рассмотреть, как отразились и трансформировались общекультурные представления о солнце в сознании конкретного носителя русской культуры, мы обратились к творчеству современного русского рок-поэта К. Кинчева. Данный подход является вполне оправданным, поскольку, как отмечает Н. В. Уфимцева, «именно в значениях, которые “проводятся обществом”, по функционируют в деятельности и сознании конкретного индивида, мы можем искать особенности мироощущения и самооценки представителя той или иной культуры» [3, 243]. Таким образом, предпринимаемый нами концептуальный анализ является культурологически ориентированным.

При создании модели концептуального анализа, целью которого является описание содержания и моделирование структуры концепта, мы опирались на методику, предложенную И. А. Стерниным [4] и модифицированную применительно к избранному материалу.

В соответствии с разработанной моделью концептуального анализа выявлены репрезентации концепта «Солнце», среди которых определена базовая лексема-репрезентант исследуемого концепта, проведен анализ ее словарных толкований. Затем проанализирована сочетаемость всех репрезентантов концепта «Солнце» в текстах К. Кинчева, на основе сопоставления результатов данного анализа с результатами проведенного ранее дефиниционного анализа выявлены объективные, существующие в языке, и индивидуально-авторские смыслы, формирующие содержание концепта «Солнце». При этом выделенные концептуальные смыслы соотносились не только с лексикографическими данными, но и с информацией общекультурного фонда (с историко-культурным контекстом), что позволило обнаружить влияние языческих и христианских мотивов на представления К. Кинчева о солнце и наиболее полно описать исследуемый концепт.

На основе всех данных, полученных в ходе исследования концепта «Солнце», репрезентированного в творчестве К. Кинчева, была построена структура рассматриваемого концепта. Она состоит из ядра и обширного интерпретационного поля, в котором выделяется ближайшая и дальнейшая периферия. Ядро концепта включает базовый слой и наслаивающиеся на него когнитивные

слои. Базовый слой исследуемого концепта содержит наглядно-чувственный образ солнца, который формируется на основе сенсорного восприятия. Наслаивающиеся на базовый слой когнитивные слои отражают определенный результат познания внешнего мира, т. е. представляют собой результат когнитии. Эта зона концепта формируется на основе ментальной обработки данных непосредственного (чувственного) восприятия, а также на базе объективных, зафиксированных в языке знаний о солнце. Интерпретационное поле концепта содержит разнообразные смысловые признаки, скрытые от прямого наблюдения и формирующиеся на основе ассоциативных, в действительности не наблюдаемых связей, которые могут быть предопределены культурным контекстом.

Интерпретационное поле концепта «Солнце» отражает в основном индивидуально-авторские представления К. Кипчева и наряду с аксиологическим, этическим и эстетическим компонентами включает эмоциональный компонент. Мы считаем, что любой концепт (за исключением простых, примитивных концептов, концептов-представлений, которые содержат только базовый слой — наглядно-чувственный образ того или иного предмета [Там же]), являясь ментальной единицей, представляющей собой определенный результат познания окружающей действительности, содержит эмоциональный компонент, поскольку, как отмечает Л. Г. Бабенко, «эмоции — одна из форм отражения, познания и оценки объективной действительности» [5, 6]. А Ю. С. Степанов подчеркивает, что главное отличие концепта от другой ментальной единицы — понятия — заключается в том, что «концепты не только мыслятся, они *переживаются*. Они — предмет *эмоций, симпатий и антипатий*» (выделено нами. — Г. Г.) [1, 43].

Эмоциональный компонент концепта «Солнце», репрезентированного в текстах К. Кипчева, содержит следующие концептуальные смыслы.

1. *Солнце* связано с таким эмоциональным состоянием, как *любовь*. В одном из контекстов солнце выступает как источник, носитель этого чувства, как нечто, способное даровать любовь: *Да оделит тебя Солнце глазами любви!* (Пасынок звезд). В другом контексте солнце уже выступает как объект любви, как то, на что направлено это чувство, то, что *встречают с любовью*: *Да любовь нести / Прямо к весне / Солнце вместе с нею встречать* (Рождество).

Выделенный концептуальный смысл соотносится с одной из главных заповедей Иисуса Христа «возлюби ближнего твоего, как самого себя», что позволяет говорить о влиянии христианских представлений на формирование данного концептуального смысла и указывает на восприятие солнца как ипостаси Бога.

2. В следующих контекстах *солнце* напрямую связано с *радостью*, являясь ее источником, тем, что способно вызвать это чувство. Например: *А у неба радости, / Только солнцу глянешь в глаза, / Отвернешь, укроешься / Да слезою вспыхнешь опять* (Дурак); *Кто видел, как по небу плывет огонь, / Какая в синем радость золотого* (Дурак и солнце). Радость у лирического героя К. Кинчева вызывает также и восход солнца. *Я иду на встречу заре, / Я так этому рад* (Горизонт).

Частной реализацией выделенного концептуального смысла является связь *солнца* с *праздником*. Например, данный концептуальный смысл репрезентируется в тексте песни «Жар бог шуга».

ЖАР БОГ ШУГА

Лысые поляны да топи в лесах,
Это пляшет по пням весна.
Хей, лихомапка вьюга-пурга,
Что, взяла? Ха! На-ка, выкуси-ка!
Кыш, паскуда, черная ночь!
Нынче солнце да масленица!
Гуляй, поле! Ходи, изба!
Ой, да праздник! Ой, да!
Дрянь твоё дело, дедушка-снег,
Почернел да скукожился.
Жги! Жги краснос! Жги меня! Жги!
Жги, чтобы ожил я!
Жги меня! Жги! А я оплачу
Пламень-песню!
Эй, птицы-синицы, снегири да клесты,
Зачинайте заутреннюю!
Че, братушки, лютые псы,
Изголодались?
По красной кровушке на сочной траве
Истосковались?
Че уставился, лысый козел,
Зенки-полтинники!
Чуешь, как в масло, в горло вошли

Клыки собутыльника?
 Это лишь начало доброй игры.
 Вместо ста избранных
 По бурелому ветра понесут
 Стаи расхристанных.
 Будет потеха, только ты смотри,
 Не проворонь зарю.
 Эй, птицы-синицы, снегири да клесты,
 Зачинаяте заутреннюю!
 Вот это оттепель! Вот это да!
 Вот это праздничек!
 Эй, братва, выходи на двор,
 Айда безобразничать!
 Весна на дворе! Весне мороз не указ!
 Весна — девка тертая!
 Ой, мать честная, давай, паливай!
 Гуляем по-черному!
 Ну, как тебе оттепель, царь-государь?
 Не душно под солнышком?
 Али уж хлебнул, государь,
 Вольницы-волюшки?
 Че скосорылился, али не рад?
 Ты ж сам потакал огню.
 Эй, птицы-синицы, снегири да клесты,
 Зачинаяте заутреннюю!

В данном тексте условно выделяются три тематические группы лексик (далее — ТГ).

ТГ-1 — лексика, репрезентирующая образ весны: *лысые поляны* (т. е. обнажившиеся от снега) *да топи в лесах*; *(пляшет) весна*; *солнце да масленица*; *птицы-синицы, снегири да клесты* (пение птиц ассоциативно связано с приходом весны); *сочной траве*; *оттепель* (2 раза); *весна* (3 раза); *не душно под солнышком*.

ТГ-2 — лексика, репрезентирующая образ зимы: *лихоманка вьюга-пурга*; *дедушка-снег, почернел да скукожился*; *мороз не указ*; *царь-государь*.

Образ весны противопоставлен образу зимы по следующим признакам:

1. Наступление весны связано с активностью, движением, свободой: *пляшет по пням весна*; *гуляй, поле*; *ходи, изба*; *эй, братва, выходи на двор, айда безобразничать*; *гуляем по-черному*. Зима ассоциируется с оцепенением, сном, застоём, несвободой (*дедуш-*

ка-снег, / Почернел да скукожился; Че, братушки, лютые псы, / Изголодались? (т. е. за время зимы) / *По красной кровушке на сочной траве, / Истосковались?* (т. е. за время зимы)).

2. Весна противопоставляется зиме и по такому семантическому признаку, который соотносится с возрастом человека. Так, весна ассоциируется с молодостью и силой (**Весне мороз не указ!** / **Весна — девка тертая**), а зима — со старостью, болезнью и смертью (**Лихоманка вьюга-пурга; Дрянь твоё дело, дедушка-снег, / Почернел да скукожился; не душно под солнышком**).

3. Весна ассоциативно связана с утром, с восходом солнца и воспринимается как «утро года», как период, когда просыпается и оживает вся природа (**Нынче солнце да масленица; Жги! Жги красное** (т. е. солнце)! **Жги меня! Жги!** / **Жги, чтобы ожил я; Будет потеха, только ты смотри, / Не проворонь зарю. / Эй, птицы-синицы, снегири да клесты, Начинайте заутреннюю**), тогда как зима ассоциируется с ночью и воспринимается как «ночь года», как время сна (**Кыш, паскуда, черная ночь!** / **Нынче солнце да масленица**).

Таким образом, ТГ-1 и ТГ-2 находятся в отношении оппозиции. На основе синтеза противоположных признаков, присущих весне и зиме, выделяется ТГ-3 — лексика, репрезентирующая образ праздника (масленицы), посвященного солнцу и наступлению весны: **пляшет** (весна); **нынче солнце да масленица; гуляй, поле! Ходи, изба; Ой, да праздник; пламень-песнею; (кльки) собутыльника; (будет) потеха; Вот это праздничек; Айда безобразничать; наливай; гуляем по-черному**.

Смысловой доминантой, объединяющей выделенные ТГ и организующей лексико-семантическое пространство текста, выступает образ солнца, с которым непосредственно связана идея праздника.

Отметим, что во времена язычества праздники, посвященные солнцу, были наиболее почитаемы и всегда отмечались с большим размахом. Среди этих праздников особенно выделялась Масленица, посвященная проводам зимы и встрече весны. В отличие от других праздников (зимнего солнцеворота, который отмечался 25 декабря, и летнего солнцеворота, который праздновался 21 или 22 июня и позднее совпал с днем Ивана Купалы (ночь с 23 на 24 июня)), она длилась неделю и изначально праздновалась в дни весеннего равноденствия 20–25 марта, но с при-

пятием христианства была перенесена на конец февраля — начало марта, так как веселый и даже несколько разнузданный характер языческих масленичных обрядов не мог совместиться с христианским Великим постом. Считалось, что как встретишь Масленицу, так проведешь и весь год, поэтому люди старались отметить этот праздник как можно более весело. По верованиям древних славян, именно в этот период года солнце возвращалось из плена зимы и входило в свою активную фазу, набирало силу, пробуждало природу. Задачей язычников было помочь солнцу победить зиму, на это были направлены все масленичные обряды. Разведение ритуальных костров, спуск с гор горящих колес, народные гуляния, приготовление ритуальной пищи (блинов) — все это, с одной стороны, выражало особое отношение к солнцу, с другой стороны, было своего рода приобщением к светлomu, оберегающему богу солнца — Дажьбогу, которого русские люди почитали как бога света, тепла, времени созревания урожая и плодородия вообще, а также как своего защитника и прародителя [6].

Обратимся к историко-культурному контексту данной песни. Текст был написан в 1987 г. — второй год перестройки, которая пришла на смену затянувшемуся периоду застоя и воспринималась в то время как вторая, после 60-х гг., «оттепель», как время кардинальных перемен. Возможно, этим объясняется наличие в тексте авторитарической номинации *царь-государь*, которая, очевидно, относится к образу *дедушки-снега*. Учитывая историко-культурный контекст, образ зимы можно рассматривать как символ эпохи застоя, образ весны — как символ перестройки, а образ весеннего, набирающего силу солнца — как символ грядущих перемен.

Следующие контексты также репрезентируют связь *солнца с праздником*, на что указывают лексемы *праздник*, *разгул* ('буйное, безудержное веселье с кутежами, попойками' (2 значение) [7]): *Солнцем в праздник, солью в беде...* (Красное на черном); *Вольница-ветер / Солнце в осень уводи, / Брось весною в разгул* (Ветер).

Выделенный концептуальный смысл формируется, с одной стороны, на основе языческих представлений о Дажьбоге-Солнце. С другой стороны, можно говорить о присутствии христианских мотивов, так как в Библии сказано: «Радуйтесь всегда в Господе; и еще говорю: радуйтесь» (Фил. 4, 4). С радостью свя-

зап один из главных и особо почитаемых христианских праздников — праздник Пасхи, отмечаемый весной. Так, в молитвах, которые читаются во время пасхального богослужения, воспевается и славится чудесное воскрешение Иисуса Христа, которое стало символом бессмертия: «Приидите вси вернии, поклонимся святому Христову Воскресению, се бо прииде крестом радость всему миру. Всегда благославяще Господа, поем Воскресение его, распятие бо претерпев, смертию смерть разруши» [8, 53]. Кроме того, необходимо отметить, что после крещения Руси образ языческого Дажьбога-Солнца слился в народном сознании с образом Иисуса Христа [9].

3. В некоторых контекстах *солнце* связано с *успокоением*, причем это состояние часто приходит на смену боли (не физической, а душевной), тревоге, беспокойству, безысходности. Например: *Но если все же в одну из ночей / Кто-то из тех, кто в огне, / Поманит петлей — / Пой! / Пой до рассвета, до бурных лучей, / Пой, пока утро не вытянет душу из дыр / Этих мертвых очей* (Солнце за нас); *По ночам бредить луной да перечить сну, / На заре выплеснуть боль алым облакам...* (Пасынок звезд); *Кто видел, как по небу плывет огонь, / Какая в синем радость золотого. <...> Кто помнит, как из сердца уходит боль, / Как хорошо тогда, легко и как красиво* (Дурак и солнце); *Как над миром заря, / Солнца ясная дочь, / Успокоит меня, / Лишь только кончится ночь. / Надо мной и тобой / Ветры пенят восход, / Не тревожся, не плачь, / Вот-вот — и солнце взойдет* (Печать зверя).

То, что упокоение приходит с восходом солнца, указывает на противопоставление солнца и ночи, которое не является собственно индивидуально-авторским представлением, но имеет мифологическую основу. По верованиям древних славян, ночь — это время максимальной активности нечистой силы, т. е. время наиболее опасное для человека, оставшегося без защиты Дажьбога-Солнца. Противопоставление *солнца* и *ночи* можно считать частной реализацией противопоставления *света* и *тьмы*, а шире — противопоставления *добра* и *зла*, которые наряду с оппозициями *верха* и *низа*, *правого* и *левого*, *жизни* и *смерти*, *космоса* и *хаоса* и т. п. являются архетипическими оппозициями в мифологической модели мира [10].

Итак, одним из смысловых компонентов, входящих в интер-

претационное поле исследуемого концепта, является *эмоциональный* компонент. Нередко солнце и его проявления становятся предметом и источником положительных эмоций (любви, радости, успокоения и т. п.).

Отметим, что процесс реализации (переживания и выражения в тексте) эмоций, связанных с солнцем, как правило, имеет темпоральную характеристику. Так, лирический герой К. Кинчева обычно испытывает чувства радости, успокоения и другие *утром, с восходом солнца, с наступлением весны*, т. е. в периоды нарастания солнечной активности.

Интерпретационное поле концепта «Солнце», репрезентированного в текстах К. Кинчева, формируется на основе как универсальных, общекультурных знаний, так и индивидуально-авторских представлений. Общекультурные знания отражаются прежде всего в присутствии в творчестве К. Кинчева языческих и христианских мотивов. Это позволяет говорить о том, что концепт «Солнце» у К. Кинчева обладает национально-культурной спецификой, так как сосуществование и взаимодействие языческих и христианских представлений указывает на такое явление, как двоеверие, которое принято считать феноменом исключительно русской культуры. Индивидуально-авторские же представления К. Кинчева выражаются в первую очередь в том, как автор, творчески осмыслив и переработав универсальные, общекультурные знания, воплотил их в своих текстах.

Примечания

1. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
2. Бабенко Л. Г., Васильев И. Е., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Екатеринбург, 2000.
3. Уфимцева Н. В. Русские глазами русских // Язык — система. Язык — текст. Язык — способность. М., 1995.
4. См.: Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001. С. 58–65.
5. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
6. См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1997.
7. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2000.
8. Сборник молитв для общенародного пения в храме. М., 1997.
9. См.: Шапарова Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: Около 1000 статей. М., 2001.
10. См.: Мифологический словарь / Гл. ред. Е. М. Мелетинский. М., 1991.

СИСТЕМА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ В ПОЭЗИИ И. АННЕНСКОГО

При анализе художественного текста исследователь выявляет индивидуально-авторскую картину мира — вариант мира реального, представляющий собой результат восприятия и творческого переосмысления субъектом (автором). С одной стороны, данная структура, по мнению Л. Г. Бабенко, «отражает универсальные законы мироустройства, а с другой — индивидуальные, даже уникальные, воображаемые идеи» [1], т. е. авторская картина мира является результатом вторичной концептуализации мира. Исследование фрагментов авторской картины мира — это один из способов описания языковой личности автора посредством интерпретации его текстов. Действительность прежде всего осмысливается через такие категории, как пространство, время, движение и т. д.

Пространство в художественном тексте (работы Л. Г. Бабенко, М. М. Бахтина, И. Р. Гальперина, Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, Б. А. Успенского и др.) представляет эстетически переосмысленный, трансформированный образ действительности, появившийся в результате процессов концептуализации и категоризации, отражающий как общие, так и индивидуально-авторские закономерности восприятия, понимания и представления мира.

Описание и реконструкция пространственного фрагмента индивидуально-авторской картины мира может осуществляться с опорой на понятие «пространственный образ». **Пространственный образ**, будучи фрагментом целостного художественного пространства, является денотативно соотнесенным с определенным фрагментом пространства реального мира, который в результате категоризации творческим сознанием приобретает определенные, устойчивые в рамках идиостиля перцептивные и эмотивные характеристики.

Анализ маркеров горизонтально и вертикально ориентированного пространства в поэзии И. Анненского показал, что в процессе функционирования в тексте они участвуют в создании

следующих пространственных образов, группируемых в соответствии с оппозитивными параметрами:

При идентификации пространственного образа как ключевого учитывались следующие критерии:

- частотность употребления;
- положение лексемы в заголовке — сильной позиции текста;
- вынесение какого-либо маркера пространства (или однокоренной лексемы) в заглавие «трилистника» (структурного микроцикла в составе книги «Кипарисовый ларец»);
- в ряде случаев — поэтологическая информация (биография поэта, место написания текста и др.).

Представим в виде таблицы соответствие этим критериям выявленных в поэзии И. Ашпенского пространственных образов (табл. 1).

Таблица 1

Частотность	Пространственный образ							
	Небо	Поезд	Комната	Храм	Сад / Парк	Город	Лес	Поле
Всего текстов	103	8	67	7	56	6	12	30
Маркер в заголовке текста	10	4	12	1	4	1	—	1
Маркер в заголовке цикла	2	1	—	—	1	—	—	—

Сопоставив эти данные о частотности того или иного пространственного образа в поэзии И. Ашпенского, отметим, что в

парадигме анализируемых текстов самыми частотными являются пространственные образы «Небо», «Комната», «Сад». В этот список необходимо включить и образ «Поезд», поскольку, в отличие от других менее частотных образов, только он маркируется в заголовках и текста, и цикла. Таким образом, ключевыми для поэзии И. Анненского являются следующие пространственные образы: **Небо, Поезд, Комната, Сад**.

При описании пространственного образа значимыми критериями (помимо изначальной типологической характеристики пространства, традиционно задаваемые оппозициями: вертикальное / горизонтальное, открытое / закрытое, точечное / линейное, плоскостное / объемное и т. д.) являются Субъект, Объект(ы) и Восприятие.

Обобщив результаты изучения поэтического текста как системы [2], учитывая типологические характеристики пространства как категории языка [3] и текста [4], а также черты поэтического мира И. Анненского [5] и опираясь на материалы собственного исследования, мы разработали следующую **модель анализа** пространственного образа, функционирующего в поэзии И. Анненского:

1. Выявление текстов, в которых содержатся маркеры пространственного образа.

2. Анализ текста:

а) распределение лексики текста по функционально-текстовым группам (далее — ФТГ), формирующим ключевые образы текста;

б) выявление доминанты ФТГ, семантический анализ состава ФТГ;

в) контекстологический анализ лексем, входящих в ФТГ;

г) рассмотрение взаимодействия разных типов пространства в рамках текста.

3. Выявление общей структуры пространственного образа:

а) аспекты восприятия лирическим субъектом пространственных объектов:

— зрительное восприятие:

— представленные цвета спектра, доминанта спектра,

— степень освещенности пространства, источник света,

— характеристика объектов, заполняющих пространство,

— наличие / отсутствие концептуальной схемы «преграда»,

тип преграды (опираясь на концепцию Е. В. Рахилиной, мы про-

вели исследование семантической сети предлога *сквозь*, выявили типы фонов движения и типы формируемых преград),

- слуховое восприятие пространства, источник звука,
- обонятельное восприятие пространства, источник запаха,
- осязательное восприятие пространства;
- статическая / динамическая характеристика пространства;

б) позиция субъекта относительно пространства (например, в параметрах «далеко / близко» и «внутри / снаружи»);

в) время действия;

г) эмотивные доминанты.

4. Обобщение результатов анализа в виде схемы пространственного образа.

В качестве иллюстрации применения данной модели описания рассмотрим пространственный образ «Поезд».

Приведем анализ стихотворения «В вагоне», входящего в цикл «Трилистник вагонный». Текст озаглавлен существительным, называющим пространство всего текста, предлог *в* задает отношение включенности субъекта в замкнутое пространство вагона.

Довольно дел, довольно слов,
Побудем молча, без улыбок,
Снежит из низких облаков,
А горний свет уныл и зыбок

Хочу, не грезя, не моля,
Пускай безмерно виноватый,
Глядеть на белые поля
Через стекло с налипшей ватой..

В непостижимой им борьбе
Мянутся черные ракиты.
«До завтра, — говорю тебе, —
Сегодня мы с тобою квиты».

А ты красуйся, ты — гори...
Ты уверяй, что ты простила,
Гори полоской той зари,
Вокруг которой все застыло.

В данном тексте выявлены следующие ФТГ:

ФТГ-1 — лексика, обозначающая натурфакты (пространство реальное): *снежит из низких облаков, горний свет, черные ракиты, белые поля, полоской зари*.

ФТГ-2 — лексика, создающая эмотивное пространство: *довольно дел, довольно слов, молча, без улыбок, говорю тебе, мы с тобою квиты, хочу, не грезя, не моля, виноватый, красуйся, уверяй, простила*.

ФТГ-3 — лексика с предметным значением: *стекло с налипшей ватой*.

В тексте преобладает непредметная лексика, что объясняется лирическим сюжетом стихотворения. В центре данного текста —

любовная коллизия: лирический герой и героиня едут в поезде, они находятся в одном пространстве — в купе. Это пространство связано с героиней, но лирический герой пытается (модальные смыслы глагола *хочу*) отказаться от грез, от молений и предпочитает «*глядеть на белые поля / Через стекло с палиншей ватой*». Значимым оказывается и рассмотрение такого противопоставления, как Я — Ты, которое лексически представлено различными личными формами местоимений и определенно-личными формами глаголов. Эта оппозиция служит основой общетекстовых пространственных противопоставлений.

В тексте основным модальным смыслом является желательность, выражаемая как непосредственно модальным глаголом (*хочу*), так и формой повелительного наклонения со значением совместного действия (*побудем*). Еще один модальный смысл связан с индифферентным отношением героя к героине и к их конфликту, что проявляется в таких формах, как *красуйся, гори, уверяй* и в частице *пускай*. Реальное пространство в данном тексте представлено двумя разновидностями: вагон (*купе*) и мир за пределами вагона. Замкнутое пространство связано с эмотивным пространством героя, поскольку в нем находится его возлюбленная, с которой, вероятно только что поссорившись, герой не желает мириться. В качестве способа уйти от разговора он выбирает способ отвлечения от реальности, обратив взгляд в окно. Здесь, на наш взгляд, локусы противопоставлены не только по принципу открытый / закрытый, но и по принципу естественный / искусственный (природный / социальный).

Открытость / закрытость пространства в данном тексте может быть интерпретирована еще и как свобода / несвобода. Рассматриваемая любовная коллизия вызывает у лирического героя ощущение несвободы, внутри текста связанное с замкнутым пространством, т. е. он чувствует и знает, что должен совершить в данной ситуации (*говорить, улыбаться, грезить, молить*), но отказывается от этих поступков из-за мнимого ощущения свободы, которое он приобретает в момент наблюдения за открытым пространством с четко выстроенной вертикалью (*облака — ракиты — поля*) и горизонталью (*поля*). Но оно недостижимо для героя, что подчеркивается образом стекла «с палиншей ватой» (= запылевшее), он не может даже вдоволь насладиться видом «иного мира».

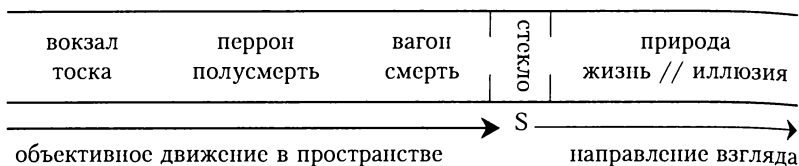
Общая структура пространства в данном тексте может быть представлена следующим образом: субъект находится в замкнутом пространстве, его внутренняя речь и мысли направлены на героиню. Он отделен от открытого пространства стеклом (прозрачная среда), через которое наблюдает за деревьями и другими объектами. Основным пространственным противопоставлением становятся открытое / закрытое пространства, которые соответственно связываются в тексте с природным и эмотивным пространствами, словно двумя разными мирами героя: то, что вокруг, — ему не нужно, а то, о чем мечтается, — недостижимо.

Результаты исследования текстов, в которых функционирует пространственный образ «Поезд», обобщены в табл. 2.

Таблица 2

Параметры восприятия пространственного образа	ПОЕЗД
Зрительное восприятие: — цвета спектра, доминанта спектра — степень освещенности пространства, источник света — объекты, заполняющие пространство — наличие / отсутствие концептуальной схемы «преграда», тип преграды	красный, желтый зеленый, белый черный (= отсутствие света) живые существа натурфакты артефакты предметная преграда (окно)
Слуховое восприятие пространства, источник звука	гул, шум, стук (поезд) молчание (поле)
Обонятельное восприятие, источник запаха	краска (вокзал) аромат (цветка)
Осязательное восприятие пространства (атмосферы)	зной (вокзал) дурман (вагон)
Статическая / динамическая характеристика пространства	поле ↔ поезд
Позиция субъекта относительно пространства	субъект включен в пространство вокзала/поезда/вагона (= воспринимаемому сознанию)
Время действия	полдень ↔ полночь
Эмотивные доминанты	тоска / мука ↔ смерть

Схема пространственного образа «Поезд» представляется следующим образом:

Примечания

1. *Бабенко Л. Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учеб. для вузов. Москва; Екатеринбург, 2004. С. 108.

2. См.: *Казарина Ю. В.* Поэтический текст как система. Екатеринбург, 1999.

3. См. работы: *Апресян Ю. Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995; *Кравченко А. В.* Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996; *Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знания о языке: Части речи когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004; *Рахилина Е. В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000; *Яковлева Е. С.* Фрагменты русской языковой картины мира: модели пространства, времени и восприятия. М., 1994.

4. См. работы о пространстве как категории текста: *Бабенко Л. Г.* Указ. соч.; *Бахтин М. М.* Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 121–291; *Лотман Ю. М.* Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. С. 251–293; *Успенский Б. А.* Поэтика композиции. М., 1970.

5. См. работы об идиостиле И. Анненского: *Беренштейн Е. П.* Символизм Иннокентия Анненского: Проблемы художественного метода. Тверь, 1992; *Петрова Г. В.* Творчество Иннокентия Анненского. Великий Новгород, 2002; *Федоров А. В.* Иннокентий Анненский. Личность и творчество. Л., 1984.

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА Л. Г. БАБЕНКО

I. Монографии

Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.

Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург. Изд-во Урал. ун-та, 1997. 518 с.

Русская глагольная лексика: денотативное пространство / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 400 с.

II. Главы в монографии

Лексико-семантические группы глаголов и семантические модели предложений // Лексико-семантические группы русских глаголов / Под ред. Э. В. Кузнецовой. Иркутск, 1988. С. 92–113.

Функционирование отдельных лексико-семантических групп в текстах разных стилей // Там же. С. 127–146.

Взаимодействие лексики и грамматики под парадигматическим углом зрения // Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм: Памяти Эры Васильевны Кузнецовой / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1997. С. 18–30.

Глаголы комплексной полипропозитивной семантики // Там же. С. 30–45.

Изучение лексики в пространственном измерении // Русская глагольная лексика: денотативное пространство. Екатеринбург, 1999. С. 7–22.

Базовые концепты процессуально-событийного мира // Там же. С. 22–50.

Денотативное пространство глаголов комплексной полипропозитивной семантики // Там же. С. 172–196.

III. Учебники и учебные пособия

Обозначение эмоций в языке и речи: Учеб. пособие по спецкурсу. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986. 100 с.

Лингвистический анализ художественного текста: Учеб. Гриф Минобразования. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. 528 с. (в соавт. с И. Е. Васильевым и Ю. В. Казариным).

Лингвистический анализ художественного текста: Учебник. Практикум. М.: Наука-Флинта, 2003; 2-е изд. М.: Наука-Флинта, 2004; 3-е изд. М.: Наука-Флинта, 2005. С. 6–262 (разд. Практикум — в соавт. с Ю. В. Казариным).

Филологический анализ текста: Практикум. Гриф Минобразования / Под ред. Л. Г. Бабенко. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. 400 с. (в соавт. с Ю. В. Казариным).

Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: Учеб. для вузов. Гриф Минобразования. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. 464 с.

IV. Словари

Опыт семантической классификации русских глаголов: (Обзор лексико-семантических групп глаголов русского языка). Рук. деп. в ИНИОН АН СССР № 12305 от 16.02.83 (Авт.-сост., член авт. коллектива).

Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб. слов.-справ. / Науч. рук. Э. В. Кузнецова. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 15 с. (Авт.-сост., член авт. коллектива).

Толковый тематический словарь русских глаголов: Проспект / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. 104 с.

Толковый идеографический словарь русских глаголов: с указанием английских эквивалентов: Проспект / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. 74 с.

Семантические модели русских глагольных предложений: Экспериментальный синтаксический словарь. Проспект / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998 (в соавт. с Т. М. Воропиной, Ю. В. Казариным, М. Л. Кусовой и др.).

Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под

общ. ред. Л. Г. Бабенко М.: АСТ-Пресс, 1999. 694 с. (в соавт. с И. М. Волчковой, М. Л. Кусовой, Ю. В. Казариным и др.).

Толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. Проспект / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. 120 с. (в соавт. с А. М. Плотниковой, Т. Н. Сивковой, Ю. В. Казариным и др.).

Русские глагольные предложения: Экспериментальный синтаксический словарь / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: Флинта-Наука, 2002. 462 с. (в соавт. с Т. М. Ворониной, Ю. В. Казариным, М. Л. Кусовой и др.).

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с. (Фундаментальные словари) (в соавт. с Ю. В. Казариным, М. Л. Кусовой и др.).

У. Сборники научных статей и материалы конференций, подготовленные под общей редакцией профессора Л. Г. Бабенко

Классы глаголов в функциональном аспекте: Сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1986.

Типы языковых парадигм: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987.

Классы слов в синтагматическом аспекте: Сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.

Глагол в системе языка и речевой деятельности: Сб. науч. тр. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990.

Изучение лексики, грамматики, текста в свете языковой картины мира: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1994.

Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 158 с.

VII Кузнецовские чтения. Семантика, слова, предложения и текста: Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996.

Актуальные проблемы русистики: Тез. докл. междунар. науч. конф. памяти Э. В. Кузнецовой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997.

Художественный текст: структура, семантика, прагматика: Сб. ст. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997.

Денотативное пространство русского глагола: Тез. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1998.

«Пушкинский глагол»: Материалы расширен. заседания теорет. семинара «Русский глагол». Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

Русский язык и русистика в современном культурном пространстве: Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999.

Русская языковая личность в зеркале лексикографии: Материалы XII Кузнецовских чтений. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст: Материалы расширен. заседания теорет. семинара «Русский глагол», 29 сент. – 1 окт. 2004 г., Екатеринбург, Россия / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 186 с. (XIV Кузнецовские чтения, посвящ. 30-летию каф. соврем. рус. яз. УрГУ).

Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всеросс. науч. конф., 14–16 апр. 2005 г., Екатеринбург, Россия / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.

VI. Статьи, материалы и тезисы

Образный мир рассказов 20-х гг. [статья] // Проблема стиля и жанра в советской литературе. Свердловск, 1974. Вып. 7. С. 93–101.

Приципы эстетической оценки в критических статьях А. Платонова [тез.] // Первая Всесоюз. межвуз. конф. по проблемам изучения и преподавания лит. критики: Тез. и сообщ. Л., 1974. С. 90–92.

Человек и мир в рассказах А. Платонова [статья] // Проблема стиля и жанра в советской литературе. Свердловск, 1976. Вып. 8. С. 77–86.

Глаголы интеллектуальной деятельности в рассказах А. Платонова [статья] // Классы слов и их взаимодействие. Свердловск, 1979. С. 60–71.

О взаимодействии глаголов говорения с другими глаголами-

предикатами в контексте высказывания [статья]. Рук. деп. в ИНИОН АН СССР 5.02.80. № 4913. 17 с.

Предложения, передающие ситуацию интеллектуальной деятельности в рассказах А. Платонова [статья] // Исследования по семантике. Уфа, 1980. С. 83–89.

Функциональный анализ глаголов говорения, интеллектуальной и эмоциональной деятельности: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ростов. ун-т. Ростов н/Д, 1980. 17 с.

Глаголы эмоциональной деятельности в текстах А. Платонова [статья] // Глагольные и семантические группы и их функционирование. Свердловск, 1981. Рук. деп. в ИНИОН АН СССР 02.04.81. № 7332.

О взаимодействии экстралингвистических и интралингвистических факторов при порождении высказываний с глаголами-предикатами близкой семантики [тез.] // Проблемы дериватологии: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Пермь, 1981. Вып. 2. С. 44–46.

Предложения, передающие ситуацию неадресованной речевой информации в художественном тексте [статья] // Исследования по семантике. Уфа, 1981. С. 74–83.

Некоторые особенности сочетаемости глаголов эмоциональной деятельности с другими глаголами-предикатами в контексте художественной речи [статья]. // Поэтический язык и речевая норма. Челябинск, 1982. Рук. деп. в ИНИОН АН СССР.

Особенности глагольного словоупотребления в рассказах А. Чехова 900-х годов // Семантические классы русских глаголов. Свердловск, 1982. С. 104–119 (в соавт. с Н. А. Купиной).

Сочетаемость глаголов эмоциональной деятельности с другими глаголами-предикатами в контексте художественной речи [тез.] // Культура речи в разных сферах общения: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Челябинск, 1982. С. 102–106.

Лексические средства, обозначающие чувства персонажей (на материале рассказов А. Чехова) [статья] // Проблемы языка и стиля А. Чехова. Ростов н/Д, 1983. С. 136–142 (в соавт. с Н. А. Купиной).

О соотношении ЛСГ и ФСК слов [тез.] // Актуальные проблемы современной и исторической лексикологии: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Свердловск, 1984. С. 4–5.

Повторная глагольная номинация в поэтической речи [статья] // Проблема глагольной семантики. Свердловск, 1984. С. 118–128 (в соавт. с Т. В. Матвеевой).

Об аналитическом изображении чувств [статья] // Вопр. стилистики. Саратов, 1985. Вып. 20.

Опыт стилистического анализа фраз, передающих ситуацию эмоциональной деятельности [статья] // Проблемы функционирования языка и специфики речевых разновидностей. Пермь, 1985. С. 149–154.

Пересекаемость глаголов чувств с глаголами других ЛСГ [статья] // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1985. С. 15–20.

Текстовые функции лексических множеств [тез.] // Теоретические проблемы стилистики текста: Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Казань, 1985. С. 40–41.

ФСГ глаголов эмоциональной деятельности [статья] // ЛСГ глаголов современного русского языка. Новосибирск, 1985. С. 41–48.

Текстовая конкретизация семантики глаголов чувств [статья] // Классы глаголов в функциональном аспекте. Свердловск, 1986. С. 46–53.

Эмотивные смыслы в семантике предложения [статья] // Проблемы семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Красноярск, 1986. С. 75–78.

Глаголы эмоциональной деятельности в однородном синтаксическом ряду [статья] // Номинативные единицы языка и их функционирование. Кемерово, 1987. С. 18–25.

Семантическая классификация русских глаголов: итоги и перспективы [тез.] // Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Кировоград, 1987 (в соавт. с Э. В. Кузнецовой, И. Т. Венревой, О. П. Ждановой).

Типология парадигм эмотивной лексики [тез.] // Типы языковых парадигм: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Свердловск, 1987. С. 8–9.

Разновидности предикатов чувств в речевой деятельности [тез.] // Деривация в речевой деятельности: (Общие вопросы. Текст. Семантика.): Тез. докл. и сообщ. Всесоюз. науч. конф. Пермь, 1988. С. 97–98.

Эмотивная лексика в структуре предложения [статья] // Классы слов в синтагматическом аспекте. Свердловск, 1988. С. 145–146.

Эмотивные предикаты различного ранга в функционально-стилистическом аспекте [тез.] // Синтаксические структуры в номинативном и деривационном аспекте: Тез. докл. и сообщ. конф. «Проблемы деривации и номинации в русском языке». Омск, 1988. С. 20–23.

Лексика с включенной эмотивной семантикой в современном русском языке [тез.] // Лингвистические чтения памяти Э. В. Кузнецовой: Тез. докл. и сообщ. науч. конф. Свердловск, 1989.

Лингвистическая интерпретация эмотивного содержания художественного текста [тез.] // Проблемы изучения художественной литературы в контексте культуры: Тез. докл. и сообщ. междунар. конф. Л., 1989. С. 6–8.

Синтаксис лексики с эмотивным значением [тез.] // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. Харьков, 1989. Вып. 3, ч. 1.

Интенциональные эмотивные смыслы в содержании художественного текста [тез.] // Современное состояние и статус стилистики в современном языкознании. Пермь, 1990.

Научные идеи Э. В. Кузнецовой и их развитие [тез.] // Глагол в системе языка и речевой деятельности. Свердловск, 1990. С. 4–6 (в соавт. с Н. А. Боровиковой, И. Т. Венревой, О. П. Ждановой, О. А. Михайловой).

Опыт составления словаря эмотивной лексики русского языка и его применение в учебном процессе [тез.] // Русский язык и литература в общении народов мира: проблемы функционирования и преподавания: Тез. докл. и сообщ. VII конгресс МАПРЯЛ. М., 1990. С. 272.

Основные принципы структурной организации русской эмотивной лексики как системы парадигм [тез.] // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Свердловск, 1990.

Парадигматические варианты эмотивного предиката [статья] // Типы языковых парадигм. Свердловск, 1990.

Русская эмотивная лексика как система парадигм [тез.] // Глагол в системе языка и речевой деятельности. Свердловск, 1990. С. 48–49.

Русская эмотивная лексика как функциональная система: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Урал. ун-т. Свердловск, 1990.

Разновидности модально-эмотивных смыслов в художественном тексте [тез.] // Семантика в преподавании русского языка как иностранного. Вып. 3, ч. 2: Терминология. Словообразование. Лексическая сочетаемость. Синтаксис высказывания и текста. Харьков, 1991.

Актуальные проблемы русской лексикографии [тез.] // Актуальные проблемы лингвистики. Свердловск, 1992. С. 8–9.

Разновидность модально-эмотивных смыслов в текстах В. М. Шукшина [тез.] // В. М. Шукшин: Жизнь и творчество. Барнаул, 1992. С. 114–116.

Совмещенные предикаты эмоций и их семантико-функциональный потенциал [тез.] // Высказывание как объект лингвистической семантики и теории коммуникаций. Омск, 1992. Ч. 2. С. 47.

Формирование системы вторичных значений в процессе функционирования глаголов физического состояния и воздействия [тез.] // Исторические изменения в языковой системе как результат функционирования единиц языка. Калининград, 1992. С. 41–42 (в соавт. с А. П. Чудиновым, И. С. Чудиновой).

Актуальные проблемы изучения русских глаголов [тез.] // Науч. лингв. конф. памяти Э. В. Кузнецовой. Екатеринбург, 1993. С. 4.

Интенциональные эмотивные смыслы в содержании художественного текста (типология и методика анализа) [тез.] // Стилистика русского языка: теоретический и сопоставительный аспекты художественного текста. Киев; Харьков, 1993. С. 6.

Принципы и приемы анализа синтаксической организации текста [тез.] // Эстетическая природа художественного текста, типы его изучения и методическая интерпретация. СПб., 1993. С. 78.

Три пространства русского глагола [тез.] // Славянские языки и культура. Киев, 1993 (в соавт. с Ю. В. Казариным).

Интенциональные эмотивные смыслы в содержании художественного текста // Проблемы варьирования языковых единиц. Екатеринбург, 1994. С. 125–131.

О научно-исследовательской программе кафедры современного русского языка УрГУ «Русская глагольная лексика в аспекте концепции языковой картины мира» // Изучение лексики, грамматики, текста в свете языковой картины мира: Тез. докл. и общ. науч. конф. Екатеринбург, 1994. С. 5.

Психология русского человека в зеркале словаря [тез.] // Национально-культурный компонент в тексте и языке: Тез. междунар. науч. конф. Минск, 1994. Ч. 1. С. 22–24.

Репрезентация эмоций в семантике слова и предложения [тез.] // Славянская культура в современном мире: Материалы III междунар. семинара. Киев, 1994. С. 101–102.

Три пространства русского глагола [тез.] // Славянская культура в современном мире: Материалы III междунар. семинара. Киев, 1994. (в соавт. с Ю. В. Казариным).

Функциональные свойства лексических систем [тез.] // Принципы функционального описания языка: Тез. Всеросс. науч. конф. Екатеринбург, 1994. Ч. 2. С. 218.

Идеи ак. В. В. Виноградова в интерпретации эмотивного содержания художественного текста // Междунар. юбилейная сессия, посвящ. 100-летию со дня рождения В. В. Виноградова: Тез. докл. М., 1995. С. 53.

Интеллектуально-эмотивные смыслы в художественном тексте [статья] // Уральская русистика и специальное образование: Тез. докл. науч. сессии памяти Э. В. Кузнецовой. Екатеринбург, 1995. С. 3–4 (в соавт. с М. Л. Орловой).

О концепции толково-идеографического словаря русской глагольной лексики [тез.] // Россия–Франция: Диалог двух культур. Круглый стол. Материалы. Екатеринбург, 1995. С. 12–13.

Перспективы изучения семантической организации лексики в теоретической среде концепции языковой картины мира [тез.] // Лингвистика на исходе XX века: Итоги и перспективы: Тез. междунар. конф. М., 1995. Т. 1. С. 35–36.

Роль антропологического фактора в интерпретации эмоций: репрезентация эмотивных смыслов в словаре, предложении и тексте [тез.] // Текст в свете антропологической лингвистики: Тез. междунар. конф. Екатеринбург, 1995. С. 65–66.

Функциональные свойства лексических систем (на материале эмотивной лексики) [тез.] // Семантика слова, образа, текста: Тез. междунар. конф. Архангельск, 1995. С. 5–6.

Включение как универсальный способ номинации и средство репрезентации неэксплицитной информации // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики: Тез. докл. Всеросс. науч. конф. Челябинск, 1996. С. 9–10.

Толково-идеографический словарь русской эмотивной лексики

(теоретическая база) [статья] // Глагол и имя в русской лексикографии: вопросы теории и практики. Екатеринбург, 1996. С. 7–14.

Вариантные отношения и категория парадигмы в семантическом синтаксисе [тез.] // VII Кузнецовские чтения. Семантика слова, предложения и текста: Тез. докл. межвузов. науч. конф. Екатеринбург, 1996. С. 42–44.

Эмотивная семантика художественного текста: модель анализа // Текст: проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного: Тез. междунар. науч.-метод. конф. М., 1996. С. 16–18.

Роль лексических средств в порождении общетекстовой эмотивной семантики // Русское художественное слово: многообразие литературоведческих и лингвометодических подходов: Тез. докл. междунар. конф. СПб., 1996. С. 71–72.

Лексика, грамматика, текст в свете антропологической лингвистики: Отчет о конференции // Русистика сегодня. 1996. № 3. С. 138–150.

Проблемная группа «Русский глагол»: итоги и перспективы научно-исследовательской работы // Актуальные проблемы русистики: Тез. докл. междунар. науч. конф. памяти Э. В. Кузнецовой. Екатеринбург, 1997. С. 3–4.

Толковый идеографический словарь русских глаголов (с указанием английских эквивалентов): концепция, структура и основные лексикографические параметры // Толковый идеографический словарь русских глаголов: Проспект. Екатеринбург, 1997. С. 5–26.

Предисловие // Там же. С. 5–7.

Глаголы характеризованной речевой деятельности // Там же. С. 39–51 (в соавт. с Е. И. Плотниковой).

Глаголы становления эмоционального состояния // Там же. С. 51–56 (в соавт. с Д. В. Генрихс).

Глаголы разнонаправленного движения субъекта // Там же. С. 32–39 (в соавт. с Е. И. Плотниковой).

Образ любви в поэзии А. Ахматовой: анализ двух стихотворений // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. Екатеринбург, 1997. С. 3–13 (в соавт. с Л. В. Ульяновой).

Денотативное пространство русского глагола: аспекты и перспективы изучения // Денотативное пространство русского глагола: Тез. конф. Екатеринбург, 1998. С. 3–11.

Лексикографическое описание глаголов речевого сообщения в словаре семантических моделей русских глагольных предложений // Актуальные проблемы лексикографии: Материалы 4-й междунар. учредит. науч. конф. Гродно, 1998.

Предисловие. Введение. Теоретическая база словаря и его исходные теоретические принципы // Семантические модели русских глагольных предложений: Проспект словаря. Екатеринбург, 1998.

Процессуально-событийный мир: базовые концепты в зеркале словаря (на материале глагольной лексики) // XII Междунар. съезд славистов. *Streszczenia referatow i komunikation. jtzukoznawstwo*. Warszaw, 1999. С. 187–190.

Предисловие // Толковый идеографический словарь русских глаголов. М., 1999. С. 11–12.

Толковый идеографический словарь русских глаголов (с английскими эквивалентами): концепция, структура и основные лексикографические параметры // Там же. С. 12–23.

Глагол «жить» в лирике А. С. Пушкина: когнитивно-пропозициональная структура // Пушкинский глагол: Материалы расширенного заседания теорет. семинара «Русский глагол». Екатеринбург, 1999. С. 230–251.

Связность дискурса: типологический аспект // Филология и культура: Тез. 2-й Междунар. конф. 12–14 мая 1999 г. Тамбов, 1999. С. 90–91.

Итоги и перспективы научно-исследовательской работы кафедры современного русского языка УрГУ // Русский язык и русистика в современном культурном пространстве: Тез. докл и сообщ. Екатеринбург, 1999. С. 10–13.

Предисловие // Толковый словарь русских существительных: Проспект. Екатеринбург, 2001. С. 4–8.

Когнитивная структура текста (модель анализа) // Русский язык на рубеже тысячелетий: Материалы докл. и сообщ. СПб., 2001. С. 24–35.

«Русская дура»: представление о счастье (концептуальный анализ рассказов Тэффи) // Толерантность в контексте многоукладности российской культуры: Гендерный конфликт и его репрезентация в культуре: Материалы конф. Екатеринбург, 2001. С. 120–123.

О концепции и структуре экспериментального синтаксичес-

кого словаря русских глаголов // Русский язык: исторические судьбы и современность: Тр. и материалы. М., 2001. С. 126–127.

Круглый стол «Проблемы взаимодействия лексикологии, фразеологии и лексикографии русского языка: итоги и перспективы» // Там же. С. 489.

Семантическая модель предложения как репрезентанта структуры знаний о мире // Семантико-синтаксическое пространство русского глагола. Екатеринбург, 2001. С. 5–7.

Предисловие // Русские глагольные предложения: Эксперим. синтаксич. слов. / Под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2002. С. 9–10.

Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Там же. С. 11–34.

Концептуальный анализ в курсе лексикологии // Аванесовские чтения: Междунар. науч. конф.: Москва, 14–15 февр. 2002 г.: Тез. докл. / Под общ. ред. М. Л. Ремневой и М. В. Шульги. М., 2002. С. 19–21 (в соавт. с Т. М. Ворониной).

Лексикографическое представление категоризации мира в Толковом словаре русских глаголов и в Экспериментальном синтаксическом словаре русских глагольных предложений как основа словаря базовых концептов и когнитивно-пропозициональных структур процессуально-событийного мира // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Москва; Воронеж, 2002. С. 136–141.

Совмещенные ментальные пространства русского глагола в лексикографическом представлении // Композиционная семантика: Материалы III Междунар. школы-семинара по когнитивной лингвистике. 18–20 сент. 2002 г. Тамбов, 2002. Ч. 1. С. 16–19.

О концепции толкового идеографического словаря синонимо-антонимических комплексов // Русская языковая личность в зеркале лексикографии. Материалы XII Кузнецовских чтений. Екатеринбург, 2002.

Концептосфера процессуально-событийного мира: универсальное, общенациональное и индивидуальное концептуальные пространства // Русское слово в мировой культуре. СПб., 2003. С. 217–226.

О структуре толкового идеографического словаря русских синонимов // Язык и культура: Междунар. конгр., Москва, окт. 2003. М., 2003.

Концепция идеографических словарей, разрабатываемая

уральской семантической школой // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. XIV Кузнецовские чтения: Материалы расширенного заседания теоретического семинара «Русский глагол». 29 сент. – 1 окт. 2004 г., Екатеринбург, Россия. Екатеринбург, 2004. С. 11–21.

Художественный текст как феномен культуры: категория интертекстуальности // Языки и транснациональные проблемы: Материалы междунар. науч. конф. Москва; Тамбов, 2004. С. 370–377.

Принципы категоризации именной лексики в толковом идеографическом словаре существительных русского языка // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Междунар. конгресс исследователей рус. языка (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. ф-т., 18–21 марта 2004 г.): Тр. и материалы / Сост. М. Л. Ремнева, О. В. Дедова, А. А. Поликарпов. М., 2004. С. 180–181.

Идеографические словари в теоретическом и прикладном аспектах // Международное образование: итоги и перспективы: Материалы междунар. науч. конф., Москва, МГУ, нояб. 2004. М., 2004.

Жанровая структура текста в лингвистическом освещении // II Journal Andaluzas de eslavistica. Granada, 2004. P. 19–20.

Предисловие // Новая Россия: новые явления в языке и науке о языке: Материалы Всеросс. науч. конф., 14–16 апр. 2005 г., Екатеринбург, Россия / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 2005. С. 8–11.

Русские синонимы в когнитивном освещении: новый идеографический словарь синонимов // Там же. С. 12–17.

Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М., 2005. С. 17–23.

VII. Учебно-методические работы

Практические указания по синтаксису для иностранцев. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1976 (в соавт. с З. И. Комаровой).

Программа и методические указания по спецкурсу «Глагол в художественном тексте» Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982.

Программа, методические указания к практическим заняти-

ям по разделу «Синтаксис» курса «Современный русский язык». Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1982 (в соавт. с М. Ф. Скорняковой).

Программа, методические указания и практические задания к контрольным работам № 7, 8 по разделу «Синтаксис» для студентов заочного отделения филологического факультета. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1983.

Программа, методические указания к практическим занятиям по разделу «Синтаксис». Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987 (в соавт. с М. Ф. Скорняковой).

Методические указания к спецсеминару «Синтаксис текста». Спецсеминары кафедры современного русского языка. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1985.

Программа, методические указания и задания к контрольным работам № 6, 7, 8 по разделу «Синтаксис». Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991 (в соавт. с О. А. Михайловой).

Современный русский язык: Программа и методические указания к ГЭКу для студентов филологического факультета. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 48 с. (в соавт. с Т. В. Поповой и Ю. В. Казариным).

Синтаксис слова, формы слова, словосочетания и простого предложения: Метод. пособие для студентов филол. фак-та. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999 (в соавт. с А. М. Плотниковой и Д. Р. Шарафутдиновым).

Лексикология русского языка: Метод. пособие для студентов филол. фак-та. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002 (в соавт. с Т. М. Ворониной).

ДИССЕРТАЦИИ, НАПИСАННЫЕ ПОД РУКОВОДСТВОМ ПРОФЕССОРА Л. Г. БАБЕНКО

Кандидатские диссертации

Плотникова Е. И.

Предложения с семантикой однонаправленного перемещения, удаления и достижения (парадигматическое описание), 1989.

Соболева Е. Г.

Лексико-синтаксическая репрезентация семантической модели глагольных предложений со значением «разрешения», 1990.

Ларионова А. Ю.

Субъектно-объектная семантика отглагольных прилагательных на *-ный* и *-чий* в аспекте семантической соотносительности с базовыми глаголами, 1991.

Казарин Ю. В.

Роль абстрактных и конкретных глаголов в формировании языковой картины процессуально-событийного мира (на материале русского языка), 1992.

Кардапольцева В. Н.

Роль глаголов со значением трудовой деятельности в отображении жизни уральцев конца XIX в. (на материале рассказов Д. Н. Мамина-Сибиряка), 1995.

Ермолаева И. И.

Лирическое отступление как включенный текст, 1996.

Плотникова А. М.

Русские глаголы с включенной актантной рамкой: лексико-семантическое и денотативное пространство, 1997.

Рассказова Т. П.

Лексика «удивления» в английском и русском языке: сопоставительный анализ, 1998.

Мухин М. Ю.

Синтагматическое напряжение в романах Владимира Набокова, 1998.

Золотарева Н. В.

Глаголы говорения в русском и английском языках, 1999.

Снигирев А. В.

Интертекст: типология включения и функционирование в художественном тексте (на материале романов М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города», Ф. Сологуба «Мелкий бес» и С. Соколова «Палисандрия»), 2000.

Мухина Н. М.

Репрезентация идеи красоты в поэзии Н. Гумилева и А. Ахматовой, 2000.

Воронина Т. М.

Образные семантические модели русских глагольных предложений, 2001.

Миронова И. К.

Концентосфера «Еда» в русском национальном сознании: базовые когнитивно-пропозиционные структуры и их лексические репрезентации, 2002.

Усолкина А. В.

Языковая игра как текстообразующий фактор (на материале литературных сказок Л. Кэрролла и их переводов), 2002.

Киселева Е. В.

Лексикографическая репрезентация слов «любовь» и «love» в словарях русского и английского языков, 2004.

Мезенцева Т. М.

Особенности репрезентации удивления в английском и русском языках (на материале романов Ч. Диккенса и их переводов на русский язык), 2005.

Головатина В. М.

Репрезентация концепта «Вдохновение» в русской литературной традиции, 2006.

Слаутина М. В.

Особенности репрезентации христианской картины мира в лексике русского языка, 2006.

Дудорова М. В.

Категоризация пространства в поэтическом тексте (на материале поэзии И. Анненского), 2006.

Передриенко Т. Ю.

Концепты «Бог» и «дьявол» в русской и английской лингвокультурах (на материале паремий и афоризмов), 2006.

Докторские диссертации

Кусова М. Л.

Репрезентация отрицания в семантике лексических и фразеологических единиц (идеографический, опомасиологический, концептуальный анализ), 1998.

Попова Т. В.

Деривационно-семантическое пространство русского глагола, 1998.

Казарин Ю. В.

Поэтический текст как уникальная функционально-эстетическая система, 2001.

Дьячкова Н. А.

Полипропозитивные структуры в сфере простого предложения (предложения с неопускаемым атрибутивным определителем в присубъектной позиции), 2003.

Белякова С. М.

Образ времени в диалектной картине мира, 2005.

Долженко Н. Г.

Русское предложение с девербативным оборотом: особенности функционирования, синтаксический статус и семантические модели, 2006.

ОТЗЫВЫ ВЕДУЩИХ УЧЕНЫХ О РАБОТАХ Л. Г. БАБЕНКО И УРАЛЬСКОЙ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Выполненные в лучших традициях уральской лексикологической школы монография «Денотативное пространство русского глагола» и «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание» представляют собой уникальный научный комплекс. В монографии рассматриваются вопросы пространственной организации глагольной лексики, изучаются различные типы пространств (лексическое, семантическое, денотативное, деривационно-семантическое), их взаимодействие и пересеканность; используются современные методы семантического анализа. Следует отметить активную и плодотворную работу коллектива ученых, последовательность выбранного научного подхода: вопросам взаимодействия семантики и грамматики русского языка, пересеканности глагольных парадигм была посвящена первая монография из серии «Русская глагольная лексика» (Екатеринбург, 1997).

Решение ряда теоретических проблем, безусловно, способствовало созданию принципиально нового по способу представления материала и семантизации лексических единиц толково-идеографического словаря русских глаголов. «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты» — концептуально современный, созвучный современной лексикографической идеологии и теоретическим представлениям словарь «активного типа». В словаре выработана принципиально новая модель семантизации глагольных значений, словарные статьи содержат также указание на типовую сочетаемость, синонимы и антонимы. Теоретически значимой является концепция комплексного словаря, совмещающего в себе принципы идеографического, толкового, переводного и учебного словаря.

Научные достижения коллектива авторов под руководством проф. Л. Г. Бабенко широко известны не только в России, но и

за рубежом, они получают высокую оценку всех специалистов, а в созданном научном комплексе (словарь и монография) заинтересованы и ученые-лексикологи, и преподаватели русского языка, в первую очередь преподаватели русского как иностранного.

А. Н. Тихонов, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра языков и культур стран Евразии и Балтии при Московском государственном лингвистическом университете, заслуженный деятель наук Республики Узбекистан и РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования

За последние десять лет вышло несколько серьезных теоретических (монографий) и лексикографических (проспекты словарей) работ проблемной группы «Русский глагол», среди которых в качестве наиболее значимой является «Толковый словарь русских глаголов». В настоящее время эту проблемную группу возглавляет профессор Л. Г. Бабенко, которая продолжает и развивает традиции научной школы, созданной профессором Э. В. Кузнецовой.

В рецензируемом словаре воплощена идея, давно волновавшая умы практиков и теоретиков лексикографии, – идея создания комплексного словаря, соединяющего в себе черты толкового и идеографического словарей. Наряду с этим словарь является одновременно объяснительным, учебным и переводным, так как содержит необходимые данные грамматического характера, а также включает английские эквиваленты. Алфавитная часть словаря является прекрасным путеводителем по толково-идеографической части, показывая в то же время такую существенную особенность лексико-семантических групп, как их пересекаемость.

Данный труд имеет большое практическое значение, так как включает в себе информацию, которую можно эффективно использовать в преподавании русского языка и как родного, и как иностранного. Этот оригинальный словарь является серьезным вкладом в теоретическое языкознание, показывая широкие возможности теории идентификации, а в области русистики его следует поставить в один ряд с такими выдающимися работами,

как «Интегральный словарь» Ю. Д. Апресяна или «Семантический словарь» Н. Ю. Шведовой.

В качестве достоинств рецензируемого словаря, его принципиальной новизны, следует указать также специальный мета-язык, построение словарной статьи, однотипность словарных дефиниций.

Лексикографический труд, созданный коллективом уральских ученых, заслуживает самой высокой оценки и поощрения.

Ю. Н. Караулов, доктор филологических наук,
профессор, член-корр. РАН

Рада, что Ваши многолетние ценные труды находят такое хорошее и нужное всем нам воплощение.

Н. Ю. Шведова, член-корр. РАН, заведующий сектором
русского языка Института русского языка РАН

Авторским коллективом, возглавляемым проф. Л. Г. Бабенко, создан словарь нового типа. Он интегрирует принципы лексикографического описания, присущие словарям толковым, идеографическим и переводным. В данном словаре отражены результаты глубокого многолетнего исследования системной организации русской глагольной лексики. Принципы, на которых базируется представление языкового материала, — иерархичность, отношение дополнительности, вариативность, пересекаемость выделяемых классов, — в полной мере соответствуют современным общетеоретическим основаниям системно-функциональной лингвистики. Реализация этих принципов в словаре представляет собой значительный шаг вперед в развитии теории и практики русской лексикологии и лексикографии.

Перед нами труд, имеющий большое практическое значение. Это учебный словарь-справочник. Он включает в себе информацию, существенную для практики преподавания русского языка как неродного, для активного изучения языка, для обогащения словарного запаса. добавлю к этому, что словарь имеет немаловажное значение и для практики изучения русского языка как языка родного.

Лексикографический труд, созданный коллективом, возглавляемым Л. Г. Бабенко, заслуживает самой высокой оценки. Представляется целесообразным присуждение авторам этого труда научного премии.

А. В. Бондарко, член.-корр. РАН, профессор,
заведующий отделом теории грамматики
Института лингвистических исследований РАН

Составленный под редакцией проф. Л. Г. Бабенко и изданный издательством АСТ-ПРЕСС «Толковый словарь русских глаголов» представляет собой первый опыт комплексного лексикографического описания глаголов русского языка.

Словарь включает в себя около 25 тыс. слов, упорядоченных и представленных в соответствии с иерархическим принципом семантической классификации. Наиболее общее деление глагольных лексем – это разбиение на 3 глобальных класса: «действие и деятельность», «бытие, состояние, качество» и «отношение». Далее каждый класс последовательно подразделяется на группы, подгруппы, разряды и подразряды. Ценность данной классификации, представляющей собой итог многолетней работы исследовательского коллектива под руководством проф. Э. В. Кузнецовой, а затем проф. Л. Г. Бабенко, не только в возможности верифицировать наши представления о системном характере внутрилексических отношений, но и в ее практической применимости в ходе преподавания и изучения лексики русского языка.

Несомненную ценность рецензируемого издания составляют приводимые в словаре английские параллели. Эти английские глаголы не только позволяют широко использовать словарь в практике преподавания русского языка иностранцам, но также создают базу для типологического исследования в области русского-английской семасиологии и лексической сочетаемости.

«Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание» во многих отношениях представляет собой новаторское издание. Вместе с тем, очевидно, что он мог возникнуть только в результате многолетней работы целого научного коллектива. Словарь, несомненно, заслуживает самой высокой оценки. Он найдет себе применение в учебном процессе и представляет боль-

шую ценность для филологов – специалистов в области русской и общей лексикографии.

Б. Ю. Норман, доктор филологических наук, профессор, завсудующий кафедрой теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета

Русская лексикография обогатилась новым масштабным словарным произведением, комплексно описывающим лексику русского языка в различных аспектах.

«Толковый словарь русских глаголов...» — это:

- *грамматическое произведение*, посвященное наиболее трудному разделу морфологии — глагольной лексике;
- *идеографическое описание* русских глаголов в оригинальной авторской концепции собственного видения картины мира;
- *толковый словарь*, дефинирующий лексические значения и их оттенки в идеографическом ключе;
- *переводной словарь*, в котором представлены английские эквиваленты заголовочных лексем, что дает возможность проанализировать глагольную лексику русского языка с точки зрения ее контрастивной ценности;
- *учебное представление* русских глаголов (строгая ориентация на преподавательскую деятельность, на обучение повышает методическую значимость словаря и расширяет горизонты его использования).

Словарь создан усилиями авторского коллектива межвузовской проблемной группы «Русский глагол», состоящей из лингвистов-преподавателей г. Екатеринбургa. Группа продолжает научные традиции *Э. В. Кузнецовой*, которая впервые еще в 1970-х гг. высказала идею масштабного проекта лексикографического представления русских глаголов. Поистине подвижническую роль играет в группе профессор, доктор филологических наук Л. Г. Бабенко, под руководством которой не только разработаны основные принципы создания этого словаря, но и обоснована общая стратегия комплексного описания глагольной лексики.

В этой связи достаточно вспомнить этапы титанической работы коллектива:

1. Лексико-семантические группы русских глаголов: Учеб-

ный словарь-справочник / Науч. рук. Э. В. Кузнецова. Свердловск, 1988;

2. Толковый тематический словарь русских глаголов: Проспект / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1992;

3. Толковый идеографический словарь русских глаголов: с указанием английских эквивалентов: Проспект. Екатеринбург, 1997;

4. Семантические модели русских глагольных предложений: Экспериментальный синтаксический словарь: Проспект / Под ред. Л. Г. Бабенко. Екатеринбург, 1998.

Рецензируемый словарь был подготовлен многолетними изысканиями десятка ученых и явился важнейшей вехой на пути к теоретическому и лексикографическому описанию глагольной лексики. Поэтому сегодня поистине пророчески и в высшей степени справедливо звучат однажды сказанные в личной беседе слова выдающегося российского лексикографа А. Н. Тихонова о группе профессора Людмилы Григорьевны Бабенко: «Русский глагол в надежных руках».

В. В. Дубичинский, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой украинского и русского языков
Харьковского государственного политехнического университета,
председатель Харьковского лексикографического общества,
президент Международной ассоциации
восточнославянской лексикографии

Данное издание является одной из успешных попыток создания универсального комплексного словаря русской глагольной лексики, название которого уже содержит типологические характеристики. Такой словарь, составленный с учетом особенностей и способа отображаемого материала, одновременно можно отнести к толковому и идеографическому. Все это составляет новое направление в русской лексикографии, так как в настоящее время в связи с утверждающимся принципом когнитивного описания языка ощущается потребность совмещения различных подходов к лексикографированию и создания нового поколения словарей на основе идеографических.

Несомненная заслуга авторского коллектива, начавшего подготовительную работу над данным изданием еще в 70-х гг. под

руководством профессора Э. В. Кузнецовой, состоит в том, что благодаря усилиям профессора Л. Г. Бабенко и ее группы появился полифункциональный словарь.

Принцип полифункциональности словаря позволяет говорить об определенной теоретической и практической значимости данного издания. Хочется поздравить наших коллег с большой удачей, так как основная их задача — отобразить и представить в словаре результаты изучения системной организации русской глагольной лексики с целью создания базы данных для новых исследований — достойно выполнена. Подобное издание заслуживает высокой оценки.

С. П. Лопушанская, доктор филологических наук, профессор,
директор научно-исследовательского института
истории русского языка
Волгоградского государственного университета

С. Р. Омельченко, кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русского языка и стилистики
Волгоградского государственного университета

Отзыв на монографию «Русская глагольная лексика: денотативное пространство» (Екатеринбург, 1999) и на «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание» (М., 1999), выполненные авторским коллективом Уральского государственного университета под рук проф. Л. Г. Бабенко.

Названные выше работы — замечательный и в известном смысле уникальный результат многолетней научной деятельности коллектива ученых. Уникальность этого труда разноаспектна. Во-первых, это достаточно редкий случай выпуска целого научного комплекса: словарь, представляющий фактическую, содержательную сторону объекта — системное идеографическое описание русской глагольной лексики, и непосредственно связанная с ним научная монография, в которой последовательно и убедительно рассматриваются теоретические основания системного подхода к описанию части лексического пространства русского языка.

Во-вторых, уникальность данного научного комплекса заключается в последовательной преемственности исследовательской работы авторского коллектива под рук. проф. Л. Г. Бабенко:

комплекс является закономерным продуктом многолетней работы и результатом достигнутых в предшествующие годы практических результатов. Так, Словарь представляет собой новую, более высокую ступень систематизации и описания глагольной лексики, после известной и тоже по-своему уникальной работы, словаря-справочника «Лексико-грамматические группы русских глаголов» (Свердловск, 1988), а монография — является этапным достижением в реализации идеи комплексного описания языкового и, в частности, лексического пространства.

Наконец, в-третьих, коллективный научный труд поражает размахом идеи. Известная научная установка Э. В. Кузнецовой на преодоление традиционного разрыва между лексикой и грамматикой получает в рассматриваемом научном комплексе, а также и во всей научной парадигме творческого коллектива ученых ощутимую перспективу теоретического и практического решения проблемы: от глагольной семантики — к референциальному пространству глагола, к его синтаксическим потенциям и далее, как планируют авторы, к систематизации моделей глагольных предложений.

Высоко оценивая научное достижение группы авторов под рук. проф. Л. Г. Бабенко, считаю необходимым всячески поддерживать и поощрять продолжение исследовательской работы коллектива, в результатах которой глубоко заинтересована не только наука, но и практика изучения русского языка в вузе и в школе.

Ваши достижения общеизвестны и говорят сами за себя: это популярные в стране и за ее пределами уникальные лексикографические издания, это коллективные монографии по русской лексикологии, это труды по синтаксису и учебники по художественному тексту, подготовленные содружеством профессионалов под руководством талантливого и неутомимого ученого — Людмилы Григорьевны Бабенко.

В. В. Химик, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка для иностранцев-нефилологов Санкт-Петербургского государственного университета

В отечественном языкознании работы проблемной группы «Русский глагол» (научный руководитель профессор Л. Г. Бабенко) вызывают особый интерес среди лингвистов, поскольку в исследованиях уральских русистов рассматриваются пробле-

мы, наиболее актуальные для современного этапа развития русистики. При этом важно, что научный характер этих работ можно определить понятием фундаментальности, т. е. понятием, которое определяет концептуальную значимость анализируемых ими проблем. Немаловажно и то, что их исследователей объединяет научная школа, основы которой были заложены, на наш взгляд, прежде всего Э. В. Кузнецовой. Однако эта школа, к счастью, оказалась своего рода не прокрустовым ложем, а тем научным фундаментом, позволяющим, если нужно и необходимо, перестраиваться, находить такие аспекты описания языкового материала, которые учитывают изменяющиеся принципы познания языка, накопленный в трудах других лингвистов теоретический и эмпирический материал и т. д., но при этом не порывая сложившихся научных традиций и не разрушая общего фундамента лексико-семантического подхода к описанию языковой системы.

Показательным в этом отношении является коллективная монография под общей редакцией Л. Г. Бабенко «Русская глагольная лексика: денотативное пространство» (Екатеринбург: УрГУ, 1999) и «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание» (под ред. проф. Л. Г. Бабенко. М: АСТ-ПРЕСС, 1999). Стремление исследователей описать глагольную лексику в пространственном измерении представляется очень важным в понимании языка как системы. Именно пространственная модель позволяет увидеть динамический характер многих языковых явлений. И обращение к ней уральских русистов закономерно после того, как достаточно детально были обобщены результаты описания глагольной лексики в парадигматическом аспекте, представленные в другой коллективной монографии, посвященной пересеканию парадигм (1997 г.). Такая последовательность научно обоснованна, делает закономерным в последующем этап когнитивного осмысления материала, связывая воедино теорию познания с системой знаний о языке.

Но особую ценность и значимость имеет, конечно, лексикографический труд, поскольку лексикография является той областью, где проверяются лингвистические теории в плане их практической реализации. Именно лексикография позволяет увидеть внутреннюю и внешнюю необходимость разрабатываемой лингвистической концепции для развития науки и общества.

В настоящее время, когда наблюдается своего рода «лексикографический бум», мы имеем словари разного качества. И очевидно, что изданный толковый словарь русских глаголов в этом ряду займет достойное место, поскольку он учитывает лучшие традиции лексикографической обработки слов в плане толкования их значения и развивает новые подходы в создании словарей, в частности идеографических. В этом труде мы имеем не противопоставление лексикографии и языковой теории, а их взаимодействие. Тем самым, на наш взгляд, авторы словаря достаточно четко осознают, что лексикографические проблемы не существуют сами по себе, а оказываются взаимосвязанными с решением языковых проблем из других разделов языкознания. И в словаре представлена лексикографическая концепция, которая учитывает специфику представления лексико-семантической классификации русского глагола, описанию и изучению которой посвящены многие исследования членов проблемной группы «Русский глагол».

Считаю, что данные работы свидетельствуют о высоком научном потенциале исследователей, входящих в проблемную группу, позволяющем надеяться на то, что исследования уральских русистов будут продолжены и получают научную поддержку как в стенах родного для них университета, так и среди лингвистов.

А. Л. Шарандин, доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой филологии
Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина

«Толковый словарь русских глаголов», созданный коллективом уральских лексикографов под руководством профессора Л. Г. Бабенко, занимает особое место среди изданий последнего времени. Этот словарь давно ждали лингвисты. Его появление не только продолжает традицию, начатую замечательным лексикологом Э. В. Кузнецовой, но и подготовлено серией публикаций (статьи, монографии, проспекты словаря), диссертационными исследованиями составителей, в которых складывалась и получала глубокое теоретическое обоснование концепция будущего словаря. Следует специально отметить глубокое предисловие, написанное проф. Л. Г. Бабенко, в котором не только описывается структура словаря, обосновываются способы подачи

материала, но и четко определяется место словаря среди других лексикографических изданий.

Сравнивая новый словарь с его предшественником, словарем-справочником «Лексико-семантические группы русского глагола», видишь, как далеко шагнула вперед отечественная лексикография и какой большой путь теоретического осмысления глагольной семантики прошла проблемная группа «Русский глагол», развивающая идеи Э. В. Кузнецовой и прекрасно воплотившая в жизнь как достижения академической лексикологической и лексикографической теории, так и результаты практической работы над описанием слов и их группировок в словарях. То, что над словарем работали преподаватели вузов, хорошо представляющие запросы потенциальных пользователей, «прочитывается» во многих чертах нового издания.

Словарь является комплексным, удачно совмещающим качества идеографического, толкового, объяснительного, учебного, переводного. Авторы, учитывая широкий круг адресатов, создали уникальное многофункциональное издание, которое, безусловно, будет востребовано и преподавателями русского языка (и как родного, и как иностранного), и лексикографами, и лингвистами-исследователями. Наличие английских эквивалентов, не превращая словарь в двуязычный, увеличивает возможности его использования как в практических, так и в исследовательских целях.

Безусловным достижением составителей являются структура словарной статьи и метаязык словаря, предельно точный, непротиворечивый, экономный и доступный любому пользователю.

Нет сомнений, что новое издание еще ждет внимательных рецензентов:

Детальный анализ корпуса словаря позволит не только увидеть в новом лексикографическом зеркале разные черты глагольного слова, но и внесет свой вклад в столь актуальное сегодня дело совершенствования языкового образования.

Труд уральских лексикографов заслуживает самой высокой оценки. Сделан еще один важный шаг, свидетельствующий о высоком уровне словарного дела в нашей стране. Кафедра русского языка РГПУ им. А. И. Герцена давно и активно использует в своей исследовательской и преподавательской практике теоретические и практические результаты работы группы «Русский глагол», руководимой Л. Г. Бабенко. Считаю своевремен-

пым и безусловно заслуженным выдвижение «Толкового словаря русских глаголов» на соискание Государственной премии.

В. Д. Черняк, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка РГПУ им. А. И. Герцена

Словарь, коллективная монография и сборник очень важны для русистики, представляют собой ценный научный труд, отражающий работу научного коллектива по теме «Русская глагольная лексика».

Каждая из присланных книг научно значима и вносит большой вклад в развитие избранного кафедрой научного направления исследования глагольной лексики русского языка. Наибольшую практическую ценность имеет словарь, включающий в себя не только идеографическое описание русских глаголов, но и английские их эквиваленты. В теоретическом плане наиболее значима коллективная монография, имеющая значение для исследования не только лексики, не только русской, тем более не только глагольной лексики.

План работы кафедра, несомненно, выполнила на высоком теоретическом и практическом уровне. Следует отметить при этом огромную трудоемкость словарного труда, сравнимого с научным подвигом.

О. Б. Сиротина, доктор филологических наук, профессор, заместитель председателя головного совета

«Толковый словарь русских глаголов» создан коллективом авторов, который известен в научных лингвистических кругах как проблемная группа «Русский глагол». Исследования уральских лингвистов последних двадцати лет, начатые под руководством профессора Э. В. Кузнецовой и продолженные под руководством проф. Л. Г. Бабенко, посвящены прежде всего русской глагольной лексике. Столь глубокий и длительный интерес уральской лексикологической школы к различным проблемам русской глагольной лексики придает новому словарю, представляющему результат многолетних изысканий в данной области, достоверность, научную убедительность и корректность. Около 700 страниц словаря отражают колоссальную работу по сбору, обработке и исследованию системы глагольных лексем в современном

русском языке. Словарь описывает почти все выделенные на сегодняшний день семантические группы русских глаголов, охватывая все активно используемые глагольные значения.

Несомненным достоинством словаря является не только его объем и охват материала, но и такие его качества, как комплексный характер и принципиальная лексикографическая новизна, «Толковый словарь русских глаголов» представляет собой абсолютно новый тип словаря, совмещающего в себе признаки, как минимум, двух словарей: толкового и идеографического, что обуславливает его не только теоретическую, но и практическую ценность.

Принципиально новым является построение словарной статьи, введение в состав ее антонимов, синонимов, английских эквивалентов, а также помет, фиксирующих коннотативные и грамматические компоненты значения. Наличие такой многосторонней информации о глаголе, с одной стороны, обуславливает комплексный характер словаря, с другой стороны, придает ему признаки учебного издания: он, несомненно, будет активно использоваться в преподавании русского языка. Материалы данного словаря, изданные ранее в виде двух проспектов, уже внедрены в учебный процесс, в частности на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, и активно используются в написании курсовых и дипломных работ.

Все вышесказанное позволяет высоко оценить рецензируемый словарь: можно считать его новым словом в лексикографии, ценным теоретическим исследованием, позволяющим проводить на его основе новые самостоятельные изыскания, чрезвычайно полезным в практическом отношении пособием. Подобные работы, несомненно, заслуживают высокой оценки и всяческой поддержки.

Е. В. Петрухина, доктор филологических наук,
доцент кафедры русского языка филологического факультета
МГУ им. М. В. Ломоносова

Авторскому коллективу под руководством профессора Л. Г. Бабенко удалось создать Проспект действительно комплексного словаря нового активного типа, не имеющего аналогов в отечественной лексикографии. Предваряющая лексикографическое описание вступительная статья Л. Г. Бабенко содержит глубо-

кий и основательный системный анализ основных направлений в области изучения семантики глагольного предложения и глагольной лексики и теоретически обосновывает новые реализованные в словаре принципы.

Благодаря системному изложению языкового материала и оригинальной структуре словарных статей экспериментальный синтаксический словарь удобен в употреблении. Это открывает широкие перспективы его использования в решении различных теоретических и прикладных лингвистических задач: в исследовании семантики глагольного слова, предложения и текста, в изучении категоризации, в анализе текстообразующей деятельности, в практике составления толковых и идеографических словарей и словарей сочетаемости, в разработке программ машинного перевода и т. д.

Н. С. Болотнова, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой современного русского языка и стилистики
Томского государственного педагогического университета

Л. Г. Ефинова, кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры современного русского языка
Томского государственного педагогического университета

Задача, поставленная авторами, по существу, единственного учебника по лингвистике текста, — отчетливо определить проблемы текста — является не легкой для теории текста. Авторы учебника сделали целый ряд интересных наблюдений и пришли к ценным выводам о природе художественного текста.

В учебнике «Лингвистический анализ художественного текста» достаточно полно раскрыта проблема классификации и типологии текстов на основе параметров структуры, функционального стиля, подготовленности, цельности/связности, алгоритмизации, степени экспликации замысла, прагматики. На основе данных параметров формулируется определение художественного текста как сложного и комплексного типа текста, произведения художественного стиля, проявляющего черты подготовленности, нефиксированности, мягкости, целостности и связности.

Подводя итоги, отметим большую ценность данного учебника для студентов-филологов прежде всего благодаря его вы-

сокому профессиональному и методическому уровню, глубине осознания сложных и еще далеко не решенных проблем лингвистики текста, тонкости анализа художественного текста. Учебник учитывает новые тенденции в развитии основных категорий текста, видит рациональное содержание основополагающих текстовых теорий. С решением вопросов, рассмотренных в данном труде, мы связываем будущее лингвистики текста. Надеемся, что данный учебник сформирует знание студентов в одной из самых сложных лингвистических дисциплин и будет способствовать более глубокому осмыслению природы художественного текста.

Л. М. Алексеева, доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой английской филологии

Одна из основных особенностей словаря, которая несомненно привлечет к нему интерес читателей,— его комплексный характер. Лексика не просто подается списками тематических групп, но снабжается семантической, стилистической и синтаксической информацией. Представляется очень актуальной идея соединения толкового словаря с тематической классификацией. И здесь прежде всего необходимо отметить семантические определения, ориентированные на определенную формализованную модель для каждой группы глаголов.

К несомненным достоинствам словаря следует отнести его двухчастную организацию. Первая часть представляет собой организованный по тематическому принципу толковый словарь формализованного типа. Вторая часть должна представлять собой алфавитный список всех разработанных в первой части глаголов с отсылкой на семантическую группу, в которой глагол описан. Этот справочный отдел значительно облегчит работу со словарем для всех читателей.

Сам же факт появления словаря-справочника, содержащего тематическую классификацию такого объема глагольной лексики как в основных, так и в неосновных значениях и представляющего семантическую, стилистическую и синтаксическую информацию, несомненно, привлечет к себе внимание всех интересующихся проблемами русского языка читателей, специалистов

в области лексикологии и лексикографии и внесет свой значительный вклад в один из аспектов описания современного русского языка.

Е. Ю. Ваулина

Коллективная монография «Русская глагольная лексика: пересеканность парадигм. Памяти Эры Васильевны Кузнецовой» (Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997) под общей редакцией профессора Л. Г. Бабенко, доктора филологических наук, освещает актуальные проблемы современной науки о русском языке, входившие в круг научных интересов известного лингвиста Э. В. Кузнецовой (1927–1988), связавшей свою жизнь с Уральским университетом. К ним относятся и такие обстоятельно разработанные в настоящей книге вопросы, как пересеканность лексико-семантических, формально-грамматических, лексико-грамматических и деривационных классов русского глагола.

В мемуарном разделе книги дана летопись жизни Э. В. Кузнецовой, публикуются воспоминания о ней ученых-коллег, учеников, приводится библиографический указатель ее научных трудов.

Аннотируемая книга – фундаментальный труд по русскому глаголу, означающий поворот в самой методологии изучения этой части речи. Новизна и оригинальность трактовки открывают перед молодым поколением исследователей широкие перспективы дальнейших творческих поисков в этой области.

С. Ваймеберг, доктор филологических наук,
профессор Будапештского университета

Ваши научные дела широко известны в нашей стране и за ее пределами, мы рады вашим успехам и желаем вам здоровья, благополучия и новых свершений в науке!

В. А. Виноградов, доктор филологических наук, профессор,
директор Института языкознания РАН

Е. С. Кубрякова, доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора теоретического языкознания

Широко известны научные труды ученых кафедры в различных областях лингвистики, и в первую очередь фундаментальные работы по глагольной семантике и анализу художественного текста, пользующиеся большой популярностью у отечественных и зарубежных коллег и ставшие настольными книгами начинающих ученых.

С. С. Ваулина, доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории русского языка
Калининградского государственного университета

Подлинно университетские традиции продолжает и развивает высокопрофессиональный коллектив известных ученых и талантливых преподавателей, возглавляемый в настоящее время профессором Людмилой Григорьевной Бабенко.

Особенно хочется отметить, глубокоуважаемые коллеги, ваш вклад в становление и воспитание специалистов будущего, способных решать новые задачи; успехи того научного направления, в рамках которого осуществляются серьезные проекты по изданию монографии, словарей нового типа, ведется экспериментальная работа.

Н. А. Тупикова, доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой русского языка
Волгоградского государственного университета

Д. Ю. Ильин, кандидат филологических наук, доцент,
дискан факультета филологии и журналистики
Волгоградского государственного университета

Коллектив кафедры, руководимый профессором Людмилой Григорьевной Бабенко, наряду с преподаванием русского языка студентам, осуществляет плодотворную и многогранную научную деятельность. Труды кафедры по современному русскому языку хорошо известны специалистам в нашей стране и за рубежом.

А. М. Молдован, директор Института русского языка
им. В. В. Виноградова РАН, член-корр. РАН

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аболин Борис Игоревич — аспирант кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Артемова Ольга Евгеньевна — кандидат филологических наук, доцент Башкирского государственного университета.

Базылев Владимир Николаевич — доктор филологических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета.

Бацевич Флорий Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего языкознания Львовского национального университета им. Ивана Франко (Украина).

Белякова Светлана Михайловна — доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания Тюменского государственного университета.

Валова Людмила Владимировна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Волгоградского государственного технического университета.

Ваулина Светлана Сергеевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой истории русского языка и сравнительного языкознания Российского государственного университета им. И. Канта.

Володина Майя Никитична — доктор филологических наук, профессор, руководитель учебно-научного центра «Язык СМИ» филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Воронина Татьяна Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Гапонова Юлия Викторовна — аспирантка кафедры истории русского языка и сравнительного языкознания Российского государственного университета им. И. Канта.

Головатина Варвара Михайловна — аспирант кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Гридина Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского государственного педагогического университета.

Гришаева Людмила Ивановна — доктор филологических наук, профессор Воронежского государственного университета.

Гуляева Галина Евгеньевна — аспирант кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Дудорова Мария Владимировна — кандидат филологических наук, ассистент кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Дьячкова Наталия Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Казарин Юрий Викторович — доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Козырев Владимир Алексеевич — доктор педагогических наук, профессор, первый проректор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Коновалова Надежда Ильинична — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного педагогического университета.

Кузьмина Наталья Арнольдовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой стилистики и языка массовых коммуникаций русского языка Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского.

Кусова Маргарита Львовна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и методики его преподавания в начальной школе Уральского государственного педагогического университета.

Лазарева Элла Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и стилистики Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Ларионова Алла Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Уральского государственного технического университета (УГТУ–УПИ).

Манаенко Геннадий Николаевич — доктор филологических наук, доцент, проректор по научно-исследовательской работе Ставропольского государственного педагогического института.

Матханова Ирина Петровна — доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета.

Милованова Марина Васильевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Волгоградского государственного университета.

Мухин Михаил Юрьевич — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Мухина Ирина Константиновна — кандидат филологических наук, ассистент кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Немирова Наталья Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского и коми языков Коми государственного педагогического института.

Норман Борис Юстинович — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой теоретического и славянского языкознания Белорусского государственного университета.

Омельченко Светлана Романовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русского языка и стилистики Волгоградского государственного университета.

Петрухина Елена Васильевна — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Плотникова Анна Михайловна — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Слаутина Марина Васильевна — кандидат филологических наук, ассистент кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Стексова Татьяна Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета.

Трипольская Татьяна Александровна — доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка Новосибирского государственного педагогического университета.

Химик Василий Васильевич — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка для иностранцев-нефилологов Санкт-Петербургского государственного университета.

Черняк Валентина Даниловна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Чудинов Анатолий Прокопьевич — доктор филологических наук,

профессор, зав. кафедрой риторики и межкультурной коммуникации, проректор по научной работе и инновационной деятельности Уральского государственного педагогического университета.

Шамне Николай Леонидович — доктор филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета.

Шарафутдинов Джалиль Рафаилович — кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Уральского государственного университета им. А. М. Горького.

Шустрова Елизавета Владимировна — кандидат филологических наук, докторант Уральского государственного педагогического университета.

Научное издание

VERBUM:
язык, текст, словарь

Посвящается юбилею
Людмилы Григорьевны Бабенко

Редактор *Н. В. Чапаева*
Верстка *Л. А. Хухаревой*
Ответственная за выпуск *М. В. Дудорова*

В оформлении обложки использована иллюстрация
Обри Бердслея «Как прекрасная Изольда писала послание сэру
Тристраму» (для книги Т. Мэлори «Смерть Артура», 1893–1894)

Подписано в печать 14.06.2006. Формат 84 × 108/32.
Уч.-изд. л. 23,3. Бумага офсетная. Гарнитура Peterburg.
Печать офсетная. Тираж 200 экз. Заказ 180.

Издательство Уральского университета
620083 Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ»
620083 Екатеринбург, ул. Тургенева, 4